Ю. В. Рубцов

ГЕНЕРАЛ-ФЕЛЬДМАРШАЛЫ В ИСТОРИИ РОССИИ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

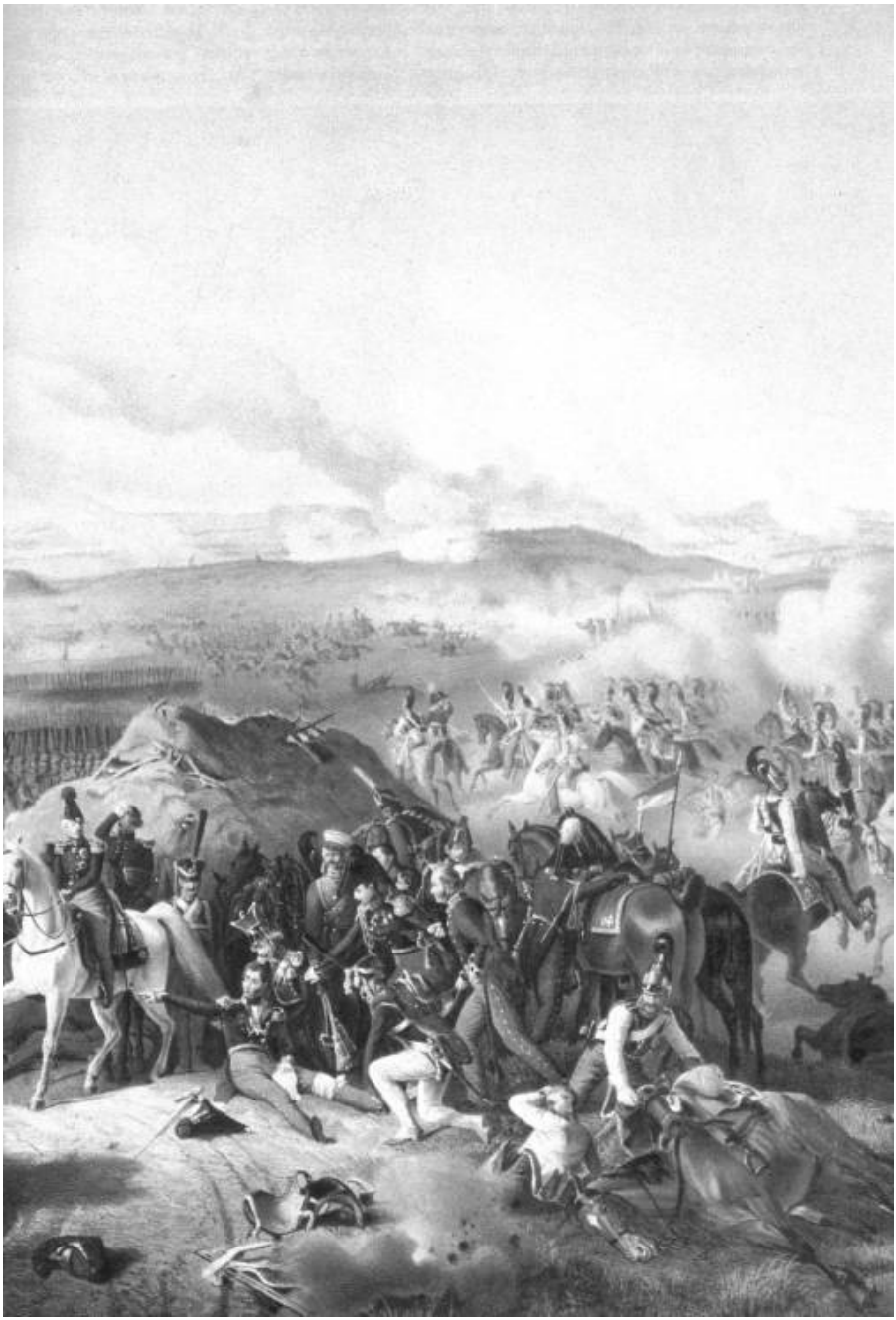
В книге даны жизнеописания всех генерал-фельдмаршалов Российской империи, чьи боевые и нравственные качества стали легендой, чьи сражения вошли в анналы военного искусства, чьи политические победы при высочайшем дворе и в высокосветских салонах, в коллегиях и министерствах были увенчаны фельдмаршальским жезлом.

Книга подготовлена в соответствии с программами учебной дисциплины «История России» для общеобразовательных и высших учебных заведений. Рассчитана на учащихся школ, лицеев, гимназий, колледжей, воспитанников суворовских и нахимовских училищ, студентов и курсантов высших учебных заведений, организаторов героико-патриотического воспитания, всех граждан России, кому небезынтересно военно-историческое прошлое Отечества.

- Ю.В. Рубцов
  - Введение

Ю.В. Рубцов
Генерал-фельдмаршалы в истории России

Моему внуку Кириллу Соловьеву



Введение

В боях воспитаны,
средь бранных непогод

Эпиграф этой книге, содержащей жизнеописание всех без исключения российских генерал-фельдмаршалов, дала строка из широко известного стихотворения А.С. Пушкина «Воспоминания в Царском Селе»: «Бессмертны вы вовек, о росски исполины, // В боях воспитаны средь бранных непогод!» И хотя поэт обращался к полководцам-сподвижникам Екатерины II, его патетика, по мнению автора, уместна в отношении если не всех, то очень многих носителей высшего военного чина Российской империи.

«В своем исполинском тысячелетнем деле созидатели России опирались на три великих устоя – духовную мощь Православной Церкви, творческий гений Русского Народа и доблесть Русской Армии» [1] .

Истину, отлитую военным историком русского зарубежья Антоном Антоновичем Керсновским в завидно чеканную формулу, невозможно не принять! А если вспомнить, что она была высказана всего за несколько лет до нападения Гитлера на Советский Союз, накануне одного из самых жесточайших в истории нашего народа столкновений двух цивилизаций – славянско-православной и тевтоно-западноевропейской, то невольно думаешь о бесспорной символичности свершенного историком-патриотом. Он поверх идеологий и политических режимов передавал соотечественникам в СССР от давно ушедших поколений воителей за Землю Русскую, словно эстафету, представления о вечных основах и источниках силы нашей Родины.

Присутствие в их ряду армии, вооруженных сил – более чем закономерно. Необходимость отражать агрессию многочисленных соседей, желавших поживиться несметными богатствами страны, заинтересованность в расширении границ, защита геополитических интересов в различных регионах мира заставляли Россию постоянно держать порох сухим. Только за 304 года правления династии Романовых страна пережила около 30 крупных войн, в том числе с Турцией – 11, Францией – 5, Швецией – 5, а также Австро-Венгрией, Великобританией, Пруссией (Германией), Ираном, Польшей, Японией и другими странами.

С. Герасимов. Кутузов на Бородинском поле.

В бою и сражении побеждает солдат, но, известно, что масса даже отменно подготовленных бойцов немногого стоит, если у нее нет достойного командира. Россия, явив миру удивительный тип рядового солдата, чьи боевые и нравственные качества стали легендой, породила и немало первоклассных военачальников. Сражения, проведенные Александром Меншиковым и Петром Ласси, Петром Салтыковым и Петром Румянцевым, Александром Суворовым и Михаилом Кутузовым, Иваном Паскевичем и Иосифом Гурко, вошли в анналы военного искусства, их изучали и изучают в военных академиях во всем мире.

До образования регулярной армии Петром I в Московском царстве для обозначения поста главнокомандующего официально существовала должность дворового воеводы, которому вверялись все войска. Он первенствовал над главным воеводой Большого полка, т. е. армии. В петровскую эпоху эти архаичные титулы были заменены на европейские чины: первый – генералиссимуса, второй – генерал-фельдмаршала. Названия обоих чинов производны от латинского «generalis», т. е. «общий». Генеральство во всех европейских (а позднее и не только) армиях означало высшую степень военных чинов, ибо его владельцу доверялось командование всеми родами войск.

О генералиссимусе в Воинском уставе Петра I 1716 г. говорилось так: «Сей чин коронованным главам и великим владеющим принцам только надлежит, а наипаче тому, чье есть войско. В небытии же своем оный команду сдает над всем войском своему генерал-фельдмаршалу». Этого чина в российской императорской армии удостоились всего три

человека: светлейший князь А.Д. Меншиков в 1727 г., принц Антон-Ульрих Брауншвейг-Люнебургский (отец малолетнего императора Ивана Антоновича) в 1740 г. и князь А.В. Суворов в 1799 г.

Генералиссимус находился вне системы офицерских чинов. Поэтому высшим военным чином фактически являлся генерал-фельдмаршальский. По петровской «Табели о рангах» он соответствовал гражданскому чину канцлера и относился к 1-му классу. В Воинском уставе Петра I юридически он был закреплен следующим образом: «Генерал-фельдмаршал или аншеф есть командующий главный генерал в войске. Его ордер и повеление должны все почитать, понеже вся армия и настоящее намерение от государя своего ему вручено».

«Военная энциклопедия» И.Д. Сытина так разъясняет происхождение термина «фельдмаршал»: в его основе лежит соединение немецких слов «feld» (полевой) с «march» (конь) и «schalk» (слуга). Термин «маршалк» постепенно перекочевал во Францию. Поначалу так звали обычных конюхов. Но поскольку они были неразлучны со своими господами во время многочисленных походов и охот, их общественное положение со временем резко возросло. При Карле Великом (VIII в.) маршалками, или маршалами, уже называли лиц, командовавших обозом. Постепенно они прибирали к рукам все больше власти. В XII в. маршалы – это ближайшие помощники главнокомандующих, в XIV – инспекторы войск и высшие военные судьи, а в первой трети XVII в. – высшие командиры. В XVI столетии поначалу в Пруссии, а затем и других государствах появляется чин фельдмаршала (генерал-фельдмаршала) [2] .

Воинским уставом Петра I был предусмотрен и заместитель генерал-фельдмаршала – генерал-фельдмаршал-лейтенант (таковых в русской армии было всего двое, это – приглашенные Петром I из-за границы барон Г.-Б. Огильви и Г. Гольц). При преемниках первого русского императора этот чин значение полностью утратил и был упразднен.

С момента введения в русской армии в 1699 г. чина генерал-фельдмаршала и до 1917 г. его удостоились 63 человека:

...

в царствование Петра I:

граф Ф.А. ГОЛОВИН (1700)

герцог К.-Е. КРОА де КРОИ (1700)

граф Б.П. ШЕРЕМЕТЕВ (1701)

светлейший князь А.Д. МЕНШИКОВ (1709)

князь А.И. РЕПНИН (1724)

в царствование Екатерины I:

князь М.М. ГОЛИЦЫН (1725)

граф Я.-К. САПЕГА (1726)

граф Я.В. БРЮС (1726)

в царствование Петра II:

князь В.В. ДОЛГОРУКИЙ (1728)

князь И.Ю. ТРУБЕЦКОЙ (1728)

в царствование Анны Иоанновны:

граф Б.-Х. МИНИХ (1732)

граф П.П. ЛАССИ (1736)

в царствование Елизаветы Петровны:

принц Л.-И.-В. ГЕССЕН-ГОМБУРГСКИЙ (1742)

С.Ф. АПРАКСИН (1756)

граф А.Б. БУТУРЛИН (1756)

граф А.Г. РАЗУМОВСКИЙ (1756)

князь Н.Ю. ТРУБЕЦКОЙ (1756)

граф П.С. САЛТЫКОВ (1759)

в царствование Петра III:

граф А.И. ШУВАЛОВ (1761)

граф П.И. ШУВАЛОВ (1761)

герцог К.-Л. ГОЛЬШТЕЙН-БЕКСКИЙ (1761)

принц П.-А.-Ф. ГОЛЬШТЕЙН-БЕКСКИЙ (1762)

принц Г.-Л. ШЛЕЗВИГ-ГОЛЬШТИНСКИЙ (1762)

в царствование Екатерины II:

граф А.П. БЕСТУЖЕВ-РЮМИН (1762)

граф К.Г. РАЗУМОВСКИЙ (1764)

князь А.М. ГОЛИЦЫН (1769)

граф П.А. РУМЯНЦЕВ-ЗАДУНАЙСКИЙ (1770)

граф З.Г. ЧЕРНЫШЕВ (1773)

ландграф Людвиг IX ГЕССЕН-ДАРМШТАДСКИЙ (1774)

светлейший князь Г.А.

ПОТЕМКИН-ТАВРИЧЕСКИЙ (1784)
князь ИТАЛИЙСКИЙ, граф А.В. СУВОРОВ-РЫМНИКСКИЙ (1794)

в царствование Павла I:

светлейший князь Н.И. САЛТЫКОВ (1796)
князь Н.В. РЕПНИН (1796)
граф И.Г. ЧЕРНЫШЕВ (1796)
граф И.П. САЛТЫКОВ (1796)
граф М.Ф. КАМЕНСКИЙ (1797)
граф В.П. МУСИН-ПУШКИН (1797)
граф И.К. ЭЛЬМПТ (1797)
герцог В.-Ф. де БРОЛЬИ (1797)

в царствование Александра I:

граф И.В. ГУДОВИЧ (1807)
князь А.А. ПРОЗОРОВСКИЙ (1807)
светлейший князь М.И. ГОЛЕНИЩЕВ-КУТУЗОВ-СМОЛЕНСКИЙ (1812)
князь М.Б. БАРКЛАЙ де ТОЛЛИ (1814)
герцог А.-К.-У. ВЕЛЛИНГТОН (1818)

в царствование Николая I:

светлейший князь П.Х. ВИТГЕНШТЕЙН (1826)
князь Ф.В. ОСТЕН-САКЕН (1826)
граф И.И. ДИБИЧ-ЗАБАЛКАНСКИЙ (1829)
светлейший князь ВАРШАВСКИЙ,
граф И.Ф. ПАСКЕВИЧ-ЭРИВАНСКИЙ (1829)
эрцгерцог Австрийский ИОГАНН (1837)
светлейший князь П.М. ВОЛКОНСКИЙ (1843)
граф Р.-Й. фон РАДЕЦКИЙ (1849)

в царствование Александра II:

светлейший князь М.С. ВОРОНЦОВ (1856)
князь А.И. БАРЯТИНСКИЙ (1859)
граф Ф.Ф. БЕРГ (1865)

эрцгерцог Австрийский АЛЬБРЕХТ-Фридрих-Рудольф (1872)
кронпринц Прусский ФРИДРИХ-ВИЛЬГЕЛЬМ (1872)
граф Х.-К.-Б. фон МОЛЬТКЕ Старший (1871)
великий князь МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ (1878)
великий князь НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ Старший (1878)
в царствование Николая II:
И.В. ГУРКО (1894)
граф Д.А. МИЛЮТИН (1898)
король Черногории НИКОЛАЙ I НЕГОШ (1910)
король Румынии КАРОЛЬ I (1912)

Даже при беглом взгляде этот столбец фамилий может многое сказать. Кому-то покажется парадоксальным, но большинство российских генерал-фельдмаршалов были не только и даже не столько профессиональными военными, сколько политиками, и большую часть «сражений» дали не на поле боя, а при высочайшем дворе и в великосветских салонах, в коллегиях и министерствах. Подлинных полководцев среди них как раз меньшинство. Конечно, Суворов или Гурко не потеряются ни в каком самом многочисленном окружении, но все же сколькими совершенно неизвестными (и не только рядовому любителю старины) именами окружены они. А ведь только подлинный, от Бога полководец знает, как тяжел он, фельдмаршальский жезл.

Учтиво дал понять это великий полководец и насмешник Суворов Екатерине II, когда после Измаила предстал перед нею. Императрица, желая по достоинству наградить героя, предложила ему на выбор любое из генерал-губернаторств.

– Я знаю, – любезно ответствовал полководец, – что матушка-царица слишком любит своих подданных, чтобы мною наказать какую-либо провинцию. Я размеряю силы с бременем, какое могу поднять. Для другого невмоготу фельдмаршальский мундир…

За иносказанием, столь характерным для речи Александра Васильевича, скрывалось то высокое мнение, которого придерживался он, прирожденный военный, о фельдмаршальском чине. И хоть тонкий, но очевидный упрек в том, что по прихоти самодержицы лавры нередко доставались ничем на поле брани не отличившимся. Тем более кому-кому, а уж Суворову-то фельдмаршальское «бремя» было, безусловно, по плечу. Но даже

после Измаила великому полководцу пришлось ждать его еще четыре года.

Российские правители себя, правда, не возводили в этот высокий чин, но в их руках он был универсальным орудием. Фельдмаршальским жезлом платили за помощь, оказанную в борьбе за трон (А.Б. Бутурлин, Н.И. Салтыков), жаловали августейших родственников (К.-Л. Голштейн-Бекский, Г.-Л. Голштейн-Шлезвигский, Людвиг IX Гессен-Дармштадский), вербовали союзников (Я.-К. Сапега, И.Ю. Трубецкой), ублажали фаворита, устроившегося рядом с троном (А.Г. Разумовский, А.И. Шувалов), поощряли за многолетнюю государственную службу (В.В. Долгорукий, З.Г. Чернышев, П.М. Волконский). Генерал-фельдмаршалы, особенно находившиеся в столице, при дворе (а таких было большинство), составляли значительную часть правящей элиты, от их поддержки часто зависела судьба, а подчас и жизнь царствующего лица. Поэтому правители, естественно, стремились привязать их к себе наградами и титулами, за их счет усилить свою партию и ослабить соперничающую.

Так, совершенно не случайно целая группа генерал-аншефов екатерининского времени была возведена Павлом I, как только он стал императором, в генерал-фельдмаршалы – Н.И. Салтыков, Н.В. Репнин, И.Г. Чернышев, И.П. Салтыков. Все они еще при жизни Екатерины примыкали к малому двору Павла и теперь, получив высший чин, значительно укрепляли его режим. Есть основания предполагать, что в свое время Екатерина II не удостоила таким чином хотя бы некоторых из них, например, Н.В. Репнина за победу при Мачине (28 июня 1791 г.), вполне сознательно по той же самой причине: чтобы не усиливать партию своего сына.

Насколько важно поддерживать в правящих кругах баланс сил, императрица очень явственно почувствовала еще весной 1776 г. в период обострения личных отношений с Г.А. Потемкиным. Тогда двоюродные братья Никита Петрович и Петр Иванович Панины, князь Н.В. Репнин, княгиня Е.Р. Дашкова, заручившись поддержкой в гвардейских и церковных кругах, задумали по достижению наследником престола совершеннолетия совершить в его пользу переворот, отстранив от власти Екатерину. Дворцовый переворот готовился с согласия Павла Петровича, а его супруга великая княгиня Наталья Алексеевна была душой заговора.

Плану Паниных не было суждено сбыться. Екатерина Алексеевна помирилась с Потемкиным и, опираясь на него и других выходцев из среднего дворянства – Орловых, сумела развалить заговор аристократов и сохранить власть в своих руках.

Естественно, она не была заинтересована укреплять противостоящий ей лагерь наследника престола и позднее.

Не исключено, что и А.В. Суворов не получил чин генерал-фельдмаршала непосредственно после Измаила в связи с тем, что Екатерина подозревала полководца в симпатиях к ее противникам. Дело в том, что Суворов сватал дочь за сына Н.И. Салтыкова, известного сторонника Павла Петровича, а «сплел» их (слова самого Александра Васильевича) главный фигурант придворной интриги против Потемкина князь Н.В. Репнин.

Многие российские фельдмаршалы принадлежали к древним и родовитым фамилиям, были возведены (за редчайшим исключением) в графское и княжеское достоинство. Но поскольку далеко не все российские государи исповедывали, подобно Екатерине II, политику просвещенного абсолютизма, никакие заслуги, никакой самый пышный военный или придворный чин, никакая высокая награда не оберегали их владельца от гнева или неудовольствия самодержца, случись полководцу сделать опрометчивый шаг или даже сказать лишнее слово. Монарший гнев испытали на себе многие фельдмаршалы – Меншиков, Миних, Долгорукий, Апраксин, Бестужев-Рюмин, Суворов, Каменский, Прозоровский… В этом явлении сполна отразилась вовлеченность высшей военной элиты в большую политику и борьбу придворных партий.

Нередко в пожалование высшего воинского чина Российской империи вмешивались и высокие дипломатические и династические соображения. Именно поэтому каждый четвертый российский генерал-фельдмаршал – иностранец, большинство из которых никогда на российской службе не состояли (А. Веллингтон, Й. Радецкий, К. Мольтке Старший).

Не требуется специальных подсчетов, чтобы убедиться: полководцев, удостоенных фельдмаршальского чина за действительно выдающиеся победы и ратные заслуги – заметное меньшинство. Тем более они заслуживают особого внимания. Автор разделяет позицию историков прошлого Д.Ф. Масловского, А.К. Баиова, А.А. Свечина, А.А. Керсновского, говоривших о самобытности национальной военной школы как об одном из главных условий побед русского оружия. Следование ее идеалам, а не заимствование зарубежных доктрин, не копирование иноземных армий позволило российским вооруженным силам на протяжении трех веков обеспечивать (пусть и с разной долей успеха) решение задач по обороне рубежей и расширению геополитического пространства империи.

По праву таланта и военных побед удостоились фельдмаршальского чина Б.П. Шереметев, А.И. Репнин, М.М.

Голицын, Я.В. Брюс, Б.-Х. Миних, П.П. Ласси, П.С. Салтыков, А.М. Голицын, Н.В. Репнин, М.Ф. Каменский, И.В. Гудович, М.С. Воронцов…

В драгоценной россыпи всегда есть самородки. Они весьма редки – так уж устроено природой, и потому особенно дороги. Чтобы посчитать подлинно выдающихся полководцев – генерал-фельдмаршалов, по мнению отечественных военных историков, хватит пальцев двух рук. Это – А.Д. Меншиков, П.А. Румянцев, Г.А. Потемкин, А.В. Суворов, М.И. Кутузов, М.Б. Барклай де Толли, А.И. Барятинский, И.И. Дибич, И.Ф. Паскевич, И.В. Гурко.

Кто-то, возможно, сократит этот список, кому-то он наоборот покажется излишне скупым. Но одно неоспоримо: каждый из названных здесь лиц проявил основные, если следовать наблюдениям Наполеона, достоинства истинного полководца – прежде всего соизмеримость воли и ума. Кроме безусловной личной храбрости, готовности и умения вести за собой войска, железной рукой повелевая ими, они демонстрировали также широкие познания в военной теории (исключая разве что Меншикова), способность предвидеть действия противника, подлинное новаторство в искусстве вождения войск.

Целая плеяда полководцев выросла на противостоянии с Османской империей, почти непрерывно продолжавшемся с XVII по XX в. Особенно ожесточенными были войны второй половины XVIII столетия, в которых бессмертную славу стяжали П.А. Румянцев, Г.А. Потемкин, А.В. Суворов, М.И. Кутузов. Они же энергично двинули вперед и военное искусство.

Взять учителя великого Суворова графа Петра Александровича Румянцева. В ходе войны 1768–1774 гг. он решительно отказался от установившейся на Западе так называемой кордонной стратегии. В противовес маневрированию, направленному на вытеснение противника и стремлению овладевать городами и крепостями, Румянцев выдвинул и отстаивал идею решительного поражения живой силы противника в генеральном сражении. Новое слово он сказал и в тактике. Еще в ходе Семилетней войны 1756–1763 гг. обозначился кризис линейного построения войск. Российский полководец чутко уловил эту тенденцию и через пять лет в войне с Турцией стал смело переходить от линейной тактики действия пехоты к тактике колонн (дивизионных каре) и рассыпного строя. В триумфально завершившихся сражениях на реках Ларга и Кагул (1770) Румянцев в полной мере использовал ее преимущества.

Если Бог возлюбил кого-то, он наделяет избранника всевозможными достоинствами. Правоту такого житейского наблюдения своей боевой практикой в еще большей степени, чем

Румянцев-Задунайский, подтвердил его ученик Суворов-Рымникский. В области военного искусства он пошел значительно дальше. В новой войне с Турцией 1787–1791 гг. будущий генералиссимус отказался от проявлявших громоздкость дивизионных каре и стал широко применять полковые, батальонные и даже ротные каре, сильные своей подвижностью и мощью удара. Это позволяло воевать в полном смысле не числом, а умением.

В 1789 г. на реке Рымник 25-тысячный отряд русско-австрийских войск под командованием Суворова сразился со 100-тысячной турецкой армией и разгромил ее. В этом сражении наш полководец мастерски применил различные формы наступательного боя, руководствуясь принципами – глазомер, быстрота, натиск. Им были использованы все возможности, которыми обладал каждый род войск. Пехота действовала в каре и рассыпном строю. Кавалерия вела атаку колоннами и лавой – в развернутом строю с охватом противника. Артиллерия громила турок, совершая маневр колесами и огнем. Войска проявили высокий моральный дух. О необычайном успехе говорит соотношение потерь: семь тысяч человек у турок и всего двести у союзников. И это при четырехкратном преимуществе врага!

Достоинства Суворова как полководца были настолько ярки, что заставили Екатерину II, которая при известных оговорках берегла статус фельдмаршальского чина, нарушить порядок его присвоения. «Вы знаете, – писала она в 1794 г. в рескрипте Суворову, – что я не произвожу никого через очередь, и никогда не делаю обиды старшим (у девятерых генерал-аншефов, в том числе у обоих Салтыковых, Репнина, Прозоровского и других, выслуга в этом чине была больше, чем у Суворова. – *Ю.Р* .); но вы… сами себя сделали фельдмаршалом».

Многие войны Россия вела в составе коалиций или союзов. Потому нередко нашим фельдмаршалам приходилось отвечать за совместные действия войск, а нередко и руководить ими. Россия (и ее военачальники) всегда была верна союзническим обязательствам. Увы, ей далеко не всегда платили взаимностью.

Блестяще проведенная в ходе Семилетней войны кампания 1759 г., вершиной которой стали победы войск П.С. Салтыкова при Пальциге и Кунерсдорфе, должна была завершиться взятием Берлина. Прусский король Фридрих II уже приказал начать эвакуацию столицы, поскольку, как он писал военному министру, «у меня больше нет никаких средств, и, сказать по правде, я считаю все потерянным». Однако замысел Салтыкова захватить прусскую столицу сорвало австрийское правительство, отказавшее ему в помощи артиллерией и продовольствием.

Союзников – Францию и Австрию явно встревожили успехи русского оружия, они не хотели укрепления позиций Петербурга в Европе.

Нечто подобное произошло и через 40 лет, когда гением Суворова французы (теперь уже противник России) были успешно изгнаны из Северной Италии. Австрийцы (они вновь были союзниками и все такими же «надежными») при поддержке еще одного члена коалиции – Англии добились от Павла I согласия на удар по Франции через Швейцарию силами русских войск. Можно лишь представить, что должен был чувствовать при этом Суворов, хорошо понимавший, за чьи интересы придется сражаться соотечественникам, и признававшийся: «Я уже с неделю в горячке, больше от яду венской политики…»

Швейцарский поход явил миру выдающиеся примеры полководческого гения Суворова, недаром противник Александра Васильевича французский генерал Массена, по собственному признанию, отдал бы за него все свои победы. В конце концов, именно он, этот поход, увенчался для великого полководца чином генералиссимуса. Но при возможности выбора более любезной Суворову стала бы наверняка другая награда – не отдавать жизни своих там, где «бремя кровопролития на одних россиян пасть может».

Источником высочайшего победного духа для российского воинства была православная вера. Этот деликатный момент историки советского периода старались не замечать. Между тем слова Святого Благоверного князя Александра Ярославовича (Невского) «Не в силе Бог, а в правде! Не будем бояться врага, ибо с нами Бог!» вели в бой и Александра Меншикова, и Петра Салтыкова, и Григория Потемкина, и Александра Суворова. И дело, разумеется, не в том, что, например, переписка того же Суворова полна фраз: «Надеюсь на Всемогущего», «Ежели Бог изволит», «Увенчай его Господь Бог лаврами»… Главное: обращение к Всевышнему составляло саму суть духовных исканий всего русского воинства и его вождей.

Очень ярко проявилось это в Отечественную войну 1812 года. Генерал Н.Н. Муравьев-Карский вспоминал: «…Мы в ночь отступили, и запылал позади нас Смоленск. Войска шли тихо, в молчании, с растерзанным и озлобленным сердцем. Из собора вынесли образ Божией матери, который солдаты несли до самой Москвы при молитве всех проходящих полков» [3] .

Почин мемуариста подхватил писатель. Откроем «Войну и мир» Льва Толстого: «Из-под горы от Бородина поднималось церковное шествие…

– Матушку несут! Заступницу!.. Иверскую!!

– Смоленскую матушку, – поправил другой.

…За батальоном, шедшим по пыльной дороге, шли в ризах священники, один старичок в клобуке с причтом и певчими. За ними солдаты и офицеры несли большую, с черным ликом в окладе, икону. Это была икона, вывезенная из Смоленска и с того времени возимая за армией. За иконой, кругом ее, впереди ее, со всех сторон шли, бежали и кланялись в землю с обнаженными головами толпы военных…

Когда кончился молебен, Кутузов подошел к иконе, тяжело опустился на колени, кланяясь в землю, и долго пытался и не мог встать от тяжести и слабости. Седая голова его подергивалась от усилий. Наконец он встал и с детски-наивным вытягиванием губ приложился к иконе и опять поклонился, дотронувшись рукой до земли. Генералитет последовал его примеру; потом офицеры, и за ними, давя друг друга, топчась, пыхтя и толкаясь, с взволнованными лицами, полезли солдаты и ополченцы».

И вот финал войны с Наполеоном, союзные войска в Париже. Пасха 1814 г. пришлась на 10 апреля. На площади Согласия был воздвигнут алтарь, вокруг которого собралась вся русская армия, богослужение совершали семь священников. Тысячеустое христолюбивое воинство грянуло: «Христос воскресе! Воистину воскресе!»

Историк приводит слова Александра I: «Торжественная это была минута для моего сердца, умилителен и страшен был для меня момент этот. Вот, думал я, по неисповедимой воле Провидения, из холодной отчизны Севера привел я православное мое русское воинство для того, чтобы в земле иноплеменников, столь недавно еще нагло наступавших в Россию, в их знаменитой столице, на том самом месте, где пала царственная жертва от буйства народного, принести совокупную, очистительную и вместе торжественную молитву Господу».

Война с Наполеоном завершилась в день Воскресения Господня. Не забудем: и Великая Отечественная война 1941–1945 гг. также закончилась в Светлую Христову Пасху. Кто-кто, а русские военачальники не в пример их атеистически воспитываемым в XX в. потомкам хорошо понимали: такие совпадения не могут быть случайными.

Веруя в Бога, подлинные полководцы России в то же время знали, что нельзя, в соответствии с поговоркой, и самим плошать. Яркой чертой, выгодно отличавшей их от противников (да и союзников тоже) на Западе и Востоке, была опора не только на силу приказа, но и на разум, волю, патриотизм подчиненных, забота о них. Примеры того, как добивался Суворов, чтобы «каждый солдат знал свой маневр», того, как питался

фельдмаршал из солдатского котла и даже 70-летним стариком переносил тяготы дальних переходов наравне со своими чудо-богатырями, давно стали хрестоматийными. Но князь Италийский был в этом отношении не одинок.

«Его не все любили, но все уважали и почти все боялись, – говорилось, например, в одной из статей памяти Иосифа Владимировича Гурко. – Все, кроме солдат, которые верили в “Гурку” и любили его безгранично». И было от чего. Осуществленный под его командованием переход через Балканы в страшную стужу, по обледенелым тропам потребовал максимального напряжения всех сил. Гурко лично руководил подъемом и спуском артиллерии, которую несли буквально на руках, по-суворовски подавал пример выносливости и энергии. Спустившись в долину, отряд в двух сражениях разбил турок и занял Софию. «Этот поистине беспримерный в летописях военной истории поход вплел новые лавры в победный венок доблестного Гурко», – писал современник.

Многие российские фамилии, имевшие в своем составе генерал-фельдмаршалов, состояли в близком родстве. Так, брат петровского фельдмаршала и генерал-адмирала графа Федора Алексеевича Головина Алексей женился на родной сестре генералиссимуса князя А.Д. Меншикова – Марфе Даниловне. Посредством брака своего сына Ивана с графиней Анной Борисовной Шереметевой Ф.А. Головин стал сватом другого петровского полководца Б.П. Шереметева. Еще один сын Ф.А. Головина – Николай Головин, адмирал и президент Адмиралтейств-коллегии, выдал дочь за губернатора Ревеля генерал-фельдмаршала принца Петра-Августа Голштейн-Бекского. В свою очередь, родившаяся от этого брака принцесса Екатерина Голштейн-Бекская вышла замуж за князя И.С. Барятинского и была бабушкой генерал-фельдмаршала князя Александра Ивановича Барятинского, усмирителя Кавказа [4] .

М.М. Голицын имел сына генерал-фельдмаршала (Александра Михайловича) и был тестем двух других генерал-фельдмаршалов: графа А.Б. Бутурлина и графа П.А. Румянцева-Задунайского. У И.Ю. Трубецкого генерал-фельдмаршалом был племянник Н.Ю. Трубецкой, дочь вторым браком была замужем за принцем Л.-В. Гессен-Гомбурским, а племянница – за П.С. Салтыковым.

Сегодня, спустя столетия, с неподдельным волнением вглядываешься в лица этих людей, вознесенных на самую вершину военной иерархии, всматриваешься в их форму одежды, многочисленные знаки отличия… Как, в самом деле, выглядели элементы фельдмаршальского военного костюма?

Кому доводилось бывать в Зимнем дворце Санкт-Петербурга, тот не мог не обратить внимание на портрет светлейшего князя М.С. Воронцова. Наместник Кавказа, генерал-фельдмаршал изображен на фоне горных круч в полный рост. На нем – общегенеральская форма, введенная за год до написания портрета: мундир-кафтан с традиционным золотым шитьем, красные брюки с золотыми лампасами, в руках он держит каску с белыми, черными и оранжевыми петушиными перьями. На эполетах – скрещенные фельдмаршальские жезлы и вензель Александра I, свидетельствующий о том, что при нем Воронцов вступил в царскую свиту и носил придворное звание генерал-адъютанта. Костюм дополняют золотой аксельбант и шарф без кистей. На груди генерал-фельдмаршала – андреевская лента, говорящая о том, что ее хозяин – кавалер высшего ордена Российской империи – Св. Андрея Первозванного, звезды этого ордена, а также орденов Св. Георгия и Св. Владимира, на шее – портрет Николая I в алмазном обрамлении и крест ордена Св. Георгия 2-й степени. На валуне поверх карты лежит еще один символ военного чина Воронцова – отделанный золотом и эмалью фельдмаршальский жезл. Что и говорить – впечатляет!

Правда, со всеми атрибутами военного костюма разобраться бывает нелегко и специалисту, учитывая прямо таки болезненную страсть русских императоров, начиная с Екатерины II, к бесчисленным переменам в форме одежды. До 1764 г. даже у генералов не было определенной формы. Они одевались в произвольно расшитые галунами кафтаны и камзолы. Екатерина Великая ввела особую генеральскую форму, отличавшуюся золотым или серебряным шитьем по бортам и воротникам кафтанов, а также по бортам камзолов. Чины различались по обилию орнамента: у бригадиров шитье представляло собой одну линию лавровых листьев, у генерал-майоров – два ряда, составлявших как бы гирлянду, у генерал-поручиков – две гирлянды, у генерал-аншефов – две гирлянды с половиной. А вот у фельдмаршалов к этому добавлялась еще расшивка по швам рукавов спереди и сзади и по швам кафтанов на спине.

В 1807 г. в русской армии в качестве знаков различия для всего генеральского и офицерского состава были введены эполеты. На протяжении двадцати лет видимых знаков отличия между генерал-майором и полным генералом, однако, не было. И лишь в 1827 г. в этих целях установили определенное количество звездочек. Новый тип эполет появился и для фельдмаршалов – с двумя накладными скрещенными жезлами. Наконец, с 1854 г. в армии началось введение погон, вытеснивших эполеты: последние остались принадлежностью лишь парадной формы. На

погонах генерал-фельдмаршалов, наряду с особым рисунком их «рогожки» – зигзагом, как у всех генералов, красовались все те же скрещенные жезлы.

Среди ценностей Екатерининского дворца в Пушкине (Царском Селе), вывезенных гитлеровцами в годы Великой Отечественной войны, до сих пор числится экспонат, описанный следующим образом: «Эполеты золоченой парчи с накладными серебряными перекрещивающимися фельдмаршальскими жезлами и вензелем “Н” под короной». Размеры: длина 170 мм, ширина 120 мм.

Эмблемой высшей власти фельдмаршала считался жезл. Он представлял собой стержень, вроде сложенной подзорной трубы, обтянутый бархатом и украшенный драгоценными камнями и золотыми государственными символами. Твердого порядка его вручения не существовало, как не было и единообразия в его внешнем виде. Здесь многое зависело от личного расположения государя. В любом случае фельдмаршальский жезл был подлинным произведением ювелирного искусства.

Сохранился жезл, полученный Петром Александровичем Румянцевым-Задунайским. Изготовлен он из золота, длиной 12 вершков (приблизительно 53 см) и толщиной в диаметре – один вершок (4,4 см). Украшен накладными двуглавыми орлами, вензелями Екатерины II и знаками ордена Св. Андрея Первозванного – каждых по семь штук, изготовленных из золота. Оконечности жезла осыпаны бриллиантами и алмазами, соответственно – 705 и 264 штуки. Жезл обвивает золотая лавровая ветвь о 36 листочках, на которых размещено 11 бриллиантов.

Все генерал-фельдмаршалы удостоились высших орденов Российской империи и иностранных государств. Многие из них были пожалованы и другими видами наград – золотым оружием в алмазах, нагрудными портретами государей, тоже украшенными алмазами, удостоились памятников в камне, бронзе и на холсте. Первый в России монументальный памятник не царственной особе появился как раз в честь генерал-фельдмаршала П.А. Румянцева – обелиск на Марсовом поле Санкт-Петербурга. В персональных памятниках были увековечены Г.А. Потемкин, А.В. Суворов, М.И. Кутузов, М.Б. Барклай де Толли, великий князь Николай Николаевич Старший.

Были и коллективные памятники. Широко известна Военная галерея Зимнего дворца, где вместе со своими боевыми товарищами увековечены в живописных портретах фельдмаршалы, принимавшие участие в Отечественной войне 1812 года.

Менее известен Фельдмаршальский зал Эрмитажа, который открывает Большую парадную анфиладу Зимнего дворца. В оформлении входов в зал и продольных стен, в декоре люстр из золоченой бронзы и росписях зала использованы мотивы воинской славы. До революции в нишах зала были помещены парадные портреты русских фельдмаршалов, чем объясняется его название. Сегодня здесь представлены памятники западноевропейской и русской скульптуры.

Невозможно не упомянуть и еще об одном мемориальном сооружении, в котором увековечены некоторые фельдмаршалы. Речь идет о памятнике «Тысячелетию России», поставленном в 1862 г. по проекту М.О. Микешина в Великом Новгороде. История нашей страны представлена в нем главнейшими событиями и лицами. Основную мысль монумента, общими чертами напоминающего колокол, выражает венчающая его скульптурная группа – ангел с крестом и преклонившая перед ним колена женская фигура, олицетворяющая Россию. Нижний ярус представляет собой горельеф, на котором помещены 109 фигур деятелей Русского государства с древнейших времен до середины XIX в.

Отдел «Военные люди и герои» состоит из 36 фигур и открывается изображением князя Святослава. Из генерал-фельдмаршалов здесь увековечены Б.П. Шереметев, М.М. Голицын, П.С. Салтыков, Б.-Х. Миних, П.А. Румянцев, А.В. Суворов, М.Б. Барклай де Толли, М.И. Кутузов, И.И. Дибич, И.Ф. Паскевич.

Наконец, многие носители высшего воинского чина увековечены на бумаге – в вышедшем в середине XIX в. капитальном издании «Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов» историка и писателя Д.Н. Бантыш-Каменского, до сих пор не потерявшем научное и литературное значение [5] .

Однако за прошедшие полтора века имена большинства фельдмаршалов не выдержали пронесшихся над страной социальных бурь – революций и войн, строек нового общества и перестроек старого. К счастью, никакие катаклизмы не в состоянии совершенно стереть след от деяний наших предков. И если мы не лукавим сегодня, говоря о невозможности построить новую Россию без учета исторического опыта, то настала пора отдать долг памяти отечественному фельдмаршальскому корпусу.

* * *

Каждый солдат носит в своем походном ранце маршальский жезл – говорит старая поговорка. Давно утратила она буквальный смысл, и прибегают к ней, говоря о честолюбивом человеке, желающем достичь вершин в любой, совсем не обязательно военной сфере деятельности. Но ведь для того, чтобы поговорка родилась, в свое время нужны были люди, которые в буквальном смысле грезили именно маршальскими лаврами.

Хочется, чтобы над этим поразмышляли суворовцы, курсанты военных вузов, учащиеся школ, лицеев, гимназий, колледжей, студенты вузов. В их лице автор рассчитывает найти наиболее внимательных читателей уже потому, что именно они, юные, образно говоря, хранят в ранцах маршальский жезл. Не вечно же ему пребывать там в тиши!

О росс! Вся кровь твоя Отчизне – довершай!
Не Риму – праотцам великим подражай.
Смотри, перед тобой деяний их зерцало;
Издревле мужество славян одушевляло.
(А.Ф. Воейков. К Отечеству [6] .)

Эрцгерцог Австрийский Альбрехт-Фридрих-Рудольф (1817–1895)

Лишь четыре полководца за два с половиной века существования в императорской России ордена Святого Великомученника и Победоносца Георгия стали его полными кавалерами. Их имена говорят сами за себя – Кутузов, Барклай де Толли, Паскевич и Дибич. Полагаем, лишь случайность не позволила пополнить эту славную кагорту Суворову, Румянцеву, Потемкину. И… – эрцгерцогу Австрийской империи Альбрехту. Случись такое – это была бы не ирония судьбы, а злая гримаса.

Альбрехт, герцог фон Тешен, старший сын эрцгерцога Карла, родился в Вене. Систематического военного образования не

получил, овладев начальными знаниями под руководством отца. С 19 лет он на службе, а уже через четыре года получил генеральское звание. До 1848 г. эрцгерцог командовал венским гарнизоном, а с началом австро-итальянской войны и национальной революции в Италии поступил под начало фельдмаршала Р.-Й. фон Радецкого. Николай I поторопился наградить эрцгерцога орденом Св. Георгия 4-й степени. Такое награждение явно должно было продемонстрировать солидарность двух партнеров по Священному союзу – Петербурга и Вены. Этой же цели послужило и возведение в 1849 г. самого австрийского главнокомандующего Радецкого в чин российского генерал-фельдмаршала *(см. очерк о Р.-Й. фон Радецком)*.

В марте 1849 г. Альбрехт во главе дивизии участвовал в сражениях при Мортаре и Наваре, и уже собственный император удостоил его высшей награды – ордена Марии Терезии.

Шло время, росли чины и посты эрцгерцога. Во время австро-прусской войны 1850 г. он уже командовал армейским корпусом, правда, из-за «несвоевременного» заключения мира принять участия в боевых действиях не смог. Тем не менее Николай I вновь проявил плохо мотивированную «союзническую» щедрость: в июне 1851 г. Альбрехт был награжден орденом Св. Георгия 3-й степени.

С сентября того же года он – военный и гражданский генерал-губернатор Венгрии. Это назначение военачальник принял без особого восторга, поскольку не любил и не знал политики. Сохранилось письмо, написанное эрцгерцогом после того, как он провалил некую дипломатическую миссию в Берлине: «Я не дипломат и чрезвычайно рад, что покинул темные пути дипломатии. Я вернулся к своим военным интересам – и вновь солдат и только солдат…» [7] .

В войну с Пруссией и Италией 1866 г. он вступил уже фельдмаршалом Австрийской империи. На его долю выпало командование армией, действовавшей в Италии. Здесь 24 июня Альбрехт одержал важную для австрийского оружия победу при Кустоцце. После этого ему было доверено командование уже всей имперской армией, а осенью 1866 г. он занял пост генерал-инспектора.

В этой должности Альбрехт находился почти 20 лет и оставил о себе память, как активный военный реформатор. При нем были осуществлены реорганизация и перевооружение австрийской армии. Военачальник проявил себя и в качестве военного теоретика.

Как участник франко-прусской войны 1870–1871 гг. на стороне Берлина был удостоен генерал-фельдмаршальского чина

Пруссии.

И российская корона вновь не осталась в стороне. На сей раз эрцгерцог Альбрехт заслужил от нее орден Св. Георгия уже 1-й степени. Александр II наградил его в июне 1870 г. в знак признания «военных талантов и мужества». (К деяниям отечественных полководцев бы приложить такую формулировку – список кавалеров высшего военного ордена увеличился бы в несколько раз. Но куда Багратионам, Барятинским, Гурко, Брусиловым до таких выдающихся полководцев, как Альбрехт!)

Кроме того, эрцгерцог в 1872 г. был удостоен чина российского генерал-фельдмаршала. Дипломатические соображения сыграли свою роль и в предложении Альбрехту стать шефом 5-го уланского Литовского полка.

Степан Федорович Апраксин (1702–1758)

…Низкие своды полуподвального помещения таяли в сумерках. В косых лучах заходящего солнца был виден лишь покрытый сукном стол да стоявший перед ним тучный человек в потертом, но хранившем следы былой пышности камзоле. Сидевший во главе стола генерал-прокурор Н.Ю. Трубецкой, склонившись к соседу, зашептал ему что-то на ухо и не сразу заметил, как стоявший стал оседать на пол. К нему подбежали, вынесли на открытый воздух. Срочно вызванный дворцовый лекарь лишь развел руками…

Так 6 августа 1758 г. прямо во время суда скоропостижно

оборвался земной путь генерал-фельдмаршала С.Ф. Апраксина. А ведь судьба вроде бы не сулила такой жестокий исход.

Сын стольника царя Алексея Михайловича, он рано потерял отца и воспитывался в семье родственника – боярина, сенатора и действительного тайного советника П.М. Апраксина, родного брата генерал-адмирала Ф.М. Апраксина. Для его будущей карьеры оказался не лишним и повторный брак его матери Елены Леонтьевны, вышедшей замуж за влиятельного графа А.И. Ушакова – начальника зловещей Тайной канцелярии.

Как было заведено в те годы, Степан еще ребенком был зачислен рядовым солдатом в лейб-гвардии Преображенский полк. Ко времени воцарения Петра II он был уже капитаном, позднее перешел в лейб-гвардии Семеновский полк. В его составе Апраксин участвовал в войне с Турцией 1735–1739 гг.

Действуя при штурме Очакова 2 июля 1737 г. непосредственно под началом главнокомандующего Б.Х. Миниха, он стал очевидцем того, как изменчива была в тот день военная удача. Когда турки отбили первый натиск русских и стали преследовать их, добивая раненых, Миних в отчаянии сломал шпагу и вскричал: «Все пропало!». Неожиданно одно из последних, выпущенных наудачу ядер попало в пороховой погреб турок, и половина крепости взлетела на воздух. Воодушевленные московиты вновь пошли на штурм, в ходе которого отличился и Апраксин, за что был произведен в премьер-майоры.

В последний год войны он был произведен в армейские генерал-майоры, принял участие в сражении при Ставучанах и взятии Хотина *(см. очерк о Б.Х. Минихе)* . Главнокомандующий направил его с докладом о взятии турецкой крепости к императрице, которая на радостях удостоила посланца ордена Св. Александра Невского.

Когда произошел дворцовый переворот, возведший на престол Елизавету Петровну, Апраксин находился на персидской границе. При новой императрице он, хотя и не участвовал в перевороте, явно попал в «фавор». Причину этого многие современники видели в его умении находить сильных покровителей и друзей. Так, он сошелся с канцлером А.П. Бестужевым-Рюминым, благодаря поддержке которого был направлен в 1742 г. в Персию на заметный пост посланника. Любопытно, что он умудрился находиться на дружеской ноге и с братьями А.И. и П.И. Шуваловыми, врагами Бестужева-Рюмина.

По возвращении из Персии в 1743 г. императрица произвела его в генерал-поручики, подполковники лейб-гвардии Семеновского полка и назначила вице-президентом Военной коллегии. Через три года он получил новый чин – генерал-

аншефа, в 1751 г. был награжден орденом Св. Андрея Первозванного. А с началом Семилетней войны в сентябре 1756 г. Апраксин пожалован в генерал-фельдмаршалы и поставлен во главе войск, предназначенных для действий против Пруссии.

Русская армия к этому моменту не воевала уже полтора десятка лет. Солдаты, офицеры и даже многие генералы не имели боевого опыта. С военной точки зрения трудно назвать удачным выбор главнокомандующего, учитывая, что Степан Федорович имел явно недостаточный для главнокомандующего боевой и военно-административный опыт, не отличался должной решительностью и настойчивостью. А ведь не стоит забывать, что ему противостоял один из лучших полководцев того времени король Фридрих II.

Однако особого выбора у Елизаветы Петровны не было. Бывшие в России, кроме Апраксина, фельдмаршалы еще меньше подходили для руководства армией. А.Г. Разумовский в армии не служил вовсе, Н.Ю. Трубецкой, хотя и участвовал в войне с Турцией 1735–1739 гг., но лишь на интендантских должностях, полной бездарностью в военном отношении был А.Б. Бутурлин.

Между тем подготовить и сосредоточить на Немане, у польской границы, как было намечено, армию в 90–100 тысяч человек оказалось чрезвычайно трудно. В полках отмечался большой некомплект личного состава (в Бутырском полку, например, штаб-офицеров недоставало 60%, обер-офицеров – 50%), конский состав был запущен, продовольственное и финансовое обеспечение крайне ограничено. Что говорить, если заранее даже не был разработан план военной кампании.

Сам Апраксин поначалу воспринимал предстоящие события без должной серьезности. Прослыв франтом, он не изменял привычкам и в прифронтовой обстановке. Находясь в штаб-квартире в Риге, не преминул послать адъютанта в Петербург за дюжиной новых кафтанов. Остряки шутили, что фельдмаршал намеревается открыть кампанию против не пруссаков, а рижских дам.

Оказалось, однако, что главное препятствие состояло даже не в личных качествах главнокомандующего, а в постоянном давлении на него со стороны Конференции при высочайшем дворе. Этот высший орган военного руководства в составе канцлера А.П. Бестужева-Рюмина, фельдмаршала А.Б. Бутурлина, генерал-прокурора Н.Ю. Трубецкого, вице-канцлера М.И. Воронцова и братьев А.И. Шувалова, начальника Тайной канцелярии, и П.И. Шувалова, вице-президента Военной коллегии, крайне сковывал инициативу командующих войсками, которые превращались в исполнителей, почти полностью

лишенных самостоятельности. По каждой мелочи Апраксин должен был сноситься с Петербургом и без согласия оттуда не мог даже двинуть войска с места (*см. очерк о А.Б. Бутурлине*). К тому же, как писал историк А.А. Керсновский, Конференция сразу попала под австрийское влияние и, командуя армией за тысячу верст от Петербурга, руководствовалась в первую очередь соблюдением интересов венского кабинета.

Чтобы не показаться голословным, достаточно привести ее инструкцию на имя Апраксина, составленную канцлером Бестужевым-Рюминым и выражавшую основной замысел кампании 1757 г.: маневрировать так, чтобы «все равно, прямо ли на Пруссию или влево чрез всю Польшу в Силезию маршировать» [8] . Цель похода состояла вроде бы в овладении Восточной Пруссией, но Апраксин не без основания опасался, что часть войск может быть послана в Силезию для подкрепления австрийской армии.

По инструкции выходило, что русской армии одновременно предписывалось и двигаться, и стоять на месте, и брать крепости, и не отдаляться от границы. Одно лишь указание было предельно определенным: обо всем докладывать и ждать указаний из Петербурга. При этом вся политическая и военная ответственность за любые действия ложились на Апраксина.

Все это заставило запаниковавшего главнокомандующего оттягивать начало боевых действий как можно дольше. Только к июню 1757 г. русская армия смогла сосредоточиться на Немане. Управление войсками осложнялось тем, что у Апраксина не было штаба, отсутствовал даже помощник. Для передачи приказаний по армии он собирал всех старших начальников на многочасовые военные советы, подменив коллегиальностью единоначалие.

Сигналом к открытию кампании стало взятие 25 июня корпусом генерал-аншефа В.В. Фермора крепости Мемель. 10 июля главные силы русских перешли границу Восточной Пруссии и медленно двинулись на Вержболово и Гумбинен. Марш затруднялся несовершенством управления, обилием артиллерии и… личным обозом главнокомандующего. Недаром писал современник: «…В походе все спокойствия, все удовольствия ему последовали. Палатки его величиною город составляли, обоз его более нежели 500 лошадей отягчал, и для его собственного употребления было с ним 50 заводных, богато убранных лошадей».

Для противодействия русским Фридрих направил 30-тысячный корпус Х. Левальда. Постепенно сближаясь, обе стороны подошли к 17 августа к деревне Грос-Егерсдорф. Русская армия заняла укрепленную позицию, и Апраксин стал выжидать

противника. Не имея о нем достоверной информации, Степан Федорович решил с утра 19 августа сняться с позиции. На рассвете русская армия была атакована пруссаками. Силы последних насчитывали 22 тысячи человек, Апраксин располагал 57 тысячами, из которых в сражении участвовало не больше половины.

Левальд не сумел воспользоваться своими преимуществами, и виной тому был генерал-майор П.А. Румянцев. Когда пруссаки прорвали фронт, будущий фельдмаршал, зная недостаточную решительность своего главнокомандующего и потому не дожидаясь его приказа, во главе полков авангарда пробился через лес, вышел в тыл прусской пехоте и ударил в штыки (*см. очерк о П.А. Румянцеве*). Это была первая победа, показавшая войскам, что суеверный страх перед «немцем», появившийся в годы правления Анны Иоанновны, напрасен: пруссак так же точно боится русского штыка, как швед или турок.

Степан Федорович доносил в Санкт-Петербург: «Всепресветлейшая державнейшая великая Государыня императрица и Самодержица Всероссийская, Государыня всемилостивейшая! Божьей споспешествовавшей милостью, управлением всемогущей его десницы и счастьем Вашего Императорского Величества вчера совершенная и славная над гордым неприятелем одержана победа… в сей между местечком Норкитеном, деревнями Гросс-Егерсдорфом и Амелсгофом жестокой акции, какова по признанию чужестранных волонтеров… еще в Европе не бывала…» [9] .

Узнав о победе, Елизавета Петровна повелела внести в фамильный герб Апраксина две перекрещенные пушки. Очевидно, что фельдмаршала ждали большие почести, если бы он решился развить свой успех. Но он не стал преследовать разбитого противника. На военном совете было принято решение из-за отсутствия продовольствия и большого числа заболевших отступить за Неман и расположиться в Курляндии на зимние квартиры. Отступление приобрело беспорядочный и поспешный характер, бросили даже часть обоза и уничтожили много вооружения. В среде рядового состава, терпевшего большие лишения, глухо заговорили об измене главнокомандующего, и, зная его страсть к роскоши, не исключали подкупа со стороны Фридриха.

Поспешное отступление после блестящей победы вызвало подозрения и в придворных кругах. 28 сентября Апраксин получил указ императрицы сдать армию Фермору и спешно выехать в Нарву. Здесь он был обвинен в государственных преступлениях и арестован. У Елизаветы Петровны, которая

только что оправилась от тяжелой болезни, возникло подозрение, что маневры Апраксина объяснялись не столько военно-стратегическими, сколько политическими причинами. А именно: стремлением канцлера А.П. Бестужева-Рюмина, оказывавшего большое влияние на Апраксина, иметь не в далекой Пруссии, а под рукой военную силу на случай кончины императрицы.

Степана Федоровича вместе с Бестужевым-Рюминым привлекли к следствию. Часть допросов провел лично глава Тайной канцелярии граф А.И. Шувалов, с которым фельдмаршала связывала близкая дружба, как и с его братом генерал-фельдцейхмейстером П.И. Шуваловым. Этот фактор стал решающим в следствии. Обвинение в государственной измене слабело. Тянувшееся почти год следствие показало, что решение об отступлении Апраксин принял не единолично, а на военном совете с генералитетом. Фермор также свидетельствовал в пользу своего бывшего главнокомандующего, показав, что войска испытывали большой недостаток в людском и конском составе, голодали. Дело, хоть и неспешно, шло к оправданию фельдмаршала, но 6 августа 1758 г. неожиданно, прямо во время допроса сердце не выдержало.

Рассказывали, что сработал иезуитский план давнего недруга Апраксина – князя Никиты Трубецкого. Именно он, как генерал-прокурор, возглавлял следствие. Поскольку свидетели показывали в пользу опального фельдмаршала, Трубецкой получил от Елизаветы предписание: если и сам фельдмаршал сможет отвести предъявленное обвинение, ему следует объявить монаршее прощение. И вот когда допрос Апраксина подходил к концу, и генерал-прокурору не оставалось иного, как объявить волю императрицы, Никита Юрьевич намеренно зловещим тоном вопросил: «Что ж, господа, приступим к последнему?» Бедный узник решил, что его собираются пытать…

Похоронен он был как подследственный, без подобающих его чину почестей. «С ним поступили несправедливо, – считал А.А. Керсновский. – Апраксин сделал все, что мог бы сделать на его месте любой начальник средних дарований и способностей, поставленный действительно в невозможное положение и связанный по рукам и ногам Конференцией» [10] .

К слову, второй подследственный, Бестужев-Рюмин, тоже не дождался оправдательного приговора. Будучи осужденным и едва не потеряв – в буквальном смысле – голову, он был лишен всех чинов и сослан в деревню.

Обвинение в тяжком преступлении тяготело над Апраксиным вплоть до начала 90-х годов XIX в., пока его не снял известный военный историк Д.Ф. Масловский. В капитальном исследовании

«Русская армия в Семилетнюю войну» ему удалось неопровержимо доказать, что вины за Апраксиным нет и все его действия были вызваны обстановкой на театре военных действий. Вывод ученого в 1891 г. разделило высшее военное руководство: повелением императора Николая II имя генерал-фельдмаршала С.Ф. Апраксина стал носить 63-й пехотный Углицкий полк.

Князь Михаил Богданович Барклай де Толли (1761–1818)

«В то время, когда происходила самая жаркая битва в Смоленске, который переходил на глазах наших несколько раз из рук в руки… я увидел Барклая… Какая злость и негодование были у каждого на него в эту минуту за наши постоянные отступления, за смоленский пожар, за разорение наших родных, за то, что он не русский!.. Крики детей, рыдания раздирали нашу душу, и у многих из нас пробилась невольно слеза, и вырвалось не одно проклятие тому, кого мы все считали главным виновником этого бедствия».

И сегодня, когда без малого двухсотлетний пепел времени

покрыл раскаленные угли Отечественной войны 1812 г., нельзя без волнения читать эти воспоминания одного из ее участников И. Жиркевича. А каково было тому, кто, стиснув зубы, стоически сносил эти проклятия в свой адрес, зная, насколько они несправедливы? Неумение современников судить объективно и по справедливости – частый удел великих людей, но немногие убедились в верности этой истины столь сильно, как Михаил Богданович Барклай де Толли.

От службы под его командованием отказывались самые блестящие полководцы и преданные делу люди. В тяжелейшие дни отхода двух русских армий под Смоленск 29 июля 1812 г. П.И. Багратион писал А.А. Аракчееву: «Воля государя моего: я никак вместе с министром (Барклай де Толли, командуя 1-й Западной армией, одновременно занимал пост военного министра. – *Ю.Р* .) не могу. Ради Бога пошлите меня куда угодно, хотя полком командовать – в Молдавию или на Кавказ, а здесь быть не могу, и вся главная квартира немцами наполнена, так что русскому жить невозможно…» А после взятия французами Смоленска в новом письме предупреждал, что «министр нерешителен, трус, бестолков, медлителен» и «самым мастерским образом ведет в столицу за собой гостя», т.е. Наполеона.

Немец, нерешительный, трусливый, изменник… Как много в этих словах о Барклае запальчивости, слепого гнева и элементарной неправды. Начнем с происхождения. Никаким «немцем» он не был: родовые корни связывали его с Шотландией. А родился Михаил в российской провинции – Лифляндской губернии в семье отставного поручика. Княжеский титул получил, уже будучи в зените славы [11] . К вершинам ратной славы пробивался сам, не имея ни состояния, ни влиятельных родственников или покровителей.

Чины поначалу получал медленно. Поступив на действительную военную службу в 15 лет и в 17 получив первый офицерский чин, следующего – капитанского – он удостоился только через десять лет. Но стоило молодому человеку оказаться в настоящем деле, где главное слово за пулей и штыком, рост по службе пошел куда быстрее: следующего десятилетия хватило, чтобы стать генералом. Не было войны из тех, которые тогда вела Россия – с Турцией (1787–1791), Швецией (1788–1790) и польскими конфедератами (1794), не известной Михаилу Богдановичу по личному участию.

Крестился огнем он в русско-турецкой войне. Под командованием самого Суворова, проявил завидное мужество при штурме в декабре 1788 г. Очакова, был награжден. А полный успех в бою при штурме Вильно и под Гродно (июль 1794 г.) – с

подчиненными он истребил превосходивший силами отряд поляков – командование оценило новым чином подполковника и орденом Св. Георгия 4-й степени. И такого человека потом брались называть трусом?

Генерал-майору Барклай де Толли (он получил этот чин в 1799 г. за отличное состояние вверенного ему 4-го егерского полка) предстояло доказать командирскую зрелость в войнах с Францией (1805, 1806–1807). Как это ему удалось, свидетельствует орден Св. Георгия 3-й степени за кампанию 1806 г. 14 декабря Барклай, мастерски командуя под Пултуском передовым отрядом, не только отразил атаку маршала Ланна, но и, перейдя в наступление, опрокинул французскую дивизию.

В январе следующего года ему довелось прикрывать отход русской армии, которой командовал генерал Л.Л. Беннигсен, к Ландсбергу и Прейсиш-Эйлау (территория современной Калининградской области России, а тогда Восточной Пруссии). Михаила Богдановича не смутило четырехкратное превосходство французов. В ходе сражения при Прейсиш-Эйлау 26–27 января 1807 г. он отличился вновь. Был ранен. В Мемеле, куда генерала отправили на излечение, его посетил Александр I. Барклай поделился с августейшим визитером мыслями о том, как следовало бы действовать в случае войны с Наполеоном на земле России – отступать, увлекая врага в наши бескрайние просторы, истощить его там и заставить, подобно Карлу XII, где-нибудь на берегах Волги «найти вторую Полтаву». Ровно через три года они встретятся в Санкт-Петербурге: император и его новый военный министр.

А пока новоиспеченный генерал-лейтенант Барклай де Толли вступил в командование 6-й пехотной дивизией. Начавшаяся в следующем, 1808 г. война со Швецией позвала его с вверенной дивизией на театр военных действий. Здесь из свершенного Михаилом Богдановичем достоин упоминания 100-верстный переход русских войск по льду Ботнического залива Балтийского моря на территорию Швеции (до этого война шла в пределах Финляндии). Колонна в 3 тысячи человек сосредоточилась у местечка Васы и в ночь на 7 марта выступила через Кваркенский пролив к городку Умео. «Переход был наизатруднительнейшим, – писал позднее полководец. – Солдаты шли по глубокому снегу, часто выше колен… Понесенные в сем походе трудности единственно русскому преодолеть только можно» [12] . 12 марта отряд атаковал Умео и захватил его. Вскоре сюда пришло известие о заключении перемирия.

Генерал от инфантерии Барклай де Толли был в мае 1809 г. назначен финляндским генерал-губернатором и

главнокомандующим расположенными здесь войсками. А спустя чуть более полугода последовало новое назначение – военным министром (вместо Аракчеева).

Михаил Богданович смотрел, образно говоря, далеко за горизонт. Он предвидел новую войну с Наполеоном и готовился к ней. Уже в первые месяцы пребывания на новом посту он представил царю несколько докладных записок, в которых обосновывал меры по укреплению обороноспособности страны.

В результате таких усилий численность вооруженных сил Российской империи выросла до 1,3 млн человек – цифры ранее небывалой. Была усовершенствована система набора и обучения рекрутов, на западных границах усиливались старые крепости и создавались новые.

С деятельностью Барклая на посту военного министра связана еще одна, в высшей степени полезная мера. По его докладу царю с 1810 г. в России стала действовать (кстати, впервые в мире) система военного атташата. Специальные военные агенты прикомандировывались к заграничным посольствам и под прикрытием дипломатического иммунитета вели негласную разведывательную деятельность.

Главное внимание, разумеется, было уделено Франции. Сюда направили одного из талантливейших русских разведчиков полковника (в будущем – генерала от кавалерии, военного министра и председателя Государственного совета) А.И. Чернышева. В течение полутора лет доставлял он в Санкт-Петербург важнейшую информацию о военных приготовлениях Наполеона. Русской разведке удалось сделать своим осведомителем даже бывшего министра иностранных дел Франции Ш.М. Талейрана, так что планы Бонапарта относительно нашего Отечества не были для русского правительства тайной.

Но как конкретно действовать в случае нападения французов? Предложения были разными. Генерал Беннигсен, относившийся к разряду «горячих голов», предлагал, например, напасть первыми, атаковав французские части на территории Герцогства Варшавского и Восточной Пруссии. На подобный опрометчивый шаг русского командования, кстати, весьма надеялся Наполеон, готовивший таким образом ловушку. И в том, что его надежды не сбылись, велика роль Барклая де Толли. Именно он, став военным министром, усиленно развивал перед царем идеи, которые собеседники впервые обсудили в лазарете Мемеля: вести вначале оборонительную войну, изматывая противника, избегая генерального сражения, при этом прикрывая все три стратегических направления – на Санкт-Петербург, Москву и Киев.

Царь принял эту стратегию. Соответственно ей в западных приграничных районах были размещены западные армии: 1-я (главнокомандующий – Барклай де Толли) – между Вильно и верхним течением реки Неман, 2-я (П.И. Багратион) – южнее, с интервалом в 100 км, 3-я (А.П. Тормасов) – еще южнее, на Волыни, в районе Луцка.

12 июня 1812 г. 600-тысячная «великая армия» Наполеона начала переправу через Неман. Барклай, верный намеченной заранее стратегии, отвел свои войска из Вильно на север, к местечку Свенцяны, а затем к Дрисскому лагерю. Наполеон направил для преследования свои лучшие части – кавалерию Мюрата и пехоту Удино и Нея. Безусловно, 1-я Западная армия представлялась французскому императору, стремившемуся сразу же к решительному сражению, наиболее лакомым куском: разгромив ее (120 тысяч солдат при 550 пушках), он больше чем наполовину сокращал численность всех русских войск. Но Барклай, используя несогласованность французских генералов, методично и организованно отводил войска. Задержка в Дрисском лагере, устроенном столь неудачно, что он становился настоящей ловушкой, грозила поражением, и главнокомандующий 1-й Западной армией двинулся в Полоцк, а затем к югу в Витебск, стремясь к соединению со 2-й армией Багратиона. Он хорошо помнил слова Александра I во время их последней встречи: «Поручаю вам мою армию. Не забывайте, что у меня нет другой, и пусть эта мысль никогда вас не покидает».

К 13 июля Мюрат догнал преследуемых у деревни Островно. Двухдневный бой не дал французам преимущества. Наполеоновский маршал ожидал подкреплений, чтобы наверняка покончить с упрямцами. Но не тут-то было! Бивуачные костры в русском лагере, поддерживаемые специально оставленными солдатами, продолжали гореть всю ночь, притупляя внимание французов, но вокруг огня уже никого не было: под покровом темноты Барклай увел армию к Смоленску. 20 июля войска вошли в древний российский город пусть и утомленные (за спиной с 12 июня осталось более 500 километров), но вдохновляемые надеждой наконец-то по-настоящему ударить по врагу.

Не следует преуменьшать полководческий гений Наполеона. Он с первых дней войны воспользовался 100-километровым разрывом между 1-й и 2-й армиями и, вводя в него войска, словно клином пытался рассечь отходящих, чтобы разгромить их по частям. Но ему достались достойные противники. Багратион, как и Барклай, получив приказ императора идти на соединение, не лез, что называется, напролом, а изобретательно маневрировал. Вступая в бой, не ввязывался в него намертво и стремился

оторваться от французов. 22 июля две русские армии, наконец, соединились в районе Смоленска. Главная задача – сохранить войска, не распылить их в приграничных сражениях – была решена.

Но что следовало делать дальше? Как и прежде отступать? В армии, однако, все чаще звучал вопрос: доколе? Центральным он оказался и на военном совете в Смоленске, состоявшемся 6 августа. Багратион горячо, даже яростно ратовал за переход в наступление. Барклай, вступивший в командование обеими соединившимися армиями, стоял за дальнейший отход, но остался в меньшинстве. Тем не менее, он нашел в себе мужество, чтобы провести в жизнь свой замысел.

Смоленское сражение (4–6 августа), вопреки желанию Багратиона и других «горячих голов», как, впрочем, и Наполеона, не стало генеральным. После жарких боев и стычек в окрестностях города и под его стенами, в которых французы потеряли только убитыми 20 тысяч человек, а русские вдвое меньше, Барклай приказал отходить…

Принимая стратегически верное решение, Михаил Богданович одновременно предвосхитил свою отставку. Влияние на царя тех, кто требовал убрать «немца» – генералов П.И. Багратиона, Л.Л. Беннигсена, А.П. Ермолова, брата царя великого князя Константина, было слишком велико. Новым главнокомандующим всей русской армией 17 августа стал М.И. Кутузов, которого Александр I был вынужден назначить, невзирая на давнюю неприязнь к полководцу. Барклай же, жестоко страдая от двусмысленного положения, накануне Бородинского сражения 24 августа направил императору письмо, в котором просил увольнения от службы: «Я не нахожу выражений, чтобы описать ту глубокую скорбь, которая точит мое сердце, когда я нахожусь вынужденным оставить армию, с которой я хотел и жить и умереть. Если бы не болезненное мое состояние, то усталость и нравственные тревоги должны меня принудить к этому…»

А.Адам. На бородинском поле вечером 5 сентября. 1830

В.В. Верещагин. Конец Бородинского боя. 1899–1900

Но с отставкой пришлось повременить. При Бородино генерал руководил действиями центра и правого крыла русской армии и руководил блистательно. «Среди ужасов и смерти, – писал о нем Д.Н. Бантыш-Каменский, – удивлял всех своим хладнокровием, присутствием духа… Когда Наполеон с главными силами устремился на центр, то счел за нужное подкрепить оный последними резервами, лично вел войска, ехал впереди них в полном генеральском мундире» [13] . Под ним было убито и ранено пять лошадей. Уцелели немногие из его адъютантов, но самого Барклая смерть не коснулась даже крылом, хотя, как позднее он признавался императору, жизнь тяготила его, и гибелью на поле брани он надеялся примириться с укорявшей его Россией.

В день Бородина такое примирение состоялось. Его закрепила

и высокая награда – орден Св. Георгия 2-й степени. Это обстоятельство, тем не менее, не размягчило дух Барклая, его привычку руководствоваться только собственной убежденностью и не поддаваться слепо чужому мнению. 1 сентября на знаменитом военном совете в Филях он, по-прежнему считая первоочередной задачей сохранение армии, твердо высказался за оставление Москвы без боя (*см. очерк о М.И. Кутузове*). Как же его поведение было созвучно девизу фамильного княжеского герба – «Верность и терпение»!

На этом его участие в событиях собственно Отечественной войны завершилось: из-за болезни и тяжелого морального состояния генерал покинул театр военных действий. Было удовлетворено и его прошение об отставке с поста военного министра. Но, вопреки расхожему мнению, Барклай де Толли не ушел после этого в тень. Он еще немало послужил России, и боль нанесенной ему несправедливой обиды постепенно растаяла.

В феврале следующего, 1813 г., в ходе заграничного похода русской армии он вступил в командование 3-й армией, а после смерти Кутузова – объединенной русско-прусской армией. Победы вверенных ему войск и высокие награды не заставили себя ждать: за отличия в сражении при Буцене (8–9 мая) – орден Св. Андрея Первозванного, за победу при Кульме (18 августа) – орден Св. Георгия 1-й степени, за победу в Лейпцигской битве (4–6 октября) – графское достоинство, за взятие Парижа (18 марта 1814 г.) – чин генерал-фельдмаршала. В августе 1815 г. Барклай де Толли был возведен в княжеское достоинство. Позднее, через несколько лет после его кончины, император Николай I повелел присвоить его имя карабинерному полку, оставшемуся в анналах русской армии, как 4-й гренадерский Несвижский генерал-фельдмаршала князя Барклая де Толли полк.

Полководец обладал почти всеми чинами, орденами и достоинствами Российской империи. Но чувствовал ли себя триумфатором? Вероятно, нет, ибо непосильным оказался груз перенесенных им нравственных страданий и напрасных обид, которые явно ускорили его кончину. Его образ в высшей степени соблазнителен для творческого вдохновения писателей, поэтов, драматургов. В стихотворении «Полководец» А.С. Пушкин признавался, что в знаменитой Военной галерее Зимнего дворца среди портретов героев войны двенадцатого года больше всего его влечет портрет именно Барклая:

О, вождь несчастливый! Суров был жребий твой:
Все в жертву ты принес земле тебе чужой.
Непроницаемый для взгляда черни дикой,
В молчанье шел один ты с мыслию великой,

И в имени твоем звук чуждый не взлюбя,
Своими криками преследуя тебя,
Народ, таинственно спасаемый тобою,
Ругался над твоей священной сединою.

Отвечая на обвинения иных ультрапатриотов, увидевших в этом стихотворении попытку оскорбить чувство национальной гордости и унизить память о Кутузове, Пушкин восклицал: «Неужели должны мы быть неблагодарны к заслугам Барклая де Толли потому, что Кутузов велик?.. Барклай, не внушающий доверенности войску, ему подвластному, окруженный враждой, язвимый злоречием, но убежденный в самом себе, молча идущий к сокровенной цели и уступающий власть, не успев оправдать себя перед глазами России, останется навсегда в истории высоко поэтическим лицом» [14] . Остается добавить, что время расставило все по своим местам: благодарные потомки помнят своего национального героя. Михаилу Богдановичу установлены памятники в Москве (у музея «Кутузовская изба») и в Санкт-Петербурге (у Казанского собора).

Князь Александр Иванович Барятинский (1815–1879)

Бывало, решали на Руси и за князей: жениться им или нет, и кого именно брать в боевые подруги. Не хватит решимости отказаться от нежелательных уз Гименея, так вмиг окажешься под венцом.

В такую ситуацию в 1850 г. попал и Александр Барятинский. Но тут выяснилось, что ему не занимать мужества не только на поле брани, но и в житейских ситуациях. Князь решительно отверг задуманный в придворных кругах план женить его на М.В. Столыпиной, хотя и знал о возможном недовольстве Николая I, которое, кстати, не замедлило последовать. А чтобы не ввергать

будущих претенденток в искушение выйти за богатого жениха, Александр Иванович, будучи старшим в роде, передал свой майорат, т. е. право на наследование, младшему брату и перестал поддерживать светские знакомства.

Всего себя он посвятил изучению вопроса, беспокоившего его уже полтора десятка лет, с тех пор, как он впервые оказался на Кавказе: как, наконец, установить мир в этом полюбившемся ему крае? Немногих отличает такая вот целеустремленность, но без нее, как показывает жизнь, редко удается достичь чего-то по-настоящему стоящего. Барятинскому удалось: забегая вперед, скажем, что именно ему, ставшему через несколько лет наместником на Кавказе, в первую очередь принадлежит заслуга водворения мира в этой «жемчужине» России.

К заветной цели стать профессиональным военным Александру пришлось идти через тернии: отец считал, что дал сыну прекрасное домашнее образование вовсе не для того, чтобы тот стал военным. Только благодаря поддержке императрицы Александры Федоровны 16-летнему юноше удалось добиться зачисления юнкером в Кавалергардский полк, а по окончании школы гвардейских подпрапорщиков (позднее – Николаевское кавалерийское училище) стать корнетом лейб-Кирасирского полка. Правда, поначалу, то ли отдавая дань молодечеству, то ли в силу традиций тогдашней «золотой молодежи», новоиспеченный кирасир все больше «гусарил», да так, что на это обратил внимание сам Николай I.

…В биографиях советских людей разных поколений были Испания, Китай, Египет, Вьетнам, Афганистан. Похожую «школу характеров» – Кавказ проходила и молодежь XIX в., современники Барятинского. Здесь из молодого повесы быстро сформировался настоящий боевой офицер, отличавшийся к тому же глубоким интересом к истории и географии края, обычаям и традициям населявших его народов. Как пригодились ему плоды такой пытливости в дальнейшем!

Служба Барятинского на Кавказе началась с участия в экспедиции генерала А.А. Вельяминова за Кубань. 21 сентября 1835 г. лихая атака в пики на горцев позволила вверенному ему авангарду опрокинуть и рассеять неприятеля. При этом сам командир получил тяжелое пулевое ранение в бок и чуть не попал в плен.

Вернувшийся для лечения в столицу Барятинский был назначен состоять при наследнике цесаревиче Александре Николаевиче, а через несколько лет – непосредственно его адъютантом. У иного бы дух захватило от перспектив: обширный круг светских знакомств, близость к царской фамилии позволяли

быстро и безопасно – главное тут не поскользнуться на паркете во время очередного бала да не промахнуться, участвуя в одной из многочисленных великосветских интриг – расти по служебной лестнице. Александр Иванович чувствовал иное призвание: в 1845 г. он испросил новую командировку на Кавказ, где уже в чине полковника вступил в командование батальоном в составе Кабардинского полка.

Череда стычек и боев Кавказской войны, сотрясавших регион, сопровождалась немалыми жертвами с обеих сторон. К моменту прибытия Барятинского русское командование все чаще стало прибегать к карательным экспедициям. Наиболее значительное дело, в котором довелось участвовать молодому офицеру, это – Даргинская экспедиция 1845 г. главнокомандующего отдельным Кавказским корпусом князя М.С. Воронцова против Шамиля. Полтора века минуло с тех дней, но названия многих упоминаемых ниже населенных пунктов хорошо известны современному читателю по газетной хронике чеченских событий 1995–1996 и 1999–2000 гг. Занятие Теренгульской позиции, аулов Бурунтай, Гоцатль и Анди, сражение на Андийских высотах, где регулярным войскам пришлось брать приступом укрепления горцев, штурм

Дарго, двухдневный бой при отступлении у Шаухаль-Берды – везде довелось отличиться Барятинскому, получившему при этом два огнестрельных ранения (*см. очерк о М.С. Воронцове*).

Князь А.И. Барятинский Автолитография В.Ф. Тимма

М.Ю. Лермонтов и Г.Г. Гагарин. Эпизод сражения при Валерике. 11 июля 1840 г.

«Из главных виновников в столь блестящем успехе оружия нашего, – подводил итог экспедиции главнокомандующий Воронцов, – полковника кн. Барятинского я считаю в полной мере достойным ордена Святого Георгия 4-й степени: он шел впереди храбрейших и подавал собою пример мужества и неустрашимости в деле, которое в летописях Кавказа всегда будет славным».

Александру Ивановичу, видно, на роду было написано все время воевать. Даже в ходе заграничного отпуска, взятого для излечения. Узнав, что Барятинский следует через Варшаву, наместник Польши И.И. Паскевич-Эриванский задержал его и привлек к подавлению очередного мятежа. Во главе отряда из 500 казаков «с отличной ревностью, деятельностью и мужеством, не справляясь с числом мятежников, с необыкновенной быстротой преследовал все их войско, сформировавшееся в Краковском округе, и отбросил оное в прусские границы», – доносил после этого его непосредственный начальник [15] .

С Кавказом он до конца карьеры был, по сути, неразлучен, исключая разве что довольно непродолжительное пребывание в столице и заграничные поездки на курорт. Уже в 1847 г. он вновь возвратился в регион командиром Кабардинского полка. За три года прослыл начальником строгим, в требованиях дисциплины даже беспощадным, но чрезвычайно заботливым о подчиненных, входящим во все мелочи полкового хозяйства. При нем какие бы то ни было злоупотребления интендантов оказывались просто невозможными. А вот в свой карман Барятинский для интересов службы нередко заглядывал. Так, за счет собственных средств закупил во Франции и перевооружил полк современными по тому времени двуствольными штуцерами. Льежские штуцера, в отличие от уже имевшихся на вооружении, позволяли вести огонь как пулей, так и картечью, и были оснащены штыками. Это давало охотникам Кабардинского полка ощутимые преимущества перед горцами, вооруженными винтовкой и саблей. Не случайно команда кабардинцев-охотников считалась лучшей на Кавказе.

Умножил Барятинский за это время и личный послужной список. В дополнение к нескольким орденам он за отличия при атаке укрепленного лагеря горцев на реке Кара-Койсу 23 июня 1848 г. был произведен в генерал-майоры и удостоен зачисления в свиту его императорского величества.

В 1850 г., как уже знает читатель, Александр Иванович прогневал государя, отказавшись жениться против собственной воли. Очевидно, не очень при этом расстроился, зная, что дальше фронта, то бишь Кавказа, не пошлют. А именно этого он больше

всего желал. И впрямь уже в мае ему было приказано сопровождать в Тифлис наследника-цесаревича. В конце того же года Барятинский стал командиром Кавказской гренадерской бригады, а весной следующего, 1851 г., – начальником левого фланга Кавказской линии. Все это время (до 1853 г.) полководец провел в Чечне, «настойчиво и систематически подчиняя ее русскому владычеству». В истории военного искусства остались его решительные действия против Шамиля у села Воздвиженское, при взятии с боем Шалинских укреплений, блестящая атака неприятельской позиции на Мичике и штурм аула Хан-Кале.

Все более явственно вырисовывалась оригинальная тактика действий Барятинского, позволявшая решать сложные задачи с минимальными потерями: широкое ведение разведки, использование скрытых обходов. Он широко применял рубку просек, которые открывали войскам простор для маневренных действий между опорными крепостями. Новым словом была тесная координация действий различных войсковых подразделений и милиции.

И вот что еще важно: в отличие от многих столичных сановников, Александр Иванович понимал, что одной только военной силой Кавказ не замирить, поэтому немало сил положил на административно-хозяйственное переустройство края. На захваченной территории прокладывались дороги и просеки, в поддержку центральной власти на местах создавались органы военно-народного управления с учетом традиций горских народов. Хасав-Юрт, где дислоцировался Кабардинский полк, быстро стал расти и притягивать к себе всех, кто не желал присоединяться к Шамилю. Барятинский умело использовал традиционное право народов этих мест, противопоставляя его нормам шариата, без крайней необходимости не нарушал местные обычаи, щадил самолюбие горцев.

Возведенный в чин генерал-лейтенанта Барятинский в 1853 г. с согласия Воронцова был назначен на должность начальника штаба отдельного Кавказского корпуса. Открывалось, таким образом, широкое поле деятельности, чего давно жаждал полководец.

Борьбу с Шамилем, однако, пришлось временно свернуть из-за начавшейся Крымской войны. Барятинский был командирован в Александропольский отряд князя В.О. Бебутова и принял активное участие в сражении у селения Кюрюк-Дара, решившего судьбу всей кампании в Закавказье. 6 июля 1854 г. 18-тысячный русский отряд наголову разгромил 40-тысячную (по другим подсчетам, 60-тысячную) армию турок. Обрадованный Николай I наградил Бебутова орденом Св. Андрея Первозванного (несмотря

на то, что он имел чин только генерал-лейтенанта), а Барятинского – Св. Георгия 3-й степени.

Не поладив с генералом Н.Н. Муравьевым, заменившим умершего Воронцова, Александр Иванович уехал в Санкт-Петербург. Но, оказалось, только для того, чтобы в октябре 1856 г., будучи произведенным в генералы от инфантерии, вернуться в качестве главнокомандующего отдельным Кавказским корпусом (позднее – армией) и наместником его императорского величества на Кавказе. Он обратился к подчиненным с по-суворовски лаконичным приказом: «Воины Кавказа! Смотря на вас и дивясь вам, я вырос и возмужал. От вас и ради вас я осчастливлен назначением быть вождем вашим, и трудиться буду, чтобы оправдать такую милость, счастье и великую для меня честь». За энергичным приказом последовала столь же энергичная целеустремленная деятельность, позволившая в три года прекратить, наконец, длившуюся более полувека войну.

Барятинский проявил поистине государственный подход к делу, которого, к слову сказать, так недостает многим нашим современникам – военным и госчиновникам, взявшимся в посткоммунистическую эпоху решать проблемы Чечни. Скорейшее замирение на Кавказе требовалось самым настоятельным образом, ибо благоприятную почву находила здесь антирусская пропаганда Англии, Турции, Персии. Кроме того, война лежала огромным бременем на казне и не позволяла включить этот богатейший регион в хозяйственный и культурный процесс в рамках всей империи.

Чтобы быстро завершить боевые действия, был разработан план, предусматривавший решительное наступление на горцев, которые сосредоточились в восточных районах Чечни и Дагестана, с одновременным затягиванием уже существовавшей блокадной петли. С этой целью генерал Н.Н. Евдокимов, ставший теперь начальником левого крыла, должен был нанести удар по Шамилю в Чечне и отсюда проникнуть в Дагестан. Со стороны Лезгинской линии предполагалось постоянно и систематически ослаблять горцев разорением непокорных аулов, препятствуя оказанию помощи Шамилю с их стороны. Действия в Западной Чечне пока признавались второстепенными.

С завершением Крымской войны на Кавказе была сосредоточена 220-тысячная армия. Все ее генералы, начиная с Барятинского и начальника главного штаба Кавказской армии (в нее был преобразован отдельный Кавказский корпус) Д.А. Милютина, имели опыт горной войны, научились использовать численный перевес и превосходство современного стрелкового оружия. По указанию нового наместника воевали не только

штыком, но и топором: рубили просеки, повышавшие маневренность войск, защищали их новыми крепостями. Барятинский нашел и еще один важный резерв: не останавливаясь перед подкупом, он повел дружелюбную политику в отношении мирных горцев, укрепляя тем самым свои позиции и ослабляя противника.

«Шамиля, – писал современник, – всегда сопровождал палач, а Барятинского – казначей, который тут же награждал отличившихся главарей и предводителей золотом и драгоценными камнями». В результате сочетания силовых и дипломатических средств давления на противника русским к 1859 г. удалось подчинить всю равнинную Чечню и восток Дагестана.

Напрасно взывал к уставшим от войны чеченцам Шамиль. С взятием 1 апреля 1857 г. его горной резиденции аула Ведено от некогда обширного имамата осталось лишь несколько районов горного Дагестана.

Чувствуя, что борьба вступает в решающую фазу, Барятинский выехал непосредственно к войскам. Вместе с начальником штаба – будущим фельдмаршалом Милютиным он подготовил мощную наступательную операцию против последнего прибежища имама. Финал трагедии разыгрался в августе 1859 г. у дагестанского аула Гуниб. Скала, где он был расположен, представляла из себя природную крепость, к тому же укрепленную по всем правилам военной фортификации. И тем не менее отряд из 400 человек, которым располагал имам, конечно, не мог сдержать подавляющую силу царских войск. 18 августа Барятинский предложил Шамилю сдаться, обещая отпустить его в Мекку с теми, кого пожелает взять с собой. Имам отказался, не поверив в искренность русского полководца, и с вызовом заявил: «У меня есть еще в руке шашка – приди и возьми ее!».

Тогда рано утром 25 августа начался решительный штурм. В самый разгар боя, когда осажденных осталось не более 40 человек, и они готовились подороже продать жизнь, огонь неожиданно прекратился: Барятинский вновь предложил почетную сдачу. Шамиль был убежден в коварстве «неверных», но отказ сыновей от дальнейшего сопротивления и уговоры соратников не подвергать гибели женщин и детей сломили старика.

Горшельт. Представление плененного Шамиля князю А.И. Барятинскому 25 августа 1859 г. под Ведено.

А то, что затем произошло, не укладывалось ни в какие прежние представления имама о многолетнем противнике. Завидев ожидавшего его Барятинского, Шамиль готов был услышать в ответ на предыдущий отказ от капитуляции: «А что, донгуз (свинья), где твоя шашка, которую ты предлагал мне взять самому?» – и тут же заколоть себя, тем избегая позора. Но к великому изумлению ему были оказаны почести, подобающие главе государства, пусть и побежденного. А с Барятинским его потом надолго связала личная дружба.

О завершении войны наместник на Кавказе объявил лаконичным приказом 22 августа 1859 г.: «Воины Кавказа! В день моего приезда в край я призывал вас к стяжанию великой славы Государю, и вы исполнили надежду мою… Шамиль взят – поздравляю Кавказскую армию» [16] .

Александр II по достоинству наградил полководца: к ордену Св. Георгия 2-й степени за успехи в Дагестане добавились орден Св. Андрея Первозванного за Гуниб, назначение шефом Кабардинского полка и, наконец, производство в генерал-фельдмаршалы. Войска встретили эту новость ликованием, не без оснований считая ее «наградой всему Кавказу».

За тот короткий срок, в течение которого расстроенное здоровье еще позволило Барятинскому заниматься военно-административными и хозяйственными преобразованиями края, им было сделано немало. Из бывших Черноморского и Линейного казачьих войск были образованы Кубанское и Терское войска, сформированы Дагестанский конно-иррегулярный полк и Дагестанская постоянная милиция. На Кубани заложен ряд новых

укреплений и станиц, открыты Сухумская и Константиновская морские станции, учреждены военные училища. На карте империи появилась Бакинская губерния.

Планов строилось еще больше, но уже в 1862 г. Барятинский вынужден был просить государя об отставке по болезни. Сохранив за собой членство в Государственном совете, Александр Иванович жил потом у себя в имении в Варшавской губернии и оставался как бы в тени. Появляться на людях заставляла его только очередная опасность для России извне.

Так, накануне русско-турецкой войны 1877–1878 гг. возникла мысль о назначении его главнокомандующим. Она, правда, не была реализована. Но с окончанием войны, будучи недовольным решениями Берлинского конгресса, унижавшими Россию, фельдмаршал уже сам предложил свои услуги в предвидении возможных международных осложнений. С его участием в Петербурге даже обсуждался план предполагаемых военных действий.

Нельзя умолчать еще об одной странице в биографии князя. Когда в 60-е годы под руководством военного министра Д.А. Милютина, его бывшего подчиненного, развернулись военные реформы, Александр Иванович выступил резким противником (*см. очерк о Д.А. Милютине*). Военачальники разошлись во взглядах на пути реформирования: А.И. Барятинский считал наиболее подходящим прусский вариант, при котором руководство армии формально принадлежало императору, а фактически – начальнику Генштаба. Однако национальная традиция, испытанная десятилетиями, ратовала за концентрацию всей полноты управления военной организацией государства в руках военного министра. И последующая история подтвердила правоту Милютина.

Земной путь Барятинского пресекся в марте 1879 г. Три дня по указу императора российская армия носила траур по своему фельдмаршалу «в ознаменование памяти к доблестным заслугам его престолу и отечеству». 80-му пехотному Кабардинскому полку было дано имя князя Барятинского, и сам Александр II принял на себя звание шефа полка.

При всей скромности и величии души наш герой вовсе не был склонен приуменьшать свою роль в истории. Когда 25 августа 1859 г. закончился штурм Гуниба, и на склоне горы показался спускающийся к своим победителям Шамиль, Барятинский, как вспоминал Милютин, сказал ему: «Знаете ли, Дмитрий Алексеевич, о чем думал я теперь? Я вообразил себе, как со временем, лет чрез 50, чрез 100, будет представляться то, что произошло сегодня; какой это богатый сюжет для исторического

романа, для драмы, даже для оперы! Нас всех выведут на сцену, в блестящих костюмах; я буду, конечно, главным героем пьесы, – первый тенор, в латах, в золотой каске с красным плюмажем; вы будете моим наперсником, вторым тенором; Шамиль – basso profundo (глубокий бас. – *Ю.Р* .)…» [17] . Сказано вроде бы в шутку, но, представляется, в этих словах был затаен большой смысл.

Граф Федор Федорович Берг (1790–1874)

Неман еще нес по волнам бревна, солому, разбитые обозные ящики и прочие следы переправы наполеоновской армады, вторгшейся в Россию, а по дороге из Вильно в Ковно босой, с котомкой за плечами и сапогами на палке споро шагал невысокий юноша. Федор Берг, слушатель университета в Дерпте (так тогда назывался Таллин), сорвался с места, лишь только стало известно о наступлении французов. Денег, правда, было в обрез (Берг происходил из небогатой дворянской семьи Лифляндской губернии), хватило их лишь до Вильно, и дальнейший путь преодолевался уже пешком.

В Ковно юношу определили в Калужский пехотный полк. Его репутация прекрасно образованного, со знанием нескольких иностранных языков, человека очень скоро сыграла свою роль: юнкером он был прикомандирован к квартирмейстерской части. За отличия в боях при Далленкирхене в июле 1812 г. Берг был произведен в офицерский чин и вскоре переведен в свиту его императорского величества по квартирмейстерской части.

В ходе заграничного похода в составе партизанских формирований участвовал в занятии Кенигсберга и Берлина, во вступлении в Гамбург. Полтора десятка сражений записал Федор Федорович на свой боевой счет, пока русские войска наступали на Дрезден, а затем Лейпциг и преследовали противника до Рейна. Переведенный в Гвардейский генеральный штаб, он находился в действующей армии вплоть до вступления союзных войск в Париж, был награжден золотой шпагой с надписью «За храбрость» и орденом Св. Анны 2-й степени.

В 1820 г. Берг был произведен в полковники, но вскоре на два с половиной года оказался оторванным от военной карьеры, будучи направлен в Европу на дипломатическую службу: он состоял при российских посольствах в Мюнхене, Риме и Неаполе.

Его всесторонняя подготовка была востребована, когда в 1822 г. Федор Федорович вернулся в военное ведомство. Зачисленный в квартирмейстерскую часть, он на три года был командирован в Среднюю Азию. Здесь он не только уничтожил шайки киргиз-кайсаков, наносившие вред торговле с Дальним Востоком, но и провел картографирование района между Аральским и Каспийским морями и впервые составил военно-топографическое описание Аральского моря.

Открытие военных действий в начавшейся русско-турецкой войне 1828–1829 гг. Берг встретил генерал-майором генерального штаба, зачисленным в свиту его императорского величества. В качестве генерал-квартирмейстера 2-й армии он деятельно участвовал в сражениях за Браилов, Шумлу и Силистрию. Одновременно руководил топографическими съемками отдельных районов театра военных действий – северо-восточной части Болгарии, Румынии, Балканских гор. За эту кампанию генерал был удостоен трех орденов, в том числе – Св. Георгия 3-й степени.

Следующим театром стала для него Польша, где в 1830 г. вспыхнуло национальное восстание. Варшавское герцогство, присоединенное к России в 1815 г. по решению Венского конгресса, вместе с литовскими областями составило Царство Польское, которое имело свою конституцию, национальную администрацию, армию, денежную систему. Тем не менее,

польское дворянство не было удовлетворено существующим положением и преследовало цель восстановить государственную самостоятельность Польши в границах 1772 г., т. е. до ее первого раздела.

Антироссийскую направленность польского национального движения поддерживали Франция и другие западные страны. Именно к ним обращался А.С. Пушкин в знаменитом «Клеветникам России»:

Оставьте: это спор славян между собою,
Домашний, старый спор, уж взвешенный судьбою,
Вопрос, которого не разрешите вы.
Уже давно между собою
Враждуют эти племена;
Не раз клонилась под грозою
То их, то наша сторона.
Кто устоит в неравном споре:
Кичливый лях иль верный росс?
Славянские ль ручьи сольются в русском море?
Оно ль иссякнет? Вот вопрос.

Во избежание вмешательства в польский вопрос внешних сил, Петербург стремился разрешить его в короткий срок. Между тем польская армия представляла собой, безусловно, равноценного противника, поскольку имела регулярные части общей численностью до 130 тысяч человек, солидную подготовку и опытных, воспитанных в наполеоновской армии командиров. Она к тому же была воодушевлена патриотическими чувствами. Русские ощутили ожесточенное сопротивление поляков с первых же боевых столкновений.

В некоторых из них Берг смог отличиться. 10 мая 1831 г. в бою при Нуре Федор Федорович, командуя тремя кирасирскими полками – Стародубовским, Военного ордена и Новгородским, решительно атаковал повстанцев. Историк назвал эту атаку «безумно смелой» [18] . Столь же высоко оценивались и действия Берга в сражении при Остроленке, когда руководимые им Екатеринославский гренадерский и 3-й карабинерный полки под сильным картечным огнем форсировали Нарев и в течение десяти часов удерживали захваченную позицию, отразив при этом шесть неприятельских атак. Вершиной его участия в польской кампании стало взятие Варшавы 26 августа, в годовщину Бородинского

сражения.

Отличившемуся – награда: Берг был назначен к императору генерал-адъютантом, получил чин генерал-лейтенанта и орден Св. Анны 1-й степени, а также был назначен генерал-квартирмейстером действующей армии при главнокомандующем генерал-фельдмаршале И.Ф. Паскевиче-Эриванском.

В 1843 г., получив чин генерала от инфантерии, Берг вступил в должность генерал-квартирмейстера (т. е. фактического главы) Главного штаба. За пять лет, в течение которых он исполнял ее, удалось сделать немало: пополнить штаб квалифицированными специалистами, улучшить содержание офицерского корпуса, осуществить важнейшую работу по военно-статистическому описанию губерний. Им предпринято и частично выполнено составление военно-топографической трехверстной карты России.

«Быстрый, проницательный взгляд, никогда не отдыхавший язык, постоянно жестикулирующие руки свидетельствовали о внутреннем огне. Слова лились каскадом, и новые мысли и планы возникали ежеминутно. Работоспособностью Берг обладал невероятной», – так отзывался о нем современник [19] .

В 1849 г. Федор Федорович в связи с походом русской армии под командованием И.Ф. Паскевича в Венгрию, предпринятом для подавления восстания против австрийской короны, в течение восьми месяцев состоял при императоре Австрии (*см. очерк о И.Ф. Паскевиче*). Вероятно, ему удалось исполнить свою дипломатическую миссию как следует, коль скоро он был награжден золотой шпагой, украшенной алмазами, с надписью «За поход в Венгрию в 1849 году». С другой стороны, генерал был заподозрен – и не без основания – в том, что исподволь поддерживал интриги австрийцев против русского главнокомандующего. В результате вплоть до начала Крымской войны его отодвинули в тень.

В 1854 г. Берг был назначен командующим войсками в Эстляндии. В следующем году стал финляндским генерал-губернатором и командующим войсками, дислоцированными в крае. Его усилия были вознаграждены орденом Св. Андрея Первозванного с мечами и возведением в графское достоинство.

В марте 1863 г. в разгар польского национального восстания Ф.Ф. Берг был назначен помощником великого князя Константина Николаевича – наместника Царства Польского и главнокомандующего войсками. Брат императора в Варшаве был явно «не на высоте», это заметил даже министр внутренних дел П.А. Валуев. И прибавлял при этом: «Положение дел в Царстве Польском нетерпимо. Великий князь явно в руках предателей, или под влиянием страха за свою особу, или, что еще было бы

хуже, под влиянием расчетов на возможность отделения Польши под его скипетр».

Обстановка в Польше и приграничных районах, прежде всего в Западном крае, становилась критической. Нужны были энергичные меры для исправления положения. 30 лет назад молодой офицер Берг здесь же, в Польше, с жаром участвовал в подавлении такого же восстания, но теперь его физические силы были уже не те. Тем не менее, когда в августе великий князь Константин был отозван Александром II в Петербург, 70-летнему Бергу пришлось взять на себя полномочия и ответственность наместника и главнокомандующего. После увольнения начальника гражданского управления маркиза А. Велепольского в руках Берга сосредоточилась вся власть в Царстве Польском. Выбор средств подавления восстания у него был небольшой – реформы или репрессии.

В этом отношении наместник выступил союзником виленского губернатора и командующего войсками Виленского военного округа генерала М.Н. Муравьева, получившего от современников «почетную» приставку к фамилии – «вешатель». К началу 1865 г. восстание в Царстве Польском, как и мятеж в Западном крае, были подавлены окончательно. Из 50 тысяч человек, участвовавших в борьбе с оружием в руках, погибло 20 тысяч, 18 – было сослано, 7 – эмигрировало [20] . Год спустя Царство Польское было лишено остатков автономии и трансформировано в Привисленский край.

Следует особо обратить внимание, что репрессивные меры по отношению к полякам осуждало в России далеко не все общество. Например, выразителем взглядов ее так называемой консервативной части выступил Ф.И. Тютчев. На отказ петербургского генерал-губернатора А.А. Суворова, внука великого полководца, подписать приветственный адрес М.Н. Муравьеву, он откликнулся следующими стихами:

Гуманный внук воинственного деда,
Простите нам, наш симпатичный князь,
Что русского честим мы людоеда,
Мы, русские, Европы не спросясь!..
Как извинить пред вами эту смелость?
Как оправдать сочувствие к тому,

Кто отстоял и спас России целость,
Всем жертвуя призванью своему,
—
<…>
Кто, избранный для всех крамол мишенью,
Стал и стоит, спокоен, невредим,
Назло врагам, их лжи и озлобленью,
Назло, увы, и пошлостям родным.

Подобные оценки, безусловно, разделял Александр II. В 1865 г. Муравьев был награжден орденом Св. Андрея Первозванного и возведен в графы.

Что касается Берга, то, учитывая его заслуги в умиротворении Польши, император пожаловал ему чин генерал-фельдмаршала. Военачальник был введен в состав Государственного совета, стал почетным президентом Николаевской военной академии Генерального штаба. Кроме этого, генерал-фельдмаршал Берг стал шефом четырех полков, в том числе 10-го пехотного Новоингерманландского, носившего его имя. Правда, преклонный возраст позволял выполнять все эти обязанности лишь номинально. Хотя надо отдать должное фельдмаршалу: до самой кончины, последовавшей в 1874 г., он сохранял большую подвижность и работоспособность.

Граф Алексей Петрович Бестужев-Рюмин (1693–1766)

Путь к высшему военному чину из действительного тайного советника в генерал-фельдмаршалы у Алексея Петровича Бестужева-Рюмина, ни дня не служившего на ратном поприще, оказался таковым по воле судьбы и императрицы Екатерины Великой. Даже для России, где приобретение власти, титулов и почестей очень часто не подчинялось никаким формальным правилам, такую коллизию не назовешь обычной.

Впервые будущий канцлер оказался за границей в 15-летнем возрасте. В 1708 г. вместе с такими же дворянскими недорослями повелением Петра I он был направлен на учебу в Копенгаген и

Берлин. Завершив курс, путешествовал по Европе, совершенствовал знание языков и вникал в извивы европейской политики, после чего в 1712 г. был определен на дипломатическую службу.

Его становление прошло под опекой Б.И. Куракина, талантливого дипломата, возглавлявшего русское посольство в Голландии. Затем четверть века он представлял Россию в Дании, Голландии, Англии. Его работа за рубежом выпала на период дворцовых переворотов, когда периодическая смена правителей приводила к возвышению одних царедворцев и опале других. Бестужеву-Рюмину удалось избежать и взлетов, и падений, он лишь перебирался в новую страну, становясь все более искушенным в дипломатических и придворных интригах. Попутно ему удалось получить чин тайного советника и стать кавалером ордена Св. Александра Невского.

Знание тонкостей большой политики очень пригодилось ему, когда в 1740 г. он был вызван в Санкт-Петербург и из сравнительно тихой дипломатической заводи попал в водоворот борьбы за власть в окружении императрицы Анны Иоанновны. Всесильному фавориту Э. Бирону удалось свалить кабинет-министра А.П. Волынского и отправить того на эшафот. Освободившаяся должность была предложена Бестужеву-Рюмину. Поскольку Алексей Петрович не был ранее связан ни с какими группировками, Бирон, вероятно, надеялся опереться на него в борьбе против вице-канцлера А.И. Остермана, которого рассматривал как еще одного злейшего врага.

Но эти планы нарушила кончина Анны Иоанновны. Через непродолжительное время Бирон был смещен и отправлен в ссылку. С привлеченного к следствию по его делу Бестужева-Рюмина подозрения сняли быстро, но от службы отставили.

К активной внешнеполитической деятельности на самом высоком уровне его призвала Елизавета Петровна. «Дщерь Петрова» походила на своего венценосного отца еще и дальновидностью. Она хорошо понимала, какую роль может сыграть опытнейший чиновник, имевший в свои 48 лет тридцатилетний дипломатический стаж. Осенью 1741 г. Бестужев-Рюмин был приближен к особе новой императрицы и обласкан ею: удостоился ордена Св. Андрея Первозванного, получил место сенатора и пост вице-канцлера.

Утверждение Бестужева-Рюмина в качестве фактического руководителя российской дипломатии (канцлер А.М. Черкасский из-за возраста отошел от дел) совпало с обострением войны ряда европейских стран за «австрийское наследство». Поводом к ней стала смерть в октябре 1740 г. австрийского короля Карла VI

Габсбурга, не имевшего сыновей. Это делало австрийскую корону неустойчивой, и Франция, Англия, Пруссия, Испания, Бавария, Саксония вступили в борьбу за влияние в Европе.

В первую очередь Бестужеву-Рюмину пришлось отражать попытки Версаля не допустить усиления роли и влияния России и Австрии, с которой у Санкт-Петербурга с 1726 г. существовал союзный договор, на европейскую политику. Французы сами стремились к гегемонии, поэтому в пику Петербургу поддержали Швецию, которая в 1741 г. развязала войну против России. Интриги французских дипломатов охотно поддерживал король Пруссии Фридрих II, рассчитывая, что российско-шведская война свяжет руки Санкт-Петербургу и не позволит ему вмешаться в войну за «австрийское наследство». А прусский король сам стремился прибрать это наследство к своим рукам.

Парадокс состоял в том, что Бестужев-Рюмин своим взлетом был во многом обязан т. н. «французской партии» в окружении Елизаветы, которой заправляли французский посланник И.-Ж. Шетарди и лейб-медик императрицы И.Г. Лесток. Последние были уверены, что сановник, подмочивший свою репутацию сотрудничеством с Бироном, будет игрушкой в их руках и сможет оказывать влияние на Елизавету в нужном для них направлении. Императрица и сама прислушивалась к Шетарди, сыгравшему немалую роль в ее воцарении. Прислушивалась, но не во всем. По крайней мере, она не пошла на поводу у француза, настаивавшего на том, что условием завершения войны со Швецией должен стать пересмотр Ништадтского мира 1721 г.

Эту линию отстаивал и Бестужев-Рюмин. Русское правительство пошло на открытие военных действий и не ошиблось: они закончились полным разгромом шведской армии. Новый договор, подписанный в Або в августе 1743 г., подтвердил условия Ништадтского мира. Кое-кто упрекал вице-канцлера в излишней умеренности (победитель по сути никаких территориальных приобретений не получил). Но здесь в полной мере проявилась дальновидность Бестужева-Рюмина: хорошо понимая, что ни Франция, ни Пруссия не оставят попыток вновь стравить Россию и Швецию, он предпочел не наносить дополнительных ударов по самолюбию шведов и тем обеспечить их нейтралитет в дальнейшем.

Итак, замысел Шетарди сорвался. В лице Алексея Петровича он получил не послушного исполнителя его воли, как хотелось бы, а сильного противника. Поэтому на протяжении следующих лет «французская партия» настойчиво стремилась к удалению Бестужева-Рюмина с его поста. Этого же добивался и Фридрих II, понимавший, что пока тот будет стоять за сохранение союзного

договора с Австрией, его планам разгромить Австрию и прибрать к рукам ее владения не бывать. «Если мне придется иметь дело только с королевой венгерской (Марией-Терезией. – *Ю.Р* .), то перевес всегда будет на моей стороне, – писал он своему посланнику в Петербурге. – Главное условие… – это погубить Бестужева, ибо иначе ничего не будет достигнуто» [21] .

Французы и пруссаки, добиваясь своего, пустили в ход все – интриги, попытки подкупа, шантаж. Но дело разрешилось очень быстро и не в их пользу: Бестужев-Рюмин приказал перехватить переписку французского посланника с Версалем, в которой содержались, помимо всего прочего, нелестные отзывы о Елизавете. Ей и был представлен текст писем. Шетарди тут же выслали из российской столицы, а влияние «французской партии» при русском дворе сошло на нет.

Уже через месяц после этих событий Бестужев-Рюмин был назначен государственным канцлером и исполнял эти обязанности на протяжении долгих 14 лет. И это при том, что, как отмечает современный историк Е.В. Анисимов, между Елизаветой и канцлером никогда не было близости, и императрица с трудом переносила его общество. «Как и многие выдающиеся люди, Бестужев имел тяжелый и вздорный характер, а честолюбие его ограничивалось только боязнью потерять свое и без того высокое место. Резкий, порой необузданный и крутой, в отношениях с людьми он был деспотом и хамом, нередко пускавшим в ход кулаки. Кляузник и доносчик, он не останавливался ни перед чем, чтобы опорочить своих врагов» [22] .

Кто спорит: отталкивающий образ. Но в глазах Елизаветы эти свойства натуры Бестужева-Рюмина оказывались терпимыми благодаря его деловым качествам – колоссальной работоспособности, огромному опыту, политической мудрости. Главное, что их объединяло – единство взгляда на генеральный курс внешней политики России.

На посту канцлера Алексей Петрович проявил себя проводником линии Петра I, заключавшейся в том, чтобы строить союзнические отношения с теми государствами, у которых с Россией совпадали долговременные интересы. Это – морские державы Англия и Голландия, и сухопутные – Австрия, Саксония (курфюрст саксонский в качестве польского короля удерживал бы Речь Посполитую от антироссийских действий). Как явных противников, российский канцлер рассматривал Францию, Швецию, как скрытого, «потаенного» – Пруссию. О Фридрихе Бестужев-Рюмин отзывался, как о «натурально наиопаснейшем» соседе Российской империи, отличавшемся «непостоянным, захватчивым и возмутительным характером». События

Семилетней войны 1756–1763 гг. с Пруссией подтвердили его прозорливость.

Вероятно, такая внешнеполитическая программа желала большей гибкости, но в целом она оказалась верной и была принята Елизаветой Петровной. Главным ее выражением стал оборонительный союз с Австрией 1746 г., заключенный на 25 лет и позволивший противостоять прусской экспансии в Европе.

Последний взлет в карьере Алексея Петровича был связан с привлечением его к работе Конференции при высочайшем дворе – совещательном органе из лиц, избранных Елизаветой Петровной для рассмотрения сложных государственных дел.

Во время Семилетней войны Бестужев-Рюмин был заподозрен в интригах и отставлен с поста канцлера. Его позиции в значительной мере подорвала переменчивость британского внешнеполитического курса. Алексей Петрович выступил за укрепление союза с Англией, Голландией и Австрией против Пруссии, с которой воевала Россия, а также Франции и Турции. Но Англия неожиданно заключила с Пруссией союз.

Были и серьезные личные мотивы к падению канцлера. В конце 1757 г. Елизавету поразила тяжелая болезнь. Бестужев-Рюмин уговаривал ее составить завещание в пользу не великого князя Петра Федоровича (будущего императора Петра III), который якобы мог омрачить славу ее царствования, а малолетнего Павла под опекунством его матери великой княгини Екатерины Алексеевны.

Одновременно канцлер отдал распоряжение о возвращении в Россию войск, находившихся в Пруссии (*см. очерк о С.Ф. Апраксине*). Полагают, что тем самым он хотел подкрепиться военной силой и обеспечить себе длительную карьеру, которая была бы невозможна при Петре Федоровиче, ненавидевшем Бестужева-Рюмина. Его планы простирались – в случае кончины императрицы – на руководство сразу тремя коллегиями – Военной, Адмиралтейской и иностранных дел.

Обстоятельства дела вскрылись, как только Елизавета Петровна выздоровела. Она велела арестовать канцлера, в феврале 1758 г. его лишили всех чинов и отдали под суд. Он был приговорен к отсечению головы, но императрица заменила казнь ссылкой в одну из фамильных деревень, дабы, как говорилось в манифесте о преступлениях Бестужева-Рюмина, «другие были охранены от уловления мерзкими ухищрениями состарившегося в них злодея».

В 1762 г. после вступления на престол Екатерины II он был возвращен ко двору, ему вернули все ордена и чины, но никакого серьезного влияния на политику уже не оказывал. Чтобы как-то

загладить вину перед престарелым сановником, верно служившим Отечеству на протяжении полувека и полностью оправданным специально учрежденной комиссией, императрица в июле 1762 г. возвела Бестужева-Рюмина в генерал-фельдмаршалы, переименовав его из действительных тайных советников.

Современные историки оценивают А.П. Бестужева-Рюмина как «умного, проницательного политика и опытного дипломата», блестящие способности которого позволили ему победить в жесточайшей схватке с «французской партией». В то же время они не склонны идеализировать Алексея Петровича, который, считая, что цель оправдывает средства, «весьма часто пользовался далеко не честными методами, присущими придворным интриганам всех европейских государств, среди которых были и перлюстрация корреспонденции противника, и подкуп, а иногда и шантаж» [23] .

И, наконец, о происхождении нашего героя. Составитель «Истории родов русского дворянства» П.Н. Петров опровергает версию относительно британских корней рода Бестужевых, приводимую, в частности, Д.Н. Бантыш-Каменским. Вероятнее всего, их предок был выходцем из Новгорода и имел прозвище Бесстуж, т. е. ничем не докучающий. Фамилия некогда писалась с двумя «с», но одно из них со временем было утрачено. Сын Бесстужи прозывался Яковом Рюмой.

Отцу Алексея Петровича, Петру Михайловичу, при Петре I в 1701 г. было дозволено вместе с ближайшими однородцами принять фамилию Бестужевы-Рюмины. В графское достоинство весь род был возведен одновременно в день коронования Елизаветы Петровны 25 апреля 1742 г. благодаря милости, оказанной императрицей именно Алексею Петровичу [24] .

Герцог Виктор-Франциск де Брольи (1718–1804)

Список российских генерал-фельдмаршалов был бы, как минимум, на одного меньше, не произойди во Франции буржуазной революции 1789–1794 гг. Аристократ, бывший военный министр короля Людовика XVI, герцог де Брольи под напором революционных событий эмигрировал за границу. Подобно многим представителям монархической элиты Франции искал покровительства со стороны Павла I, и в 1797 г. был принят на русскую военную службу.

За плечами герцог имел солидный путь полководца. Ему,

потомку древней аристократической фамилии провинции Пьемонт, что называется, на роду была написана военная служба: и его дед, и отец владели маршальскими жезлами. Не отстал от них и Виктор-Франциск. Он активно участвовал в войне за австрийское наследство (1740–1748), где Франция выступала союзницей Пруссии и противником Австрии и России, и – в Семилетней войне 1756–1763 гг., в которой Париж, наоборот, воевал в союзе с Веной и Петербургом против Берлина, Лондона и Ганновера.

Вершиной полководческой деятельности герцога стало командование королевской армией, разбившей в апреле 1759 г. при Бергене ганноверскую армию принца Фердинанда Брауншвейгского. Эта победа, одержанная над превосходящим по численности противником (25 тысяч человек против 40 тысяч), принесла герцогу: от австрийского императора Франца I достоинство князя Священной Римской империи, а от короля Людовика XV – чин маршала Франции.

Карьера Виктора-Франциска прихотливо менялась: из-за интриг он то отдалялся от королевского двора, то вновь возвращал себе расположение. Когда в Париже стали нарастать события, угрожавшие трону Людовика XVI, герцог де Брольи, бывший военным министром и командующим войсками, предназначенными для подавления революционных элементов, предложил королю вместе с семьей удалиться в Мец. Получив отказ, герцог вместе с графом д'Артуа, братом короля, покинул Францию. Узнав о казни Людовика XVI, де Брольи попытался во главе отряда таких же, как он сам, эмигрантов вторгнуться на французскую территорию, но потерпел неудачу.

Когда в 1796 г. воцарился Павел I, известный ненавистник якобинцев, французские роялисты потянулись в российские пределы. Среди них был и герцог де Брольи. Акт его принятия на русскую службу, учитывая преклонный возраст военачальника – 79 лет, носил, конечно же, символический характер и имел цель продемонстрировать солидарность российской короны с обезглавленной короной французской. Де Брольи удостоился со стороны Павла I «переименования» в российские генерал-фельдмаршалы. Пусть седовласый вояка, по словам Людовика XVIII, и соединял старую опытность с молодой храбростью, сферы применения его талантов в России не нашлось [25] . Потерял он надежду и на реставрацию Бурбонов. Поэтому в 1799 г. по личному ходатайству был уволен в отставку и навсегда покинул Российскую империю.

«Имя его увеличило только число наших генерал-фельдмаршалов», – сказанное Д.Н. Бантыш-Каменским о еще

одном иноземном ловце чинов Я. Сапеге вполне подходит для характеристики и герцога де Брольи.

Граф Яков Вилимович Брюс (1670–1735)

«Трактат, вами заключенный, столь искусно составлен, что и мне самому не можно бы лучше оного написать для подписи господ шведов. Славное сие дело ваше останется навсегда незабвенным, никогда наша Россия такого полезного мира не получала!» [26] . В таких выражениях оценил Петр I вклад своих посланников Я.В. Брюса и А.И. Остермана в достижение Ништадтского мира, завершившего в 1721 г. Северную войну.

В свое время шведы упустили возможность – на уже шедших с 1718 г. переговорах – закончить более или менее достойно войну с Россией. Согласившийся на переговоры Карл XII был убит в

Норвегии при осаде крепости, а пришедшая ему на смену сестра королева Ульрика возобновила войну, пойдя на союз с Англией. Но никаких дивидендов шведы из этого не извлекли. Более того, в 1720 г. петровский флот нанес им поражение у острова Гренгам, а русский десант подошел прямо к стенам Стокгольма.

В апреле 1721 г. в финском городе Ништадте начались переговоры о мире, и 31 августа того же года Брюс и Остерман с российской стороны подписали мирный договор. В соответствии с ним Россия получала балтийское побережье от Выборга до Риги, часть Карелии, острова Эзель, Даго, Мен. Длившаяся 21 год изнурительная война завершилась.

По мнению современных историков, Брюс, как и Остерман, был способным дипломатом, но они оба выступали скорее талантливыми исполнителями воли Петра, ибо фактически работу на конгрессе, где был подписан мир, возглавлял сам царь [27] . Хотя это обстоятельство, конечно, не умаляет их заслуг.

А.С. Пушкин в «Полтаве» имел все основания причислить Якова Вилимовича к «птенцам гнезда Петрова». Великий поэт привел исторически достоверный (пусть и неполный) их список:

…Полки увидели Петра…
За ним вослед неслись толпой
Сии птенцы гнезда Петрова —
В пременах жребия земного,
В трудах державства и войны
Его товарищи, сыны:
И Шереметев благородный,
И Брюс, и Боур, и Репнин,
И счастья баловень безродный,
Полудержавный властелин.

Не стоит сводить это понятие – «птенцы гнезда Петрова» – к банальному факту возвышения названных лиц именно в петровское время. Нет, главное здесь то, что «птенцы» были единомышленниками царя, разделяли его цели и интересы, в их личностях и действиях отразился сам Петр с его кипучей, ищущей натурой и разносторонними талантами (по известному поэтическому замечанию того же Пушкина, «то академик, то герой, то мореплаватель, то плотник»).

Таким же разносторонним, талантливым во многих отношениях проявил себя и Брюс. Профессиональный военный и дипломат, артиллерист и издатель «Брюсова календаря», администратор и знаток естественных наук (его ученость была широко известна в Европе), переводчик полезных для россиян книг с иностранных языков и составитель географических карт

империи, он был просвещеннейшим из сподвижников Петра I, человеком европейской известности.

Изрядная часть его жизни была положена на ратное дело. Брюс был участником еще Крымских походов 1687 и 1689 гг., предпринятых князем В.В. Голицыным в период правления Софьи. С Петром I он дважды ходил на Азов, где успешно вел инженерные работы и был отмечен полковничьим чином. В ходе заграничного путешествия редко кто из состава Великого Посольства в Западную Европу мог угнаться за Яковом Вилимовичем в его стремлении овладеть науками. Особенно обстоятельно он занимался артиллерийским делом, что во многом определило его ратную карьеру.

По сути с самого начала Северной войны он возглавил артиллерию действующей армии, поскольку в первом же сражении под Нарвой в числе других русских военачальников попал в плен командующий артиллерией генерал-фельдцейхмейстер Александр Арчилович, имеретинский царевич (*см. очерк о К.Е. де Крои*). В столь ответственной должности Брюс показал себя достойно: его пушкари отличились при взятии Ниеншанца (1703) и Нарвы (1704), в сражении при Лесной (1708). С 1704 г. он стал, говоря современным языком, исполняющим обязанности генерал-фельдцейхмейстера (эту должность без приставки «и.о.» он получил в 1711 г. со смертью Александра Арчиловича) и возглавил Артиллерийский приказ – главный орган управления этим важнейшим родом войск.

Полтавское сражение

В Полтавском сражении 27 июня 1709 г. Брюс командовал всей походной артиллерией в 72 орудия (*см. очерк о А.Д. Меншикове*). Сначала он нанес значительный урон противнику перекрестным огнем батарей на редутах, а потом, разместив орудия впереди редутов, в упор громил неприятеля. Метким выстрелом русские пушкари даже попали в носилки Карла XII,

разметав их в щепы.

Сами шведы признавали: «Пока длилось сражение, мы слышали такую сильную пальбу и грохот пушек, какой нельзя было представить, если бы не слышали его собственными ушами» [28] .

Сразу же по окончании сражения Петр I пожаловал своему сподвижнику орден Св. Андрея Первозванного.

В дальнейшем Брюс занимался совершенствованием высшего органа артиллерийского управления (с 1719 г. управление войсками в мирное время осуществляла Военная коллегия, имевшая три отделения, в том числе артиллерийское). Он также осуществил реорганизацию и перевооружение артиллерии, которая к концу царствования Петра I насчитывала 480 орудий – такой численности не знала, пожалуй, ни одна армия мира. Участвовал он и в составлении Устава воинского 1716 г.

Оставаясь генерал-фельдцейхмейстером, в 1717 г. Яков Вилимович стал сенатором, президент Берг– и Мануфактур-коллегиями, ведавшими промышленностью России. Оказался востребованным и его талант дипломата, вклад этого разносторонне талантливого человека в заключение Ништадтского мира был оценен графским титулом.

Значительное возвышение в последние годы жизни Петра Великого сменилось у Брюса резким снижением сразу после смерти императора. «Генерал-фельдцейхмейстер уже весьма ослабел», – докладывал о нем Екатерине I генерал-прокурор П.И. Ягужинский. Узнав об этом, самолюбивый Брюс в июне 1726 г. немедленно подал в отставку и получил ее с одновременным производством в генерал-фельдмаршалы.

К делам государственного управления он отношения больше не имел и доживал свой век в подмосковном поместье, отдаваясь любимому занятию – астрономии.

Граф Александр Борисович Бутурлин (1694–1767)

«Как полководец, граф Александр Борисович Бутурлин не может стоять в ряду со славными Задунайским, Рымникским; как верный подданный и примерный христианин, заслуживает уважения потомства», – такой сентенцией заканчивает очерк о А.Б. Бутурлине Д.Н. Бантыш-Каменский [29] . Насколько прав историк в таком утверждении? По крайней мере, в одном он явно согрешил, по непонятной причине отнеся дату рождения своего героя на десять лет вперед.

На самом деле Александр Борисович родился в 1694 г. Его отец, капитан гвардии, получил смертельное ранение в битве при

Лесной в 1708 г., поэтому юноше покровительствовал родной дядя Петр Иванович Бутурлин – собутыльник Петра I, «князь-папа Сумасброднейшего, Всешутейшего и Всепьянейшего собора». В 1716 г. Александр именным указом был зачислен во вновь образованную морскую академию, любимое детище царя, по окончании которой взят Петром в денщики. Молодой человек, отличавшийся расторопностью и умом, пользовался расположением и доверием царя настолько, что тот лично позаботился о переходе к денщику имений, оставшихся после смерти его дяди. Особую благосклонность проявила к нему и цесаревна Елизавета Петровна, к которой Александр в 1727 г. был назначен камергером.

Как видим, карьера Бутурлина с самого начала складывалась как придворная. Обстановка интриг, бесконечная борьба придворных партий, отличавшая время от смерти Петра I до восшествия на престол Екатерины II, необходимость выживать в условиях, когда одни временщики стремительно возвышались, а другие столь же стремительно падали – все это наложило отпечаток на его характер, убеждения, нравственный облик и породило многие несимпатичные черты. «Статный и красивый, Бутурлин отличался всеми свойствами придворного человека, царедворца, умел приспособиться ко всем обстоятельствам и угодить сильным людям. Только при дворе чувствовал он себя в своей сфере и, получив какое-нибудь назначение вне императорской резиденции, всегда стремился как можно скорее возвратиться ко двору» [30] .

С воцарением Петра II он был награжден орденом Св. Александра Невского (ему достался знак ордена, отобранный у низвергнутого А.Д. Меншикова), пожалован в действительные камергеры и произведен в генерал-майоры. Однако милость императора вскоре исчерпала себя. Петр, как известно, был влюблен в свою тетушку Елизавету, и от его внимания не ускользнули взаимные симпатии между цесаревной и красавцем камергером. Ревность юного императора подогревали князья Долгорукие, ставшие при Петре II первыми вельможами в России. Они сумели подружить юного государя со столь же юным князем Иваном (сыном Алексея Григорьевича Долгорукого) и добиться объявления сестры Ивана – Екатерины его невестой (*см. очерк о В.В. Долгоруком*). Чтобы сделать этот брак фактом, Долгорукие специально вызывали в юноше-императоре охлаждение к Елизавете Петровне, а для этого распускали слухи о ее интимной близости с Бутурлиным.

Интриганам не удалось главное – стать родственниками императора, но в малом – дискредитации цесаревны и ее

камергера – они преуспели. «Приискивают различные средства унизить княжну Елизавету, – писал один из иностранных наблюдателей. – Ей отказывают почти во всем, даже в пиве для ее людей. Ее лишили Бутурлина, ее советника, хотя с самыми дурными наклонностями, но Господь, во гневе своем, довел его до генерал-майорства, и так как он открыто признается в своем неумении начальствовать, то полагают, что его отправят в Персию, где бы он научился своему ремеслу».

Александр Борисович действительно был незамедлительно удален от двора и отправлен в Украинскую армию, действовавшую против крымских татар. В царствование Анны Иоанновны его отправили на границу с Персией, где он пробыл с 1731 г. по 1733 г. В составе корпуса генерал-поручика А.И. Румянцева он участвовал в многочисленных стычках с противником. С помощью вступившего в командование корпусом принца Людвига-Вильгельма Гессен-Гомбургского, покровительствовавшего Бутурлину, последнему удалось, ссылаясь на слабое здоровье, покинуть тяготившее его место службы.

С 1735 г. по 1740 г. Бутурлин занимал пост губернатора в Смоленске. В кратковременное правление Анны Леопольдовны в сентябре 1740 г. он был назначен армейским кригс-комиссаром и в октябре произведен в генерал-лейтенанты.

Само собой разумеется, что с вступлением на престол Елизавета Петровна вспомнила о бывшем сердечном дружке, хотя к этому времени она была окружена уже новыми людьми. По воле императрицы Бутурлин взял на себя управление Малороссией, а в день коронации Елизаветы Петровны был пожалован в генерал-аншефы. Несмотря на то, что назначение в Малороссию было весьма почетным, оно пришлось не по душе Бутурлину, стремившемуся непременно вернуться ко двору. Коронация, состоявшаяся 25 апреля 1742 г., стало удобным поводом приехать в Москву с тем, чтобы уже никогда не возвращаться на Украину. Он получил новое назначение, предопределенное шедшей тогда войной со шведами. Елизавета поставила его во главе войск, расположенных в Эстляндии, Лифляндии и Великих Луках. А с отъездом двора в Петербург Бутурлину было вверено начальствование войсками, расположенными в Москве и ее окрестностях. В том же году Бутурлин стал сенатором.

Особое положение бывшего фаворита при дворе ощущалось на протяжении всего царствования Елизаветы. Бутурлин удостоился самых высоких пожалований: в 1747 г. – придворного звания генерал-адъютант, позволявшего неотлучно находиться рядом с монархиней, в 1749 г. – чина подполковника лейб-

гвардии Преображенского полка (полковником была сама Елизавета), в 1751 г. – ордена Св. Андрея Первозванного, а 5 сентября 1756 г. в день тезоименитства государыни – чина генерал-фельдмаршала с повелением присутствовать в Конференции при высочайшем дворе. В 1760 г. Александр Борисович со всем своим потомством был возведен в графское достоинство.

Работа в Конференции на несколько лет стала основной для новоиспеченного фельдмаршала. Образованная в 1756 г. как совет при императрице, Конференция стала по сути высшим государственным учреждением, которому по вопросам внешней политики и руководства военными действиями во время Семилетней войны фактически подчинялись Сенат, коллегии и другие центральные учреждения. В ее состав, кроме Бутурлина, вошли канцлер А.П. Бестужев-Рюмин и его брат М.П. Бестужев-Рюмин, генерал-прокурор Сената Н.Ю. Трубецкой, вице-канцлер М.И. Воронцов, сенаторы М.М. Голицын и П.И. Шувалов, начальник Тайной канцелярии А.И. Шувалов, фельдмаршал С.Ф. Апраксин и великий князь Петр Федорович (он же, став императором, в 1762 г. и ликвидировал ее).

Главные заботы Конференции заключались в приготовлении русской армии к войне с Фридрихом II. Когда боевые действия начались, входившие в состав Конференции взяли в свои руки все нити управления войсками. Главнокомандующий не мог и шага ступить без одобрения из Петербурга, что не могло не сказаться отрицательно на действиях армии. Это почувствовал сам Бутурлин, будучи в 1760 г. назначен, вместо П.С. Салтыкова, главнокомандующим. А ведь ему противостоял не какой-то второстепенный полководец, а сам Фридрих II. Между тем не только Д.Н. Бантыш-Каменский был невысокого мнения о Бутурлине как военачальнике. Современный историк также называет его «полной бездарностью в военном отношении» [31] .

Александр Борисович, в самом деле, не имел ни полководческого таланта, ни сколько-нибудь серьезного боевого опыта, его действия к тому же были связаны мелочными путами Конференции. Но не только. Зная об ухудшающемся здоровье императрицы, о пропрусских настроениях наследника престола великого князя Петра Федоровича, он хорошо понимал, что любое опрометчивое действие с его стороны может в одночасье обрушить карьеру.

К войскам Бутурлин прибыл осенью 1760 г. и, находясь на зимних квартирах, готовил армию к кампании будущего года. В мае 1761 г. он получил приказание отделить корпус для осады Кольберга, а с остальными силами идти в Силезию на соединение

с австрийцами. Предполагалось навязать прусским войскам сражение, разбить их и окончить, наконец, изнурительную войну (*см. очерк о П.А. Румянцеве*). Если отправленный под Кольберг Румянцев действовал энергично и сумел взять одну из наиболее мощных военно-морских крепостей, то попытки Бутурлина активизировать боевые действия совместно с австрийцами результата не дали. Фридрих II парировал все ходы союзников, тем более что те действовали нерешительно, с оглядкой и на Вену, и на Петербург. Подошла осень. Бутурлин выработал новый план с тем, чтобы отвлечь пруссаков от Силезии и Саксонии, прикрыть собой австрийскую армию, и таким образом дать последней возможность овладеть Силезией. Но армию оказалось невозможным обеспечить продовольствием, поэтому русский главнокомандующий отвел войска к Висле на зимовку. Таким образом, в кампании 1761 г. он не достиг никаких успехов.

Тут, однако, нельзя умолчать об одном эпизоде, положительно характеризующем Бутурлина. Речь идет о его участии в судьбе великого немецкого математика и физика Л. Эйлера, который с 1727 г. по 1740 г. жил в России, состоял членом Петербургской академии наук, а когда вернулся на родину, продолжал оставаться ее иностранным членом. На берлинский период жизни Эйлера пришлись драматические годы Семилетней войны. В огне погибла усадьба ученого. Получив доклад об этом, Александр Борисович приказал возместить все понесенные убытки, а императрица Елизавета Петровна повелела дополнительно выдать ученому огромную по тем временам сумму в 4 тысячи рублей.

Несомненно, такое отношение российских властей сыграло свою роль в решении Эйлера в 1766 г. вернуться в Россию. Почти половина его научных трудов была создана именно в этот последний период его жизни. Здесь, в России, он и скончался в 1783 г.

Что же касается Бутурлина, то в конце декабря 1761 г., сдав армию генералу В.В. Фермору, он убыл в Петербург. В дороге он получил милостивый рескрипт Петра III о назначении главнокомандующим в Москве. Опытный царедворец, однако, без особого труда уловил настроения умов при дворе, бывшие не в пользу Петра Федоровича, и ориентировался на Екатерину Алексеевну. 28 июня в день переворота он находился в ее свите и был, естественно, вознагражден за верное политическое чутье. Екатерина II, относившаяся с большим уважением к престарелому фельдмаршалу, подтвердила все его привилегии и пожаловала ему шпагу, осыпанную бриллиантами. Бутурлин оставался на посту московского генерал-губернатора и главнокомандующего

до конца дней своих.

Герцог Артур-Коллей-Уэлсли Веллингтон (1769–1852)

Победитель Наполеона при Ватерлоо – таким Веллингтон вошел в историю. После неожиданного возвращения французского императора с острова Эльба союзники стали спешно стягивать против него силы. Веллингтон принял командование над англо-голландской армией. 6 июня 1815 г. противники сошлись у местечка Ватерлоо в 20 км южнее Брюсселя. Войска союзников были численно меньше французских, и сражение вначале не сулило им победы. Однако с подходом армии прусского фельдмаршала Г.Л. Блюхера соотношение сил резко изменилось (130 тысяч человек у союзников и 72 тысячи – у

французов), что и позволило Веллингтону и Блюхеру разгромить Наполеона. После этого союзные армии, включая российскую, заняли Париж, и эпоха наполеоновских войн (1799–1815) завершилась.

Веллингтон родился 1 мая 1769 г. в Ирландии в родовитой семье. Образование получил в Итоне и военной академии в Анже (Франция). Военную службу начал в 1787 г., но довольно долгое время куда больше сил уходило на политическую деятельность в качестве адъютанта лорда-наместника Ирландии, а позднее (в 1790–1795 гг.) – члена парламента Ирландии. А затем наступил этап, традиционный для любого британского офицера того времени – служба в колониальных войсках. В 1796 г. Артур-Уэлсли был направлен в Индию, где по протекции своего брата, генерал-губернатора, получил под свое начало дивизию и был назначен губернатором и командующим войсками в княжестве Майсур. Здесь он стал генерал-майором, успешно воевал с местными князьями, превращая их в вассалов Великобритании.

После возвращения в 1805 г. на родину Веллингтон был возведен в рыцарское достоинство и избран членом палаты общин, а через два года вошел в состав правительства герцога Портленда в качестве государственного секретаря по делам Ирландии.

В 1808 г. возобновляется его военная карьера. В войнах против наполеоновской Франции он вплоть до 1813 г. выступал в качестве главнокомандующего союзными войсками на Пиренейском полуострове. Полководец нанес поражение войскам маршала Жюно при Вимейро, а в следующем году в ходе освободительного похода на Мадрид разгромил французские войска при Талавере, за что получил титул виконта Веллингтона.

Переброска в Испанию 70-тысячной французской армии вынудила его отступить в Португалию. Вновь перейти в наступление британские войска смогли лишь в 1812 г. Артур-Уэлсли взял штурмом город Сьюдад-Родриго и крепость Бадахос. Испанские кортесы сделали его маркизом Торрес-Ведрас, испанским грандом и герцогом Сьюдад-Родриго, а принц-регент дал ему титул графа Веллингтона. Но главное испытание на испанской земле ждало его при Саламанке. Во главе 50-тысячной соединенной англо-испанской армии полководец одержал блестящую победу над маршалом Мармоном и вошел в Мадрид, за что британской короной был пожалован титулом маркиза.

По мере того, как Наполеон, потерпевший поражение в России, вынужден был забрать значительную часть своих войск из Испании, Веллингтон получил благоприятную возможность для нового наступления. В июне 1813 г. он нанес поражение

французам при Витории, имея, правда, почти полуторное преимущество в живой силе. Это сражение, завершившее освобождение Испании от французских оккупантов, принесло Веллингтону чин английского фельдмаршала.

В феврале 1814 г. он с войсками перешел Пиренеи, одержал несколько побед над отчаянно сопротивлявшимися войсками маршала Сульта и занял Тулузу, где его застало известие о заключении мира в Париже.

Удостоенный титула герцога, он был направлен послом Британии в Париже. Представлял свою страну на Венском конгрессе 1814–1815 гг., созванном победителями Наполеона для решения вопросов о послевоенном устройстве Европы. Вновь, образно говоря, достать меч из ножен его заставила весть о высадке в Марселе бежавшего с Эльбы французского императора. Победа при Ватерлоо принесла английскому полководцу поистине европейскую славу.

После заключения второго Парижского мира герцог Веллингтон был назначен главнокомандующим союзными войсками во Франции и оставался там до конца оккупации. В 1819 г. он вернулся на Британские острова и стал членом кабинета министров. Представлял свою страну в Ахене (1818) и Вероне (1822) на конгрессах Священного союза, о создании которого Россия, Англия, Австрия и Пруссия договорились еще при подписании второго Парижского мира. Назначенный в 1826 г. послом в России, герцог Веллингтон имел возможность лично поздравить Николая I с восшествием на престол.

С 1827 г. он – главнокомандующий английской армией, одновременно в 1828–1830 гг. – премьер-министр, в 1834–1835 гг. – министр иностранных дел, в 1841–1846 гг. – министр без портфеля. Находясь на правительственных должностях, Веллингтон прославился консервативной позицией, последовательно выступая против реформы политического устройства страны. Покинув правительство, он сохранил за собой посты главнокомандующего армией, губернатора Тауэра, канцлера Оксфордского университета.

Герцог умер 14 сентября 1852 г. и был похоронен с почестями, соответствовавшими его статусу выдающегося полководца, государственного деятеля и дипломата, в лондонском соборе Св. Павла.

В 1814 г. после взятия Парижа Веллингтон, как и несколько ранее другие военачальники союзных армий – наследник шведского престола маршал Ж.Б. Бернадот (за Денневиц), прусский фельдмаршал Г.Л. Блюхер и австрийский фельдмаршал К. Шварценберг (за Лейпциг), был удостоен ордена Св. Георгия 1-

й степени [32] . В 1818 г. Александр I пожаловал ему чин российского генерал-фельдмаршала в ознаменование совместной победы над Наполеоном.

Светлейший князь Петр Христианович Витгенштейн (1769–1843)

Первым наставником Петра Витгенштейна на военном поприще был генерал Вильгельм Христофорович Дерфельден. Этот екатерининский генерал на протяжении тридцати лет воевал рядом с А.В. Суворовым, был ценим генералиссимусом и знал, чему научить подчиненных. Под командованием Дерфельдена Витгенштейн отличился в войне с Барской конфедерацией, объединявшей польскую шляхту в ее стремлении отделиться от Российской империи. В сражении при Остроленке 18 октября 1794 г. он во главе эскадрона лихо атаковал вражескую батарею и

захватил ее.

Суворов – природный «русак». Дерфельден – эстляндский немец. Витгенштейн – немец «нежинский» (в том смысле, что хоть и из старинной германской фамилии, но родился в Нежине). Всем им (а ведь и другим героям несть числа: грузин П.И. Багратион, шотландец М.Б. Барклай де Толли, сын курляндского барона и шведки Ф.В. Остен-Сакен, сын этнического турка А.И. Кутайсов, армянин В.Г. Мадатов…) Россия была и горячо любимым Отечеством, и алтарем, на который они принесли ратный подвиг, а то и саму жизнь.

Петр родился в семье генерал-лейтенанта на русской службе, но с юных лет воспитывался в доме президента Военной коллегии будущего генерал-фельдмаршала Н.И. Салтыкова, который приходился родственником мачехе Витгенштейна. Уроженец провиции, он получил прекрасное столичное образование. В одиннадцатилетнем возрасте по обычаю того времени был записан сержантом в лейб-гвардии Семеновский полк. В 1790 г. произведен в первый офицерский чин. Боевое крещение получил в войне против польских повстанцев, о чем уже говорилось выше. Его храбрость в сражении под Остроленкой, при штурме Праги и Варшавы была отмечена орденом Св. Георгия 4-й степени.

Отважного офицера перевели на Кавказ: в сентябре 1795 г. Екатерина II вынуждена была двинуть в Грузию войска, чтобы остановить нашествие персов.

Витгенштейн отличился при взятии Дербента и был отмечен своеобразной наградой – его направили в столицу с ключами от крепости. По службе его рост после этого был впечатляющ: в 1799 г. он произведен в генерал-майоры, а в следующем году назначен шефом Мариупольского гусарского полка.

Витгенштейн не раз сходился в бою и с поляками, и с турками, и со шведами. Но его имя в истории оставила, без сомнения, Отечественная война 1812 г. К моменту вторжения французов Петр Христианович, переживший при Павле I необоснованное увольнение в отставку и возвращенный на службу императором Александром I, был уже генерал-лейтенантом, кавалером многих орденов, в том числе Св. Георгия 3-й и 4-й степени. В 1-й Западной армии Барклая де Толли он командовал 23-тысячным корпусом, и на него была возложена задача закрыть путь французам к российской столице по линии реки Двины.

Барклай, избегая окружения, с основной частью армии покинул Дрисский лагерь и направился к Витебску для соединения с Багратионом (*см. очерк о М.Б. Барклай де Толли*). Витгенштейн же остался, выполняя поставленную задачу. На

русский корпус навалились корпуса Макдональда и Удино. Французские полководцы намеревались обойти его и замкнуть кольцо с тыла. Петр Христианович принял единственно верное, хотя и рискованное решение – последовательно напасть на войска противника, пока они действовали порознь.

Первым меткость русских орудий и силу русского штыка выпало испытать Удино. Боевое столкновение произошло 18 июля в районе деревни Клястицы. Оно переросло в трехдневное сражение, в котором с французской стороны участвовало более 23 тысяч человек, а с русской – 18. Огонь артиллерии, непрестанное маневрирование войск, четкие и своевременные приказы командующего – все работало на успех. Удино, потеряв до 10 тысяч штыков, вынужден был возвратиться к Полоцку. «Едва ли бы кто сделал лучше», – отозвался на результаты сражения при Клястицах М.И. Кутузов, говоря о нем, как «полной победе». Но и русским успех дался тяжело, за него было заплачено жизнью 4300 человек, в том числе легендарного генерала Я.П. Кульнева. В сражении был ранен в голову и сам Витгенштейн.

Полководец удостоился особых милостей императора. В обход установленного порядка, не имея еще ордена Александра Невского, он получил орден Св. Георгия 2-й степени и ежегодную пенсию в 12 тысяч рублей, а его супруга стала кавалерственной дамой ордена Св. Екатерины меньшего креста.

Но почивать на лаврах времени не было: враг продолжал наступать. В первых числах августа к Удино присоединился генерал Сен-Сир, после чего силы французов выросли до 45 тысяч человек против 17 у русских. Французский маршал вынашивал план, пользуясь почти трехкратным превосходством, дать под Полоцком решительное сражение и не только отомстить за поражение под Клястицами, но и ликвидировать, наконец, преграду на пути к Санкт-Петербургу. Витгенштейн, который поначалу планировал перейти Двину, чтобы обрушиться на корпус Макдональда, вынужден был вносить в расчеты срочные поправки.

Не ожидая наступления со стороны превосходящего противника, он напал первым. Попытался рассечь боевые порядки французов, чтобы отрезать их корпуса друг от друга. Контратаковавшую дивизию Леграна русские приняли в штыки и отбросили к предместьям Полоцка. В атаке был ранен Удино, и командование принял на себя Сен-Сир. 6 августа, предприняв отвлекающий маневр, он атаковал центр и левый фланг русских. Сражение с переменным успехом длилось целый день, и, потеряв примерно по 2 тысячи человек, стороны отошли на исходные позиции. Наполеон, желая вселить в Сен-Сира дополнительное

мужество, сделал его маршалом.

Но скорее это была победа русских, ибо враг продолжал топтаться на месте, не в состоянии продвинуться к столице Российской империи. Это в полной мере оценили соотечественники Витгенштейна.

Наш Витгенштеин, вождь-герой,
Петрополя спаситель, Хвала!..
Он щит стране родной,
Он хищных истребитель,

– с таким легко объяснимым пафосом отозвался о нем В.А. Жуковский в поэме «Певец во стане русских воинов» [33] .

Петербургское купечество поднесло полководцу 150 тысяч рублей. А от жителей Пскова он получил не менее дорогой дар – икону с изображением покровителя города Св. благоверного князя Гавриила и девизом «Чести моей никому не отдам». Государь повелел внести эту надпись в фамильный герб полководца.

Петр Христианович хорошо понимал, кому обязан такими почестями. Извещая корпус о подношении псковитян, он писал в приказе: «Я остаюсь в совершенной уверенности, что каждый из воинов 1-го корпуса, защищая милую родину свою, подобно Св. князю Гавриилу Псковскому, надписавшему на мече своем: “чести моей никому не отдам”, докажет и впредь, что честь, Отечество и слава августейшего монарха нашего дороже жизни и всего нашего достояния».

10 августа русские войска отошли за реку Дриссу, готовые на новых позициях противостоять неприятелю. Но ни Макдональд, ни Сен-Сир не предпринимали больше решительных действий. В течение почти двух месяцев стороны ограничивались лишь беспокоящими друг друга набегами. В кампании 1812 г. наступал перелом. 7 октября Наполеон покинул Москву и стал откатываться назад. Обстановка кардинально изменилась не только на московском, но и других направлениях.

Портрет генерал-фельдмаршала князя П.Х. Витгенштейна

К этому времени Витгенштейн имел под началом уже 36 тысяч человек и ожидал прибытия еще одного корпуса в 12–13 тысяч, в то время как французы располагали 32 тысячами штыков. 6 октября Петр Христианович перешел в наступление и на следующий день с тяжелыми боями занял Полоцк. Еще заблаговременно от императора был доставлен пакет с повелением не вскрывать его до взятия города. Распечатав пакет в точном соответствии с предписанием, полководец обнаружил в нем рескрипт о производстве в чин генерала от кавалерии.

Отступление из Москвы поставило фланговые корпуса

французов в тяжелое положение. На своем театре военных действий этим воспользовался Витгенштейн. 11 октября, как только в Полоцке был наведен надежный мост, его корпус перешел на левый берег Западной Двины и стал преследовать французов. 18 октября при Чашниках он разбил войска Виктора, поспешившего из Смоленска на помощь своим, и Сен-Сира. 25 октября взял Витебск, а 2 ноября нанес новое поражение Виктору при деревне Смольне (Смолянцы).

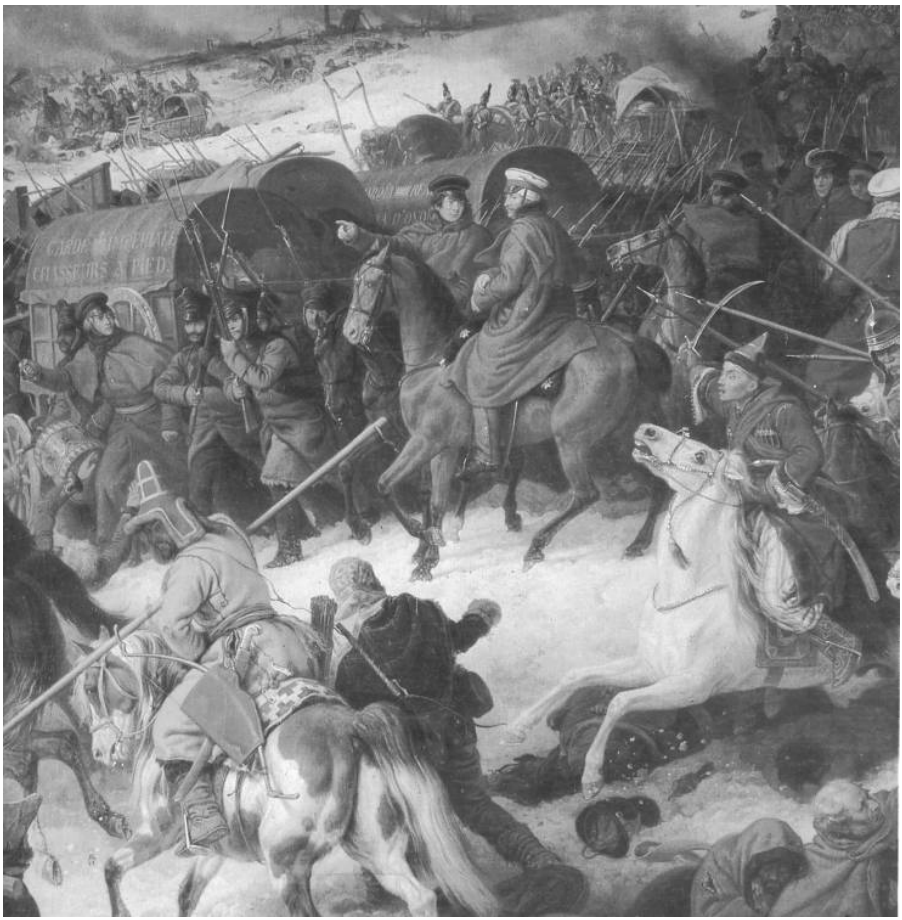
Жарким оказалось дело: шесть раз деревня переходила из рук в руки, русская пехота неоднократно бросалась в штыки. Обращаясь к войскам по случаю этой победы, Витгенштейн говорил в приказе: «Враги кичливые, изнуренные гладом, усталостью и холодом среди самой Москвы, изумленные чрезвычайной храбростью войск и неимоверными пожертвованиями соотчичей наших… уже бегут из пределов наших… Друзья! Довершим, с помощью Всевышнего, великий подвиг наш, оправдаем доверенность нам государя и Отечества, преодолеем все труды, еще предстоящие и… заставим удивленную Европу воскликнуть вместе с нами: “Велик Бог Русский! Кто против Бога и России!”» [34] .

Петр Христианович отличался храбростью, был любим войсками, хорошо понимал природу боя. Все же он не смог утвердиться как военачальник, плодовитый на оригинальные идеи и способный вести крупные самостоятельные операции. (Советский историк Е.В. Тарле даже назвал Витгенштейна «третьестепенным полководцем» [35] , хотя это уж слишком.)

Так или иначе, но он, действуя совместно с адмиралом П.В. Чичаговым, мог бы у Борисова победно завершить войну. Главная квартира поставила перед ними задачу воспрепятствовать переправе французской армии через Березину 15–16 ноября. До тех пор Витгенштейну и Чичагову приходилось соперничать на поле брани с наполеоновскими маршалами и генералами, а здесь в поединок с ними вступил сам Бонапарт. Имитируя строительство моста южнее Борисова, французский император организовал действительную переправу к северу от города, у Студянки, и так и ускользнул с небольшой частью войск.

«К несчастью, дорога оказалась для артиллерии непроходимой», – так объяснял неудачу историк Д.Н. Бантыш-Каменский. К несчастью, добавим мы, русские военачальники слишком рано поверили, что французский император окончательно деморализован, способности к военному искусству потерял и на правом берегу Березины ему не бывать. И, как видим, напрасно. Правда, горькую пилюлю Витгенштейн все же подсластил победой над оборонявшими переправу войсками Виктора,

потерявшего 5 тысяч человек убитыми и 13 тысяч пленными. У русских из строя выбыло 4 тысячи.



П. Хесс. Переправа через Березину

С переносом военных действий за пределы России войска, руководимые Витгенштейном, отличились еще не раз. 27 февраля 1813 г., нанеся несколько чувствительных ударов по отступавшему от Риги корпусу Макдональда, они вошли в Берлин.

После кончины М.И. Кутузова генерала от кавалерии Витгенштейна российский и прусский государи избрали на роль главнокомандующего союзными войсками, хотя из четырех достойных кандидатов (кроме него – генералы А.П. Тормасов, М.А. Милорадович и немецкий маршал Г. Блюхер) он обладал наименьшим стажем пребывания в чине. Вероятно, такой выбор не был удачным. Поражения союзников в сражениях при Люцене (20 апреля) и Бауцене (9 мая) побудили Витгенштейна подать на имя Александра I прошение, содержавшее ходатайство о

назначении на его место М.Б. Барклая де Толли. Надо упомянуть, что этому прошению предшествовал визит к главнокомандующему генерала Милорадовича, который заявил: «Благо Отечества требует, чтобы вы были сменены».

Последней серьезной акцией войск Витгенштейна стало участие в сражении союзников при Бар-сюр-Обе (15 февраля 1814 г.). Здесь он был ранен в ногу, но поля брани не покинул, пока не стих гром пушек. Двадцать лет спустя его заслуги в этом сражении король Пруссии оценил возведением Петра Христиановича в княжеское достоинство с титулом светлости, и с тех пор он стал именоваться светлейшим князем Витгенштейн-Сайн-Берлебургом.

Не был Витгенштейн обижен невниманием к своим заслугам и на родине. Повелением Александра I он получил место в Государственном совете. Николай I в 1826 г. произвел его в чин генерал-фельдмаршала. Полководец стал также шефом Гусарского полка, получившего его имя. Император разрешил Петру Христиановичу и его потомкам носить княжеский титул, полученный от прусского короля, в России.

С началом русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Витгенштейн был назначен главнокомандующим войсками на Дунайском театре. В течение короткого времени русские заняли Молдавию и Валахию. Этот успех дал основание прибывшему к армии Николаю I препроводить фельдмаршалу алмазные знаки ордена Св. Андрея Первозванного, полученного им еще за битву при Люцене (хотя то сражение и завершилось неудачей).

В начале кампании следующего, 1829 г., полководец «ввиду совершенно расстроенного здоровья» запросил отставку. Есть, правда, и другая версия: его тяготило пребывание при армии императора, великого князя Михаила Павловича и начальника Главного штаба генерал-адъютанта И.И. Дибича, что сводило самостоятельность самого главнокомандующего к нулю. В любом случае последовало согласие Николая на отставку при сохранении «полного содержания, по званию главнокомандующего вам производимое».

Известный военный историк А.И. Михайловский-Данилевский знал что делал, когда после кончины Витгенштейна в 1843 г. писал: имя защитника Петрова града навсегда останется драгоценным для России. Что это так, свидетельствует факт современности. В мае 2002 г. в Каменке, бывшем фамильном владении Витгенштейнов (на территории бывшей Подольской губернии, ныне – Приднестровья), заложен мемориальный камень в честь Петра Христиановича. Торжественный акт прошел с участием делегации представителей исторической родины

полководца – немецких предпринимателей из города Айленбург. В перспективе здесь планируется открыть памятник фельдмаршалу.

Светлейший князь Петр Михайлович Волконский (1776–1852)

Потомку легендарного Рюрика П.М. Волконскому выпало остаться в военной истории России человеком, стоявшим у истоков Генерального штаба в современном его понимании, как центрального органа военного управления.

Семнадцатилетним Петр получил первый офицерский чин в лейб-гвардии Семеновском полку, а уже через семь лет, в 1800 г., он – полковник. В день коронации Александра I Петр Михайлович был пожалован в генерал-адъютанты и произведен в генерал-майоры. С этой поры и начинается его многолетняя штабная деятельность. До 1805 г. он состоял помощником начальника

военно-походной канцелярии его императорского величества, а с началом русско-австро-французской войны 1805 г. оказался в действующей армии и был назначен дежурным генералом соединенных русско-австрийских войск.

В сражении под Аустерлицем выпала ему возможность показать свою доблесть под огнем неприятеля, и молодой генерал ее не упустил. Став свидетелем отхода бригады графа С.М. Каменского, Волконский взял на себя командование Фанагорийским и Ряжским пехотными полками и повел их в контратаку. За этот подвиг Петр Михайлович, действовавший на глазах М.И. Кутузова, был удостоен ордена Св. Георгия 3-й степени. Представивший его к награде главнокомандующий говорил, что Волконский «оказал достоинства, кои при несчастье более видны, нежели при счастливом сражении» [36] .

По окончании войны Волконский по повелению Александра I и с согласия Наполеона на протяжении нескольких лет изучал французскую армию и, в первую очередь, устройство и деятельность ее генерального штаба. Фактически под видом путешественника русскому генералу пришлось исполнять разведывательную миссию. В 1810 г. он возвратился в Россию и возглавил свиту его императорского величества по квартирмейстерской части, ставшей прообразом Главного (Генерального) штаба.

Деятельность на этом посту – особая страница в жизни Петра Михайловича. К моменту назначения Волконского свита существовала уже почти 15 лет. За это время была доказана ее необходимость, но одновременно выявилось много недостатков. Состоявшие в ней офицеры и колонновожатые в мирное время занимались в основном съемочными и картографическими работами, были недостаточно связаны с войсками, с их боевой подготовкой, что отрицательно сказалось на их функциях во время войн с Францией и Турцией в конце XVIII – начале XIX в. Не существовало даже правильно организованного управления свитой, в частности, отсутствовала канцелярия управляющего, а комплектованию и чинопроизводству недоставало четкого порядка.

Всеми этими проблемами и занимался князь Волконский. В первую очередь он организовал центральное управление квартирмейстерской части, создав канцелярию управляющего свитой, определил круг обязанностей чинов как в мирное, так и в военное время, порядок подчиненности и взаимоотношений со строевыми начальниками. Структурно свита стала включать: управляющего квартирмейстерской частью с его канцелярией, генерал-квартирмейстеров (в армиях), обер-квартирмейстеров (в

корпусах), квартирмейстеров (в дивизиях).

При деятельном участии Петра Михайловича накануне войны с Наполеоном был выработан важнейший документ – «Учреждение для управления большой действующей армией», регламентировавший обязанности чинов квартирмейстерской части в военное время. Последние должны были осуществлять подготовку к военным действиям, содействовать командованию в руководстве их ведением и держать под контролем все дела, «подлежащие тайне» [37] .

По инициативе Волконского офицеры квартирмейстерской части получили в 1811 г. преимущества перед армейскими офицерами в один чин. Была организована их подготовка в Петербургском училище колонновожатых. Выдержавшие экзамены выпускники и пополняли собой свиту.

Среди других сложных, но исключительно полезных дел были: составление военной карты России, создание путем значительной закупки картографического фонда («депо карт») иностранных государств, обеспечение офицеров квартирмейстерской части картами и инструкциями по организации службы, основание библиотеки Главного штаба (для нее князь пожертвовал 500 собственных книг), учреждение мастерской математических и астрономических приборов и т. п. Все это самым положительным образом отразилось на вождении войск в начавшейся вскоре войне с Наполеоном.

В Отечественную войну 1812 г. и в период заграничных походов русской армии 1813–1814 гг. в ней разновременно находилось в среднем от 125 до 150 представителей свиты. По окончании боевых действий император, отмечая их несомненные заслуги, учредил Гвардейский Генеральный штаб с правами старой гвардии (преимущество в два чина) и с особым знаком отличия на мундире. В штаб вошли особо отличившиеся своими боевыми делами штаб– и обер-офицеры квартирмейстерской части.

Самому Волконскому удалось лишь эпизодически участвовать в боевых действиях, поскольку обязанности генерал-адъютанта и генерал-квартирмейстера лишали его возможности, образно говоря, острить клинок в бою. С апреля 1812 г. и вплоть до оставления Наполеоном Москвы он постоянно находился в свите императора. Лишь при отступлении французов Петр Михайлович был командирован в Витебскую губернию для формирования новых частей. В составе корпуса графа П.Х. Витгенштейна участвовал в боях у Студянки при переправе французов через Березину. Затем он получил назначение начальником штаба главнокомандующего М.И. Кутузова, а после его кончины занял

аналогичный пост в штабе Александра I.

Сопровождая императора, Волконский участвовал во взятии Парижа, а затем в Венском конгрессе. Когда пришла весть о возвращении Наполеона с Эльбы, именно Петру Михайловичу было поручено перебросить 225-тысячную русскую армию с Вислы на Рейн для противодействия французам. За боевые заслуги он был удостоен ордена Св. Владимира 1-й степени и многих наград стран-союзниц.

1815 г. можно считать переломным в военной судьбе Волконского. Исходя из опыта завершившегося многолетнего противоборства с Наполеоном, Александр I согласился с предложением о совершенствовании системы управления военным ведомством. Оно было вверено вновь учрежденному Главному штабу, начальником которого и стал Петр Михайлович. В 1817 г. его служебное положение было закреплено производством в генералы от инфантерии.

Его плодотворная деятельность на посту начальника Главного штаба прервалась в 1823 г. из-за столкновения с графом А.А. Аракчеевым по поводу сметы Военного министерства. Учитывая влияние Аракчеева на императора, уступить вынужден был Петр Михайлович. Подсластить пилюлю было призвано награждение его орденом Св. Андрея Первозванного.

А.А. Керсновский по праву называет Волконского отцом российского Главного (Генерального) штаба. Генерала А. Жомини, возглавлявшего комиссию по выработке штатов Генштаба и учреждению высшего военно-научного заведения, он иронически именует «швейцарцем-гувернером», пожавшим плоды многолетней и планомерной работы князя на этом поприще, причем гувернером не особенно удачным: «Колонновожатые Волконского знали и понимали войска – академики Жомини обратились в каких-то военных институток, совершенно незнакомых с военными возможностями и строевой жизнью. С этого времени пошел отрыв генерального штаба от войск – жесточайший промах российской военной организации…» [38] .

С воцарением Николая I Волконский стал министром императорского двора и уделов, был введен в состав Государственного совета. С 1837 г. он – генерал-инспектор запасных войск российской армии.

Николай Павлович высоко ценил ум и опыт человека, полвека находившегося в высшем эшелоне власти. В 1834 г. князь Волконский получил титул светлости, а в 1843 г. был пожалован в генерал-фельдмаршалы. Ему была оказана и еще одна редкая почесть: в 1839 г. после высочайшего смотра войск на Бородинском поле Петр Михайлович был назначен шефом

Белозерского пехотного полка.

Скончался он 27 августа 1852 г. на 76-м году жизни. А мы, открывая сегодня список начальников Генерального (Главного) штаба вооруженных сил Российской империи, СССР и Российской Федерации, видим под № 1 фамилию его – светлейшего князя Волконского.

Светлейший князь Михаил Семенович Воронцов (1782–1856)

Полу-милорд, полу-купец,
Полу-мудрец, полу-невежда,
Полу-подлец, но есть надежда,
Что будет полным наконец.

Это – бессмертный Пушкин о нем, Воронцове. В иной редакции эпиграммы есть еще и прямое обвинение в отсутствии воинской доблести – «полу-герой» [39] . Но отчего столь уничижительная характеристика? Может, в ней больше досады на

губернатора, выславшего поэта из Одессы за грехи, которые ведомы им одним, нежели правды?

Родился светлейший князь в 1782 г., причем восприемницей его была сама Екатерина II. «Рождение твое всех порадовало; веди жизнь такую, чтобы все сокрушались о твоей смерти», – такие напутственные слова над колыбелью произнес его отец граф Семен Романович, видный дипломат. О том, как исполнил сын отцовский наказ, современники рассудили через три четверти века…

Мальчик рано потерял мать. Юность он провел в Англии, где его отец был российским полномочным посланником, получил там блестящее образование. На воинскую службу Михаил был зачислен в 1801 г. поручиком. Тут нельзя не сказать о коллизии, которая возникла с его чинопроизводством и из которой молодой Воронцов вышел с честью. Дело в том, что, подобно пушкинскому Гриневу, он еще в четырехлетнем возрасте был записан в лейб-гвардии Преображенский полк бомбардир-капралом, а через какое-то время произведен в прапорщики. В 16 лет он был пожалован титулом камергера двора его императорского величества, благодаря чему по действовавшему тогда порядку мог перейти на военную службу сразу в чине генерал-майора. Но, хорошо понимая, как слабо разбирается он в военном деле, Воронцов испросил у царя разрешение начать службу с младших, соответствующих его летам чинов.

В 1803 г. по собственному желанию Михаил был командирован на Кавказ в распоряжение главнокомандующего князя П.Д. Цицианова. Блестящий лейб-гвардеец не боялся лезть под пули и отличился при штурме Гянжи 3 января 1804 г., во время которого вынес из боя раненого (им был будущий генерал от инфантерии П.С. Котляревский). А в бою 15 января во время отступления русского отряда через Закатальское ущелье едва не погиб сам при падении с горной кручи.

На смену жарким стычкам с воинственными горцами на этом же театре пришло участие в боях в начавшейся войне с Ираном (1804–1813). Михаил Семенович участвовал в походах в Имеретию и Эриванское ханство. Здесь он не только отличился ратными достоинствами, но и проявил завидные дипломатические способности, успешно проведя переговоры с имеретинским царем Соломоном, в результате принявшим подданство России.

По представлению главнокомандующего молодой офицер из поручиков был произведен, минуя одну ступень, сразу в капитаны и награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. От своего прямого начальника Воронцов заслужил лестный отзыв, изложенный П.Д.

Цициановым в письме Александру I: «Не могу особенно не рекомендовать при мне находящегося… лейб-гвардии Преображенского полка поручика графа Воронцова, который деятельностью и попечительностью своею, заменяя мою дряхлость, большою мне служит помощью и достоин быть сравнен с его сверстниками» [40] .

Его жажде упоения в бою могли позавидовать многие. С Кавказа Воронцов перебирается на западный театр, где принимает участие в русско-прусско-французской войне 1806–1807 гг. За отличия в Пултусском сражении (14 декабря 1806 г.) он произведен в полковники. В следующем году ему был вверен 1-й батальон лейб-гвардии Преображенского полка, с которым Воронцов разделил не только победы, но и поражение армии генерала Л.Л. Беннигсена от войск Наполеона под Фридландом (2 июня 1807 г.).

А через два года путь Воронцова вновь пролег на юг, на войну с Турцией (1806–1812), куда он направился в сентябре 1809 г. во главе Нарвского пехотного полка. На театре военных действий Михаил Семенович был до конца 1811 г., пройдя славную боевую школу П.И. Багратиона и М.И. Кутузова. Вот лишь основные вехи его ратной биографии в той войне: 1810 г. – успешный штурм крепости Базарджик 22 мая (производство в генерал-майоры, а полку дарованы георгиевские знамена); победы под Шумлой 11–12 июня и при Ватине 26 августа, овладение городом Систовом; 1811 г. – победа над турками в полевом сражении у Рущука 22 июня (золотая шпага, украшенная бриллиантами, от императора); сражение под Виддином 9 октября (орден Св. Георгия 3-й степени).

А потом пришел год 1812-й. В Отечественной войне Михаил Семенович принял деятельное участие. Еще накануне вторжения Наполеона он вступил в командование сводной гренадерской дивизией в составе 2-й западной армии Багратиона. Дивизия вела тяжелые арьергардные бои при отступлении, пока в районе Смоленска армии Багратиона и Барклая де Толли не соединились. Она мужественно сражалась у стен древнего русского города 5 августа.

В Бородинской битве 26 августа Воронцов получил приказ оборонять Шевардинский редут и Семеновские (Багратионовы) флеши. Именно на его дивизию и дивизию Д.П. Неверовского пришелся главный удар войск маршалов Даву, Нея и Жюно, подкрепленных кавалерией Мюрата.

На обороняющихся обрушился огонь 130 орудий. Подчиненные Воронцова защищали вверенные позиции воистину с львиным мужеством, из 4 тысяч уцелело всего 300 человек. Как

писал Михаил Семенович, дивизия «исчезла не с поля сражения, а на поле сражения». Но даже при таких огромных потерях оставшиеся в живых гренадеры вместе с дивизией Неверовского отбросили французов, которые при пятой атаке флешей на некоторое время сумели захватить их (*см. очерк о М.И. Голенищеве-Кутузове*). Сам командир дивизии при этом получил ранение в ногу.

У вчера еще никому не известной подмосковной деревушки Воронцов и его боевые товарищи совершили такое, что, по мнению современников, затмило многие предыдущие победы русского оружия. Недаром у известного в те годы поэта и журналиста А.Ф. Воейкова родились такие строки:

Однако же в преданьях славы
Все громче Рымника, Полтавы
Гремит Бородино.
Скорей обманет глас пророчий,
Скорей небес погаснут очи,
Чем в памяти сынов полночи
Изгладится оно.

После сражения Воронцов был отвезен в Москву на лечение. В своем фамильном доме он обнаружил большое количество подвод, ввиду угрозы французской оккупации присланных из деревни для вывоза имущества. Офицер, дворянин, он и подумать об этом не мог и велел использовать транспорт для отправки раненых в свое имение в селе Андреевское во Владимирской губернии, где нашли заботливый уход до 50 генералов и офицеров и более 300 нижних чинов. Из его личных средств оплачивался труд докторов и выписывались медикаменты. По выздоровлении каждый рядовой снабжался бельем, обувью и десятью рублями. Денежная помощь оказывалась и неимущим офицерам.

Сам генерал, едва оправившись от раны, вновь стал в строй, приняв участие в заграничном походе русской армии. В наступлении на Восточную Пруссию и Польшу он возглавил легкий отряд из казаков и егерей, который, как и подобные подвижные отряды генералов А.И. Чернышева и Ф.Ф. Винценгероде, совершал глубокие рейды, настигая и уничтожая отдельные группы неприятеля. Такая тактика действий при движении русских войск к Одеру полностью оправдала себя. В подтверждение этой мысли знаток войны 1812 г. П.А. Жилин приводит такой эпизод: «…Успешными были наступательные действия и отряда Воронцова. 6 января 1813 г. войска отряда овладели Бромбергом – важным опорным пунктом противника на

левом берегу Вислы. Французы, поспешно покинув город, оставили в нем 200 тысяч пудов муки, 2 тысячи пудов пороха…» [41] .

Воронцов отличился в Лейпцигском сражении 4–7 октября 1813 г., но особенно в сражении у Краона 23 февраля 1814 г. Оно украсило полководческую биографию Михаила Семеновича наравне с Бородинским сражением. Командуя отдельным отрядом в 18 тысяч человек, генерал с успехом отразил нападение превосходящих сил (30 тысяч) самого Наполеона. Когда от командующего союзной русско-прусской Силезской армией Г. Блюхера был получен приказ на отход, вверенные Воронцову войска в полном порядке отступили, выполнив поставленную задачу и не оставив противнику ни пленных, ни трофеев. За действия в этом сражении полководец был удостоен ордена Св. Георгия 2-й степени. Чуть позднее Александр I сделал его своим генерал-адъютантом.

После заключения мира Михаил Семенович командовал русским оккупационным корпусом во Франции, оставив в сердцах французов добрый след о себе, как о блестящем генерале и гуманном человеке. Немаловажный для его характеристики факт: при возвращении корпуса на родину в 1818 г. он из личных средств заплатил все долги, имевшиеся у русских офицеров во Франции и составившие полтора миллиона рублей.

В 1823 г. Воронцов был назначен новороссийским и бессарабским генерал-губернатором. Это – особая страница в его биографии. Именно тогда, – а он оставался губернатором до 1844 г. – Михаил Семенович заработал сколь нелестную, столь и, как представляется, запальчивую и потому несправедливую характеристику от великого поэта.

Хорошо известно, что Пушкин испытывал романтические чувства к жене Воронцова – Елизавете Ксаверьевне. Это была, действительно, женщина редкого обаяния. Вдовствующая императрица Мария Федоровна говорила, что выдающийся характер сочетается у нее с прелестью красоты и ума, и того человека, который соединит с ней свою судьбу, она сделает счастливым. Таковым стал Воронцов, незадолго до кончины он признался, что женитьба на Елизавете Ксаверьевне дала ему за почти 40 лет совместной жизни много счастья.

Административная деятельность Воронцова по обустройству Новороссийского края оставила его имя в истории русской культуры. Им были приняты меры к заселению и хозяйственному освоению пустынных земель, получила широкое развитие внешняя торговля через порты Азовского моря, Одесса по своему промышленному значению превратилась в южную столицу

России. Город украсился великолепными зданиями, построенными по проектам известных архитекторов. Приморский бульвар с портом соединила знаменитая лестница. А для себя на Южном берегу Крыма Воронцов устроил поэтическую Алупку.

Продолжая заниматься гражданским управлением края, он в чине генерала от инфантерии успел принять важное для армии участие в войне с Турцией 1828–1829 гг. Дело в том, что возглавивший осаду крепости Варна генерал А.С. Меншиков (правнук петровского генералиссимуса А.Д. Меншикова) получил жестокую контузию и Николай I, находившийся в это время в Одессе, поручил штурм именно Воронцову. Тот жесткой рукой взялся за организацию осады, и через 40 дней 29 сентября 1828 г. Варна пала. Николай, прибывший к войскам, лично вручил полководцу золотую шпагу в бриллиантах с надписью «За взятие Варны», а в следующем году удостоил его ордена Св. Андрея Первозванного.

В 1844 г. по предложению императора Михаил Семенович объединил в своем лице ранее находившуюся в разных руках военную и гражданскую власть на Кавказе, который из-за давно уже длившейся войны с горцами был поистине больным регионом России. Он стал здесь наместником и главнокомандующим отдельным Кавказским корпусом. «Я стар и становлюсь дряхл, боюсь, что не в силах буду оправдать ожидания царя, но русский царь велит идти, и я, как русский, осенив себя знамением креста Спасителя, повинуюсь и пойду», – был ответ 62-летнего генерала на предложение Николая.

Новому наместнику были предоставлены чрезвычайные полномочия. Ему предстояла действительно трудная задача – восстановить потрясенный Шамилем авторитет русского оружия. Для начала он проинспектировал левый фланг Кавказской линии, войска которой готовились к походу против имама, осмотрел укрепления Сунженской линии, Назрани, крепости Грозная, обозрел Северный Дагестан. И только после этого, уверившись в надежности тылов, 31 мая 1845 г. Воронцов выступил во главе войск в знаменитую Даргинскую экспедицию (*см. очерк о А.И. Барятинском*).

Преодолев необычайной трудности путь, войска 6 июля дошли до аула Дарго – ставки Шамиля и после 8-часового боя взяли его. Разгромить горцев, однако, не удалось. Они отошли, а при возвращении русского отряда через густые Ичкерийские леса окружили его. К натиску горцев добавилось отсутствие провианта. Личным мужеством, а также тем, что разделял трудности и лишения войск, полководец сумел сохранить в них порядок и бодрость. Рассказывали, что чинам свиты приходилось

буквально насильно выносить его на руках из-под огня. Желая подать пример похода налегке, он оставил все свое имущество и спал на голой земле. Благодаря войскам генерала Р. Фрейтага, подошедшим на выручку, отряду Воронцова удалось выйти из окружения.

Со времен Кавказской войны сохранился рассказ о курьезном случае, к которому имел прямое отношение Михаил Семенович и который лишний раз характеризует его личные качества. Во время боя в ходе Даргинской экспедиции был ранен некий юнкер Тихонов, попавший на Кавказ за лень и молодецкие шалости. Его новые товарищи по Куринскому полку на носилках понесли его на перевязочный пункт. По дороге им встретился Воронцов.

– Кого несете, братцы?

– Юнкера Тихонова, ваше сиятельство.

– Поздравляю его прапорщиком, – громко возгласил генерал.

Раненого пронесли на сотню шагов в тыл и остановились для краткого отдыха. Группу нагнал главнокомандующий со свитой.

– Кого несете, куринцы?

Бой с чеченцами под Акбулат-Юртом.
Литография Поль-Пети по рисунку А. Козлова и В. Агена с оригинала Д. Кенига. 1849

Поскольку солдаты своими ушами слышали о пожаловании их сослуживцу чина, они без всяких колебаний ответили:

– Прапорщика Тихонова, ваше сиятельство.

– Поздравляю его подпоручиком, – объявил Воронцов.

Через некоторое время пути раненого и главнокомандующего вновь пересеклись, поскольку дело происходило на поле боя, и Воронцов все время передвигался под огнем, руководя действиями подчиненных. После обмена традиционными репликами куринцы услышали в адрес Тихонова:

– Поздравляю его поручиком.

Когда встреча произошла в четвертый раз, в ответ на вопрос: «Кого несете, куринцы?», с носилок раздался слабый голос того, кто вступил в бой юнкером:

– Поручик Тихонов, ваше сиятельство.

– Поздравляю вас, милейший Тихонов, штабс-капитаном, – утешил раненого страдальца Воронцов, в горячке боя не замечая, что он производит в новые чины одного и того же.

Когда спустя некоторое время недоразумение открылось, и о нем доложили главнокомандующему Кавказским корпусом, Михаил Семенович объявил: «От своих слов я никогда не отказываюсь» [42] .

За Даргинский поход, даже учитывая его относительную неудачу, граф Михаил Семенович был возведен в княжеское достоинство. «Честь и слава вам и храбрым вашим войскам, что называвшееся невозможным – исполнено, – писал ему Николай I. – О мужестве, стойкости и терпении войск среди трудов и лишений всякого рода нечего распространяться; они глядели на вас, шли за вами, терпели с вами, и они русские». Лестные, конечно, слова. Однако, как писал Л.Н. Толстой, Воронцов очень не любил вспоминать эпизод с приходом к нему на выручку.

Много сил затратил наместник для гражданского устройства края. Ко времени его управления относятся: разделение Закавказья на губернии, учреждение ряда учебных заведений, библиотек, отделения Кавказского географического общества и первого в Тифлисе театра, выход в свет газеты «Кавказ». При нем были составлены топографические карты Кавказа, начата разработка военно-статистического описания местных губерний, улучшены пути сообщения, особенно имевшие значение для дальнейшего военного наступления на Шамиля, приняты меры к развитию горной промышленности и сельского хозяйства.

Особое внимание Воронцов уделял развитию дружеских отношений между русским и местным населением. Учитывая, что большая часть горцев исповедовала ислам, он требовал благожелательно относиться к мусульманам Кавказа так же, как раньше делал это в Крыму. Им руководило убеждение, что без подлинной веротерпимости достичь прочного мира на Кавказе невозможно.

Рука об руку с преобразованиями гражданского характера шло завоевание Кавказа. Действия Воронцова выражались в строго определенной системе, рекомендованной и опробованной еще генералом А.П. Ермоловым: наступать на горы медленно, но настойчиво, и в каждом вновь занятом пункте «становиться твердой ногой».

В 1847 г. он возглавил войска, действовавшие в Дагестане, и

руководил штурмом укреплений аула Гергебиль, осадой и взятием укрепления Салты, падение которого стоило жизни 100 офицерам и более 2 тысячам солдат. В этом походе полководца поразила тяжелая болезнь глаз, которую он перенес, поддерживаемый лишь своей железной волей и непоколебимым чувством долга. Чтобы ободрить старого служаку, император, благодаря его за «водворение спокойствия и безопасности в… части Дагестана», сообщил о зачислении сына Воронцова Семена в лейб-гвардии Семеновский полк штабс-капитаном и назначении своим флигель-адъютантом. А несколько позднее в день Пасхи 1852 г. князю Воронцову вместе с его нисходящим потомством был пожалован титул светлости.

Лев Толстой в повести «Хаджи-Мурат», действие в которой относится к 1851 г., писал: «Воронцов, Михаил Семенович, воспитанный в Англии, сын русского посла, был среди русских высших чиновников человек редкого в то время европейского образования, честолюбивый, мягкий и ласковый в обращении с низшими и тонкий придворный в отношениях с высшими. Он не понимал жизни без власти и без покорности. Он имел все высшие чины и ордена и считался искусным военным, даже победителем Наполеона под Краоном. Ему в 51-м году было за семьдесят лет, но он был совсем еще свеж, бодро двигался и, главное, вполне обладал всей ловкостью тонкого и приятного ума, направленного на поддержание своей власти и утверждение и распространение своей популярности» [43] .

При всех достоинствах наместника Кавказа как военачальника борьба с горцами продолжалась еще несколько лет. Лишь к весне 1853 г. отряды Шамиля удалось полностью вытеснить из Чечни.

В октябре 1854 г. Воронцов был уволен со службы, оставшись генерал-адъютантом и членом Государственного совета. А в 1856 г. в день коронования Александр II пожаловал его в генерал-фельдмаршалы.

Умер светлейший князь в ноябре того же года в Одессе, где и погребен. В последний путь его провожал весь город. Под пушечные залпы тело было предано земле под сводами Одесского кафедрального собора (после революции собор был разрушен, и останки князя и княгини Воронцовых были перезахоронены на кладбище).

В Одессе, как и в Тифлисе, Михаилу Семеновичу были установлены памятники – и в обоих случаях на собранные по подписке деньги. Его образ увековечен резцом и кистью: скульптурное изображение помещено на памятнике «Тысячелетие России» в Новгороде Великом, а портрет помещен в Военной

галерее Зимнего дворца. Его имя выбито на мраморной доске в Георгиевском зале Московского Кремля. Многие ли государственные деятели России удостоились хоть толики таких почестей со стороны современников и потомков?

Генерал А.П. Ермолов называл его «милейшим другом и удивительнейшим из человеков». А писатель Ф.И. Глинка в своих «Письмах русского офицера», говоря о подвигах Воронцова, «доброго, человеколюбивого генерала», подчеркивал, что «ни богатство… ни блеск воинской славы не могли отвлечь его внимания от страданий ближних».

Вот тебе и «полу-подлец»…

Принц Людвиг-Иоанн-Вильгельм Гессен-Гомбургский (1704–1745)

Принц в известном смысле оказался человеком упущенных возможностей. Ему так и не удалось заполучить у судьбы самый большой выигрышный билет.

Старший сын ландграфа небольшого германского княжества Гессен-Гомбург Людвиг-Вильгельм прибыл в 1723 г. в Санкт-Петербург для заключения брака. Его тестем должен был стать сам Петр Великий, согласившийся выдать за него дочь – юную великую княжну Елизавету Петровну (будущую российскую самодержицу). Можно лишь догадываться, какие перспективы открывал этот брак принцу! Но кончина императора поставила

крест на планах Людвига-Вильгельма.

Через пару лет, находясь при русском дворе, принц попытался, как некогда его отец, получить во владение герцогство Курляндское. Понятно, это не то что править Российской империей, но все же… Однако и тут препятствия оказались непреодолимыми: слишком влиятельными были соперники – А.Д. Меншиков, принц Мориц Саксонский, наконец, фаворит Анны Иоанновны Э.И. Бирон.

Пришлось довольствоваться сравнительно малым – генерал-майорским чином от императора Петра II. Анна Иоанновна в 1730 г. произвела Людвига-Вильгельма в генерал-лейтенанты и ввела в состав Военной коллегии.

Добиваясь более значительного положения при дворе, молодой человек не брезговал интригами и доносами на влиятельных лиц. Он сблизился с всесильным Бироном, и в 1732 г. был назначен вместо генерал-аншефа В.Я. Левашева главнокомандующим русскими войсками в Персии. Место было горячее: еще во время Персидского похода Петра I русскими была занята Гилянская провинция, которую персы все время стремились возвратить себе. Стычки, бои, а то и целые сражения случались нередко. Левашев был профессионалом, а вот принц Гессен-Гомбургский проявил полную неспособность в военном деле.

Отозванный в столицу, он, тем не менее, получил чин майора гвардии и был награжден обоими существовавшими на тот период орденами – Св. Андрея Первозванного и Св. Александра Невского. В 1735 г. Людвиг-Вильгельм получил престижный пост генерал-фельдцейхмейстера русской армии.

От внимания принца не ускользнуло соперничество между Бироном и президентом Военной коллегии Б.Х. Минихом. На последнего он и стал писать многочисленные доносы, адресуя их фавориту императрицы. Делу способствовало пребывание Людвига-Вильгельма в ходе крымского похода войск под командованием Миниха в 1736 г. непосредственно в действующей армии (*см. очерк о Б.Х. Минихе*). Принц все время возражал против ведения активных действий непосредственно на территории полуострова, плел интриги, настраивая генералов против главнокомандующего. Он явно добивался отстранения Миниха, чтобы, будучи старшим по должности, самому занять его место.

В средствах достижения цели не стеснялся. Один из его доносов на главнокомандующего был столь гнусен, что даже Бирон не мог скрыть отвращения и отправил подлинник своему сопернику. Этого принц никак не ожидал, но, судя по всему,

расстраивался не долго. «Ничто не могло более поразить принца Людовика и очернить его в глазах целой армии, – писал один из его биографов. – Но это не помешало ему еще раз поступить под команду Миниха в походе 1737 г.» [44] .

Правда, по словам адъютанта Миниха полковника Х.-Г. Манштейна, принц «занемог в то самое время, как русские готовились идти на приступ, и выздоровел в день взятия Очакова». Манштейн с сарказмом добавлял, что тот растерял всю храбрость в Персии.

Что касается деятельности принца Гессен-Гомбургского в качестве генерал-фельдцейхмейстера, то ее оценка укладывается в одну фразу Д.Н. Бантыш-Каменского: «Артиллерийский департамент, находясь под его начальством, доведен был до совершенного расстройства».

В 1738 г. Людвиг-Вильгельм получил новый пост, став президентом Военной коллегии (он исполнял эту должность до кончины Анны Иоанновны в 1740 г.), но по-прежнему в основном занимался интригами против Миниха. В этом деле его новым союзником стал А.И. Остерман, ближайший советник императрицы. Лучше историка В.О. Ключевского об Остермане не скажешь: «…Великий дипломат с лакейскими ухватками, который никогда в подвернувшемся случае не находил сразу, что сказать, и прослыл непроницаемо скрытным, а вынужденный высказаться, либо мгновенно заболевал послушной тошнотой или подагрой, либо говорил так загадочно, что перестал понимать самого себя» [45] .

Впрочем, и сам принц в искусстве интриги мог дать любому сто очков вперед. Его неуживчивый сварливый нрав ощутил на себе чуть ли не весь Петербург, от него пострадали состоявший в Военной коллегии князь В.В. Долгорукий, вице-канцлер граф А.П. Бестужев-Рюмин и не они одни, хотя были людьми далеко не рядовыми.

Когда разразилась русско-шведская война 1741–1743 гг., принц в очередной раз прибыл в армию, но, по словам того же Манштейна, «находился на почтительном расстоянии от неприятеля».

Опытный интриган Людвиг-Вильгельм быстро сориентировался, своевременно примкнув к участникам дворцового переворота в пользу Елизаветы Петровны. Он не только сохранил, но и прирастил свои позиции, в то время, как и Бирон, и Миних при новой власти угодили в ссылку. В день коронации новой императрицы в апреле 1742 г. принц, некогда несостоявшийся ее жених, был произведен в генерал-фельдмаршалы и подполковники лейб-гвардии Измайловского

полка. Он также был назначен директором Шляхетского кадетского корпуса.

На этом сколько-нибудь заметное участие принца в делах Российского государства завершилось. Через некоторое время он решил возвратиться в фамильные владения в Германии, но прожил очень недолго, скончавшись в 1745 г.

Людвигу-Вильгельму, не удалось, как видно, воспользоваться и последним даром судьбы. В 1738 г. он сочетался браком с дочерью князя И.Ю. Трубецкого Анастасией Ивановной. Княгиня, по мнению современников, была одной из прекраснейших женщин Петербурга, блистала своей красотой и в европейских столицах, пользуясь при этом безупречной репутацией. Принц, человек холодный, нравственно малоразвитый, не смог, однако, составить счастье своей супруге.

Ландграф Людвиг IX Гессен-Дармштадский (1719–1790)

Ландграф представлял ту часть фельдмаршальского корпуса, члены которой приобрели высший военный чин благодаря исключительно династическому браку.

Правитель небольшого германского государства Гессен-Дармштадт, Людвиг IX на русской службе никогда не состоял. И, вероятнее всего, так и остался бы безвестным в России, но на его удачу Екатерина II подыскивала сыну, наследнику престола Павлу Петровичу, супругу. Всемогущая самодержица обратила внимание на трех незамужних дочерей ландграфа как на возможных невест. В 1773 г. все семейство прибыло на берега

Невы на смотрины. Выбор великого князя остановился на второй из принцесс, Вильгемине-Луизе, и был одобрен императрицей. Она «обладает всем тем, что нам подходит», – говорила Екатерина, называя свою невестку «золотой женщиной» [46] .

В сентябре 1773 г. состоялось бракосочетание великого князя Павла и принцессы Вильгемины-Луизы, после обращения в православие принявшей имя великой княгини Натальи Алексеевны. По такому торжественному случаю ее отец ландграф Людвиг IX повелением своей могущественной сватьи был удостоен ордена Св. Андрея Первозванного и получил чин генерал-фельдмаршала.

Но идиллия в семейной жизни продолжалась недолго. Пожиравшее великую княгиню честолюбие способствовало появлению в пределах «малого двора» замыслов об отстранении от власти Екатерины и возведению на престол Павла. Это стало известно императрице, но до поры до времени она никаких мер предпринимать не стала. Ситуация разрешилась самым неожиданным и трагическим образом: в апреле 1776 г. великая княгиня Наталья Алексеевна умерла от несчастных родов.

Соответственно и имя ее отца генерал-фельдмаршала Людвига IX Гессен-Дармштадтского окончательно исчезло из российского политического обихода.

Екатерина II принимает иностранных послов

Светлейший князь Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов-Смоленский (1745–1813)

…Под прохладной сенью стройных кипарисов хрустальным, в солнечных бликах комплиментов ручейком текла неспешная, по-восточному цветистая беседа. Немолодой, тучный, одетый в парадную форму русский генерал в продолжение целого часа не смел поднять взор на собеседниц. Но комплименты – то на французском, то на турецком звучали в адрес трех прелестниц исправно. А между ними – доводы о важности нормальных торговых и таможенных отношений с Россией. Слуги вносили

богатые дары, а с уст генерала все тек и тек мед комплиментов. Будто та неспешная беседа шла на светском приеме, а не под сенью кипарисов в… серале турецкого султана Селима III.

Кто был тот русский, осмелившийся нарушить вековой запрет на посещение посторонним мужчиной султанского гарема? Кутузов – посол русской императрицы Екатерины II.

Да, этот богато одаренный от природы человек был не только великим полководцем, но и дипломатом, и, что нередко одно и то же, разведчиком.

…Отпрыск древнего дворянского рода Голенищевых-Кутузовых, Михаил Илларионович начал военную карьеру в 15-летнем возрасте капралом артиллерии. Воевал против турок в армии П.А. Румянцева. За отличия в сражениях при Рябой Могиле, Ларге и Кагуле был произведен из капитанов сразу в премьер-майоры, а вскоре и в подполковники. В 1774 г. в Крыму при штурме деревни Шумы близ Алушты, куда он ворвался впереди солдат со знаменем в руках, получил: от врага рану, лишившую его правого глаза, от своих – орден Св. Георгия 4-й степени.

Начиная с 1776 г., Кутузов по воле императрицы почти безотлучно находился в распоряжении А.В. Суворова. В 1788 г. при Очакове он был снова ранен в голову. В 1790 г. генерал отличился при взятии Измаила, командуя штурмовой колонной на одном из наиболее трудных участков. Суворов так оценил его вклад в победу: «Кутузов показал новые опыты воинского искусства и личной своей храбрости. Он шел у меня на левом крыле, но был моей правой рукой…» Наградой на глазах растущему полководцу стал орден Св. Георгия 3-й степени.

В сражении при Мачине (территория нынешней Румынии) 9 июля 1791 г. Кутузов командовал одним из трех корпусов (*см. очерк о Н.В. Репнине*). Его войска, совершив прорыв из плотного окружения и нанеся сокрушительный удар во фланг неприятелю, решили исход крупнейшего после Рымника сражения второй русско-турецкой войны. Но даже командовавший всей армией князь Н.В. Репнин не знал, что обходной маневр Михаилу Илларионовичу помогли сделать два коновода из обоза… разгромленного великого визиря. Дело в том, что вести разведку, заводить информаторов в стане противника генерал привык давно и успешно. Роль Кутузова в «громком деле при Мачине» императрица оценила орденом Св. Георгия 2-й степени.

После Ясского мира 1791 г. с Турцией Михаил Илларионович, превосходно владевший французским, немецким, английским, польским и турецким языками, был отправлен Екатериной II чрезвычайным послом в Константинополь. Пребывание там

Кутузов считал счастливейшим временем своей жизни.

Он преуспел на новом поприще. Дипломатическую деятельность Михаил Илларионович успешно совмещал с функциями резидента разведки, чему способствовало знание турецкого языка и тонкостей принятого при восточном дворе этикета. «Дипломатическая карьера сколь ни плутовата, но, ей-богу, не так мудрена, как военная. Ежели ее делать, как надобно», – писал он жене из Стамбула.

В инструкциях Кутузову, разработанных под личным наблюдением Екатерины II, говорилось, что главная задача его посольства – «сохранить мир и доброе согласие с Портою». Кроме того, посол получил и негласное указание императрицы «склонить Диван турецкий и кого придется из особ, к султану приближенных, дабы соединиться с дворами европейскими против Франции». Чтобы исполнить поручение, Кутузов, как видим, не останавливался даже перед смертельно опасными шагами вроде посещения сераля.

К слову, от неизбежной расправы его уберег не только посольский ранг. Агентура Михаила Илларионовича распустила по Стамбулу слух, что он – главный… евнух Екатерины II, а это сразу и резко уменьшило его вину в глазах хозяина гарема. Благодаря же учтивости и красноречию, а также щедрым подаркам, привезенным для обитательниц сераля – Валиде, матушки Селима III, и ее двух наперсниц, посол из Петербурга покорил «розарий падишаха» и снял преграды на пути урегулирования торговых дел между двумя странами.

Организуя службу информации и разведки, Кутузов смотрел далеко вперед. Ему ли было не знать, что его стране еще придется воевать с османами. А раз так, то было бы преступным не воспользоваться поездкой в Стамбул во главе посольства через возможный театр будущих военных действий – Дунайские княжества и Европейскую Турцию. Михаил Илларионович под разными предлогами растянул сравнительно недальнюю дорогу на три с лишним месяца, в течение которых более двух десятков его помощников производили тщательную топографическую съемку местности, подмечали все, что могло пригодиться для успешных боевых действий.

Агентура была у Кутузова и в Стамбуле. Едва 7 октября 1793 г. Михаил Илларионович оказался в своей резиденции, к нему было допущено «не установленное лицо из турок, с которым имел долгий разговор на ихнем басурманском языке, всех прежде удалив…» [47] . Полученная информация была наиважнейшей, ибо назавтра предстояла встреча с великим визирем Мелеком Ахмет-пашой, и «лицо» сообщило Кутузову о привычках второй

персоны в имперской иерархии. Надо ли после этого задаваться вопросом, почему встреча русского посла с великим визирем «поразила всех сердечностью и взаимным политесом».

Восхитил Кутузов и самого султана Селима III, который не переставал удивляться, «каким образом человек, ужасный в боях, мог быть столь любезен в обществе». Отношения России и Турции на тот момент удалось нормализовать, планы Франции связать Петербург возможной войной на два фронта провалились. Но потом самому Кутузову пришлось воевать и с турками, и с французами.

Екатерина II благоволила к нему, высоко ценя дипломатические наклонности генерала и не только в общении с иностранцами. Тонкость и обходительность помогли ему сохранить свои позиции и при новом императоре. Взбалмошный Павел в буквальном смысле разогнал весь цвет полководцев: А.В. Суворова и А.А. Прозоровского отослал в деревню, а Н.В. Репнина, М.Ф. Каменского, И.В. Гудовича и вовсе отправил в отставку. Кутузов же не только удержался, но и стал – бесспорно, по заслугам – генералом от инфантерии, кавалером ордена Св. Андрея Первозванного. «С таким генералом можно ручаться за спокойствие империи», – заявлял Павел I.

Его преемник Александр I почти сразу после воцарения в июне 1801 г. назначил Михаила Илларионовича петербургским военным губернатором и инспектором войск, находившихся в Финляндии. Но уже в следующем году Кутузов, учитывая возраст и многочисленные раны, попросился на покой.

Недолгим оказалось сельское затворничество. С началом русско-австро-французской войны 1805 г. Кутузов получил рескрипт о назначении его главнокомандующим. В тяжелую ситуацию попала его армия: Наполеон, собрав 220 тысяч человек, 7 октября под городом Ульмом (Германия) разбил армию австрийского генерала Макка и вчетверо превосходящими силами навалился на вверенные Кутузову союзные русско-австрийские силы, насчитывавшие всего около 50 тысяч человек. Что было делать?

Отвечая Александру I, спешившему вместе с австрийским императором дать генеральное сражение, полководец предлагал: «Дайте мне отвести войска к границам России, и там, в полях Галиции, я погребу кости французов». Он словно отрабатывал план будущих действий в 1812 г.

Прямолинейные, лобовые решения ему были чужды. Недаром Суворов говаривал о своем подчиненном: «Ой, умен, ой, хитер, его никто не обманет». А Наполеон потом назвал его «старым лисом Севера». Бонапарт знал, что говорил, ибо в 1805 г. наш

главнокомандующий дважды провел его. В первый раз, отступая от Браунау, Кутузов усыпил бдительность противника и 30 октября у Кремса контратаковал корпус Мортье. Три бригады были прижаты к Дунаю и практически уничтожены.

Во втором случае «старый лис Севера» вообще превзошел себя. В наиболее критический момент отступательного марша на Ольмюц французы настигли русских. Кутузов затеял с Мюратом переговоры, добился почти на сутки перемирия, пользуясь которым основная часть армии оторвалась от противника на два перехода. Оставленный для прикрытия корпус генерала П.И. Багратиона 4 ноября у Шенграбена целый день сдерживал врага, а потом штыками проложил дорогу к своим.

Этот марш-маневр Кутузова от Браунау на Ольмюц – блестящий образец стратегического маневра, использования такой формы ведения войны, как активное, изматывающее силы превосходящего противника отступление. Михаил Илларионович не торопился наступать и потом, даже соединившись с 30-тысячным корпусом Ф.Ф. Буксгевдена.

Но к доводам опытнейшего генерала августейшие особы не прислушались, и Аустерлицкое сражение (20 ноября), в котором союзные войска вынуждены были действовать по неудачному плану австрийского генерала Ф. Вейротера, закончилось поражением. Вину за него возложили на русского главнокомандующего.

Сколько же обвинений в нерешительности, пассивности, бездействии, а то и трусости досталось на долю Кутузова. Только наиболее проницательные современники единодушно отмечали: то была не нерешительность – разумная осторожность. Старый вояка был дальновиден и мудр, под маской благодушия и внешней лености, малоподвижности скрывалась непрестанная работа мысли. «Лучше быть слишком осторожным, нежели оплошным и обманутым», – такую философию исповедовал он.

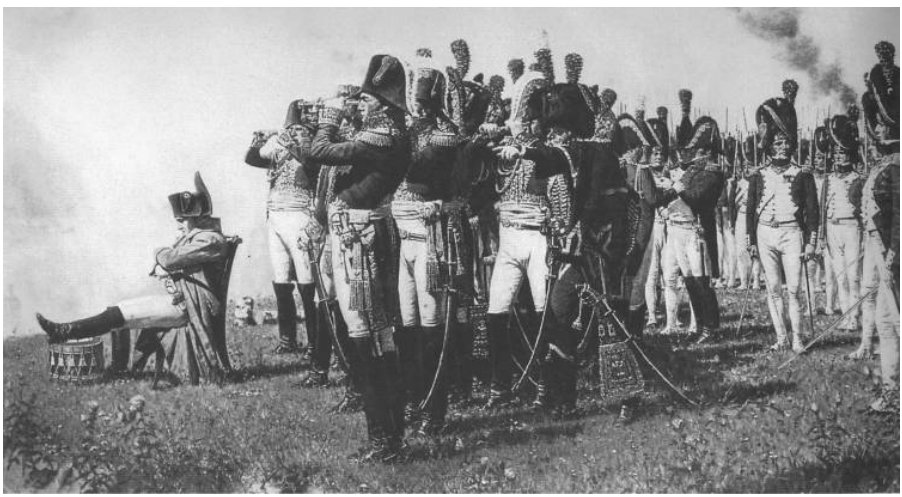
«Кутузов в эту кампанию держал экзамен на полководца, – считал военный историк А.А. Керсновский, – и выдержал его блестяще» [48] .

В русско-турецкую войну 1806–1812 гг. Михаил Илларионович командовал Молдавской армией (1811–1812), одержал победы под Рущуком и Слободзеей и заключил выгодный для России Бухарестский мир. Вот когда сказалась дальновидность Кутузова, готовившегося к схватке с «бусурманами» загодя, еще в бытность послом в Стамбуле.

Когда грянул 1812 год, князь под давлением общественного мнения был призван в главнокомандующие. С тем, что в России после Суворова нет более популярного полководца, не мог не

считаться даже прохладно относившийся к Кутузову Александр I. 17 августа сразу после соединения в районе Смоленска отступавших от границы 1-й и 2-й армий Михаил Илларионович прибыл к войскам, которые встретили его с невиданным воодушевлением. С именем великого полководца связаны все последующие действия против Наполеона от Бородино до Бунцлау.

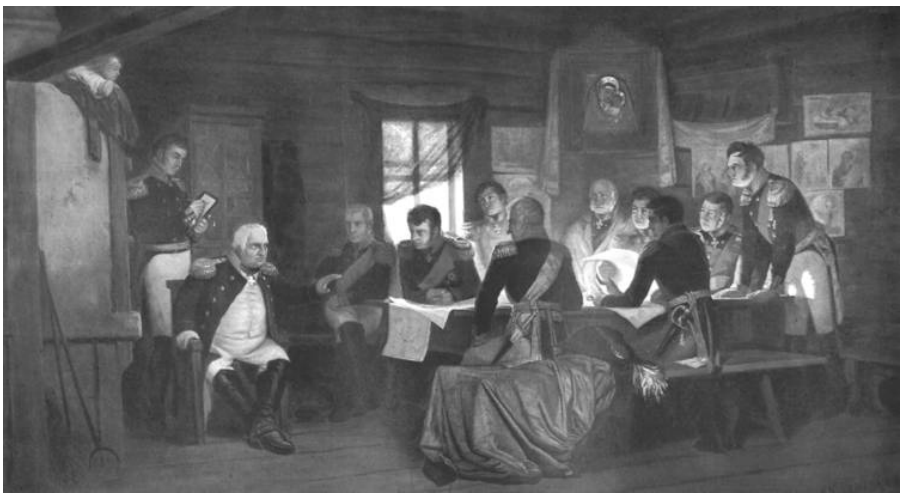
Численное превосходство продолжало оставаться на стороне французов. В ближайшем стратегическом тылу у Кутузова не было никаких резервов. Но он все же решил дать генеральное сражение. После своего прибытия к армии он еще 6 дней продолжал отход, пока 23 августа не выбрал позицию у села Бородино, где и развернул армию для сражения.



В.В. Верещагин. Наполеон I на Бородинских высотах. 1897

Оно разыгралось после ряда предварительных серьезных боев 26 августа (русские: 120 тысяч человек и 640 орудий; французы: 130–135 тысяч и 587 орудий). В Бородинской битве Кутузов продемонстрировал лучшие полководческие качества и переиграл Наполеона. Еще накануне он разгадал план французского императора, заключавшийся в том, чтобы выйти через позиции 2-й армии генерала П.И. Багратиона в тыл русским войскам и, прижав их к Москве-реке, уничтожить. Наш главнокомандующий своевременно усилил армию Багратиона, и хотя французам удалось ценой огромных потерь овладеть Багратионовыми флешами и батареей Раевского, реализовать свой замысел они не смогли. Потеряв более 50 тысяч человек, противник был вынужден вернуться на исходные позиции. Кутузов не рассматривал Бородинское сражение как решающее для всей войны. Сохранив основные силы (русские потеряли 44 тысячи

человек), он отошел к Москве, а затем оставил ее. Только самому Михаилу Илларионовичу было известно, насколько мучительно далось это решение, но он обоснованно считал, что «с потерей Москвы еще не потеряна Россия, с потерею же армии Россия потеряна». «Москва, как губка, всосет в себя французов», – провидчески говорил он на знаменитом военном совете в Филях. И действительно, Наполеон выдержал в русской столице чуть более месяца…



А.Д. Кившенко. Военный совет в Филях. 1889

Сражение при Малоярославце 12 октября, после которого французские войска вынуждены были отказаться от захвата района Калуги и двигаться на запад по Старой Смоленской дороге, разоренной ими еще летом на пути к Москве, означало окончательный переход инициативы к русской армии. Наш главнокомандующий опять переиграл французского. На повестку дня встала организация контрнаступления и преследования вражеской армии, все время таявшей и терявшей остатки дисциплины. Новый удар был нанесен в районе села Красное 3–6 ноября. Французы потеряли здесь 6 тысяч человек убитыми и ранеными, 20 тысяч пленными. И, наконец, при переправе через Березину 15–16 ноября после потери до 29 тысяч человек, почти всего обоза и артиллерии армия Наполеона как реальная сила перестала существовать (*см. очерк о П.Х. Витгенштейне*).

Из Вильно в конце ноября Кутузов доносил Александру I: «Война закончилась за полным истреблением неприятеля». В ознаменование его заслуг как главнокомандующего русской армией он был возведен в княжеское достоинство с титулом светлейшего, награжден орденом Св. Георгия 1-й степени, удостоился чина генерал-фельдмаршала и почетной приставки к

фамилии – Смоленский.

А.С. Пушкин имел все основания написать: «Слава Кутузова неразрывно соединена со славою России, с памятью о величайшем событии новейшей истории. Его титло: спаситель России; его памятник: скала Святой Елены!» [49] .

Михаилу Илларионовичу, правда, не довелось дожить до окончательной победы над Наполеоном и ссылки императора на остров Святой Елены. 16 апреля 1813 г., когда боевые действия уже переместились за пределы России, в небольшом силезском городке Бунцлау (ныне Болеславец, Польша) его сердце остановилось. Словно сама история, поняв, что Кутузов главную роль своей жизни исполнил – спас Отечество, отозвала его со сцены.

Местом его захоронения Александр I избрал Казанский собор. Почти два месяца двигался к столице траурный кортеж с телом фельдмаршала. Когда он прибыл в Санкт-Петербург, его встречали высшие чины империи. В двух верстах от города лошадей остановили, и гроб понесли на руках.

Е. Коссак. Отступление Наполеона из России. 1927.

На могилу в пределах Казанского собора, огражденную низкой решеткой из темной бронзы с золочеными венками, опорными стойками из моделей пушечных стволов и боевыми шлемами на угловых столбах, легла красная мраморная доска с надписью: «Князь Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов-Смоленский. Родился в 1745 г., скончался в 1813 г. в городе Бунцлау». Над доской разместили икону Смоленской Божьей Матери, доставленную из Александро-Невской лавры.

Широкое хождение получила версия, что сердце Кутузова было захоронено в Бунцлау. Вскрытие могилы, проведенное 4 сентября 1933 г., однако, подтвердило, что набальзамированное

сердце полководца в серебряной банке погребено вместе с ним.

Даже недоброжелатели отдавали должное уму, проницательности, обширным знаниям, чувству справедливости Кутузова. С примерным благочестием Михаил Илларионович соединял редкую доброту души. А его отношения с нижестоящими, особенно с солдатами, которых он называл своими детьми, сразу заставляют вспомнить его учителя Суворова.

Как-то во время преследования французов Кутузов оказался в расположении лейб-гвардии Измайловского полка.

– Есть ли хлеб? – спросил он.

– Нет, ваша светлость, – отвечали солдаты.

– А вино?

– Нет, ваша светлость.

– А говядина? – уже явно сердясь, вопрошал Кутузов. И вновь услыхав отрицательный ответ, громко пригрозил повесить провиантских чиновников. Солдатам же пообещал: – Завтра навезут вам хлеба, вина и мяса, и вы будете отдыхать.

Выслушав хор благодарностей, Кутузов многозначительно помолчал, а потом с сокрушенным видом произнес:

– Да вот что, братцы: пока вы будете отдыхать, злодей-то, не дожидаясь вас, уйдет…

В один голос закричали лейб-гвардейцы:

– Когда так, нам ничего не надобно, без сухарей и вина пойдем его догонять.

Услыхав эти слова, полководец поднял к небу голову и, утирая слезы, молвил:

– Великий Боже! Чем возблагодарить тебя за милость, что имею счастье командовать такими молодцами!..

Народ платил ему такой же любовью и таким же преклонением. Пронзительно звучат эти чувства в пушкинских строках:

Перед гробницею святой
Стою с поникшею главой…
Все спит кругом; одни лампады
Во мраке храма золотят
Столпов гранитные громады
И их знамен нависший ряд.
Под ними спит сей властелин,
Сей идол северных дружин,
Маститый страж страны державной,
Смиритель всех ее врагов,
Сей остальной из стаи славной
Екатерининских орлов.

<…>

Он нам твердит о той године,
Когда народной веры глас
Воззвал к святой твоей седине:
«Иди, спасай!» Ты встал – и спас.

Память о М.И. Кутузове (а вместе с ним и о М.Б. Барклае де Толли) увековечена в установленных на площади перед Казанским собором в Санкт-Петербурге монументах. Идея их установки принадлежала Александру I, в 1818 г. заявившему, что «слава генерал-фельдмаршалов князей Голенищева-Кутузова-Смоленского и Барклая де Толли требует достойных памятников». Свой вклад в художественное решение внес и Николай I, порекомендовавший скульптору изобразить полководцев не как античных героев, а в форменных мундирах. Выполненные по проекту скульптора Б.С. Орловского, кстати, бывшего крепостного, памятники встали на пьедесталы к 25-летию победы над Наполеоном. М.И. Кутузову также установлен памятник в Москве перед музеем-панорамой «Бородинская битва».

Князь Александр Михайлович Голицын (1718–1783)

Лишь четверо из 63 российских генерал-фельдмаршалов составляли связку отец – сын: Салтыковы и Голицыны. Александр Михайлович Голицын родился в семье известного полководца Петра I – князя Михаила Михайловича Голицына, имевшего в двух браках одиннадцать дочерей и семь сыновей. Александр был третьим из них и в родословной князей Голицыных значился 48-м в VIII колене потомков князя Голицы. «…Фельдмаршал, с отличием служивший в Семилетнюю войну и в первую войну Екатерины II с турками, предводя первой армией, взявшей Хотин; затем он был в Петербурге генерал-губернатором» [50] – из этой

записи в «Истории родов русского дворянства» легко увидеть, что все в судьбе Александра Михайловича сложилось, как надо. Хотя в начале гарантий жизненного успеха не было никаких.

На тринадцатом году жизни князь лишился отца. Рассчитывать на чье-то высокое покровительство он не мог, так как род Голицыных был гоним при Анне Иоанновне: при ее вступлении на престол родной дядя Александра князь Дмитрий Михайлович Голицын возглавил членов Верховного тайного совета, которые попытались ограничить самодержавие, а отец – Михаил Михайлович тоже входил в число «верховников» (*см. очерки о В.В. Долгоруком и М.М. Голицыне*). Став императрицей, Анна Иоанновна жестоко расправилась с олигархами, покусившимися на ее власть, в частности, князь Дмитрий Михайлович, едва избежав смертной казни, был заключен в Шлиссельбургскую крепость, где умер в апреле 1737 г. Князь Михаил Михайлович, отец Александра, скончался в 1730 г.

В этих условиях, не рассчитывая на карьеру в России, 17-летний Александр Голицын отправился в Австрию. Здесь в армии принца Евгения Савойского он получил первые уроки воинского мастерства. Возвратиться в Россию он смог лишь при новом царствовании. Получив чин капитана гвардии, Голицын был направлен в Константинополь, а затем полномочным министром в Саксонию. Карьера постепенно входила в свое русло, становясь достойной представителя древнейшей российской фамилии. Императрица Елизавета Петровна восстановила позиции рода Голицыных, и Александр Михайлович смог уже в 1744 г. достичь чина генерал-поручика, хотя и оставался еще на дипломатическом поприще.

С началом Семилетней войны по собственному ходатайству он сменил камзол дипломата на военный мундир. В 1758 г. князь отличился при взятии Торна, а 1 августа 1759 г. – в сражении при Кунерсдорфе. В соответствии с планом главнокомандующего П.С. Салтыкова Голицын командовал левым флангом русской армии (пять полков Обсервационного корпуса). Его войскам пришлось тяжело, поскольку именно левый фланг принял на себя первоначальный удар войск Фридриха II – Салтыков таким образом намечал отвлечь пруссаков и связать их боевыми действиями, чтобы затем атаковать их в центре и на правом фланге. Стойко обороняясь, войска Голицына, тем не менее, не выдержали натиска пехоты и кавалерии противника и отступили, сам генерал был ранен. Однако это не помешало исполнению плана Салтыкова: русские ударили во фронт и фланг и опрокинули пруссаков, дело довершила доблестная кавалерия П.А. Румянцева (*см. очерк о П.С. Салтыкове*). Елизавета Петровна

отметила ратные подвиги Голицына орденом Св. Александра Невского и чином генерал-аншефа.

В свою очередь Екатерина II, взойдя на трон, удостоила Александра Михайловича ордена Св. Андрея Первозванного и ввела в свое ближайшее окружение в качестве генерал-адъютанта и члена Совета, учрежденного при высочайшем дворе.

С началом русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Голицын был поставлен во главе 1-й армии (80 тысяч человек по штату, но фактически 45 тысяч). Кампанию 1769 г. он открыл уже 15 апреля, не дожидаясь пополнений. Дело в том, что Молдавия восстала против турок, и чтобы принять ее в русское подданство, требовалось спешить. Однако, по оценке военных историков, князь действовал безынициативно, разделяя взгляды тех полководцев, которые считали главным на войне не бой, не уничтожение живой силы противника, а маневрирование с целью заставить его отступить без боя [51] . Вместо того, чтобы идти сразу на Яссы, он двинулся к Хотину. Будучи не в состоянии взять крепость, князь отступил за Днестр для пополнения запасов продовольствия и целый месяц простоял в Подолии.

К удаче русского командующего его противник, великий визирь, действовал так же вяло и, имея 200 тысяч человек войска, до середины июня простоял на Пруте. Затем 60 тысяч он направил под Хотин, а сам двинулся к Бендерам для вторжения в Новороссию, т. е. против 2-й армии генерал-аншефа П.А. Румянцева. Узнав об этом, Голицын вновь двинулся к Хотину, тем самым открывая туркам дорогу на Киев (те, правда, не воспользовались такой возможностью). В конце июня войска 1-й армии переправились через Днестр, отбили атаку 80 тысяч янычар и татар и приступили к осаде Хотина. Прибытие сераскира Молдаванчи и крымского хана Девлет-Гирея со свежими пополнениями заставило Александра Михайловича вновь снять осаду и отвести армию за Днестр.

Нерешительность Голицына побудила Екатерину II доверить 1-ю армию П.А. Румянцеву, который, резюмируя ошибки своего предшественника, говорил так: «Никто не берет города, не разделавшись прежде с силами, его защищающими». Но буквально за пять минут до грозившего бесславием конца военной карьеры, князь сумел восстановить высокую репутацию. 29 августа, когда турецкие войска силой в 80 тысяч под командованием Молдаванчи-паши, ставшего верховным визирем, переправились через Днестр и атаковали русскую армию, Голицын сбросил их в реку. Турки потеряли до 7 тыс. человек, около 70 орудий и обоз. Здесь уже русский генерал не мешкал. 9 сентября он без боя занял Хотин, гарнизон которого бежал, и

взял здесь более 160 орудий врага.

Только после этого князь передал армию Румянцеву и отправился в Петербург. Взятие Хотина возвратило симпатии императрицы к Голицыну, которая 20 октября 1769 г. возвела его в генерал-фельдмаршалы. А в 1774 г. по заключении Кючук-Кайнарджийского мира Александру Михайловичу была пожалована украшенная алмазами шпага с надписью «За очищение Молдавии до самых Ясс». Его имя было присвоено 69-му пехотному Рязанскому полку, который наиболее отличился при разгроме Молдаванчи-паши под Хотином.

После войны фельдмаршал Голицын исполнял должность генерал-губернатора Петербурга, много занимался благоустройством столицы. Он оставался одним из приближенных к Екатерине государственных деятелей, не случайно оказавшись в числе одиннадцати лиц, первыми удостоенных вновь учрежденного в 1782 г. ордена Св. Владимира 1-й степени (наряду с А.А. Безбородко, И.И. Бецким, Г.Г. Орловым, Н.И. Паниным, Г.А. Потемкиным, Н.В. Репниным, П.А. Румянцевым, И.Г. Чернышевым, З.Г. Чернышевым и П.И. Шуваловым).

Князь Михаил Михайлович Голицын (1675–1730)

Нередки минуты в жизни полководца, когда никто не может решить, как ему действовать в бою или сражении, кроме него самого, и тяжелый выбор он должен сделать сам. Такое произошло и с Михаилом Михайловичем Голицыным, когда вверенные ему войска осенью 1702 г. осадили крепость Нотебург, расположенную на острове Орехов у истоков Невы. Подступала зима, грозившая затянуть борьбу за крепость на неопределенный срок. Даже Петр I, вначале нацеливший войска на то, чтобы «орешек достать», высказал сомнение в успехе и приказал снять осаду и отступить. «Скажи государю, что я теперь принадлежу

одному Богу», – ответил князь офицеру, передавшему царское приказание. Это была не дерзость строптивого подданного, но взлет духа, понимание ответственности более высокой, нежели та, что он нес перед царем.

Перед таким духовным подъемом трудно устоять даже самым мощным крепостям. 12 октября 1702 г. Нотебургу это тоже не удалось. Чтобы у наступающих солдат не возникло даже соблазна отступить, Голицын приказал оттолкнуть от берега лодки, в которых они прибыли, и повел подчиненных на штурм. Ожесточенный бой, длившийся долгие тринадцать часов, завершился успехом русских.

«Зело жесток сей орех был, однако, слава Богу, счастливо разгрызен», – откликнулся на эту победу Петр. Надо ли говорить, что он не только не напомнил Голицыну о невыполненном приказе об отходе, но и щедро наградил его. Тем более что это была одна из первых столь значительных побед русской армии, всего год назад бежавшей из-под Нарвы. Нотебург был переименован в Шлиссельбург («Ключ-город»), ибо, по словам Петра, «сим ключом отворились ворота в неприятельскую землю».

Нотебург стал первым, но далеко не последним ратным свершением Голицына. Потомок великого князя Литовского Гедимина, он уже в 12 лет поступил на воинскую службу солдатом [52] . Многие годы его военная карьера была связана с гвардейскими Семеновским и Преображенским полками. Дважды со всей армией ходил на Азов. Участвуя в штурме этой крепости в 1696 г., получил ранение. Вторично был ранен уже под Нарвой, в том несчастливо сложившемся для русских войск сражении, держался храбро, не потерял присутствия духа и потому избежал плена. Был произведен в майоры, а чуть позже – в подполковники. За взятие Нотебурга Петр I пожаловал ему, помимо иных наград, звание полковника лейб-гвардии Семеновского полка.

Позднее Михаил Михайлович отличился при взятии Ниеншанца (1703), Нарвы (1704), Митавы (1705). В следующем году стал генерал-майором и назначен командиром дивизии, имея в подчинении Семеновский, Ингерманландский, Вятский и Черниговский полки. Все основные бои и сражения со шведами, непосредственно предшествовавшие Полтавской битве, связаны с его именем.

Так, при местечке Добром 29 августа 1708 г. ему удался блестящий маневр. Петр I, получив данные о том, что часть шведских войск (5 тысяч пехотинцев и несколько тысяч кавалеристов) откололась от основной армии, принял решение атаковать ее, для чего отрядил генерал-поручика Флюка с 30 эскадронами драгун и Голицына с 8 батальонами гренадер. Им

предстояло совершить обход неприятеля, форсировав многочисленные речки и болота. Необходимую сметку и настойчивость проявил в тех условиях лишь Михаил Михайлович. Используя густой туман, он неожиданно напал на многократно превосходящего противника и после ожесточенного двухчасового боя обратил его в бегство. На поле остались лежать около 3 тысяч шведов. А потом на глазах у шведского короля и его войска гренадеры Голицына соединились со своей армией. Известный писатель петровской эпохи Ф. Прокопович писал, что раздосадованный Карл XII рвал на себе волосы и бил себя по щекам. А Петр I тут же возложил на князя орден Св. Андрея Первозванного. Случай уникальный, учитывая сравнительно невысокий воинский чин героя.

Через месяц 28 сентября 1708 г. М.М. Голицын отличился в сражении у деревни Лесной, где были разгромлены войска генерала Левенгаупта (*см. очерк о А.И. Репнине*). Значение этого события трудно переоценить, прежде всего в моральном плане. Впервые победа была одержана над противником, превосходящим по численности (16 тысяч человек у шведов и 12 – у русских). Недаром Петр позднее назвал Лесную «матерью Полтавской победы». Государь возвел Голицына в чин генерал-поручика и наградил своим портретом, отделанным бриллиантами.

В Полтавском сражении 27 июня 1709 г. Михаил Михайлович командовал гвардией… Отвлечемся на минуту, чтобы, сославшись на историка русской армии А.А. Керсновского, сказать о ней похвальное слово. Гвардейские полки – Семеновский и Преображенский были уникальной кадровой школой для всей армии, так как все кандидаты в офицеры поступали рядовыми именно сюда, а в армейские полки распределялись, отслужив в гвардии не менее пяти-шести лет. На протяжении ста лет через строй этих полков прошли все те, кто создал великую Россию XVIII в. «Роль офицеров гвардии, этих первородных “птенцов гнезда Петрова” и значение их в стране были весьма велики, – писал историк. – Они исполняли не только военную (а подчас и морскую службу), но получали часто ответственные поручения по другим ведомствам, например, дипломатического характера, царских курьеров, ревизоров.… Вообще петровский офицер, гвардейский в особенности, был мастером на все руки, подобно своему великому государю…» [53]
.

Высокую боевую репутацию гвардия подтвердила и в главном сражении Северной войны. Преследуя шведов, бежавших с поля Полтавского сражения, Голицын настиг их 30 июня 1709 г. у Днепра в районе села Переволочна (*см. очерк о А.Д. Меншикове*

). Гвардейцев было значительно меньше, но их предводителю удалось ввести генерала Левенгаупта в заблуждение относительно численности русских и втянуть шведов в переговоры. Через несколько часов к Переволочне подошел корпус А.Д. Меншикова, и исход дела был предрешен: противник сложил оружие. Плена избежал лишь Карл XII, с немногими спутниками бежавший в Турцию.

С 1714 г. М.М. Голицын – главнокомандующий русскими войсками в Южной Финляндии. В период становления русского национального военного искусства нередко бывало, когда полководец брал на себя командование сражениями и на море. Первый пример здесь – сам Петр. Что касается Голицына, то он участвовал еще в знаменитом Гангутском сражении в 1714 г. Флотоводцем же ему довелось быть в 1720 г. при острове Гренгам. Во главе эскадры галер он заманил шведов в Ламеландский залив, изобиловавший подводными камнями и мелями, и 27 июля атаковал их. Два фрегата противника сели на мель и были захвачены, еще два отстали от своей эскадры, поспешно ретировавшейся, и после отчаянной погони были взяты русскими на абордаж.

«Правда не малая виктория может почесться, – писал Петр Меншикову, – потому что при очах господ англичан, которые, – добавлял он с иронией, – равно шведов оборонили, как их земли, так и флот» [54] . Обрадованный царь повелел выбить в честь победы при Гренгаме особую медаль с видом сражения и надписью «Прилежание и храбрость превосходят силу», а самого полководца, временно переквалифицировавшегося во флотоводцы, щедро наградил.

В 1721–1728 гг. Голицын командовал войсками в Санкт-Петербурге и на Украине. Рассказывали, что из уважения к нему Петр I даже не принуждал его, как других приближенных, пить в больших количествах на многочисленных пирах, которыми увлекались в окружении царя. Петр многократно отмечал его за талант, доблесть, воинский труд, личную храбрость. Но чин генерал-фельдмаршала Михаил Михайлович получил уже после кончины первого русского императора в соответствии с указом Екатерины I 21 мая 1725 г.

Невиданный политический взлет ждал его при Петре II. Пользуясь малолетством императора и своим безраздельным влиянием на него, группа старой боярской аристократии во главе со старшим братом Голицына – Дмитрием Михайловичем и князем А.Г. Долгоруким решила упрочить свое влияние в армии (*см. очерк о В.В. Долгоруком*). С этой целью в 1728 г. Михаил Михайлович был вызван в Санкт-Петербург и назначен

президентом Военной коллегии, стал сенатором и членом Верховного тайного совета – своего рода правительства той эпохи. Ему едва перевалило за пятьдесят, и, казалось, впереди будет еще немало дел и свершений.

Но все рухнуло буквально в одночасье. Князья Д.М. Голицын и М.М. Голицын вошли в состав узкого круга аристократов – т. е. «верховников» (кроме них, князья Долгорукие – Василий Лукич, Алексей Григорьевич и его сын Иван Алексеевич), которые после смерти в 1730 г. Петра II попытались ограничить самодержавие собственным аристократическим правлением. Д.М. Голицын, действительный тайный советник, сенатор, кавалер орденов Св. Андрея Первозванного и Св. Александра Невского, член Верховного тайного совета, стал к тому же их лидером и идеологом.

Анна Иоанновна, которой были предъявлены «кондиции», оговаривавшие ее вступление на престол, вначале согласилась на их соблюдение. Но, прибыв из захолустной Митавы в российскую столицу и осмотревшись, разорвала их, желая править самодержавно, без всяких ограничений. А на голову аристократов, осмелившихся покуситься на права монарха, посыпались несчастья. М.М. Голицын утратил свое положение, был удален от двора и, как писали тогда, «сделался жертвой душевной скорби». В том же 1730 г., в декабре, он скончался 55 лет от роду.

Память о нем сохраняется не только благодаря его ратным делам, но и качествам характера: уму, военному дарованию, отваге, великодушию. Вот пример в назидание нам, потомкам. За неудачные действия в июле 1708 г. в районе Головчина, когда Карлу XII удалось нанести русским поражение, князь А.И. Репнин был разжалован в солдаты. Именно в этом качестве он принимал участие в следующем сражении со шведами у деревни Лесной и проявил завидные боевые качества. Здесь же отличился и его недруг князь Голицын. Петр I прямо на поле сражения расцеловал Михаила Михайловича и пообещал выполнить любое его желание. «Прости Репнина», – великодушно отвечал будущий фельдмаршал, уважая храбрость разжалованного и переступив через прошлые обиды. На недоуменный вопрос царя: «Как! Разве ты не знаешь, что он смертельный враг тебе?», Михаил Михайлович отвечал:

– Знаю, государь, и прошу; но знаю и то, что Репнин сведущ в ратном деле, чтит Бога, любит Отечество, предан тебе; и что значит вражда личная между нами, когда Отечество, ты, государь, нуждаетесь полезными людьми? [55]

«Черта, редко встречаемая в наше время!», – резонно заметил

на это проявление великодушия историк.

В русской армии имя полководца было сохранено в наименовании 3-го пехотного Нарвского полка.

Граф Федор Алексеевич Головин (1650–1706)

Стоял апрель 1698 г. Вряд ли кто-то из жителей Лондона, бывших в тот день у здания парламента, узнал долговязого, неброско одетого человека, вышедшего из остановившегося экипажа. Скорее обращали на себя внимание пышные одеяния его спутников. Явные иноземцы, они долго и с любопытством оглядывались по сторонам, прежде чем переступили порог знаменитого на весь свет здания. И в самом деле, даже знающему человеку трудно было ожидать, что монарх, самодержец всероссийский вдруг пожелает ознакомиться с гнездом европейского парламентаризма.

А Петру I в самом деле было интересно послушать дебаты, своими глазами увидеть тех, кто без всякого страха перед королем Вильгельмом II Оранским, с которым царь уже успел познакомиться лично, высказывает свое мнение о том или ином законопроекте. Петр так отреагировал на увиденное в парламенте: «Весело слушать, когда подданные открыто говорят своему государю правду. Вот чему надо учиться у англичан». Любопытно, что в его устах это ничуть не противоречило, например, формуле, зафиксированной в Воинском уставе: «Его Величество есть самовластный монарх, который никому на свете о своих делах ответу дать не должен…»

В числе спутников царя, переступивших порог британского парламента, был и великий посол Федор Алексеевич Головин, сопровождавший Петра в его поездке по Европе.

Первый российский генерал-фельдмаршал имел предками представителей византийского рода Компиных, старшая ветвь которого занимала в свое время даже императорский престол. Прямую же линию он вел от младшей ветви рода, владевшей землями в Крыму. Примерно на рубеже XIV – XV вв. ее представители выехали в Москву и поступили на службу московским государям, со временем породнившись с самим Иваном III. Все три века Московского государства род Головиных составлял «высшую аристократию» [56] .

Ф.А. Головин начал службу в царствование Алексея Михайловича, отца Петра I. Он был одним из тех доверенных людей, кому царь, находясь на смертном одре, наказал хранить царевича Петра «как зеницу ока». Алексей Михайлович, вероятно, предвидел ту ожесточенную борьбу, которая действительно развернулась между его детьми за трон. И Головин оправдал надежды отца Петра Великого, став на долгие годы верным сторонником и надежным исполнителем воли молодого царя.

Это был человек разносторонних достоинств, деятельный и энергичный. На службу Петру Алексеевичу он пришел с репутацией опытного дипломата. В 1689 г. ему в результате шедших на протяжении нескольких лет переговоров удалось в труднейших условиях заключить Нерчинский мирный договор с Китаем, в соответствии с которым граница между двумя государствами прошла по рекам Аргунь, Гозбице, впадающей в Шилку, и Становому хребту. Несмотря на то, что многие упрекали Головина в уступке земель по другую сторону Аргуни и согласии на разорение построенного там русскими города Албазин, цари Иван и Петр «за службу и радение» пожаловали ему титул боярина, звание генерал-кригс-комиссара и сделали наместником Сибири.

Когда разразилась война с Турцией, Головин был привлечен к участию в боевых действиях не сразу. Важную роль он сыграл во втором походе на Азов в 1696 г., командуя эскадрой на Азовском море. Русские моряки блокировали крепость, не допустив ее снабжения с воды. Было перехвачено более десяти турецких судов с грузом боеприпасов и продовольствия. Это не могло не ослабить силы осажденных, и крепость пала. По случаю первой победы по указу царя был устроен торжественный въезд в столицу. Ф.А. Головин в карете, запряженной шестеркой лошадей, пересек городскую черту перед двумя другими военачальниками – А.С. Шеиным и Ф. Лефортом.

В 1697–1698 гг. Петр I предпринял Великое Посольство в Европу, чтобы активизировать «Священную Лигу» – союз Австрии, Речи Посполитой, Венеции, Бранденбурга-Пруссии и России, которая была направлена против Османской империи, и постараться расширить ее состав за счет Англии, Голландии и Дании. Это серьезно повышало бы шансы России в ее стремлении к выходу к южным морям. Одновременно была возможность поставить перед союзниками вопрос о балтийских интересах.

В соответствии с давней традицией посольство возглавили три великих и полномочных посла. Среди них, наряду с адмиралом Францем Лефортом и думным дьяком Прокофием Возницыным, был Ф.А. Головин.

Именно он и Возницын вели будничную, но оттого не менее важную работу – оговаривали детали протокола с тем, чтобы россиянам оказывались соответствующие их статусу почести, готовили проекты дипломатических документов, непосредственно вели переговоры. На аудиенции Петра I и великих послов у курфюрста Бранденбурга Фридриха-Вильгельма (будущего короля Пруссии Фридриха-Вильгельма I) Головину было доверено объявить цель Великого Посольства: подтверждение антитурецкого союза и активизация действий против Османской империи [57] . Результатом переговоров стал заключенный в устной форме союз, в соответствии с которым стороны дали обещание помогать друг другу в борьбе против неприятелей, особенно Швеции.

Вместе с царем Головин посетил Ригу, Митаву, Кенигсберг, Берлин, Лондон (именно тогда они были в британском парламенте), Амстердам, Вену. Сохранить «Священную Лигу», как замышлял Петр, не удалось: Великое Посольство еще было в пути, когда в тайне от России союзники вступили в переговоры с Турцией. И все же было достигнуто главное: был положен конец состоянию дипломатической изоляции, в котором пребывала Россия к концу войны против Османской империи. О поддержке

России заявила Австрия, что позднее помогло сохранить во владении крепость Азов, упрочились контакты с Бранденбургом-Пруссией, Данией, не говоря уже о Польше. Складывались реальные предпосылки для антишведского союза. Многое удалось добиться благодаря усилиям великого посла Головина.

Петр, отдавая дань его дипломатическому искусству и опыту, после возвращения Великого Посольства в Москву доверил ему руководство Посольским приказом, и Федор Алексеевич исполнял эту обязанность вплоть до своей кончины.

Поручения ему со стороны государя следовали одно за другим. В 1699 г. он в чине адмирала возглавил Военно-морской приказ, заведовавший комплектованием личного состава флота. С 1700 г. руководил и Ямским приказом, с 1701 г. – Навигацкой школой («школа математических и навигацких, т. е. мореходных хитростью искусств учения»), стал управляющим Оружейной, Золотой и Серебряной палатами и Монетным двором.

Д.Н. Бантыш-Каменский не без основания заметил, что Головин одобрял нововведения Петра «по внутреннему убеждению, не зная постыдной лести, любя правду более самого себя» [58] . Конечно, это был человек старой закалки, но далеко не ретроград. Просвещенный государственный деятель, он понимал, что старой Московии не выжить без коренных реформ, и служил царю-преобразователю не за страх, а за совесть.

Труды Федора Алексеевича Петр отмечал особо. Впервые в России именно в честь Головина была выбита серебряная медаль с его портретом, фамильным гербом и надписью на латыни – «И советом, и мужеством». 8 марта 1699 г. Петр учредил орден Св. Апостола Андрея Первозванного, но собственное награждение вопреки традиции отложил «впредь до случая», а орденом удостоил ближнего боярина Головина. Через четыре года, как первый андреевский кавалер, Ф.А. Головин вручил («возложил на них») знаки ордена Петру I и А.Д. Меншикову.

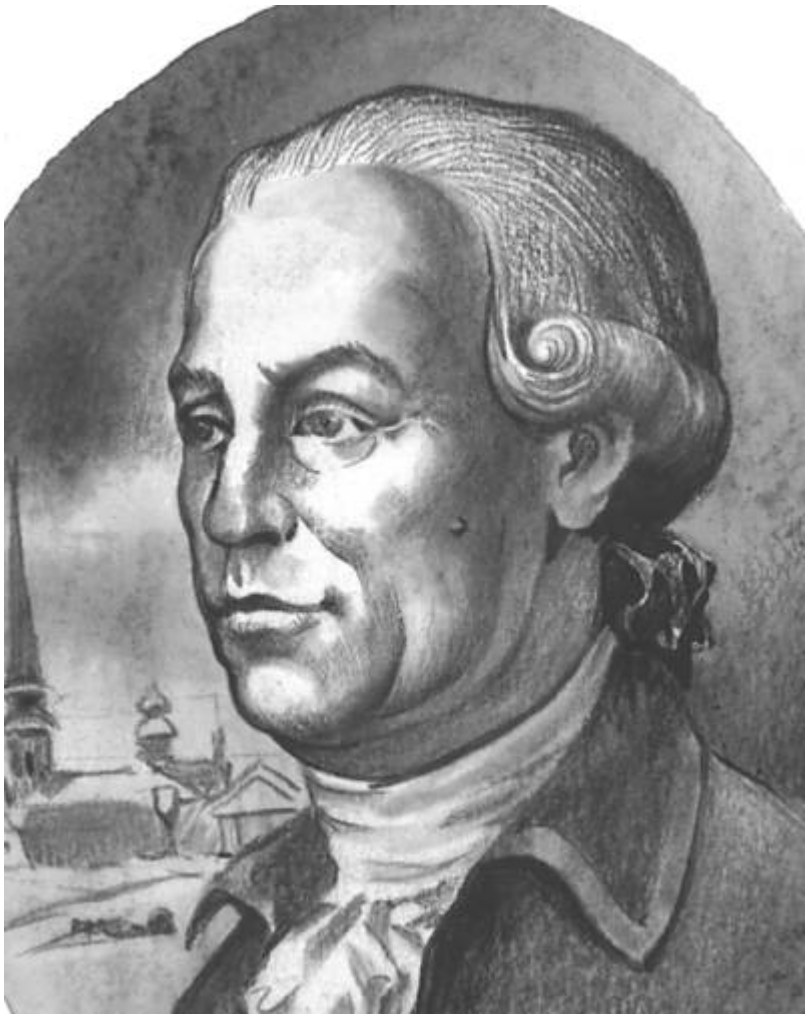
Став адмиралом (чин генерал-адмирала был установлен в 1708 г.), Федор Алексеевич в августе 1700 г. был возведен также в генерал-фельдмаршалы. Присвоение последнего чина было обусловлено тем, что Головин возглавил вновь набранную армию, которая в связи с объявлением Северной войны направлялась под Нарву. Известно, какое сокрушительное поражение потерпели здесь русские (*см. очерк о К.-Е. де Крои*). Но сам Головин имел к нему лишь косвенное отношение, поскольку накануне сражения Петр передал командование герцогу де Крои, а сам в сопровождении Головина и А.Д. Меншикова выехал в Новгород за пополнением. Здесь и застала их весть о нарвской «конфузии».

Впредь Ф.А. Головин войсками непосредственно не

командовал. Его усилия требовались царю больше на дипломатическом поприще. Он подписал договор с Данией, в соответствии с которым Копенгаген обязался помогать России в войне со Швецией, участвовал в переговорах Петра I с польским королем Августом II о совместных действиях против Карла XII, договаривался о том же с представителями Великого княжества Литовского. В разгар подготовки договора с Пруссией он получил указание Петра прибыть к нему в Киев, но по дороге занемог и 20 августа 1706 г. в Глухове скончался.

Ф.А. Головин стал первым графом в России. Произошло это в 1701 г., т. е. еще до того, как, начиная с 1706 г., Петр I стал давать своим подданным графские титулы. Знаменитому дипломату удружил австрийский император Леопольд I, с которым Головин познакомился при посещении венского двора в ходе Великого Посольства, возведя его в графы Священной Римской империи германской нации. Позднее Федор Алексеевич получил такое же достоинство и от Петра I, начав собой графскую линию рода Головиных, правда, угасшую в XIX в.

Герцог Карл-Людвиг Голштейн-Бекский (?–1774)



Герцога Карла-Людвига невозможно назвать не то что героем, но даже персонажем российской истории. Его след настолько ничтожен, что о герцоге не посчитал необходимым написать хотя бы несколько строк даже такой обстоятельный и систематичный биограф российских генерал-фельдмаршалов, как Д.Н. Бантыш-Каменский.

Для историков детали жизни герцога – тайна, не установлен даже год его рождения. Известно лишь, что Карл-Людвиг обратил на себя внимание императора Петра III потому, что приходился ему хоть и дальним, но все же родственником. Оба они

происходили из династии Ольденбургов: Карл-Людвиг представлял ее среднюю линию (герцоги Голштейн-Бекские), а Петр III – младшую (герцоги Голштейн-Готторпские) [59] . Петр Федорович с особым пиететом относился ко всему, что было связано с его родной Голштинией, и потому, став в 1761 г. российским императором, обласкал немало своих ближних и дальних немецких родственников (*см. очерк о Г.-Л. Шлезвиг-Голштинском*).

Так вот и стал герцог Карл-Людвиг Голштейн-Бекский совершенно неожиданно для себя российским генерал-фельдмаршалом. Герцог не то что не состоял на русской военной службе, но даже в России не успел побывать, однако же… Незабвенный Фамусов из «Горя от ума» А.С. Грибоедова по такому случаю, помнится, говаривал: «Как станешь представлять к крестишку ли, к местечку, ну как не порадеть родному человечку!..»

Нет-нет, да встречаешься с подобными тенями в нашей военной истории.

Принц Петр-Август-Фридрих Голштейн-Бекский (1698–1775)

Прожил немало, воевал изрядно, а подвигов не совершил и ратной славы не нажил, – впору сказать о принце Петре-Августе-Фридрихе. В его судьбе, как и многих германских князей, свою роль сыграл Петр I. Русскому царю, имевшему слабость к личному участию в отправлении обрядов, случилось крестить младенца, сына герцога Шлезвиг-Голштейн-Зонденбургского.

Потом о нем в Петербурге, разумеется, забыли. А принц избрал военную стезю, в гессен-кассельских войсках дослужился до полковника. Но жалование было недостаточным, и его мать герцогиня Луиза-Шарлотта в 1734 г. просила императрицу Анну

Иоанновну о принятии сына на русскую службу. Герцогиня знала, что делала: в то царствование делами в России заправляли немцы, и поэтому согласие было получено без труда.

Петр-Август-Фридрих сохранил в российской армии тот же чин, государыня вверила ему полк и установила пенсию. Принц участвовал в двух войнах. В первый раз под началом графа Б.Х. Миниха против Турции (война 1735–1739 гг.) (*см. очерк о Б.Х. Минихе*). К 1739 г. он был уже генералом, и в этом качестве принял участие в знаменитом сражении при Ставучанах. Миних, увидев принца в деле, отозвался о нем так: «Справедливый и хороший полководец, служит охотно и добрый воин, но не имеет больших дарований, дурно ведет себя, затрудняется командой, не зная русского языка…» [60] .

Вторично уже в чине генерал-поручика принц воевал под знаменами графа П.П. Ласси против шведов в войне 1741–1743 гг. (*см. очерк о П.П. Ласси*). Полководческой славы не снискал, но чины и награды крестнику Петра Великого следовали исправно, независимо от того, кто находился на престоле. Елизавета Петровна присвоила ему чин генерал-аншефа и поставила во главе Военной коллегии (1755), а в 1758 г. назначила ревельским губернатором. Принц не был обойден и орденами – Св. Андрея Первозванного, Св. Александра Невского и Св. Анны.

Не обидел близкого родственника и император Петр III, происходивший из той же династии, что и принц Голштейн-Бекский. В январе 1762 г. последний был возведен в генерал-фельдмаршалы. При Екатерине II принц непродолжительное время был санкт-петербургским и ревельским губернатором. В этот период адъютантом у него довелось служить будущему фельдмаршалу М.И. Голенищеву-Кутузову.

Скончался принц в марте 1775 г. 78 лет от роду.

Принц Георг-Людвиг Шлезвиг-Голштинский (?–1763)

Принц принадлежал к Голштейн-Готторпской династии, представители которой были королями Дании, Норвегии, Швеции, герцогами Шлезвиг-Голштейна и великого герцогства Ольденбург. В орбиту российской политики он попал благодаря династическим раскладам Петра Великого. Именно за его родного брата первый русский император выдал свою дочь Анну Петровну, получившую титул герцогини Голштейн-Готторпской. Таким образом, принц Георг-Людвиг приходился императору Петру III двоюродным дядей.

До поры до времени он служил прусскому королю Фридриху

II, получил генерал-майорский чин. По ходатайству тогда еще великого князя Петра Федоровича перед императрицей Елизаветой Петровной принц удостоился высших орденов Российской империи – Св. Андрея Первозванного и Св. Александра Невского.

Фридрих придерживал Георга-Людвига при себе, рассчитывая через него влиять на российскую власть. И во многом его расчет оказался верным: принц, общаясь с Петром Федоровичем, характеризовал прусского короля с самой лучшей стороны, что усиливало германофильство наследника российского престола. Стоило последнему стать императором, как победоносная Семилетняя война с Пруссией была позорно закончена фактическим подчинением России еще недавно битому Фридриху.

Слыхал ли кто из в свет рожденных,
Чтоб торжествующий народ
Предался в руки побежденных?
О, стыд, о, странный оборот!

Так отозвался на происшедшее М.В. Ломоносов, выразив всеобщее негодование российского общества.

Вступив на престол, Петр III продолжал чувствовать себя прежде всего герцогом голштинским, а не императором российским. Интересы его маленькой родины были ему по-прежнему ближе (что, к слову, принципиально разнило его с супругой – будущей императрицей Екатериной Великой). И не случайно на русскую службу, словно сор из худого мешка, посыпались многочисленные родственники из Голштинии (*см. очерки о К.-Л. Голштейн-Бекском и П.-А. Голштейн-Бекском*). Первым из них стал принц Георг-Людвиг. От самой границы по повелению нового императора его встречали пушечной пальбой и развернутыми знаменами.

Еще до прибытия двоюродного дяди в Санкт-Петербург император именовал его первым членом Совета, а затем пожаловал ему чины генерал-фельдмаршала и полковника лейб-гвардии с титулом высочества. Он планировал также добиться для своего сиятельного родственника герцогства Курляндского.

Принцу Георгу-Людвигу было вверено командование голштинским войском, находившимся в России. Именно эти выписанные с исторической родины «образцовые» войска должны были, по замыслу их командира, стать примером в строительстве и обучении русской армии. В ней тут же были введены прусские экзерциции, ежедневные вахтпарады, вместо прежнего

обмундирования, испытанного в многочисленных сражениях, дана форма тесная, неудобная, может, и подходящая для плаца, но не для поля боя. Были упразднены прославленные в боях наименования полков.

По воле Петра III принц Георг-Людвиг приобрел в гвардии «первенствующее значение», но «не имея за собой никаких заслуг и дарований, возбудил против себя общую ненависть. Предпочтение, оказываемое вообще голштинским офицерам и солдатам, оскорбляло всю русскую армию: была унижена не только гвардия, но в лице ее было попрано чувство народной гордости» [61] .

Русская гвардия, как известно, и стала 28 июня 1762 г. ударной силой в свержении Петра III и возведении на престол Екатерины II. Ненавистный гвардейцам принц тут же угодил под домашний арест. А через две недели он и вовсе был выслан в Голштинию, где через год умер.

Позднее оба его сына состояли на русской службе: Вильгельм-Август – во флоте, а Петр-Фридрих-Людвиг – в армии. Последний в 1785 г. был назначен регентом герцогства Ольденбург, а в 1823 г. – его самостоятельным правителем. Так что все принцы Ольденбургские, жившие в России, начиная с середины XVIII в., – потомки принца Георга-Людвига.

Граф Иван Васильевич Гудович (1741–1820)

«Из пиджаков» – так иронически в советской армии отзывались об офицерах, не закончивших военного училища, а пришедших на службу после гражданского вуза. Таковым «пиджаком» или, если угодно, «сюртуком», был и Иван Васильевич Гудович.

Уроженец Малороссии, он происходил из польского дворянского рода. Грыз гранит науки в университетах Кенигсберга, Галле и Лейпцига. И только в 1759 г. начинается его биография профессионального военного. Поступив на службу прапорщиком инженерного корпуса, он быстро продвинулся в

адъютанты генерал-фельдцейхмейстера и вице-президента Военной коллегии П.И. Шувалова. В 1761–1762 гг., в период краткого пребывания на троне Петра III он – уже подполковник, адъютант принца Георга-Людвига Шлезвиг-Голштинского.

Петр Федорович, как известно, окружал себя многочисленными родственниками со своей исторической родины. Он пожаловал принцу чины генерал-фельдмаршала и полковника лейб-гвардии с титулом высочества, а также поставил его над русской гвардией (*см. очерк о Г.-Л. Шлезвиг-Голштинском*). Возвышение человека, не имеющего ни малейших заслуг перед Россией, вызывало к нему ненависть со стороны гвардейцев, что после свержения Петра III отразилось и на судьбе Гудовича: он был арестован и три недели находился в заключении. Сказалось и то, что брат Ивана, Андрей Васильевич, был генерал-адъютантом и любимцем свергнутого императора.

Лишь через год недоверие к нему было преодолено, и он получил под свое командование Астраханский пехотный полк, во главе которого участвовал в войне против Барской конфедерации.

Как военачальник, Гудович состоялся в русско-турецких войнах 1768–1774 гг. и 1787–1791 гг. Начав первую из них командиром полка в составе 1-й армии А.М. Голицына, он отмечен как отличившийся в начале июля 1769 г. при отражении вылазок турок под Хотином (*см. очерк о А.М. Голицыне*). Был произведен в бригадиры.

В следующей кампании, воюя уже под началом П.А. Румянцева, был удостоен первой награды да еще какой – ордена Св. Георгия 3-й степени. Так был отмечен его налет на вражеские батареи 7 июля 1770 г. в сражении при Ларге. Иван Васильевич участвовал затем в Кагульском сражении и осаде Браилова (*см. очерк о П.А. Румянцеве*). В этой же кампании он стал генерал-майором, поскольку сумел проявить себя в самостоятельном деле: во главе вверенного ему отряда разбил в ноябре турецкое соединение и занял Бухарест.

В 1771 г. дважды участвовал в штурме турецкой крепости Журжа (в феврале и августе), в ходе повторного штурма получил ранение в ногу. Но прежде, чем отправиться на излечение, успел нанести поражение большому отряду турок близ урочища Подалуны.

Два года ушло на лечение, после чего Гудович получил под свое начало дивизию, дислоцировавшуюся в его родной Малороссии, и был произведен в генерал-поручики. А затем вплоть до начала следующей войны с турками исправлял должность рязанского и тамбовского генерал-губернатора.

Во вторую русско-турецкую войну Гудович вступил

командиром корпуса, отличился при овладении Хаджибеем (на территории современной Одессы) и взятии крепости Килия (1790). Екатерина II возвела военачальника в чин генерал-аншефа и назначила начальником Кавказской линии и командующим Кубанским корпусом.

22 июня 1791 г. после кровопролитного штурма он с 7 тысячами подчиненных овладел Анапой, которую обороняли 15 тысяч человек отборного гарнизона) [62] . А.А. Керсновский приводит иное соотношение сил: у русских – 12 тысяч, у противника – 25 тысяч (поровну турок и горцев), но действия российского военачальника оценивает столь же высоко. «Штурм, предпринятый после короткой блокады, примечателен тем, что Гудович отделил в общий резерв и обеспечение лагеря свыше трети своих сил. Это обстоятельство спасло всю операцию, так как в разгар штурма наш тыл подвергся нападению 8000 черкес». Соотношение потерь: Гудович – до 3 тысяч убитых и раненых, противник – свыше 11 тысяч убитых и раненых, 13,5 тысячи во главе с комендантом и всеми 95 орудиями взяты в плен [63] . Покоритель Анапы был награжден орденом Св. Георгия 2-й степени и шпагой, украшенной лаврами и бриллиантами.

Как начальник Кавказской линии, генерал энергично занимался строительством новых крепостей – Усть-Лабинской, Кавказской, Шелководской, которые смогли бы защитить южные рубежи страны от набегов горцев, инспирируемых турками. Его усилия были увенчаны в 1793 г. высшей российской наградой – ордена Св. Андрея Первозванного.

1796 г. стал для России во многом поворотным из-за смерти Екатерины и воцарения ненавидевшего ее Павла I. Еще при жизни императрицы, разумеется, не ведая о переменах, которые ждали страну, Гудович попросился в отставку. Он ссылался на нездоровье, но на самом деле был обижен назначением графа В.А. Зубова, брата фаворита, на пост главнокомандующего армией, сформированной для войны с Персией. Но отставка его не была длительной. Как только Павел вступил на престол, он вспомнил об Андрее Васильевиче Гудовиче, пострадавшем за верность отцу Павла – Петру III. Со словами: «Сыну платить долг отца своего» император произвел Гудовича-старшего из генерал-майоров сразу в генерал-аншефы и удостоил ордена Св. Александра Невского. Не забыт был и Иван Васильевич Гудович: он получил рескрипт о вступлении в командование армией вместо Зубова. В день коронации нового императора он был возведен в графское достоинство. Правда, воевать на сей раз ему не пришлось из-за резкой смены внешнеполитического курса.

В 1798 г. он стал киевским генерал-губернатором. Затем ту

же должность занимал в Подольской губернии, где, к слову, имел немалые поместья и большое число крепостных душ.

В 1800 г. Гудович разделил участь большинства других высших военачальников павловского правления: по ничтожному поводу был изгнан со службы. Возвращен в армию он был только в 1806 г. в качестве командующего русскими войсками в Грузии и Дербенте. Ему удалось взять штурмом Баку, а затем склонить правителей Шехинского и Лезгинского ханств стать подданными Российской империи.

В начале русско-турецкой войны 1806–1812 гг. немолодой, но сохранивший большую энергию и ясность мысли полководец сумел одержать одну из самых славных побед в своей жизни – в сражении при Арпачае. 6 тысяч русских сошлись с 24 тысячами турок – и победили. Эта блестящая победа доставила Гудовичу чин генерал-фельдмаршала (30 августа 1807 г.).

Затем, увы, удача оставила его. Осада и штурм Эривани в ноябре следующего, 1808 г., оказались неудачными, пришлось отступить на территорию Грузии. К напастям добавилась тяжелая болезнь с потерей глаза. Ввиду этого Александр I возвратил Гудовича с Кавказского театра и в 1809 г. назначил главнокомандующим в Москву, сделал членом Государственного совета и сенатором.

Накануне вторжения Наполеона фельдмаршал теперь уже окончательно отошел от государственных дел. За перипетиями борьбы с опаснейшим врагом России старый вояка наблюдал со стороны, по газетам следя за славными делами своих бывших сослуживцев, главным среди которых был М.И. Голенищев-Кутузов.

Иосиф Владимирович Гурко (1828–1901)

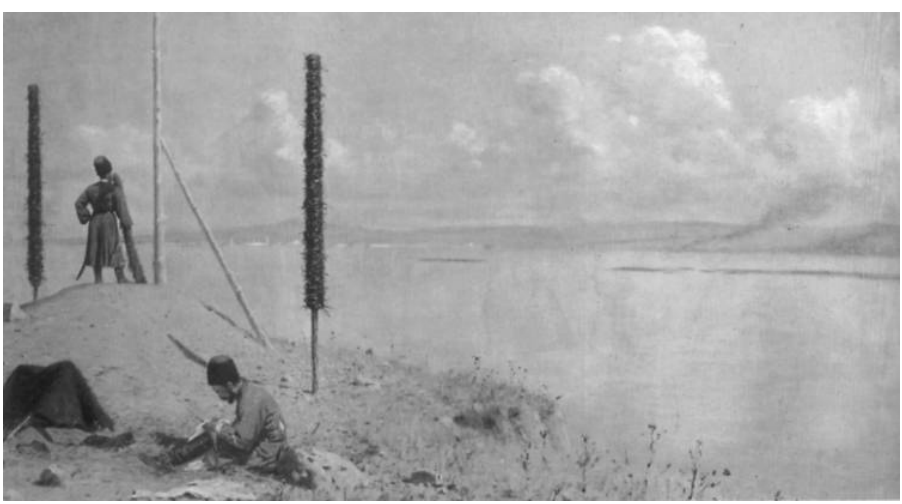
Многим судьба предоставляет шанс отличиться. Но как часто, раз выделившись из массы себе подобных, человек по слабости характера или тщеславию остается почивать на лаврах. И в конце концов, свой шанс не использует, кредитный билет будущего разменивает на пятаки.

Ротмистр лейб-гвардии Гусарского полка Иосиф Гурко обратил на себя внимание государя Александра II на одном из строевых смотров. «Экий молодец!», – не удержался царь при виде блестящего гвардейца, лихо промчавшегося на полном карьере во главе отлично вымуштрованного эскадрона. «Молодец» вскоре был удостоен назначения флигель-адъютантом к его

императорскому величеству, что в значительной мере гарантировало успешное продвижение но службе. Но сколько их было в истории – таких лихих гусаров, утопивших молодость в шампанском и растративших энергию в праздных гулянках! Гурко оказался другой породы.

Будущий фельдмаршал в 1846 г. окончил Пажеский корпус. Участвовал в Крымской войне 1853–1856 гг. Чтобы встать в ряды защитников Севастополя, перевелся из гвардии в пехотный генерал-фельдмаршала графа Дибича-Забалканского полк, заявив, что желал бы «жить с кавалерией, а умирать с пехотой». По возвращении из действующей армии в родной Гусарский полк на строевом смотре он и попался императору на глаза.

Здесь при желании можно обнаружить некую символику. Командирское становление Гурко совпало с эпохой буржуазных реформ Александра II. В 1861 г. став полковником, Иосиф Владимирович на протяжении четырех лет трудился на административной ниве, будучи командирован царем с поручениями в Самарскую, Вятскую и Калужскую губернии. По свидетельству современников, строгость и настойчивость в достижении целей реформы он сочетал с беспристрастностью и объективностью по отношению ко всем общественным силам, представленным в провинции. Это отметил даже радикальный герценовский журнал «Колокол», назвавший аксельбанты флигель-адъютанта Гурко «символом доблести и чести».



В.В. Верещагин. Пикет на Дунае. 1878–1879

До поры до времени служебный рост будущего фельдмаршала шел как бы рутинно, без особых поворотов и неожиданностей. В нем, однако, ни на минуту не прекращалась во многом подспудная, незаметная окружающим работа,

позволившая уже через десяток лет выдвинуться в число выдающихся военачальников своего времени. Достаточно сказать, что все воинские части и соединения, которые вверялись ему, – 4-й гусарский Мариупольский и лейб-гвардии Конно-Гренадерский полки, 1-я бригада 2-й гвардейской кавалерийской дивизии – отличались отменной выучкой. Всего за год с небольшим Гурко из командира бригады вырос в командира родной для него 2-й гвардейской кавдивизии и был произведен в 1876 г. в генерал-лейтенанты. Приближался звездный час Иосифа Владимировича. Как для всякого профессионального военного, он возможен только – такова уж суровая действительность – на поле брани.

С началом русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Гурко высочайшим повелением был откомандирован в действующую Дунайскую армию. По настоянию начальника Главного штаба генерала Д.А. Милютина после успешного форсирования в июне 1877 г. Дуная русские должны были двигаться через Балканы к Константинополю, стремясь разбить противника по частям (*см. очерк о в. к. Николае Николаевиче*). С этой целью были сформированы четыре отряда, один из которых – Передовой (и по названию, и по существу) – возглавил генерал-лейтенант Гурко. Перед отрядом, в который вошли четыре кавалерийские и одна стрелковая бригады, шесть дружин болгарского ополчения, три сотни казаков при 32 орудиях, была поставлена задача: действовать в направлении Тырново для занятия города и перевалов через Балканы.

Обстановка благоприятствовала русским, поскольку турецкое командование не ожидало появления здесь крупных сил противника. Пользуясь этим, Гурко стал энергично осуществлять поставленную задачу. 25 июня древняя столица Болгарии Тырново была взята. Местное население с восторгом встретило русских «братушек».

На очередь дня встало овладение перевалами. За Балканы можно было идти четырьмя проходами, наиболее удобным из которых являлся Шипкинский. Но турки сильно укрепили его, к тому же южнее, в районе Казанлыка, держали крупные резервы. Из оставшихся трех проходов турками не контролировался лишь наиболее трудный – Хаинкиойский. Гурко и избрал его, чтобы обойти шипкинскую позицию турок. Его отряд успешно преодолел перевал и 5 июля занял Казанлык. Сложилась ситуация, когда турок, засевших на Шипке, можно было одновременно атаковать как с севера, так и с юга, с тыла, куда вышел отряд Гурко. Русские не упустили такую возможность. После двухдневных ожесточенных боев противник, считая невозможным далее удержать позиции, отступил горными

тропами к Филиппополю. 7 июля Шипкинский перевал был занят русскими.

А.И. Шарлеман. Переход лейб-гвардии 6-й Донской батареи через Балканы. 1877 год. 1879

До сих пор русским военачальникам противостоял престарелый и малокомпетентный Абди-паша. Но после потери Шипки турецкий генеральный штаб удалил его с поста главнокомандующего на Дунае. Большой простор для действий получил 45-летний генерал новой европейской формации Сулейман-паша. Это был достойный противник Гурко. За 17 дней по суше и по морю он сумел перебросить 25-тысячный корпус из Черногории, преодолев почти 700 км, и с ходу вступил в бой с русскими. Гурко предстояло не допустить его к Шипкинскому и Хаинкиойскому перевалам, для чего было решено занять оборону на рубеже Нова-Загоры и Стара-Загоры.

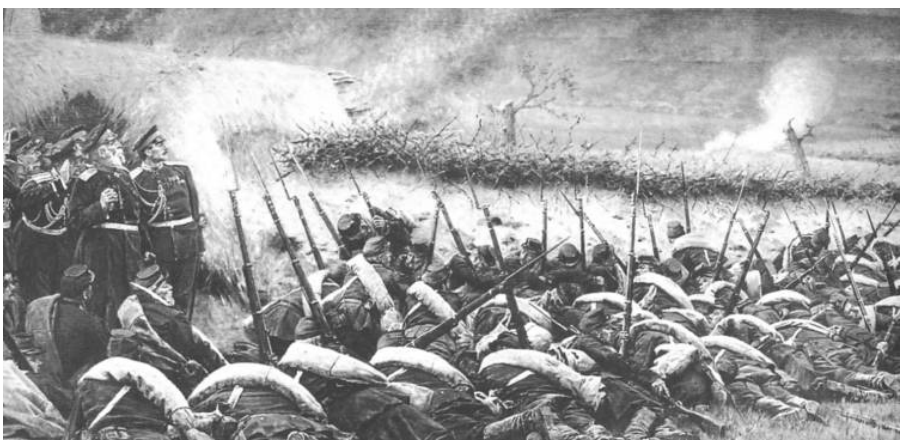
19 июля под Стара-Загорой разгорелся ожесточенный бой. Город отстаивал небольшой отряд русских и болгарских ополченцев во главе с генералом Н.Г. Столетовым. После пяти часов героической обороны создалась угроза окружения, и Столетов приказал оставить город. К сожалению, главные силы Гурко не смогли своевременно прийти на помощь: на пути к

Стара-Загоре они столкнулись с войсками Реуф-паши. Турки были разгромлены, но время ушло, и Иосиф Владимирович ввиду невозможности дальнейшего наступления приказал отступить к перевалам. Жертвы, однако, не были напрасными: потрепанная султанская армия три недели не двигалась с места, зализывая раны. Это дало передышку для пополнения сил и русским.

Иосиф Владимирович, отмеченный за блестящее выполнение забалканской операции орденом Св. Георгия 3-й степени и свитским званием генерал-адъютанта, меж тем был отозван в Санкт-Петербург за пополнением. Оттуда он лично привел на театр военных действий вверенную ему 2-ю гвардейскую кавалерийскую дивизию.

В начале октября дивизия стала сосредоточиваться в районе Плевны, куда вскоре подошла и гвардия. Плевна неподъемной глыбой закрывала путь русским войскам к Константинополю. Трижды предпринятый до этого штурм крепости оказался безуспешным. Надо было искать пути, чтобы взять ее, расчистить дорогу к вратам Царьграда.

Гурко был поставлен во главе гвардейского корпуса, что вызвало недовольство многих генералов. Еще бы: его выслуга оказалась меньше, чем не только у начальника штаба гвардейского корпуса, но и многих командиров дивизий. Но сложность ситуации заставила царя и главнокомандующего Дунайской армией великого князя Николая Николаевича не считаться с самолюбием иных старших командиров, имевших стаж, но не отличавшихся необходимыми качествами.



В.В. Верещагин. Перед атакой. Под Плевной. 1881

Став во главе корпуса, Гурко принялся выполнять план Милютина, утвержденный Александром II, о блокаде Плевны. Для успеха дела требовалось перерезать Софийское шоссе, по которому к Осман-паше (он возглавлял плевненский гарнизон)

без помех доставлялись подкрепления, и овладеть расположенными на ней укрепленными пунктами. Первый удар по противнику был нанесен у Горного Дубняка. Этот бой 12 октября занял заметное место в истории военного искусства. Здесь Гурко, развивая тактику действий стрелковых частей, применил новые способы передвижения цепи перед атакой – перебежки и переползания. Турки были наголову разбиты.

По-иному подошел генерал к штурму укреплений Телиша. Видя бесплодность атак пехоты, он приказал провести мощную артиллерийскую подготовку. Сосредоточенный и меткий огонь русских батарей деморализовал противника, 16 октября 5-тысячный гарнизон капитулировал. 20 ноября противник без боя оставил Дальний Дубняк. Блокада Плевны стала полной.

Гурко, награжденный за перечисленные победы золотой шпагой в алмазах, на этом не остановился. Узнав, что у балканского прохода Орхание сосредоточена 25-тысячная группировка для деблокирования войск Осман-паши, он с согласия и одобрения царя и великого князя Николая Николаевича в конце октября двинул войска навстречу противнику. Упреждающий удар потряс турок: командующий группировкой пал на поле боя, войска понесли жестокие потери. Таким образом, была обеспечена прочная блокада Плевны с юго-западного направления, а, кроме того, заняты выгодные позиции для дальнейшего движения за Балканский хребет.

Вообще-то Гурко предлагал в случае успеха не останавливаться: деблокировать наши войска на Шипке и идти за Балканы. Но главнокомандующий Дунайской армией великий князь Николай Николаевич проявил осторожность и задержал его в районе Орхание, пока не была взята Плевна. А этого события пришлось ждать больше месяца в условиях наступивших холодов, при плохом обеспечении.

30 ноября 1877 г. на военном совете у царя был принят план Милютина о немедленном переходе в наступление на софийском направлении через Балканский хребет с тем, чтобы далее наступать через город Адрианополь на столицу Османской Порты. Историки высоко оценивают это решение, как крупный вклад в военное искусство [64] . Противник не ожидал, что русские зимой, в стужу, при занесенных снегом перевалах осмелятся наступать. Но они решились на это.

Во главе Западного отряда, шедшего первым и усиленного 9-м корпусом и 3-й гвардейской дивизией – всего чуть более 70 тысяч человек при 318 орудиях, был поставлен генерал Гурко. Русские превосходили противника в живой силе в 1,5 раза, в артиллерии – в 3,5 раза. Но ведь еще предстояло перевалить

горный хребет, сбив турецкие заслоны.

На рассвете 13 декабря отряд Гурко выступил. Заснеженные тропы, обледенелые подъемы и спуски, злая метель, перешедшая в буран, сильный мороз – сама природа пришла на помощь противнику. «Нужна была железная, суворовская воля и несокрушимая вера в себя и свои войска, – писал современник, – чтобы преодолеть все трудности похода и не отступить от намеченной цели. Когда среди начальствующих лиц, подчиненных Гурко, начался ропот на его суровые распоряжения и требовательность, он собрал все гвардейское начальство и сказал им следующие грозные слова: “Я поставлен над вами волею государя императора и только ему, Отечеству и истории обязан отчетом в моих действиях. От вас я требую беспрекословного повиновения и сумею заставить всех и каждого в точности исполнять, а не критиковать свои распоряжения. Прошу всех это накрепко запомнить… Если большим людям трудно, я их уберу в резерв, а вперед пойду с маленькими…”» [65] .

Суворов упомянут здесь не случайно. Следуя примеру великого предшественника, Иосиф Владимирович на походе подавал личный пример стойкости и выносливости, бодрости и энергии. Войска видели его каждую минуту. Генерал шел в общем строю, лично руководил подъемом и спуском артиллерии по обледенелым тропам, наравне с солдатами питался одними сухарями и спал на снегу. Борьба с силами природы и преодоление себя длились неделю и закончились победой русского духа. Отряд Гурко спустился в Софийскую долину и после упорного боя 19 декабря овладел Ташкисенской укрепленной позицией. Ввиду угрозы окружения турки отступили к Софии.

После перенесенного в зимних горах испытания для русских, казалось, уже не было преград. Их настрой был так велик, что устрашенный противник без боя оставил город. 23 декабря 1877 г. Кавказская казачья бригада первой вступила в Софию, за ней – пехотные части. Население с восторгом встречало освободителей.

Гурко обратился к личному составу Западного отряда с приказом: «Занятием Софии окончился блестящий период настоящей кампании – переход через Балканы, в котором не знаешь, чему удивляться: храбрости ли и мужеству вашему в боях с неприятелем или же стойкости и терпению в перенесении тяжелых трудов в борьбе с горами, морозами и глубокими снегами. Пройдут годы, и потомки наши, посетив эти дикие горы, с гордостью и торжеством скажут: “Здесь прошли русские войска и воскресили славу суворовских и румянцевских чудо-

богатырей”».

Раньше других преодолевший Балканский хребет Западный отряд первым начал и преследование противника из района Софии в направлении на Филиппополь и Адрианополь. Глубокий снег сковывал маневр, так что турок удалось настичь лишь под Филиппополем. В трехдневном сражении 3–5 января 1878 г. войска Сулейман-паши были окончательно разбиты. Бросив около 180 орудий, их остатки бежали через Родопские горы. Эта победа открывала русским путь на Константинополь. А после взятия второй столицы Турции Адрианополя (7 января) и ряда других крепостей военный разгром противника стал свершившимся фактом. 19 января 1878 г. в Адрианополе было заключено перемирие, а 19 февраля в Сан-Стефано – и мир.

Александр II осыпал высший командный состав милостями. Кто-кто, а свои награды Гурко получил заслуженно: на его плечах появились эполеты генерала от кавалерии, а на груди – крест и звезда ордена Св. Георгия 2-й степени.

Историк А.А. Керсновский выделяет трех военачальников, обеспечивших, на его взгляд, перелом в войне и победоносное завершение – генералов И.В. Гурко, Ф.Ф. Радецкого и М.Д. Скобелева. При этом «на первое место следует поставить Гурко. Это – победитель войны 1877–1878 гг., победитель Балкан, вдохнувший свою несокрушимую энергию как в войска, так и в Главную квартиру» [66] .

Дальнейшая служба Иосифа Владимировича проходила на высших военно-административных должностях. Сразу по окончании войны с Турцией он был назначен помощником великого князя Николая Николаевича – главнокомандующего войсками гвардии и Санкт-Петербургского военного округа. С 1882 г. он – временный одесский генерал-губернатор и командующий войсками Одесского военного округа, а еще через год – варшавский генерал-губернатор и командующий войсками округа.

12 лет пробыл Гурко на так называемом Передовом театре войны. Он прозорливо увидел опасность для России со стороны растущего хищника – Германии и ее партнеров по Тройственному союзу (*см. очерк о Х. Мольтке*). Его управление губерниями Привисленского края и командование войсками на западной границе составило в военно-административном деле целый этап, названный еще тогда «временем Гурко» – настолько сильный отпечаток оставила деятельность полководца [67] .

Театр будущих военных действий готовился в инженерном и фортификационном отношении, особенно отметим усиление укреплений Варшавы, Брест-Литовска, Осовца и других

крепостей. Войска все время учились в поле. Учения, сборы, маневры, боевые стрельбы сменяли друг друга. При этом в обучении личного состава широко применялся опыт последней войны с Турцией.

Гурко лично руководил многими учениями и маневрами. Современники отмечали его твердость, властность, энергию и несокрушимое ни при каких обстоятельствах спокойствие духа. Стройный, худощавый, с большими седыми бакенбардами, он держался так, что казался выше окружавших его лиц, а своей кипучей деятельностью, выносливостью и лихостью на коне – всех моложе. Он мало говорил, никогда не спорил и казался непроницаемым в мыслях, чувствах и намерениях. От всей его фигуры веяло несокрушимой внутренней силой.

Годы тем не менее подтачивали здоровье. 6 декабря 1894 г. по личному прошению Иосиф Владимирович был уволен в отставку. «В воздаяние важных заслуг, оказанных престолу и Отечеству, особенно в последнюю турецкую войну» Николай II произвел его в генерал-фельдмаршалы. Он продолжал оставаться также членом Государственного совета. (В скобках заметим: происходя из старинного рода Ромейко-Гурко и будучи сыном генерала от инфантерии, сам достигший фельдмаршальского чина, удостоенный высших наград империи, он, как ни странно, так и не был возведен ни в графское, ни в княжеское достоинство.)

Через два года Гурко был награжден орденом Св. Андрея Первозванного и назначен шефом 14-го стрелкового батальона, который входил в состав родной для него 4-й стрелковой бригады. Последняя еще в 1877 г., ведомая Гурко, получила неофициальное название «железной».

Генерал-фельдмаршал Гурко умер больше века назад, в январе 1901 г. Но и до сих пор не забыта солдатская песня о временах, когда русский солдат помогал болгарским «братушкам» сбросить иго нехристей:

Не ясен да сокол летает
Над балканскими горами,
Наш Гурко там разъезжает,
Он с гвардейцами гуляет.

Граф Иван Иванович Дибич-Забалканский (1785–1831)

Иваном Ивановичем он стал не сразу. От рождения Дибич носил другое, более подходящее для силезского барона имя – Иоганн-Карл-Фридрих-Антон. А на русский манер юношу принялись звать с 1801 г., когда его отец, в свое время адъютант Фридриха II, был приглашен в Петербург Павлом I. Встретили Дибичей радушно, и Иоганн со всем пылом молодости взялся доказать, что новое Отечество в нем не разочаруется. Пока иные его товарищи по лейб-гвардии Семеновскому полку предавались развлечениям, он, семнадцатилетний прапорщик, усиленно штудировал русский язык и осваивал тонкости строевой службы.

Как и для толстовского князя Андрея, первым серьезным боевым испытанием стал для Дибича Аустерлиц (20 ноября 1805 г.). Раненный в правую руку, он перехватил клинок левой, но до конца сражения поле боя так и не покинул. Наградой ему стала шпага с надписью «За храбрость». Отличился он и при Прейсиш-Эйлау (26–27 января 1807 г.). К моменту завершения войны с Францией 1806–1807 гг. это был уже обстрелянный офицер, мундир которого украшали несколько наград, включая орден Св. Георгия 4-й степени.

Орден следующей, 3-й степени, Дибич заслужил в 1812 г., сражаясь в корпусе П.Х. Витгенштейна обер-квартирмейстером (*см. очерк о П.Х. Витгенштейне*). Тогда же он стал генерал-майором. В 28 лет! После того, как с занятием Берлина 20 февраля 1813 г. русская армия соединилась с австрийской, Иван Иванович был назначен генерал-квартирмейстером союзных войск и в этом качестве принимал участие в сражениях заграничного похода – под Люценом, Бауценом, Дрезденом, Кульмом и Лейпцигом. Особую доблесть проявил он под стенами Дрездена (14–15 августа 1813 г.): контуженный, дважды пересаживался с убитых под ним лошадей, но вверенных ему войск не оставил. А под Лейпцигом (4 октября) восхищенный его хладнокровием, разумностью планов и героическим поведением в бою главнокомандующий союзными войсками австрийский князь К. Шварценберг наградил молодого русского генерала орденом Марии-Терезии. Прямо на поле сражения снял свой орден и вручил его Дибичу.

12 марта 1814 г. Александр I, ставший после смерти Кутузова во главе русской армии, собрал военный совет для решения вопроса, дать сражение Наполеону или прямо идти на Париж. Присутствовавший на совете генерал-лейтенант Дибич наряду с другими участниками высказался за второй вариант, который и был принят. И через неделю «Ах вы, сени, мои сени» уже звучало на улицах французской столицы.

Последующая боевая деятельность Ивана Ивановича связана с двумя основными событиями военной истории России первой трети XIX в. – русско-турецкой войной 1828–1829 гг. и польским восстанием 1830–1831 гг. Еще сравнительно молодой, он занимал видное положение в политической и военной иерархии. Расположение Александра I к нему, ставшее заметным еще в ходе войны с Наполеоном, со временем все возрастало. В 1818 г. он был пожалован в генерал-адъютанты, в 1823 г. – назначен исправляющим должность начальника Главного штаба (до 1828 г.), по повелению царя должен был присутствовать в Государственном совете и Комитете министров.

При Николае I Дибич еще более упрочил положение одного из высших сановников, будучи произведен в генералы от инфантерии и став графом. От внимания нового царя не ускользнуло, прежде всего, то, как энергично начальник Главного штаба похоронил в декабре 1825 г. замыслы декабристов, обеспечив арест руководителей заговора во 2-й армии. Историки советских времен Дибичу этого не простили, как и дружбы с А.А. Аракчеевым, упуская из виду, казалось бы, очевидное обстоятельство, что он был сыном своего времени и своего класса. А уж что касается полководческих качеств, то, говоря о его участии в войне с Турцией, прежняя историография вообще презрительно называла Ивана Ивановича бездарным.

Следует разобраться в вопросе без предвзятости. Именно Дибичу Николай I поручил в 1828 г. разработку плана действий 2-й армии (1-я находилась на западной границе, чтобы предотвратить возможный удар со стороны Австрии) против Османской Порты. Начальник Главного штаба исходил из необходимости завершить войну в течение одной кампании, при этом основным театром военных действий он считал Балканы. С началом наступления генерал и сам отправился в действующую армию, участвовал во взятии Браилова (10 июня 1828 г.), Кюстенджи (12 июня) и Варны (29 сентября), после чего все турецкие крепости на Дунае, расположенные ниже Силистрии, оказались в руках русских. А вот блокада самой крепости Силистрия, обладавшей гарнизоном в 15 тысяч человек и более 250 орудиями, была неудачной: взять ее в 1828 г. не удалось.

План военных операций на следующий, 1829 г., предусматривал активные действия в направлении Константинополя, чтобы сломить сопротивление турок и в кратчайшие сроки добиться победы. Вызванный в Петербург граф развил замысел: «Главный предмет будущей кампании состоит в том, чтобы овладеть Силистрией… Журжею с Тырновым… а потом значительными силами проникнуть через Балканы».

Переход графа Дибича-Забалканского

9 февраля 1829 г. он сменил на посту главнокомандующего графа П.Х. Витгенштейна. Численность действующей армии была доведена до 114 тысяч человек при 450 орудиях. Первым успехом кампании стало взятие считавшейся почти неприступной Силистрии (18 июня). «Это важное приобретение, – докладывал Дибич, – обеспечивает нам вторую операционную линию и хорошую базу на Дунае» [68] .

Крепость была еще в осаде, когда русскому главнокомандующему удалось выманить турок из их основного оплота Шумлы в открытое поле. В ожесточенном сражении у крепости Кулевчи (30 мая) Дибич разгромил войска визиря: 40-тысячная армия турок не устояла против 25 тысяч русских, отступив с поля боя и оставив до 6 тысяч убитыми. Потери русской армии составили около 2300 человек. За эту блестящую победу полководец был награжден орденом Св. Георгия 2-й степени, а за взятие Силистрии назначен шефом Черниговского пехотного полка, наиболее отличившегося под стенами турецкой крепости.

Падение Силистрии открыло русским путь за Балканы. В июле 1829 г. Дибич с главными силами армии форсировал полуостров. Переход потом вошел в учебники по военному искусству многих стран – это к вопросу о «бездарности» полководца. В распоряжении Ивана Ивановича насчитывалось около 50 тысяч человек. Условия были крайне тяжелыми: пришлось преодолевать жару и безводье, многочисленные турецкие заслоны. Визирь дважды пытался нанести удар по наступавшим и оба раза получал достойный отпор. Русские извлекли из этого максимум пользы.

В первом случае турки не только не смогли остановить войска Дибича, но и потеряли важную крепость Шумлу. Во втором ущерб был еще большим. Узнав, что противник

концентрируется в Сливно – там ожидали самого великого визиря, Иван Иванович 28 июля выступил ему навстречу и спустя три дня занял город, выбив оттуда противника. Организованных сил, способных сопротивляться, у турок больше не было, и Дибич двинул свои войска – около 12 тысяч человек при 110 орудиях – к Адрианополю. За день покрывали 30–35 верст, так что противник был буквально поражен, так быстро увидев русские знамена под стенами города.

8 августа Адрианополь был без боя взят. «Войска неприятельские и жители сего города, – ушел в Петербург доклад, – так сильно поражены были быстрым движением вверенных мне войск к нему и в такое пришли смятение… что выслали парламентеров для заключения капитуляции». Если учесть, что в это время не менее удачно на территории Болгарии действовала группа войск генерала П.Д. Киселева, станет понятно, насколько близко была полная победа.

В то время, когда войска Дибича совершали Забалканский поход, на Кавказском театре турецкая армия тоже подверглась полному истреблению (*см. очерк о И.Ф. Паскевич* е). Такого поражения Порта не знала никогда.

«Константинополь был у ног русского царя. Войск у турок больше не было. Султан умолял о мире. Еще два, три перехода – и щит Олега был бы поднят на вратах Царьграда, а на Святой Софии засиял бы крест…

Но этому не суждено было статься, – с огромной горечью восклицал историк. – Метафизика Священного союза (т. е. обязательства государств-победителей Наполеона поддерживать друг друга. – *Ю.Р* .) совершенно заслоняла насущные интересы России, тяжелым заклятьем сковывала все движения русского богатыря» [69] .

Николай I сознательно задержал войска Дибича и направил к султану посланника с предложениями о мире. Прибывшие 20 августа в Адрианополь представители Османской Порты, увидев, что русский генерал располагает не 60 тысячами войск, как считали в Константинополе, а всего 20–25 тысячами (по некоторым данным, даже 7 тысячами), попытались затянуть время в надежде: вдруг ситуация повернется в их пользу? В ответ наш главнокомандующий предписал войскам дополнительно занять ряд городов. Дипломаты противника сразу стали сговорчивее.

Согласно условиям Адрианопольского трактата (2 сентября 1829 г.) к России переходили дельта Дуная, крепости Ахалцих и Ахалкалаки, а также берег Черного моря от устья Кубани до пристани Святого Николая (между Поти и Батуми) включительно.

Она добилась также свободы торговли через Дарданеллы и Босфор для всех стран. Полную автономию получили Молдавия и Валахия, как и Греция, которая через полгода объявила о полной независимости. И хотя Адрианопольский мир существенно укрепил позиции России на Балканах и увеличил ее влияние в Турции, нельзя не признать, что Петербург проявил большую умеренность и не использовал исключительно выгодное положение для достижения куда более масштабных результатов.

Отмечая личный вклад графа Дибича в одержанную победу, Николай I писал ему: «Победоносная армия, предводительству вашему вверенная, с самого открытия кампании не переставала ознаменовывать себя блистательнейшими подвигами. Совершенное разбитие главных сил верховного визиря при селении Кулевчи, покорение крепости Силистрии, незабвенный переход Балканских гор, овладение всеми крепостями Бургасского залива и занятие второстоличного города Адрианополя – суть дела, покрывшие ее неувядаемой славой. Но не довольствуясь сим, отличные воинские дарования ваши явили свету событие, превосходящее даже меру ожидания. Вы не замедлили перенести победоносные знамена наши пред врата самой столицы неприятеля и… принудили наконец Оттоманскую Порту торжественно признаться в бессилии своем противостоять русскому оружию и решительно просить пощады» [70] . (Читатель, обрати внимание: слог-то каков! Умели наши предки не только воевать, но и изъясняться как здорово!)

Император щедро наградил главнокомандующего: к фамилии он получил почетное добавление – Забалканский, был удостоен алмазных знаков к ранее пожалованному ордену Св. Андрея Первозванного и ордена Св. Георгия 1-й степени. Черниговскому пехотному полку, шефом которого Иван Иванович стал после взятия Силистрии, было высочайше повелено именоваться впредь полком графа Дибича-Забалканского. А 22 сентября того же года полководец был возведен в чин генерал-фельдмаршала. В 45 лет!

Однако удача нередко сменяется в жизни людей страшным разочарованием и болью. Через полгода умерла супруга Дибича, к слову, племянница М.Б. Барклая де Толли. Весть о кончине горячо любимой спутницы жизни исторгла из уст фельдмаршала полные достоинства слова:

– Итак, отныне я весь буду принадлежать России!

И кто бы мог предположить, что и самому ему жить оставалось недолго.

…1830 год. Решение Николая I направить польские войска на подавление революции во Франции вызвало в Царстве Польском национальный взрыв. Как наиболее титулованный и так ярко

проявивший себя на бранном поле военачальник, Дибич 1 декабря был поставлен во главе войск, направленных против мятежников. Он двинул части к Бугу, чтобы, форсировав реку, отрезать повстанцев от Варшавы и разгромить их. Ему не удалось это сделать в полной мере, хотя победы под Прагой (пригородом Варшавы), у Люблина, Нура и Остроленки значительно подорвали силы противника и его волю к сопротивлению. Следует, правда, напомнить об упреках в пассивности, которую, по мнению современников, Дибич проявил, организуя преследование неприятеля после сражения при Остроленке. Из-за этого война затянулась еще на полгода.

Опровергнуть своими действиями создавшееся негативное мнение Дибичу не удалось по элементарно простой и дикой причине: на помощь полякам пришла… холера. 28 мая 1831 г. фельдмаршал почувствовал первое недомогание, а уже на следующий день его не стало.

Современники запомнили его человеком, внешность и манеры которого не вызывали симпатии – приземистая фигура, непропорционально большая голова, кирпичного цвета лицо, крикливый голос, неопрятность в одежде.

Он знал это за собой, поэтому избегал общества женщин и общителен был только в кругу близких лиц. Характер имел вспыльчивый, но отходчивый.

В то же время он отличался живым и быстрым умом, широкой эрудицией в области военного искусства, способностью отрешаться от рутины. Недостаточную решительность и настойчивость связывали в нем с влиянием продолжительной штабной деятельности, более богатая чисто командирская практика ему не помешала бы. Дибич редко общался с войсками, которые, со своей стороны, особой любовью ему не платили.

Оценивая вклад полководца в военное дело и в военное искусство, А.А. Керсновский ставил его выше генерал-фельдмаршала И.Ф. Паскевича, бывшего его современником: «Он много поработал над созданием Генерального штаба и занимался по преимуществу организационной и штабной работой (тогда как Паскевич – строевой командир). Дибич провел целиком всего одну кампанию – свой Забалканский поход, но эта кампания блестяща по синтезу замысла, простоте плана (принесению второстепенного в жертву главному) и решительности выполнения» [71] .

Князь Василий Владимирович Долгорукий (1667–1746)

Князь происходил из древнего и обширного рода, пережившего за столетия своего существования немало испытаний, пик которых пришелся на время недолгого правления Петра II [72] .

Его родичи во главе с Василием Лукичем Долгоруким вступили в борьбу с А.Д. Меншиковым за влияние на юного царя. Им удалось дискредитировать в глазах императора своего врага, который намеревался стать тестем Петра II и уже почти подошел к реализации своего замысла. Добившись удаления Меншикова в ссылку и завладев всеми его богатствами, Долгорукие принялись

действовать по его же схеме. Неразлучным другом царя сумел стать столь же юный князь Иван (сын Алексея Григорьевича и племянник Василия Лукича Долгоруких), а его невестой (вместо Марии Меншиковой) была объявлена сестра Ивана – Екатерина, причем у молодых даже состоялась помолвка. Долгорукие «сделались первыми вельможами в России» (Д.Н. Бантыш-Каменский).

Но в реализацию их честолюбивых замыслов вмешался рок. 19 января 1730 г. в день, на который было назначено венчание, 15-летний Петр II скоропостижно умер от оспы. Родственники княжны Екатерины вынашивали планы о провозглашении ее государыней, даже составили подложное завещание, согласно которому император якобы назначил свою невесту преемницей на троне, но подписать документ у находившегося при смерти Петра не смогли. Не получили они заметной поддержки и у высших сановников. Как только на престол взошла Анна Иоанновна, на Долгоруких, дерзнувших вмешаться в порядок престолонаследия, а, кроме того, ограничить ее власть самодержицы, обрушились жестокие испытания. Князь Иван был колесован, Василию Лукичу, Сергею Григорьевичу и Якову Григорьевичу отсекли головы, Алексей Григорьевич, отец Ивана и несостоявшейся царской невесты, умер в ссылке в Березове, последовавшая за ним дочь Екатерина после Березова была заключена в монастырь.

Опалы избежал лишь наш герой – Василий Владимирович, и на то были свои веские причины. Дело в том, что он с самого начала не поддержал своих столичных родственников, которые, желая упрочения позиций в армии, еще накануне коронации Петра II вызвали его ко двору. В день восшествия юного царя на престол 25 февраля 1728 г. Василий Владимирович был пожалован в генерал-фельдмаршалы и подполковники лейб-гвардии Преображенского полка, стал членом Верховного тайного совета. Однако это не заставило его разделить авантюрные планы по возведению племянницы княжны Екатерины на престол. «Неслыханное дело вы затеваете, чтоб обрученной невестой быть российского престола наследницей, – заявил он своим двоюродным братьям. – Кто захочет ее подданным быть? Не только посторонние, но и я, и прочие нашей фамилии на то не согласятся» [73] . Возражения князя Алексея Григорьевича, что его дочь Екатерина хоть и не венчалась, но с императором была все же обручена, старого фельдмаршала не убедили. Если бы она была даже в супружестве с Петром II, то и тогда ее вряд ли признали бы наследницей, считал он. Императрица Екатерина I только потому правила, что Петр I сам официально короновал ее.

И хотя родственники Василия Владимировича ссылались на

поддержку канцлера графа Г.И. Головкина и лидера Верховного тайного совета князя Д.М. Голицына, гарантировали поддержку со стороны гвардии, он отказался поддержать их авантюру (*см. очерк о М.М. Голицыне*). Кроме того, Долгорукий на заседании Верхового тайного совета 19 января 1730 г. выступил против планов аристократической олигархии заменить самодержавную власть собственной властью, существенно ограничив «кондициями» полномочия Анны Иоанновны. Эту его твердую позицию Анна Иоанновна, беспощадно расправившаяся с другими «верховниками», оценила должным образом. Он – единственный из рода Долгоруких, кто сохранил свое положение при новой императрице.

А начинал он службу стольником еще при Иоанне Алексеевиче (отце Анны Иоанновны) и Петре Алексеевиче. Его первой военной формой был мундир лейб-гвардии Преображенского полка. В 1708 г. Василий Долгорукий удачно выполнил поручение по подавлению восстания Кондратия Булавина, за что удостоился чина подполковника гвардейского Семеновского полка.

В Полтавском сражении 27 июня 1709 г. он командовал резервной кавалерией. Источники умалчивают о его конкретной роли, но, по всей видимости, Василию Владимировичу удалось достойно показать себя, коль скоро он получил чин генерал-поручика и по традиции того времени был награжден деревнями. Участник Прутского похода 1711 г., по возвращении из которого удостоился высшей награды – ордена Св. Андрея Первозванного.

Не отличаясь большим полководческим даром, Долгорукий в то же время не пренебрегал возможностью лишний раз отметиться в бранном деле. По собственной просьбе он был направлен в армию, которая действовала против шведов на территории Германии, отличился при взятии Штеттина.

С назначением в 1715 г. по повелению царя председателем комиссии, выявлявшей хищения по провиантской части, он, вероятно, впервые столь явственно почувствовал, какими жизненными осложнениями чревата политика. Дело в том, что в числе замешанных в воровстве сановников оказался влиятельнейший Меншиков. Петр I, узнавший об этом из доклада Долгорукого, не захотел давать хода делу, заявив главе комиссии: «Не тебе, князь, судить меня с Данилычем, а судить нас будет Бог». Меншиков же с того дня затаил злобу на Долгорукого.

Доверие царя к Василию Владимировичу меж тем только увеличилось: в конце того же года он направил своего подданного в Польшу наместником. Но вскоре большая политика вновь вмешалась в судьбу князя. В 1718 г. он был привлечен в качестве

подследственного по делу царевича Алексея. По данным следственной комиссии, он якобы сочувствовал Алексею и хулил политику его отца Петра Великого. Учитывая, что следствием руководил Меншиков, нетрудно представить, как аукнулись Василию Владимировичу его энергия и принципиальность трехлетней давности в оценке тех сановников, которые разворовывали армейский провиант. Долгорукий был арестован, лишен всех чинов и сослан в Соликамск. Лишь незадолго до смерти Петр сменил гнев на милость, но полностью все чины князю возвратила только Екатерина I. Потом приближение ко двору у Долгорукого будет сменяться опалой неоднократно.

Екатерина произвела князя в генерал-аншефы и в 1726 г. направила его командующим войсками в Персию. Учитывая подавляющее влияние при ее дворе А.Д. Меншикова, можно утверждать, что это стало возможным лишь благодаря усилиям родственника Василия Владимировича – князя Василия Лукича Долгорукого: он дипломатическими средствами добивался для «полудержавного властелина» титула герцога Курляндского. Меншиков согласился на восстановление прежних позиций В.В. Долгорукого, но удалил его от двора. Действуя в Персии, русский командующий смог присоединить к России ранее завоеванные города Дербент, Баку и другие.

А затем последовали уже известные читателю события вокруг попыток «верховников» выдвинуть условия, на которых Анна Иоанновна могла бы вступить на трон, и ее отказа. Василий Владимирович избежал тогда опалы, но, как оказалось, ненадолго. В декабре 1731 г. по ложному обвинению в оскорблении императрицы он был арестован, лишен чинов, знаков отличия и сослан в крепость Ивангород близ Нарвы. В 1739 г. началось следствие относительно подложного завещания Петра II в пользу «невесты-государыни» Екатерины, к которому был привлечен и Василий Владимирович. В результате последовало заточение в Соловецкий монастырь.

Возвращение ко двору и восстановление в чинах произошло по воле новой императрицы Елизаветы Петровны в декабре 1741 г. Престарелый фельдмаршал занял пост президента Военной коллегии, осуществив некоторые преобразования в организации и материальном обеспечении армии. Скончался он в 1746 г. на 79-м году от рождения.

Эрцгерцог Австрийский Иоганн (1782–1859)

Подобно другим Габсбургам, которых привечали российские императоры, удостаивая высшими наградами и жалуя высшими военными чинами, эрцгерцог Иоганн-Баптист-Иосиф-Фабиан-Себастьян на русской службе никогда не состоял.

Четвертый сын императора Леопольда II, младший брат императора Франца I, он, как и все представители мужской половины фамилии, избрал военную карьеру. С началом австро-французской войны в 1800 г. был поставлен во главе австрийской армии. 18-летний возраст, отсутствие боевого опыта да, вероятно, и скромное дарование вряд ли позволяли надеяться на успех. Так

и произошло. В противоборстве с войсками генерала Моро у Гогенлиндена австрийская армия потерпела сокрушительное поражение.

Эрцгерцог Иоганн участвовал в борьбе с французами на всем протяжении наполеоновских войн и, говоря объективно, был больше бит, чем побеждал сам. Так произошло в 1805 г., когда его вытеснили из фамильного Тироля; в 1809 г. в сражении при Раабе, когда генерал Богарне разгромил своего оппонента, словно мальчишку. Реваншем стало взятие австрийской резервной армией крепости Гюнинген, но ведь тогда шел 1815 г., и силы Франции под ударами союзных войск уже иссякли.

Эрцгерцог Иоганн получил чин фельдмаршала Австрии. А в 1837 г. такой же чин ему пожаловал император Николай I.

В 1848 г. он, как сочувствовавший идее объединения германских государств под сенью австрийской короны, национальным собранием Франкфурта был избран правителем Германии. Но уже через год, разочарованный политикой эрцгерцога Иоганна, германский парламент низложил его.

Тироль

В целом даже среди Габсбургов Иоганн не оставил заметного следа. Гораздо популярнее (несомненно, и талантливее) оказался его брат эрцгерцог Карл-Людвиг-Иоганн (1771–1847), прославившийся как один из наиболее талантливых противников Наполеона, военный теоретик и администратор. К слову, именно он возглавил имперскую армию после того, как генерал Моро разгромил войска под командованием его брата эрцгерцога Иоганна при Гогенлиндене. Он произвел перегруппировку войск и

заключил с французами перемирие, создав условия для заключения мира.

Граф Михаил Федотович Каменский (1738–1809)

На войне, как на войне: без жертв не обходится. Но даже самое сильное упоение победой не в состоянии затмить у благородного воина сострадания к поверженному врагу.

Это случилось в ходе второй русско-турецкой войны 1787–1791 гг. В районе молдавской деревни Ганкур дивизия М.Ф. Каменского была атакована силами Мехмет-Гирея, сына крымского хана, союзника Османской империи. Исход дела решил мастерский маневр генерал-аншефа. Комбинированным ударом во фланг и тыл он опрокинул противника, татары побежали. Русская кавалерия бросилась их преследовать. В сече

вместе с сотней воинов пал Мехмет-Гирей, кроме того, русские захватили пленных и немалые трофеи, включая артиллерию и шесть знамен.

Едва стих грохот выстрелов и звон булата, Каменский приказал найти на поле брани и передать противнику останки военачальника. Апеллируя, как принято говорить сейчас, к общечеловеческим ценностям, в письме крымскому хану он заметил, что препровождает тело его сына для погребения по мусульманскому обряду и делает это «не как русский генерал, но как отец, которого дети могут подвергнуться такой же участи».

Воистину человеческая натура неисчерпаема и неизведана, а жизнь неповторима! В этом еще раз убеждаешься, обозревая путь генерал-фельдмаршала Михаила Федотовича Каменского. Образцы подлинного благородства соседствовали в его поведении с непомерной угодливостью к сильным мира сего и страстью к интригам, прямодушие с жестокостью, любезность со злобностью. Правда, и доставались на его долю не одни пироги и пышки. Но – обо всем по порядку.

Армейская биография Михаила Каменского началась с выпуском в 1756 г. из Сухопутного шляхетского корпуса. В годы Семилетней войны ему удалось неплохо изучить прусскую армию как в боях (он участвовал в кампаниях 1760 и 1761 гг.), так и теоретически (в 1765 г. он исполнял обязанности военного агента при Фридрихе II). Но ратную славу он стяжал все же в сражениях с турками в ходе войны 1768–1774 гг.

К началу боевых действий 30-летний Михаил Федотович был уже генерал-майором. «Пылкий, крутой нрав Каменского, ум беглый, проницательный, примерная храбрость, – писал историк Бантыш-Каменский, – еще в то время вывели его из круга людей обыкновенных» [74] . В 1-й армии князя А.М. Голицына он получил под свое командование бригаду из пяти пехотных полков. Первое настоящее дело выпало почти сразу же, как только армия переправилась через Днестр и 19 апреля 1769 г. подступила к крепости Хотин. Ее оборонял 40-тысячный корпус Караман-паши, в свою очередь прикрываемый крепостными орудиями. Русские, имея в авангарде бригаду Каменского, атаковали неприятеля и, невзирая на сильный огонь, обратили в бегство. Часть пехотного корпуса турок скрылась за крепостными воротами, тем самым усилив гарнизон Хотина.

Без осадной артиллерии взять крепость было немыслимо. В ожидании орудий и в поисках фуража Голицын отступил за Днестр. Такое промедление вызвало неудовольствие в Петербурге, и на смену главнокомандующему должен был прибыть П.А. Румянцев. Но Голицыну удалось на высокой ноте

закончить участие в кампании, чему парадоксальным образом послужила горячность верховного визиря. 29 августа он, введенный в заблуждение кажущейся медлительностью русских, напал на них (*см. очерк о А.М. Голицыне*).

В этом сражении и довелось отличиться Каменскому. Совершив стремительный марш, он своевременно перебросил бригаду на левый фланг в распоряжение генерала Н.И. Салтыкова, благодаря чему в критический момент боя удалось переломить ситуацию в свою пользу. Потеряв не менее семи тысяч убитыми, турки в беспорядке бежали. Через десять дней Хотин был занят русскими.

В следующем, 1770 г., Каменский, командуя все той же бригадой, отличился при успешном штурме Бендер, лично возглавив атаку егерей. Непосредственно в ходе штурма ему было поручено возглавить атаку левого фланга русских войск. Наградой за умелые действия стал орден Св. Георгия 4-й степени.

Ордена следующей, 3-й степени, и чина генерал-поручика Михаил Федотович удостоился за кампанию 1773 г., разбив турецкий корпус на острове перед крепостью Журжа. Но, пожалуй, самой удачной за весь его ратный путь стала кампания 1774 г. К сожалению, личный триумф полководца не означал автоматически триумфа всей армии, и главная причина здесь – непомерное честолюбие Каменского, его нежелание делиться славой с кем бы то ни было.

Его корпус впервые действовал вместе с отрядом генерала А.В. Суворова. Командующий армией П.А. Румянцев, сохранив за каждым из военачальников возможность самостоятельных действий, право окончательного решения все же предоставил, согласно старшинству, Каменскому. 2 июня Михаил Федотович взял крепость Базарджик и направился к крепости Шумла. Шедший в авангарде с 8 тысячами штыков Суворов у села Козлуджи столкнулся с двигавшимся навстречу 40-тысячным корпусом турок. Действуя по своей заповеди – глазомер, натиск, быстрота, будущий генералиссимус самостоятельно, не дожидаясь корпуса Каменского, ввязался в бой и наголову разбил противника (*см. очерк о А.В. Суворове*). Возник скрытый конфликт: Каменский, оставшись в стороне от этой блестящей победы, сознательно не воспользовался ее плодами и приостановил движение к Шумле. Между тем крепость, по сути оставшуюся без гарнизона, можно было бы взять сравнительно легко и тем поставить эффектную точку в войне.

Румянцев был взбешен таким поступком подчиненного генерала. «Не в дни да часы, а и моменты в таком положении дороги», – резонно заметил он, делая Каменскому строгий

выговор. А уязвленный Суворов, сказавшись больным, отпросился в отпуск. «Два героя… не любили друг друга, – писал о них историк. – Один завидовал славе младшего товарища, другой, чувствуя свое превосходство, тяготился подчиненностью».

Избавившись от конкурента, Каменский двинулся-таки к Шумле, отразил вылазку оттуда турок и пресек всякое сообщение великого визиря с Адрианополем. Но взять крепость не успел: 10 июля 1774 г. был подписан Кючук-Кайнарджийский мир. Екатерина II не стала принимать всерьез описанный выше конфликт между ее генералами и удостоила Каменского ордена Св. Георгия 2-й степени. Но наверняка вспомнила о нем через несколько лет, в ходе уже следующей войны с Турцией.

Генерал-аншефу Каменскому был вверен корпус в армии фельдмаршала Румянцева, но более выгодной Михаил Федотович счел службу под командованием фаворита императрицы Г.А. Потемкина. Тонкая интрига, затеянная им против командующего, к его ужасу была разоблачена как раз тем, кому выказывалось такое подобострастие, – Потемкиным. Каменский сильно пал в глазах Екатерины.

Но, поскользнувшись на паркете, полководец, казалось, реабилитировал себя на поле брани. За победу у Ганкура, с описания которой начался этот рассказ, он был удостоен ордена Св. Владимира 1-й степени. Однако после 1789 г. из действующей армии был все же отозван. А через три года окончательно скомпрометировал себя в глазах императрицы и опять по причине болезненного честолюбия.

Назначенный незадолго до кончины Потемкина, последовавшей 5 октября 1791 г., в его подчинение, Каменский допустил, по словам Екатерины, «странные поступки». Буквально над телом усопшего он, оставшийся старшим среди генералов, собрал военный совет и объявил о принятии на себя обязанностей главнокомандующего. Однако через несколько дней в главную квартиру прибыл генерал-аншеф М.В. Каховский, которому Потемкин успел письменно передать свои полномочия. Возникший между генералами конфликт разрешила Екатерина, которая нашла действия Каменского произвольными и несовместимыми с законом и возможностью продолжения военной службы. В частных письмах ее оценки были еще более резкими: «Сумасшедший Каменский шалит, собрание генералов ради суждения, кому командовать, доказывает безрассудность собирателя, и после сего поступка уже к нему доверенность иметь едва ли возможно» [75] . Празднование вскоре заключенного Ясского мира прошло без попавшего в опалу военачальника.

Через пять лет ушла в мир иной матушка Екатерина, что

позволило Михаилу Федотовичу прервать деревенское затворничество. Занявший престол император Павел I поначалу благоволил к нему. Он помнил, как еще тридцать лет назад Каменский представил тогда великому князю Павлу Петровичу сочинение, в котором восторженно отзывался о столь любезных военных порядках в армии его кумира Фридриха Великого, а его самого призывал избрать военную стезю, стать продолжателем славных ратных дел его великого прадеда Петра I. И теперь это отозвалось Каменскому водопадом наград и почестей: он стал генерал-фельдмаршалом и кавалером ордена Св. Андрея Первозванного, получил титул графа, был назначен шефом Рязанского мушкетерского полка. Но уже через год Павел охладел к новоиспеченному фельдмаршалу, отставил его «за слабостью здоровья» и вновь отправил в деревню.

С воцарением Александра I Каменский был возвращен ко двору и в 1802 г. назначен генерал-губернатором Санкт-Петербурга. А через несколько лет ему еще раз довелось пережить крутую перемену судьбы. В 1806 г. накануне войны с Наполеоном патриотические круги, пользуясь поддержкой графа А.А. Аракчеева, навязали престарелого фельдмаршала Александру I в качестве главнокомандующего русской армией. Его популярность в обществе и при дворе мгновенно поднялась до невиданных высот, в столице он был принят буквально как спаситель России. Не совсем понятно, на чем основывалась такая вера в его военный гений: ведь еще с первой русско-турецкой войны было известно, что при несомненных храбрости и энергичности он не обладал ярким полководческим талантом, по сути не имел опыта управления крупными соединениями и показал неспособность к самостоятельным операциям. И только его бешеным честолюбием, не изменившим и в 68 лет, можно объяснить согласие вновь стать во главе действующей армии.

Трезвая самооценка, судя по всему, стала приходить к престарелому фельдмаршалу уже в пути на театр военных действий. В главную квартиру он прибыл лишь 7 декабря, т.е. спустя целый месяц после получения императорского рескрипта о назначении главнокомандующим. Жаловался на старость, на потерю зрения. Отдал ряд невнятных распоряжений, во многом предопределивших поражение русской армии в первом же сражении под Пултуском (территория современной Польши). Более того, накануне сражения он, не имея разрешения императора, покинул армию, сославшись на некое ранение, невозможность ездить верхом, а, следовательно, и командовать армией. Генерал Л.Л. Беннигсен, которому он сдал армию, другие военачальники убеждали фельдмаршала не изменять своему

служебному долгу, но тщетно.

Раздосадованный поражением Александр I поначалу признал Каменского «бежавшим из армии» и намеревался отдать его под суд. Но потом, видимо, приняв во внимание его немалые лета и потерю, как считали многие, «способности соображения», разрешил удалиться в свое имение.

Все-таки оригинальным был этот человек. Даже кончина Каменского оказалась совершенно необычной для людей его круга и положения. Фельдмаршал пал от руки крепостного. Но не месть за несправедливое наказание от помещика была тому причиной. В лице старого вояки убийца устранил конкурента своего брата, к которому благоволила дворовая девка Каменского.

Что ж, по крайней мере, по-солдатски, от руки соперника, а не от водки и от простуд пал один из последних екатерининских орлов, которого Г.Р. Державин недаром назвал «булатом, обдержанным в боях, оставшем мечом Екатерины, камнем и именем, и духом».

Король Румынии Кароль I (1839–1914)

Как становятся монархом? Десятки представителей династий Бурбонов, Валуа, Стюартов, Гогенцоллернов, Габсбургов, Романовых ответили бы: по праву рождения в качестве наследника престола. Кто-то из них добавил бы, правда, не публично, для себя: в результате дворцового переворота. А вот Кароль I на престол был… избран, дав начало новой династии в Румынии. Жизнь хороша своей непредсказуемостью.

По национальности Карл был немцем. Он родился 20 апреля 1839 г. в семье князя Карла-Антона-Иоахима-Зеферина, который был предшественником О. фон Бисмарка на посту председателя

совета министров Пруссии, а затем стал военным губернатором Рейнской и Вестфальской провинций. По линии отца принц относился к швабской ветви рода Гогенцоллернов и приходился родственником королевской семье Пруссии. Сам, однако, не правил, поскольку княжество еще в его детстве было уступлено королю Фридриху-Вильгельму IV.

Ему оставалось одно – продолжать традиции семьи на военной службе. К поворотному моменту в своей биографии Карл дослужился до чина капитана в гвардейском драгунском полку в Кобленце. Он зарабатывал репутацию безупречного офицера, а международная обстановка вокруг Придунайских княжеств по воле стран – участниц Парижского мирного конгресса 1856 г. складывалась таким образом, что его кандидатура вскоре была востребована в качестве главы нового государства – Румынии.

Княжество Румыния было создано путем объединения Молдавии и Валахии. Чтобы исключить конфликты по национальному признаку и гарантировать стабильность, для управления страной румынскими правящими кругами было решено призвать иностранца из уже существовавших монархических домов. В числе возможных кандидатов оказался 27-летний принц Карл Гогенцоллерн-Зигмаринген.

С предложением принять княжескую корону к нему прибыл И. Брэтиану, будущий премьер Румынии. После совета с министром-президентом Пруссии Бисмарком Карл дал согласие. Так в мае 1866 г. германский принц стал румынским князем, а затем и королем Каролем I.

Ему пришлось преодолевать неприязнь многих боярских семей, которые с трудом мирились с приходом к власти иностранца. Но с чисто немецкой педантичностью Кароль упрочивал свой трон. В марте 1881 г. он провозгласил Румынию королевством, настойчиво придавая ее политике самостоятельность.

Снижение напряженности в отношениях Румынии с Россией способствовало успеху русского оружия в войне с Турцией 1877–1878 гг. Кароль предоставил российским войскам коридор для прохода к границам Османской империи, в свою очередь, Петербург гарантировал неприкосновенность румынских границ (*см. очерк о в. к. Николае Николаевиче*). Но даже после начала боевых действий против общего врага отношения двух стран не стали радужными. Докладывая о движении русской армии к Дунаю, великий князь Николай Николаевич телеграфировал Александру II: «Нерешительность, а отчасти недружелюбное расположение румынского правительства отражаются на порядке движения войск». В похожем духе была выдержана ответная

телеграмма из Санкт-Петербурга: «…Румынские власти не очень к нам расположились… на действительное содействие их войск нам рассчитывать нельзя…» [76] .

Румын приходилось буквально подстегивать, дабы они не забывали союзнический долг. В середине августа 1877 г. Кароль принял командование соединенной русско-румынской армией под Плевной. Не следует переоценивать его роль в этих событиях. Советский историк Л.Г. Бескровный даже презрительно называл румынского короля «калифом на час». Тем не менее, за участие в штурме Плевны Александр II наградил Кароля орденом Св. Георгия 2-й степени, а за ее взятие в ноябре 1877 г. – орденом Св. Андрея Первозванного.

Затем, правда, в российско-румынских отношениях похолодало. Согласно условиям заключенного в 1878 г. перемирия с Турцией, к России отходила принадлежавшая Румынии Южная Бессарабия: тем самым обеспечивался выход к Босфору и Дарданеллам. А кроме того, за русской армией закреплялось право свободного прохода по румынской территории. Кароль выступил резко против, в ответ Александр II пригрозил оккупировать Румынию, а ее армию – разоружить. Почву для конфликта устранил Берлинский конгресс 1878 г., в соответствии с решениями которого юг Бессарабии переходил к России, но от коридора на румынской территории она отказалась.

В сентябре 1912 г. Николай II пожаловал Каролю I чин генерал-фельдмаршала российской армии. Не исключено, что этот неординарный акт преследовал цель российской внешней политики отдалить Румынию от Австро-Венгрии и Германии, с которыми Бухарест заключил еще в 1883 г. секретный союз.

С началом Первой мировой войны многое побуждало Кароля I присоединиться к Германии: и национальные чувства, и семейная солидарность, и прямое давление Берлина. Вильгельм II призвал румынского короля «выполнить долг Гогенцоллерна». Но Кароль, видя сопротивление большинства румынского общества, после мучительных раздумий не пошел на акт национального предательства и принял решение об отречении от престола. Сохранился текст, который он планировал прочесть на заседании Коронного совета. «Положение в Румынии приняло в последнее время столь угрожающий оборот, что я не могу больше нести ответственность за ее судьбу… – писал он. – Я не могу более оставаться во главе страны, которая отказывает мне в своем доверии. Мне бесконечно тяжело принимать это решение, ибо я хорошо представляю себе, к каким последствиям могут привести необдуманные действия Румынии. У меня разрывается сердце при мысли, что созданная мной румынская армия сегодня может

направить оружие против той стороны, которой я надеялся оказать помощь» [77] .

Совершить акт отречения Каролю помешала внезапная смерть 10 октября 1914 г., наступившая, по обоснованному предположению, в результате тяжелого стресса.

Герцог Карл-Евгений Кроа де Крои (1651–1702)

«В полках и сотнях под знаменем читали царский указ о вручении войска преславному и непобедимому имперскому герцогу фон Круи… Под хриплые вопли рожков герцог, в пышном плаще, с маршальским жезлом, упертым в бок, и за ним – позади на пол-лошадиного корпуса – генералы… объезжали лагерь. Герцог, взбодряя висячие усы ребром перчатки, кричал солдатам: “Здорово, молоци! Умром за батушку царя!”».

Таким предстает герцог Кроа де Крои (в литературе встречается и иное написание фамилии – де Круи) в романе А.Н. Толстого «Петр Первый» накануне сражения под Нарвой, в

момент, когда русский царь вверил ему свою армию. И он же в конце сражения, закончившегося полным поражением русских: «В шатер вошел герцог в осыпанной снегом оленьей шубе поверх лат, – забрало поднято, усы висели сосульками, губы тряслись…

– Пускай черт воюет с этими русскими свиньями! – крикнул герцог. – …Царь знал, что подсунуть мне, – армию! Сброд, сволочи!..

Герцог, Галларт и Блюмберг (приближенные главнокомандующего. – *Ю.Р.*) влезли на коней, спустились вниз к воде и по топкому берегу тяжело поскакали на запад, навстречу шведским выстрелам, – сдаваться в плен, чтобы этим уберечь свои жизни от разъяренных солдат» [78] .

Так в ноябре 1700 г. бесславно завершилось первое и последнее сражение во главе русской армии незадачливого герцога де Крои. Да и могло ли быть иначе? Армия была слабо подготовлена, под стать ей оказался и главнокомандующий.

Внешне до этого в его ратной биографии все было благопристойно. Само происхождение – а он был из старинного рода венгерских королей, представителям которого французский король Генрих IV пожаловал герцогский титул – позволяло Кроа де Крои рассчитывать на блестящую карьеру. В 25 лет он уже генерал-лейтенант на службе короля Дании. Еще через десяток лет – генерал-фельдмаршал-лейтенант в армии Священной Римской империи.

В 1693 г. он, самостоятельно командуя венгерской армией, осаждал Белград, но неудачно. Осада была снята с большими потерями, что вызвало у австрийского двора острое недовольство французским герцогом. Кроа де Крои, отличавшийся неумеренной страстью к горячительным напиткам и карточной игре, давал и сугубо личный повод к упрекам. Австрийский император Леопольд I при встрече с Петром I рекомендовал Кроа де Крои в качестве авторитетного и знающего полководца, прося дать ему возможность «снискать новую славу под знаменами русскими». Выбора у московского царя не было: за отсутствием национальных военных кадров приходилось полагаться на иноземцев, и в наборе в русскую армию зарубежных военных специалистов состояла одна из задач Великого Посольства в Западную Европу.

Путь в Россию затянулся на долгие два года. Де Крои вначале поступил на службу к курфюрсту саксонскому и королю Польши Августу II, испросив у него чин генерал-фельдмаршала саксонских войск. Поскольку Август выступал союзником Петра I, то именно к нему в Новгород летом 1700 г. прибыл де Крои с жалобой на русских солдат, разорявших Лифляндию и

Эстляндию. Нуждаясь в главнокомандующем для армии, отправлявшейся на Нарву, царь остановил свой выбор именно на нем (*см. очерк о Б.П. Шереметеве*). А для придания необходимого авторитета возвел герцога в августе 1700 г. в чин генерал-фельдмаршала.

Кроа де Крои отказывался от высокой чести возглавить русские войска, отговариваясь недавним прибытием в армию. Несколько раз Петр безуспешно посылал за ним, чтобы лично отдать приказ, и, в конце концов, сам принужден был посетить палатку герцога. Уклониться от личного приказания царя де Крои не посмел [79] . Правда, русские военачальники угрюмо восприняли это назначение и не очень-то желали подчиняться французу.

Когда на военном совете обсуждали, где и как встретить шведов, Борис Петрович Шереметев советовал осаждать Нарву лишь небольшой частью войск, а с основными силами выдвинуться навстречу Карлу XII и дать сражение на заблаговременно выбранном месте. Но де Крои отверг это предложение, и Петр с ним согласился. Исход сражения за Нарву известен…

Как писал Д.Н. Бантыш-Каменский, плен принес Кроа де Крои много страданий. Шведы без особого почтения отнеслись к военачальнику вражеской армии, содержали его в Ревеле «в черном теле», что привело к довольно скорой кончине герцога в 1702 г. в нищете и с грузом больших долгов. В отместку кредиторы герцога на протяжении многих лет не давали разрешения на погребение его тела.

С таким мнением не согласен современный историк Н.И. Павленко. «Этот вояка-наемник, – пишет он о герцоге, – к своим 49 годам успевший сменить четыре двора Европы, которым он бездарно служил, был обласкан Карлом XII, вполне оценившим его измену. Тем не менее фон Круи после Нарвы донимал царя и Меншикова просьбами о выдаче ему вознаграждения и пытался доказать свою невиновность» [80] .

Есть сведения, что русский царь не держал большого зла на бывшего главнокомандующего и считал, что если бы он вверил Кроа де Крои армию хотя бы недели за две до сражения, поражения под Нарвой удалось бы избежать. А на письмо герцога из заключения с просьбой прислать денег приказал перевести ему 6 тысяч рублей. Вероятно, он верил в то, что Кроа де Крои не изменил, а вынужден был сдаться на милость врагу ввиду безвыходных обстоятельств.

В то же время сомнительно, что, располагай Петр в начале Северной войны отечественными полководцами, которым он

полностью доверял бы, вряд ли герцог мог рассчитывать на высокий пост главнокомандующего. Поражение под Нарвой многому научило государя, и один из главных выводов состоял в осознании необходимости готовить свой собственный командный состав. Впредь во главе армии России иноземные наемники не ставились.

Граф Петр Петрович Ласси (1678–1751)

Ласси П.П. – один из тех, кто своей жизнью подтвердил старую истину: если ты служишь России верой и правдой, она для тебя – родная мать, неважно, из каких земель ты происходишь.

Родился Петр Петрович в Ирландии, до поступления на русскую службу воевал во французской армии. В Россию прибыл вместе с герцогом де Крои, но при неудаче под Нарвой пути главнокомандующего и скромного ротного командира разошлись *(см. очерк о К. де Крои)*. Герцог добровольно сдался в плен, а Ласси оказался с теми, для кого первое поражение послужило уроком и стало залогом последующей победы над шведами.

В 1702 г. во главе гренадерской роты он принял участие в удачном для русских бою Б.П. Шереметева со Шлиппенбахом у мызы Гуммельсгоф. В 1704 г. Ласси участвовал во взятии Дерпта, в следующем, 1705 г. – в гродненской операции. Начиная с 1708 г., он – уже полковник, командир Сибирского полка. В бою у Пирогова получил тяжелое ранение, но строй не покинул. Повторно тяжело ранен в Полтавском сражении, но, несмотря на это, повел полк в составе армии Б.П. Шереметева на Ригу. Он первым вступил в город и стал здесь первым же русским комендантом.

И в дальнейшем биография Ласси плотно насыщена боевыми делами. В целом в течение жизни, по его собственным словам, он «находился везде на воинских потребах, именно: в 31 кампании, на генеральных баталиях, 15 акциях и 18 осадах и при взятии крепостей, где не мало и ранен» [81] .

По результатам Прутского похода против турок (1711) он был произведен в бригадиры, а в 1712 г. за успешную заготовку продовольственных запасов для войск в Познани – в генерал-майоры. В 1713 г. под непосредственным командованием Петра I он участвовал в бою под Фридриштадтом, а затем в осаде и взятии Штеттина.

Позднее Петр I использовал вверенные Ласси части как прообраз морского десанта. В 1716 г. Астраханский полк и два полка гвардии под командованием Петра Петровича совершили на галерах переход к Висмару, где высадились на берег и участвовали в осаде крепости. Аналогичная переброска войск была совершена под Копенгаген.

А в 1719 г. царь решил, что настала пора побеспокоить шведов, отказавшихся после гибели Карла XII от мирных переговоров, непосредственно на их земле. В июле к побережью Швеции была предпринята морская экспедиция галерного флота во главе с генерал-адмиралом Ф.М. Апраксиным. Там было высажено два десантных отряда, одним из которых командовал Апраксин, а другим – Ласси. Шведы, наконец-то, почувствовали, что такое война, на себе: десантники громили собранные против них военные силы, жгли и разрушали железоделательные заводы, оружейные мастерские, мельницы, лесоразработки. Подобные рейды практиковались и в 1720 г., причем под стены самого Стокгольма. Опустошения, произведенные русскими на восточном побережье Швеции, заставили королеву Ульрику-Элеонору пойти на возобновление переговоров о мире. А Ласси был поощрен производством в генерал-лейтенанты.

Некоторое время он поправлял расстроенное здоровье, пока вступившая на престол Екатерина I не прервала его бездействие.

В день учреждения ордена Св. Александра Невского 21 мая 1725 г. она наградила, среди прочих, и Петра Петровича, также возвела его в чин генерал-аншефа и назначила членом Военной коллегии. А несколько позднее вверила ему войска, расположенные в Петербурге, Ингрии, Новгородской губернии, Эстляндии и Карелии. С 1730 г. он – рижский генерал-губернатор.

Полную самостоятельность в действиях на поле боя Ласси получил при Анне Иоанновне. Именно она в 1736 г. произвела полководца в генерал-фельдмаршалы, отметив таким образом его заслуги в войне за Польское наследство (1733–1735). Во главе 20-тысячного корпуса Ласси был направлен в Польшу для поддержания прав на польский престол Августа III, сына умершего Августа II (союзника Петра I в Северную войну), против французского ставленника Станислава Лещинского, избранного в 1733 г. королем.

Петербург реагировал немедленно. В августе 1733 г. Ласси овладел Литвой и Курляндией, занял пригород Варшавы Прагу и, наконец, вынудил конфедератов очистить столицу. Королем был провозглашен Август III. Лещинский с 20-тысячным войском засел в Данциге, поэтому боевые действия зимой – весной следующего года переместились к этой крепости. Ласси, сдавший главное командование Б.-Х. Миниху, успешно обеспечивал тыл армии, которая после четырех месяцев осады заставила Данциг капитулировать.

В 1735 г. Ласси во главе войск был послан к Рейну на помощь австрийской армии принца Евгения Савойского, воевавшего с французами. Ввиду заключения мира русские к концу года возвратились на зимние квартиры в Моравию. По пути из Вены в феврале 1736 г. Петр Петрович получил через курьера фельдмаршальский жезл, а с ним предписание императрицы немедленно двигаться к Азову: военачальник потребовался на театре русско-турецкой войны 1735–1739 гг. Анна Иоанновна стремилась уничтожить унизительный для России Прутский договор и нанести удар по подвластным Турции крымским татарам, совершавшим опустошительные набеги на Малороссию.

Ласси овладел Азовом 20 июля 1736 г., при этом полководец получил ранение. Наградой стал ему орден Св. Андрея Первозванного. Но основное его участие в войне пришлось на следующие два года. Дважды в 1737 и 1738 гг. вверенные ему войска успешно воевали в Крыму. И в обоих случаях полководец проявлял склонность к нешаблонным действиям. Хан ожидал его на Перекопе, но Ласси предпринял обходной маневр по Арабатской стрелке. Глубокий заход русских в их тыл навел на татар ужас, их армия рассеялась, и Ласси смог занять весь

полуостров. Но недостаток в продовольствии вынудил его отойти в Северную Таврию.

В 1738 г. Ласси тоже действовал не напролом, введя войска в Крым через Сиваш и заставив капитулировать гарнизон Перекопской крепости. Но по той же причине – неудовлетворительное обеспечение – русские удержать полуостров не смогли. Видя страдания войск в крымских походах, Петр Петрович испросил разрешения больше их не предпринимать, пока армия в целом, включая ее тыловые структуры, не будет готова для действий на этом театре.

Основную ответственность за ход войны с Турцией А.А. Керсновский возлагает на Б.-Х. Миниха. Его стратегию историк называет плачевной, повторяющей ошибки допетровских времен, когда князь В.В. Голицын ходил к Перекопу, главная из которых – слишком большая громоздкая армия (*см. очерк о Б.-Х. Минихе*).

При этом сравнение полководческого стиля Ласси и Миниха оказывается не в пользу последнего, хотя Миних всегда старался быть на виду, получал первые роли, а Ласси оставался в тени.

Но и в этом случае заслуги Петра Петровича замолчать было невозможно. В 1740 г. он получил графский титул и по окончании военных действий вернулся на пост лифляндского губернатора и командующего войсками Остзейского края. Продолжалось это недолго, так как уже в июле 1741 г. Швеция, отказавшись признать императорский титул младенца Ивана Антоновича (Ивана VI), объявила войну России. Главнокомандующим стал фельдмаршал Ласси. Не прошло и двух недель после объявления войны, как он наголову разбил корпус генерала Врангеля под Вильманстрандом. Вступившая в ноябре 1741 г. на престол Елизавета Петровна подтвердила полномочия Ласси, и в июле 1742 г. русская армия перешла в решительное наступление. 26 августа фельдмаршал отрезал отступление армии противника под Гельсингфорсом, заставив ее капитулировать. 17 тысяч шведов положили оружие (интересно, что такова же была и численность всей русской армии).

По окончании войны императрица прислала за Ласси собственную яхту, чтобы заслуженный полководец мог торжественно прибыть из Финляндии в Санкт-Петербург, пожаловала осыпанные бриллиантами шпагу и табакерку, повысила размер ежегодного денежного содержания. Елизавета Петровна убедилась в абсолютной верности Ласси. А ведь сразу после дворцового переворота, в результате которого она взошла на престол, были определенные сомнения, станет ли «иноземец» поддерживать ее. Так или иначе, но многие иностранцы, процветавшие при Анне Иоанновне и Анне Леопольдовне, были

тут же отстранены от кормила власти.

Рассказывают, что когда фельдмаршала разбудили среди ночи и потребовали ответить, на чьей стороне он стоит, к какой партии принадлежит, Петр Петрович продемонстрировал незаурядный ум и выдержку. Он дал простой и ясный, по-солдатски лаконичный и потому беспроигрышный ответ: «К ныне царствующей». И тем сохранил свое положение.

С окончанием войны со Швецией свои таланты Ласси проявлял в основном на административном поприще. Но след в истории русской армии он оставил прочный. После его кончины имя полководца стал носить 1-й пехотный Невский полк.

«Опытный, неустрашимый полководец, – так характеризовал Ласси историк Д.Н. Бантыш-Каменский, – отличался быстротой своей на ратном поле, с просвещенным умом соединял доброе сердце, возвышенные чувства…» [82] .

А вот мнение А.А. Керсновского о Ласси: «Это – благородная солдатская фигура, старый честный и храбрый воин, всегда стоявший в стороне от придворных интриг, живший интересами армии и нуждами своих подчиненных. По словам генерала Д.Ф. Масловского, “он был бессменным часовым на страже действительных нужд осиротевшей русской армии, заброшенной во все время владычества Бирона и Миниха…” Этой армии он отдал пятьдесят лет своей жизни и, умирая в 1750 г. (неточность, надо: 1751 г. – *Ю.Р.*), мог сказать, что вся его жизнь была дана “на потребу воинскую” его второй родины» [83] .

Светлейший князь Александр Данилович Меншиков (1673–1729)

Называя имена главных военачальников Северной войны, историки единодушны: это – А.Д. Меншиков, Б.П. Шереметев и А.И. Репнин. Как различны они – птенцы гнезда Петрова! Меншиков, например, полная противоположность Шереметеву. Сын капрала Преображенского полка, торговавший в детстве пирогами вразнос, не мог, конечно, похвастаться знатными предками, и только благодаря личным достоинствам сумел стать ближайшим сподвижником и другом царя. Родословная же Шереметева – древняя и славная. Данилыча, как по-свойски нередко звал Петр Меншикова, природа щедро наградила

талантами полководца и администратора. Способности Бориса Петровича Шереметева были значительно скромнее. Резко отличались они и характерами: наперсник царя был энергичен, отважен, любил риск настолько, что ему ничего не стоило очертя голову броситься в самое пекло сражения. Шереметев, напротив, отличался медлительностью и крайней осторожностью. А между тем оба они – из знаменитого «гнезда Петрова».

Умение подобрать в разных слоях общества единомышленников, сподвижников, надежных помощников было одним из сильнейших качеств первого российского императора, во многом определивших успех его реформаторской деятельности. «Птенцами гнезда Петрова», «товарищами, сынами» царя назвал их А.С. Пушкин в «Полтаве».

Не названный поэтом по имени, но легко узнаваемый «полудержавный властелин» А.Д. Меншиков, бесспорно, – самый яркий из приближенных Петра I, самородок, коими во все времена была богата наша земля. Его судьба отмечена какой-то истинно российской лихостью и полна превратностей. Мелкий торговец, чье состояние заключалось в лотке с пирогами, стал богатейшим после царя человеком, владельцем 150 тысяч крепостных, многочисленных великолепных дворцов, несметных сокровищ. Он носил все титулы и чины, существовавшие в России: герцога Ижорского, светлейшего князя Священной Римской империи и Российского государства, генералиссимуса, адмирала, верховного тайного действительного советника, занимал должности президента Военной коллегии, санкт-петербургского губернатора, был кавалером высших русских и иностранных орденов.

Человек, не знавший грамоты и умевший только начертать имя и фамилию, стал первым из русских, кого иностранная Академия наук приняла в свои ряды. Меншиков ухитрился упредить в этом даже Петра I. Не кто-нибудь, а сам Исаак Ньютон 25 октября 1714 г. известил Александра Даниловича, человека «высочайшей просвещенности», об избрании его членом британского Королевского общества.

Как же он умудрялся справляться с уймой дел, возложенных на него царем – задаемся мы вопросом вслед за известным знатоком петровской эпохи Н.И. Павленко. Конечно, у Меншикова были многочисленные квалифицированные помощники. Но ведь характер царских поручений был такой, что требовал непременного личного активного участия. И относились они к самым разнообразным отраслям государственного управления, экономики, военного искусства, требуя специальных познаний. Объяснение одно: Меншиков обладал незаурядным умом, острой

памятью, способностью держать в голове все детали многочисленных и многогранных обязанностей и высоко развитым здравым смыслом, заменявшим ему ученость и образованность [84] .

Когда в 1699 г. умер Ф. Лефорт, Меншиков быстро занял место любимца и друга государя. Но не совместным участием в попойках и иных развлечениях (хотя и им принадлежало немалое место), а в первую очередь успешным претворением в жизнь самых дерзких планов Петра. Расторопный, никогда не отговаривавшийся невозможностью выполнения тех или иных поручений, он смело и – надо подчеркнуть особо – с умом брался за любое дело.

На военном поприще Александр Данилович проявил себя рано. В звании бомбардира он участвовал во взятии Азова в 1696 г. Во время путешествия за границу в составе Великого Посольства вместе с Петром I терпеливо осваивал корабельную науку.

При «конфузии» под Нарвой в 1700 г. ему присутствовать не довелось, поэтому свой боевой счет в Северной войне он начал сразу с успеха. Храбрость и расторопность Меншикова при взятии Нотебурга в 1702 г. были столь очевидны, что Петр назначил его комендантом завоеванной крепости (*см. очерк о Б.П. Шереметеве*).

В военной кампании 1703–1704 гг., во время которой русские войска овладели территорией по всему течению Невы, будущий первый русский генералиссимус отличился не раз. Вот лишь один пример. 1 мая 1703 г. была взята крепость Ниеншанц. Шведский адмирал Нумерс, не зная об этом, ввел отряд кораблей в устье Невы. Два из них неосторожно бросили якорь вблизи крепости. Этим решил воспользоваться Петр I. 7 мая под прикрытием предрассветного тумана от берега отчалили 30 лодок. Одной половиной бойцов командовал Петр, другой – его наперсник. Подкравшись к кораблям, русские взяли их на абордаж. Это была первая морская виктория, и потому она доставила царю особую радость. Ликовавший Петр возложил на себя и Меншикова ордена Св. Андрея Первозванного.

Самодержец предоставил своему другу и сподвижнику обширную возможность действовать самостоятельно, назначив его в 1703 г. губернатором Ингерманландии (позднее – Санкт-Петербургская губерния). Меншиков удачно отбивал все попытки шведов возвратить себе земли по течению Невы и защитил российскую столицу. Одновременно он руководил строительством Санкт-Петербурга, Кронштадта, корабельных верфей на реках Нева и Свирь.

Громкая военная слава Меншикова связана в первую очередь с Калишем, Полтавой и Переволочной – решающими сражениями Северной войны. В них он не просто пунктуально выполнял установки царя, но и сам проявил немалые задатки полководца.

Сражение при Калише 18 октября 1706 г. между корпусом генерала Мардефельда и драгунами Меншикова началось с атаки русских, несмотря на значительное преимущество врага: 27 тысяч человек против 17 тысяч. Шведы отчаянно сопротивлялись и даже сумели потеснить русских драгун. Увлеченная преследованием шведская кавалерия оставила без прикрытия пехоту. Этим промахом Мардефельда умело воспользовался Александр Данилович. Он тут же велел спешить несколько эскадронов для действий в центре, а на неприятельские фланги направил кавалерию, чем сокрушил вражескую пехоту. Он же отрезал шведам путь к отступлению.

Калишское сражение отличается тем, что это была чисто кавалерийская победа, с русской стороны не действовало ни одного пехотинца. Около 1 тысячи шведов полегли на поле боя, 1800 человек во главе с Мардефельдом оказались в плену, остальные были рассеяны. Потери русских были ничтожными – 80 убитыми и 320 ранеными. День Калишской победы, 18 октября, был объявлен викториальным днем и ежегодно торжественно отмечался наравне с днями победы у Лесной, Полтавы и Гангута. Это было самое значительное событие первых шести лет Северной войны, исход которого, безусловно, определили энергичные действия Меншикова. В сражении он блеснул и полководческим дарованием, и личной отвагой.

А.А. Керсновский называет Меншикова «творцом и настоящим гроссмейстером русской кавалерии», утверждая, что «как кавалерийский начальник, предводитель конной армии, это деятель гораздо более крупный, чем Зейдлиц, Мюрат, Стюарт и Шеридан и смело может быть сравниваем с Румянцевым и Врангелем» [85] .

М.В. Ломоносов. Полтавская баталия. 1761–1765

Немалая заслуга в разгроме шведов принадлежала ему и в ходе Полтавской битвы 27 июня 1709 г. Это Меншиков лишил Карла XII одного из важнейших преимуществ – внезапности атаки, своевременно известив Петра I о начале движения неприятеля под покровом ночи на русский лагерь. Как только шведская пехота приблизилась к редутам, она оказалась под губительным огнем артиллерии, расстреливавшей ее в упор и с флангов (*см. очерк о Я.В. Брюсе)* . Основные силы Карла, неся огромные потери, тем не менее, продолжали пробиваться сквозь редуты. По приказу царя в сражение вступила кавалерия, ведомая Меншиковым. После двухчасового боя она опрокинула шведскую конницу фельдмаршала Рейншильда. Карл XII приказал пехоте Левенгаупта, не задерживаясь у редутов, помочь своей коннице. Но миновать линию искусно сооруженных редутов без серьезных последствий не удалось. Ряды шведов расстроились, на что и рассчитывал Петр, приказавший накануне возвести эти полевые укрепления. От основной массы откололась колонна генерала Рооса, которую атаковал Меншиков и принудил врага сложить оружие. В 8 часов утра Петр I вывел свою армию из редутов.

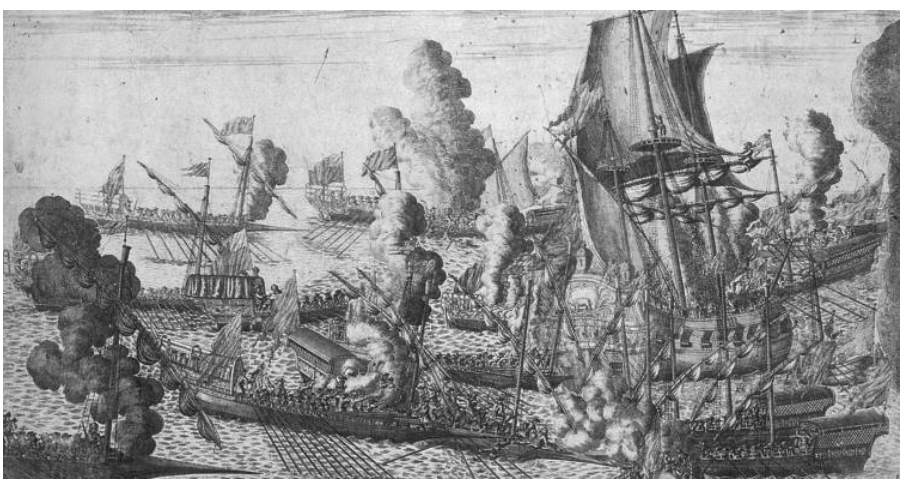
И грянул бой, Полтавский бой!
В огне, под градом раскаленным,
Стеной живою отраженным,
Над падшим строем свежий строй
Штыки смыкает. Тяжкой тучей
Отряды конницы летучей,
Браздами, саблями звуча,
Сшибаясь, рубятся сплеча…

В бой была брошена кавалерия Меншикова. Данилыч все время находился в гуще битвы – под ним было убито три лошади.

Когда шведская конница была оттеснена, Петр отдал приказ об общей атаке…

Бросая груды
Тел на груду,
Шары чугунные повсюду
Меж ними прыгают, разят,
Прах роют и в крови шипят.
Швед, русский – колет, рубит, режет.
Бой барабанный, клики, скрежет.
Гром пушек, топот, ржанье, стон,
И смерть и ад со всех сторон.

Когда поэтические строки Пушкина «накладываешь» на реальную картину сражения, поражаешься и военному искусству русских полководцев во главе с Петром I, и героизму простых пехотинцев, артиллеристов и кавалеристов, и таланту великого русского поэта, сумевшего с такой силой и точностью нарисовать картину главного сражения Северной войны.



Сражение при Гангуте 25–27 июля 1714 г. Гравюра А.Ф. Зубова. 1721

К 11 часам утра все было кончено. Поле под стенами Полтавы было усеяно шведскими трупами: позже их насчитали свыше 8 тысяч, около 3 тысяч человек были взяты в плен. Оставшиеся бросились бежать.

Первым шведов настиг М.М. Голицын: те у Переволочны пытались переправиться через Днепр. Спустя несколько часов подоспел со своими драгунами Меншиков. Русских было 9 тысяч человек, в то время как генерал Левенгаупт располагал 16 тысячами. Численное превосходство врага не смутило нашего полководца, воодушевленного только что одержанной победой под Полтавой. Он потребовал немедленной и безусловной

капитуляции. Деморализованные шведы сдались на милость победителям.

На многих генералов и офицеров после Полтавы низвергся буквально поток наград и чинов. Но и они не шли ни в какое сравнение с теми, которыми Петр отметил заслуги Меншикова. Это было справедливо: никто из сподвижников царя не мог даже равняться с Александром Даниловичем по вкладу в победу. Он был пожалован в генерал-фельдмаршалы, получил во владение города Почеп и Ямполь и почти 45 тысяч крепостных.

В 1709–1713 гг. он – командующий войсками, освобождавшими от шведов Польшу, Курляндию, Померанию, Гольштейн. На этом список громких ратных дел Меншикова обрывается. Но не закончилось его политическое возвышение. В 1718 г. он стал первым президентом Военной коллегии. И это несмотря на то, что в полной мере начали проявляться его корыстолюбие и жажда к обогащению любой ценой. Он не довольствовался уже имеющимся огромным состоянием, принимал богатые подношения, под чужим именем участвовал в казенных подрядах и банально тащил из казны. Это вызвало заметное охлаждение к нему со стороны Петра I, который периодически назначал над ним следствие (*см. очерк о В.В. Долгоруком*). Но отринуть от себя корыстолюбивого сподвижника так сил и не нашел. Однажды, когда дело дошло до суда, и судьи стали выбирать наказание между ссылкой и смертной казнью, государь посчитал достаточным денежный штраф, соразмерный хищению, заметив о Данилыче: «А он мне и впредь нужен».

В 1724 г. Меншиков, попавшись на хищениях вновь, был лишен поста президента Военной коллегии. От окончательной опалы его спасло заступничество императрицы Екатерины Алексеевны.

А после смерти Петра I в 1725 г. Меншиков стал фактически соправителем России, диктуя слабовольной Екатерине I все решения, которые считал необходимыми. Его алчность и властолюбие, с которыми Петру мало-мальски удавалось справляться, теперь достигли невероятных размеров. Светлейшему князю показалось недостаточно фельдмаршальского чина. Водя рукой подростка Петра II, который сменил на престоле Екатерину I и которым он бесконтрольно управлял, Меншиков в мгновение ока стал первым русским генералиссимусом. Он успел даже устроить помолвку своей дочери с молодым императором, рассчитывая стать, по сути, регентом и полностью распоряжаться высшей властью по собственному усмотрению.

Тем неожиданнее и оглушительнее оказалось скорое падение всесильного вельможи. «Полудержавный властелин» по наущению

его врагов был тем же самым Петром II обращен в «первобытное состояние» и закончил дни свои ссыльным в сибирском селе Березове.

Неродовитое происхождение не помешало Александру Даниловичу стать «светлейшим». Вначале в графское и княжеское достоинство он был возведен императором Священной Римской империи германской нации (соответственно в 1702 г. и 1705 г.). Но и Петр Великий не забыл о своем любимце. Указом от 30 мая 1707 г. он возвел его в достоинство герцога Ижорского и светлейшего князя Российского государства. В 1727 г. новый император Петр II лишил своего опекуна и регента государства всех титулов. Но уже Анна Иоанновна в 1731 г. возвратила сыну А.Д. Меншикова Александру княжеское достоинство и титул светлости, оставшийся за его потомками [86] .

Граф Дмитрий Алексеевич Милютин (1816–1912)

Этот человек прожил без четырех лет век. Пережил четырех монархов, от пятого – Николая II получил высший военный чин. Трудно даже представить, какую эпоху вместила в себя его жизнь: почти от Отечественной войны 1812 г. до Первой мировой.

Блестящий военный, он не раз бывал в боях в ходе Кавказской и русско-турецкой (1877–1878) войн. Удостоен всех высших орденов Российской империи и многих иностранных государств. Военный министр при Александре II. Один из наиболее удачливых в истории России реформаторов. Член Государственного совета. Маститый ученый, избранный в состав

Российской Академии наук. Основоположник новой науки – военной статистики. Крупный военный теоретик, педагог, историк. За исследование суворовских походов удостоен престижнейшей Демидовской премии Академии наук. Известный писатель, поддерживавший дружеские связи с И.С. Тургеневым, Т.Н. Грановским, И.И. Панаевым, К.Д. Кавелиным, А.Ф. Кони, В.И. Далем.

Всего этого с лихвой хватило бы на несколько человек, и они бы не потерялись в истории. А тут все достоинства счастливо совместились в одном – Дмитрии Алексеевиче Милютине.

Знакомишься с основными вехами жизни Милютина – и невозможно отрешиться от мысли, что он с самого начала готовился к уделу реформатора. Родившийся в небогатой дворянской семье Дмитрий окончил Благородный пансион при Московском университете, после чего определился на военную службу. В семнадцать лет был произведен в офицеры, в двадцать блестяще окончил Императорскую военную академию. Причисленный к Генеральному штабу юный штабс-капитан ни на день не прекращал занятий математикой и геодезией, астрономией и механикой.

Оплодотворяя теорию практикой, он в 1839 г. испросил командировку на Кавказ для изучения боевого опыта. Лез в самое пекло, и в ходе экспедиции в Ахульго, где располагалась ставка имама Шамиля, получил ранение. «Один из самых отличных офицеров армии. С умом, украшенным положительными сведениями, он соединяет практический взгляд и не на одни военные предметы. К тому же примерной храбрости, благороднейших чувств…», – отозвался о нем непосредственный его начальник, рекомендуя Милютина наместнику Кавказа А.П. Ермолову [87] .

Нет сомнений, что одной из причин, подвигших Дмитрия Алексеевича к реформаторской деятельности, стало его путешествие за границу, предпринятое в конце 1840 г. Молодой офицер посетил Германию, Италию, Францию, Англию, Бельгию, Голландию, Швейцарию, побывал на Балканах. По его признанию, эта поездка открыла ему глаза на действительное состояние России сравнительно с Западной Европой в культурном отношении: «Любя искренне свою родину, я глубоко скорбел, видя на каждом шагу, насколько мы отстали».

Какому патриоту мила такая картина? Но как часто причины такой отсталости и раньше, и теперь готовы мы видеть в чем угодно: в роке, в кознях иных народов, в особенностях национального характера русских… А вот Милютин начал с себя, увидев пробел в собственных знаниях. Поразительно широк

диапазон дисциплин, которыми он наметил заняться по возвращении в Петербург: право, политическая экономия, в том числе и в приложении к военному и военно-морскому делу, долговременная фортификация, строительство мостов, береговых укреплений, путей сообщения, осушение болот… Особо намечено «изучение военной и политической истории». Не ждал человек, когда достигнет «степеней известных», дабы наверняка включиться в перемены. Рассуждал просто: надо быть во всеоружии, когда бы ни возникла в тебе потребность для армии, для страны.

Творческой, неординарной, выламывающейся из общего ряда личности всегда трудно. Заурядным людям, пусть даже благожелательно настроенным, нелегко мириться с живущим рядом талантом: ведь он взрывает привычные и часто комфортные жизненные каноны, нарушает принятые правила «игры». Дмитрий испытал это на себе. Желая найти максимальное применение способностям, он пробовал себя в качестве обер-квартирмейстера войск Кавказской линии и Черноморья, преподавал в военной академии в Петербурге. В конце 1848 г. получил назначение «для особых поручений» к военному министру. По прямому повелению императора Милютин выполнил капитальное исследование, начатое еще видным историком генерал-лейтенантом А.И. Михайловским-Данилевским, по истории войны России и Франции в царствование Павла I. Именно будущему фельдмаршалу обязано современное ему общество возрождением интереса к суворовскому наследию, научному освещению деятельности А.В. Суворова как полководца-психолога и воспитателя солдат.

Внешне, казалось, у Дмитрия Алексеевича не было повода для недовольства жизнью. Рос в чинах (уже в 1854 г. произведен в генерал-майоры), завоевал прочный научный авторитет, приближен к императору, будучи назначенным в свиту его величества. Но не может быть полного удовлетворения от труда, когда знаешь, что мог бы сделать куда больше. «При тогдашнем режиме и духе времени все, что делалось, писалось, говорилось, – читаем в его “Воспоминаниях”, – должно было более или менее носить на себе отпечаток лицемерия и фальши» [88] . В такой обстановке таланту развернуться в полную ширь было воистину нелегко.

Рамки дозволенного, казалось, раздвинула Крымская война. Невиданные мужество и стойкость офицеров, солдат и матросов не могли компенсировать несовершенства организации русской армии, прямо вытекавшие из крепостнического характера общественного строя. Требовались решительные перемены.

В августе 1855 г. по повелению царя была создана специальная комиссия «для улучшения по военной части» во главе с генералом Ф.В. Ридигером. Через полгода в ее состав вошел и Милютин. Пожелания перемен он, судя по всему, принял за чистую монету. Уже через месяц работы в комиссии Дмитрий Алексеевич представил обширную записку, которая в отличие от других, весьма обтекаемых проектов, ставила вопрос о коренной реорганизации всей военной системы. «Крепостное право не позволяет у нас ни сократить срока службы, ни увеличить числа бессрочно-отпускных для уменьшения наличного числа войск», – писал он, доказывая необходимость сокращения армии в мирное время до минимума и максимального развертывания ее в военное время.

Еще более острые оценки давал Милютин механизму государственного и военного управления. «Можно было опасаться, – вспоминал он, – не только падения Севастополя, но и других не менее грозных катастроф, от которых могло поколебаться самое значение политическое России. Такие черные мысли преследовали меня и днем и ночью. Поставленный так близко к главному центру, из которого истекали все общие распоряжения, военные и политические, я имел возможность видеть, так сказать, закулисную сторону ведения войны с нашей стороны и потому более всего имел основание страшиться за будущее… Военный министр строго держался роли ближайшего при государе секретаря по военным делам; все министерство Военное только приводило в исполнение передаваемые министром в надлежащие департаменты высочайшие повеления. В департаментах главною заботою было составление всеподданнейших докладов, гладко редактированных, красиво и крупно переписанных набело, с наглядными ведомостями и справками. На самые маловажные подробности испрашивалось высочайшее разрешение и утверждение. Едва ли возможно довести военное управление до более абсолютной централизации» [89] .

Вывод напрашивался один: нужны срочные перемены. О них глухо заговорили в обществе. Подходы к ним вроде бы искала и комиссия генерала Ридигера. Но война закончилась, и прекратились разговоры даже о каком-то подобии реформ. На пост военного министра вместо В.А. Долгорукова пришел Н.О. Сухозанет, о невежестве которого ходили легенды. Образованнейший генерал Милютин сразу пришелся не ко двору и был отчислен от всех должностей в министерстве. «С полной искренностью могу сказать, – признавался он в “Воспоминаниях”, – что я… нимало не сожалел о несбывшихся

видах на занятие значительного поста в военном управлении. Не честолюбие влекло меня на этот путь, а чистосердечное желание работать с пользой для общего дела…» [90] .

По предложению наместника на Кавказе князя А.И. Барятинского Милютин в 1856 г. был назначен начальником главного штаба Кавказской армии. За четыре года пребывания на этом посту он внес заметный вклад в завершение Кавказской войны и завоевание края, реорганизацию управления войсками и военными учреждениями края (*см. очерк о А.И. Барятинском*).

Еще в годы первого пребывания на Кавказе (1839–1840) у него сформировался свой особенный взгляд на проблему умиротворения «жемчужины Российской империи». Что горцев не победить без применения оружия, было очевидным, но вместе с тем Дмитрий Алексеевич считал необходимым изменить как систему военных действий, так и политику в отношении местного населения. По его мнению, меры военные следовало непременно сочетать с нравственными, обязательно учитывать религиозные верования горцев, их обычаи, традиции, образ жизни.

Деятельная служба на Кавказе была для Милютина желанным занятием – с этой оценкой современного историка Л.Г. Захаровой нельзя не согласиться. Как военный и государственный деятель он всегда отстаивал активную имперскую политику самодержавия. И нет ничего удивительного в том, что убеждения в необходимости широких радикальных преобразований во всех сферах жизни сочетались у него с заботами о дальнейшем расширении и укреплении империи.

При непосредственном участии Милютина был разработан план покорения Дагестана и Чечни. Дмитрий Алексеевич лично участвовал в овладении Гунибом (25 августа 1859 г.) и пленении Шамиля. «Вы прежде писали историю, теперь вы делаете историю», – восторженно откликнулся на это событие один из современников в письме к Милютину.

В Кавказской армии он оставил добрый след. Провожая Милютина в Петербург, князь Барятинский писал Александру II: «Вы найдете в нем человека, искренне преданного вашей особе, склонного ко всему доброму; это человек честный, неуемного рвения, усидчивости ни с чем не сравнимой, и чрезвычайно чувствительный к доверию и к хорошему обхождению, всегда осторожный, деловитый, благородно-нравственный, безо всякого педантства, далекий от всяких личных видов, совершенно бескорыстный и чуждый всякой зависти» [91] .

В 1860 г. Дмитрий Алексеевич получил назначение на должность товарища (т. е. заместителя) военного министра, все того же Сухозанета. Их взаимоотношения очень скоро настолько

обострились, что уже весной следующего года товарищ министра подал рапорт о предоставлении ему из-за ухудшившегося здоровья длительного отпуска «для морских купаний». По сути, это был благовидный предлог, чтобы совершенно расстаться с военным ведомством.

Однако уже в мае Сухозанет стал наместником Царства Польского, а Милютин вступил в управление Военным министерством. Новый император Александр II подбирал команду реформаторов, и по совету князя Барятинского включил в нее Дмитрия Алексеевича. Отменой крепостного права 18 февраля 1861 г. в России начиналась полоса радикальных реформ, позднее оказавшихся наиболее плодотворными из всех, которые когда-либо предпринимались в нашей стране.

На новом посту генерал Милютин немедленно взялся за составление программы необходимых преобразований во всех сферах военного управления и организации армии. Главный замысел заключался в создании массовой армии буржуазного типа: отмена крепостного права такую возможность открывала. Утвержденная в январе 1862 г. Александром II программа стала правовой базой всеобъемлющей военной реформы.

Одним из первых шагов министра стала реорганизация военного управления в центре и на местах. Прежде какая-либо система здесь отсутствовала. К примеру, военному министру не подчинялись артиллерия и инженерные войска: должности генерал-фельдцейхмейстера и генерал-инспектора по инженерной части замещались близкими родственниками царя, имевшими право непосредственного ему доклада (*см. очерки о в.к. Михаиле Николаевиче и в. к. Николае Николаевиче*). А главному начальнику военно-учебных заведений самому были предоставлены права министра. На местах же военное управление вообще практически отсутствовало.

По предложению Милютина была введена закрепленная в Положении 1867 г. стройная система военного управления. Вместо многочисленных департаментов создавались главные управления, ведавшие целиком той или иной отраслью, включая ранее суверенные артиллерию, инженерные войска и вузы. Аппарат Военного министерства сократился почти на тысячу человек, а канцелярская переписка – наполовину. Достойный, заметим, пример нынешним преобразователям, больше декларирующим принцип «оптимизации» управленческих структур, нежели добивающимся этого на практике.

Вся территория империи была разделена на 15 военных округов, сосредоточивших все функции военного управления на местах. Устранялась, таким образом, излишняя централизация

управления – один из недостатков дореформенной военной администрации. А главное – военно-окружная система создавала большие преимущества в деле оперативного руководства войсками и обеспечивала их быструю мобилизацию. В случае войны управления округов легко преобразовывались в штабы объединений, что было особенно важно для пограничных областей. Как легко убедиться, в основных чертах такая система сохранилась до наших дней, пройдя почти полуторавековое испытание. Это ли не свидетельство прозорливости реформатора!

Глубоко новаторским оказался и его подход к устройству армии. В современных войсках, считал военный министр, теми, кто находится под ружьем в момент открытия боевых действий, уже не обойдешься. Нужны заранее подготовленные резервы. В этом смысле Россия катастрофически отставала от других стран. Если, например, Франция в случае войны могла увеличить численность армии в 2 раза, Пруссия – в 3,4 раза, то Россия – всего на 25%.

Что предпринял Милютин? Похоже, он твердо усвоил, что реформатор должен быть не только последовательным стратегом, но и гибким тактиком, коль скоро желает успеха своему начинанию. Министр понимал, что ему пока не удастся в корне изменить систему призыва, добиться значительного сокращения срока службы. Поэтому он предложил довести ежегодный контингент рекрутов до 125 тысяч человек при условии увольнения солдат не по выслуге, а «в отпуск» на седьмом – восьмом году службы. Кроме того, предложил привлекать к выполнению воинской повинности привилегированные слои. Хотя эти меры и не могли обеспечить создание массовой армии буржуазного типа, они все же принесли зримые результаты: к 1870 г. запас возрос до 553 тысяч человек против 210 тысяч в 1862 г.

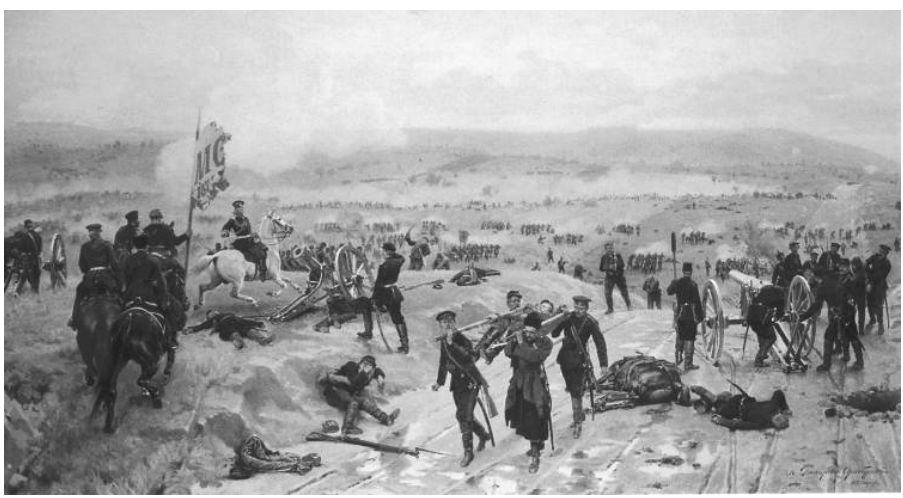
В 1874 г. рекрутские наборы окончательно уступили место всесословной воинской повинности. По Уставу о воинской повинности ее должно было нести все мужское население, достигшее 21 года. Поступление на службу определялось жребием, остальные зачислялись в ополчение. Был установлен 15-летний срок службы: шесть лет действительной службы и девять – в запасе. От службы полностью освобождались лица духовного звания, врачи и преподаватели.

Диапазон реформаторской деятельности Милютина необычайно широк. Именно в его бытность военным министром подверглась коренной реорганизации система военного образования. Была создана сеть военных училищ, в которые принимались юноши, имеющие среднее образование. Кадетские

корпуса были преобразованы в военные гимназии. А вскоре были учреждены и юнкерские училища.

При активнейшем участии министра разрабатывались уставы. Большинство из нас и не подозревает, что многие положения ныне действующих уставов не только содержательно, но и текстуально повторяют милютинские. При Дмитрии Алексеевиче в пехоте вместо гладкоствольных ружей ввели шестилинейные винтовки и наладили их переделку в скорострельные и заряжающиеся с казенной части, артиллерия получила медные нарезные пушки.

Однако ошибется тот, кто посчитает, что все у Милютина шло без сучка и задоринки. Новое вообще редко утверждается без сопротивления. В правящих верхах сформировалась целая «антимилютинская партия» во главе с генерал-фельдмаршалом А.И. Барятинским. Да, именно тем самым, который так горячо рекомендовал Милютина императору. Князь отстаивал прусский вариант реформирования армии, при котором руководство армии формально должно принадлежать императору, а фактически – начальнику Генштаба. В этой должности Барятинский видел себя, военному министру он оставлял лишь административно-хозяйственные вопросы. Милютин же был твердо убежден, что министр должен концентрировать в своих руках все управление военной организацией государства.



Н.Д. Дмитриев-Оренбургский. Бой под Плевной 27 августа 1877 г.

Ясно, что даже самые глубокие, затрагивающие всю военную систему реформы не в состоянии дать быстрый эффект. И тем не менее уже первое, довольно скоро наступившее испытание – войну с Турцией 1877–1878 гг. милютинские преобразования успешно выдержали. Всего на четвертый (!) день мобилизация

была закончена в десяти губерниях, а на пятнадцатый повсеместно, кроме Закавказского края. И это несмотря на отсутствие опыта и распутицу. На сорок второй день было завершено сосредоточение войск на театре военных действий. Российская армия такого раньше не знала. В своем рескрипте 18 мая 1877 г. Александр II по этому поводу высказал Дмитрию Алексеевичу горячую благодарность.

Все семь месяцев, в течение которых император находился на Балканском театре военных действий, министр был рядом с ним. Деятельность Милютина здесь, правда, омрачали неприязненные отношения с великим князем Николаем Николаевичем, окончательно испортившиеся после третьего неудачного штурма Плевны. Главнокомандующий Дунайской армией обвинял военного министра в неподготовленности к войне, несвоевременности подкреплений, в деморализации личного состава реформами. Положение Дмитрия Алексеевича было щекотливым, но он не останавливался, когда считал нужным, перед критикой действий брата императора. Именно благодаря его твердой позиции не был принят возникший было на военном совете план отступления от Плевны. Он верил в свою армию и не ошибся (*см. очерк о И.В. Гурко*). Через два месяца Плевна пала. Обрадованный император не только наградил военного министра орденом Св. Георгия 2-й степени, но и возвел его вместе с нисходящим потомством в графское достоинство.

А через два дня после взятия Плевны, 30 ноября 1877 г., на военном совете генерал Милютин изложил план немедленного перехода через Балканский хребет для наступления через Адрианополь на столицу Османской Порты. План был принят, и благодаря героизму войск в кратчайшие сроки был осуществлен. Это позволило уже в январе 1878 г. заключить перемирие, а 19 февраля мирным договором в Сан-Стефано и завершить войну.

Дмитрий Алексеевич с большим удовлетворением отмечал перемены в облике реформированной армии. «Вот он, новый солдат, – говорил он, – старый без офицеров умирал бы, а эти сами знают, куда им броситься. У этих почин. Ведь это – душа нашего нового солдата, солдата Александра II».

На протяжении двадцати лет находился Милютин в высшем эшелоне власти, оказывая влияние на решение вопросов не только военного, но и дипломатического характера. В первую очередь благодаря его энергичной и последовательной позиции петербургский кабинет в 60-е годы отказался, наконец, от пассивной тактики в Средней Азии. В условиях, когда Лондон все более настойчиво стремился утвердиться в регионе, осторожность Петербурга становилась ущербной. Азия, считал Милютин,

является уздой, которая сдерживает Британию, в первую очередь, в Царстве Польском, где Англия активно поддержала восставших в 1863 г. [92] Важным мотивом для утверждения России в Средней Азии были и экономические интересы.

Благодаря военным мерам к середине 70-х годов в разных формах зависимости от России оказались Бухара, Хива и Коканд, а в 1881 г. военным отрядом генерала М.Д. Скобелева была взята туркменская крепость Геок-Тепе. В крае были усмирены местные воинственные племена, установлена государственная граница, началось экономическое освоение. Был положен предел проникновению в край Британии.

Завоевание и освоение края шло под руководством Туркестанского генерал-губернатора генерал-адъютанта К.П. Кауфмана. Назначенный по предложению Милютина, он был одним из лучших администраторов, получившим опыт взаимоотношений с народами Востока еще на Кавказе.

Влияние Д.А. Милютина на дела в государстве особенно возросло с завершением русско-турецкой войны. Заметную роль он играл в формировании не только военной, но и внешней политики, особенно после того, как в 1879 г. в длительный отпуск по возрасту и нездоровью ушел канцлер А.М. Горчаков. Характерно, что одним из первых это ощутил О. фон Бисмарк, назвавший его «руководящим министром, насколько таковой имеется ныне в России». Германский канцлер увидел в Милютине серьезного противника, который, действительно, оказался прозорливее большинства своих коллег в оценке грядущей опасности со стороны западного соседа.

Внешнеполитические взгляды Дмитрия Алексеевича и в этот период отличались умеренностью, желанием избежать каких-либо международных осложнений. В то же время он выступал решительным противником подчинения России интересам других государств. И не уставал воинским начальникам всех степеней внушать «бережливость на русскую кровь».

Будучи либералом по политическим взглядам, он куда последовательнее, чем многие другие, стремился к движению по пути буржуазных реформ. И когда 29 апреля 1881 г. был опубликован манифест нового царя Александра III об укреплении самодержавия, счел свое дальнейшее пребывание на посту военного министра невозможным. Формальным поводом к отставке Милютина послужило предложение царя стать наместником и главнокомандующим на Кавказе.

Находясь в отставке, Дмитрий Алексеевич особенно неприязненно отзывался о контрреформах конца 80-х – начала 90-х годов. Его приводила в отчаяние мысль, что Россия вновь

оказалась в «трущобе застоя» и не видно силы, которая придала бы развитию страны необходимый динамизм.

Вместе с тем он сполна сохранял верноподданнические чувства. Корона также платила старому воину расположением. В 1898 г. император Николай II возложил на плечи 82-летнего генерала фельдмаршальские погоны.

Милютин трудился на благо родной армии до последних дней. Разменяв десятый десяток и почти потеряв зрение, он, тем не менее, предпринял важнейшее начинание: подверг подробному анализу состояние русской армии и причины неудач в войне с Японией 1904–1905 гг.

Отличавшие его высокая компетентность и профессионализм, незыблемые нравственные устои, широчайшая образованность вкупе с талантом государственного деятеля, вся подвижническая деятельность на благо России – поучительный пример нынешним отечественным реформаторам.

Граф Бурхард-Христофор Миних (1683–1767)

– Вы хотели против меня сражаться? – был первый вопрос только что утвердившейся на престоле Екатерины II к графу Б.-Х. Миниху, который в ходе успешного для нее переворота поддерживал свергнутого Петра III.

– Так, всемилостивейшая государыня! – без тени боязни отвечал фельдмаршал. – Я хотел жизнью своей жертвовать за монарха, который возвратил мне свободу… Но теперь долг мой сражаться за ваше величество, и я исполню его со всей верностью.

Несмотря на молодость, Екатерина оказалась достаточно проницательна, чтобы по достоинству оценить прямодушие

старейшего в Европе фельдмаршала. Его положение при дворе не поколебалось, и старый вояка потом не дал императрице ни малейшего повода, чтобы пожалеть о принятом ею решении.

Миних, по происхождению наполовину датчанин, родился в северогерманской провинции Ольденбург, находившейся тогда в датском владении. Под руководством отца получил прекрасное инженерное образование. Уже с 16 лет вступил на военное поприще, долго служил французской, австрийской и польской коронам. Конфликты с окружением польского короля Августа II заставили его искать новое пристанище. В результате он по рекомендации русского посла в Варшаве Г. Ф. Долгорукого почти сорокалетним был принят Петром на службу сразу в чине генерал-поручика.

Произошло это в феврале 1721 г. накануне заключения Ништадтского мира со Швецией. Не принимал Бурхард-Христофор участия ни в Северной войне, ни в Персидском походе 1722–1723 гг. Весьма непродолжительное время, довелось ему быть в числе ближайших сподвижников первого российского императора.

Царь поручил ему устроить Обводной и Ладожский каналы для облегчения судоходства по Неве. О качестве исполнения этого поручения лучше всего говорит отзыв Петра I: «В службе у меня еще не было такого иностранца, который бы так умел приводить в исполнение великие планы, как Миних» [93] .

После кончины императора Миних постепенно набирает не только военный, но и политический вес. С 1728 г. он – генерал-губернатор Санкт-Петербургской губернии, Карелии и Финляндии. Вскоре становится во главе военного ведомства, последовательно получая назначения генерал-фельдцейхмейстера, председателя Воинской комиссии, учрежденной в 1730 г. для реформирования армии, наконец, президента Военной коллегии. В том же 1732 г. Анна Иоанновна пожаловала ему чин генерал-фельдмаршала.

Бурхард-Христофор оказался одним из тех немногих, кто попытался, опираясь на петровское наследие, продвинуть вперед отечественное военное искусство. Как писал биограф Миниха генерал и историк А.К. Баиов, отличавшие его героя природная даровитость, здравый смысл, любовь к делу, неустанное трудолюбие и энергия дали ему возможность, правильно оценив все то, что он видел на практике и что узнал теоретически в военном деле в ряде европейских стран, «отдать преимущество в этом отношении деятельности Петра и сделаться способным и, благодаря даровитости, достаточно самостоятельным его последователем, не обладавшим, однако, творческим гением

своего вдохновителя» [94] .

Проявиться таланту графа Миниха дала возможность война с Турцией 1735–1739 гг., в которой он выступал командующим войсками в Крыму и Бессарабии. Императрица предоставила ему свободу действий, а, надо сказать, честолюбивые планы фельдмаршала простирались до «врат Царьграда», т. е. столицы Османской Порты Константинополя. В мае – сентябре 1736 г. он возглавил экспедицию против союзника султана – крымского хана. Путь в Крым лежал через Перекопский перешеек, на котором противник устроил мощные инженерные заграждения. Миних приказал произвести разведку, которая показала, что наиболее слабым местом перекопской оборонительной линии был левый фланг. На военном совете было принято решение атаковать его основными силами в 15 пехотных и 11 конных полков, а на правом фланге произвести демонстрацию активных действий. План блестяще удался. Утром 20 мая русские после короткого боя овладели сначала левым флангом турецких укреплений, а затем и всем валом, башнями и крепостью Ор-Капи, прикрывавшей путь в Крым. Через два дня была взята крепость Перекоп. Во второй половине июня русские войска, обойдя противника с тыла, захватили столицу крымского хана Бахчисарай.

В следующем году войска под командованием Миниха взяли Очаков. Штурм этой мощной турецкой крепости и морской базы 2 июля 1737 г. по смелому решению фельдмаршала был предпринят без осадных орудий. Миних в пешем строю лично командовал одним из батальонов Измайловского полка и даже водрузил знамя на один из бастионов. Гарнизон Очакова капитулировал, потеряв убитыми около 16 тысяч человек. Потери же русских при этом были в четыре раза меньше.

Миних долгое время недооценивал значения войны на балканском направлении. И начиная кампанию 1739 г., он опять-таки предлагал вести боевые действия в Крыму и на Кубани. Петербург не согласился с ним, указав в качестве основной цели взятие Хотина – турецкой крепости на правом берегу Днестра. При этом Миниху было высказано неодобрение его недостаточно решительными действиями.

Судя по всему, упрек был воспринят здраво. Так или иначе, на новом театре фельдмаршал проявил немало выдумки и инициативы. Он сумел ввести турок в заблуждение относительно действительных намерений русских войск. Предпринятый по его приказу демонстрационный отход авангарда турецкий командующий принял за отступление всей русской армии. А в это время основные силы русских переправились через реку Шуланец и вышли к Ставучанам, где располагался лагерь противника (*см.*

очерк о С.Ф. Апраксине). Атака неприятельской конницы была отбита огнем пехоты и артиллерии, что внесло в стан врага панику. 19 августа 1739 г. практически без боя Хотин был взят. А после падения Ясс в конце этого же месяца Молдавия окончательно перешла в подданство России.

Именно во время этой войны Миних в полной мере проявил свой полководческий стиль. По оценке А.К. Баиова, характерной особенностью его стратегии являлось наступление с постоянным поиском боя, особенностью же тактики – выработка нового боевого порядка при действиях против турок. От линейного он постепенно переходил к боевому порядку, состоящему из нескольких каре, взаимно поддерживавших друг друга, а прежняя пассивная оборона, приобретая мало-помалу активный характер, трансформировалась в бой чисто наступательный. Историк даже посчитал возможным период в истории военного дела, непосредственно следовавший за эпохой Петра Великого, назвать эпохой Миниха.

Несогласие с такой оценкой высказал известный военный историк русского зарубежья А.А. Керсновский. Он считал период от Петра до Елизаветы эпохой упадка в военном деле. По его мнению, Миних действительно сроднился с Россией и правильно понимал ее интересы, при этом не забывая и о своих собственных. Понимал он и любил военное дело, хотя и был рутинером. Связанные с его именем реформы (учреждение Шляхетского кадетского корпуса, формирование кирасирских полков, усиление артиллерии, введение для кавалерии устава, учреждение новых гвардейских полков – Измайловского и Кирасирского, упразднение привилегий для иностранцев, находившихся на русской службе) в целом оказались для армии полезными.

Как полководец Миних грешил многими недостатками. Его походы – в 1737 г. к Очакову и обратно и в 1738 г. к Днестру и обратно – повторяли ошибки допетровских времен: они совершались очень большими громоздкими армиями, которые невероятно трудно было довольствовать; в качестве театра военных действий избиралась безлюдная степь, что было выгодно противнику; походы сопровождались огромными потерями не столько боевого характера, сколько от болезней и лишений. «Для честолюбивого и эгоистичного Миниха страдания войск решительно ничего не значили, он смотрел на войска главным образом и прежде всего как на орудия для достижения своих целей, своих планов, своей политики» [95] . Этим он невыгодно отличался от своего современника П.П. Ласси, еще одного военачальника, ставшего при Анне Иоанновне генерал-фельдмаршалом (*см. очерк о П.П. Ласси*).

Тем не менее в итоге войны с Османской Портой покоритель Очакова и Хотина оказался на вершине славы и могущества. Получив из рук Анны Иоанновны алмазные знаки ордена Св. Андрея Первозванного, Миних, однако, простирал свои честолюбивые расчеты куда дальше. Рассказывали, что, узнав о его желании носить титул герцога Украинского, Анна Иоанновна сказала не без иронии: «Фельдмаршал слишком скромен: для чего не желает он лучше Московского великого княжества?».

Никогда ранее не был граф в такой силе. Именно его офицеры низвергли Бирона, устроившегося было у кормила власти после кончины в 1740 г. императрицы Анны Иоанновны. Именно он, Миних, убедил принцессу Анну Леопольдовну в том же году принять звание правительницы России до совершеннолетия провозглашенного императором ее малолетнего сына Ивана Антоновича. Но как раз решительность фельдмаршала, ставшего первым министром, его авторитет в войсках испугали Анну Леопольдовну и ее супруга принца Антона Брауншвейгского. К тому же эти страхи усиленно подогревал недруг Миниха вице-канцлер А.И. Остерман. Тень опалы завитала над фельдмаршалом. Полководец вначале получил отставку, а на следующий год уже при Елизавете Петровне был арестован и предан суду по обвинению в государственной измене. Ему пришлось выслушать и смертный приговор, и взойти на эшафот, где после оглашения приговора прозвучало помилование, после чего его отправили в ссылку в заштатный городок Пелым в Западной Сибири.

Долгих 20 лет длилась опала, из ссылки престарелого фельдмаршала вернул уже Петр III. Из присланной на обратную дорогу тысячи рублей обрадованный Миних тут же отсчитал половину суммы курьеру, доставившему указ императора, и тронулся в путь. Ему были возвращены все чины и награды, но, неугомонный, он вновь взялся искушать судьбу. Нюхом старого солдата и придворного уловив в июне 1762 г. опасность дворцового переворота, Миних настойчиво советовал императору поспешить из Санкт-Петербурга в Ревель, к флоту, чтобы блокировать усилия его августейшей супруги и не дать Екатерине сесть на трон. Петр III отказался и до самой смерти, наверное, жестоко раскаивался в этом.

А через несколько дней состоялся тот памятный диалог Миниха с восшедшей на престол Екатериной, которой пришлась по душе солдатская прямота фельдмаршала. Он вновь занялся делами своей молодости, став главным директором Ревельской и Нарвской гаваней, Кронштадтского и Ладожского каналов.

Между прочим, до самой кончины, последовавшей в 1767 г.,

Миних искушал императрицу давней своей мечтой завоевать Константинополь. И это – в без малого 85 лет!

Великий князь Михаил Николаевич (1832–1909)

Всего двое из многочисленной когорты великих князей дома Романовых за 304 года его существования стали генерал-фельдмаршалами. Это третий и четвертый сыновья императора Николая I Николай и Михаил.

Великий князь Михаил Николаевич родился 13 октября 1832 г. Со старшим братом Николаем его разделял всего год, поэтому мальчиков растили и воспитывали совместно.

В 1838 г. воспитателем малолетних великих князей был приглашен заслуженный боевой генерал А.И. Философов. А занятия с ними шли по программе, которую для воспитания их

старшего брата, будущего императора Александра II, в свое время выработал поэт Василий Андреевич Жуковский *(см. очерк о в.к. Николае Николаевиче)*.

Согласно программе, учеба, рассчитанная на 12 лет, делилась на три периода: приготовительный, сводившийся к освоению азов грамоты и основных учебных дисциплин; основной, в течение которого шло изучение наук, необходимых августейшему ученику как члену просвещенного общества; завершающий, включавший в себя приведение полученных знаний в систему и совершенствование их путем чтения классической литературы и путешествия как по России, так и за границей.

Как всех мужчин императорской фамилии, Михаила готовили к военному поприщу. Уже в день появления на свет новорожденный был назначен шефом лейб-гвардии Конно-Гренадерского полка и зачислен в списки лейб-гвардии Преображенского полка и Конной артиллерии. По мере взросления в учебной программе появлялось все больше военных дисциплин. А для практического ознакомления с военной службой великий князь, как и его брат, на лагерное время прикомандировывался к 1-му кадетскому корпусу. Так было до 1839 г., когда Николай I принял решение о зачислении младшего отпрыска, по семейной традиции, в кадеты. «Ты одного мне сына поставил на ноги, двух воспитываешь, приготовь же мне и четвертого», – передавал современник слова императора, обращенные к директору 1-го кадетского корпуса.

В 14-летнем возрасте Михаил Николаевич был произведен в первый офицерский чин, действительная же военная служба началась у него через два года. В 1848 г. генерал-фельдцейхмейстер великий князь Михаил Павлович на церемонии празднования 50-летия вступления в должность представил племянника, как своего преемника.

Фактически же Михаил Николаевич стал главным артиллеристом русской армии 26 ноября 1852 г. – в праздник Святого Великомученика и Победоносца Георгия. Этот день был специально выбран для принятия великим князем воинской присяги по случаю наступившего совершеннолетия. Одновременно его высочество был произведен в генерал-майоры и зачислен в свиту своего отца.

Разумеется, Николай I понимал, что его двадцатилетний сын при всех достоинствах пока не готов возглавить артиллерийское ведомство, поэтому последним реально продолжал управлять инспектор артиллерии генерал от артиллерии барон Н.И. Корф. Поэтому командирского опыта великий князь пока набирался в качестве командира гвардейской конной артиллерии, сведенной в

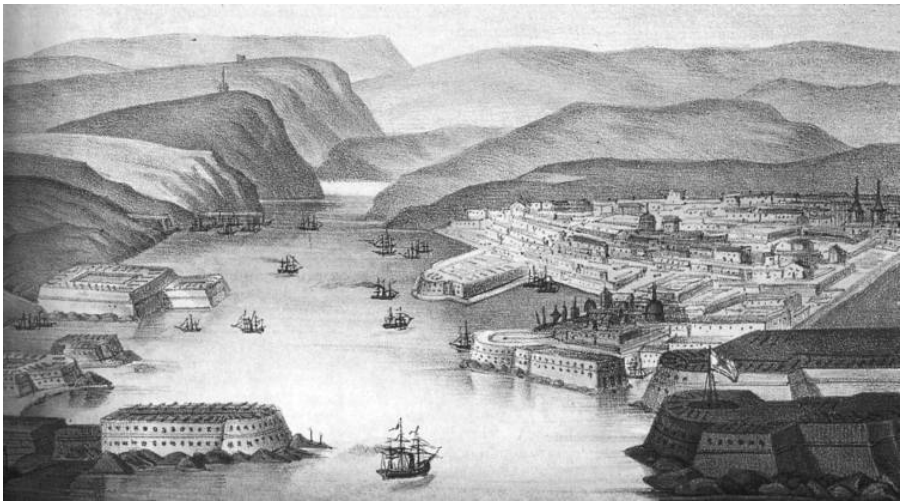
отдельную бригаду.

В боевую обстановку Михаил Николаевич впервые попал в 1853 г. с началом Крымской войны. Всей империи стали известны слова царя: «Ежели опасность есть, то не моим детям удаляться от нее, а собой подавать пример».

В Инкерманском сражении под Севастополем 24 октября 1854 г. великие князья Михаил и Николай были на передовой, попали под ружейный и артиллерийский огонь. Обычное дело для любого военного, но только не для великих князей, как посчитал новый главнокомандующий князь А.С. Меншиков. По ходатайству князя их императорские высочества были награждены орденами Св. Георгия 4-й степени.

Биографы великих князей высоко оценивали их деятельность по совершенствованию обороны Севастополя: «Много потрудился здесь августейший генерал-фельдцейхмейстер над вооружением батарей, возводившихся под руководством его августейшего брата, генерал-инспектора по инженерной части» [96] .

В разгар боев за Севастополь пришло известие о кончине императора, и великие князья убыли в столицу. Здесь с вступлением на престол их старшего брата Александра каждый из них получил новое назначение по службе. Михаил Николаевич вошел в состав Государственного совета, а также стал шефом еще нескольких воинских частей, в том числе лейб-гвардии конно-легкой батареи, в списках которой он числился с первого года своей жизни. В январе 1856 г. он уже не номинально, а фактически стал у руля российской артиллерии, и прослужил в должности генерал-фельдцейхмейстера более 50 лет. Он стал также почетным президентом Михайловской артиллерийской академии и попечителем Офицерской стрелковой школы. Кроме того, в течение нескольких лет возглавлял главное управление военно-учебных заведений.



Вид на Севастополь. 1856 г.

На фоне огромного количества служебных обязанностей, которые лежали на великом князе и могли выполняться либо формально, либо усилиями штата заместителей и помощников, были у Михаила Николаевича, бесспорно, те, которым он отдавал всего себя. В этом ряду, кроме руководства артиллерией на посту генерал-фельдцейхмейстера, стоит многолетнее управление Кавказом.

Именно его, Михаила Николаевича, предложил в качестве своего преемника князь А.И. Барятинский, уходивший по болезни с поста Кавказского наместника и главнокомандующего Кавказской армией. И Александр II согласился с ним. В феврале 1863 г., передав управление артиллерией своему заместителю генерал-адъютанту генералу от артиллерии А.А. Баранцову, великий князь отбыл на Кавказ. Здесь ему выпало вершить власть долгих 20 лет.

В первую очередь надо было завершить, наконец, Кавказскую войну. Михаил Николаевич поступил правильно, не став кардинально менять курс своего предшественника (*см. очерк о А.И. Барятинском*). Сознавая, что здесь он – человек новый, командование военными действиями возложил на генерала Н.И. Евдокимова, начальника штаба Кавказской армии, оставив за собой общее руководство. Совместными усилиями к концу года удалось умиротворить Кубанскую область, а весной следующего, 1864 г., окончательно водворить российскую власть на всем Кавказском побережье Черного моря.

Можно лишь представить, с каким облегчением встретила страна сообщение о столь долго ожидаемом завершении полувековой войны с горцами Кавказа. Высочайшим рескриптом великий князь Михаил Николаевич был удостоен ордена Св.

Георгия 2-й степени, из Петербурга ему доставили украшенную бриллиантами и изумрудами золотую шашку с надписью «За окончательное покорение Кавказа».

Завершение боевых действий могло дать подлинное умиротворение лишь в случае, если оно без промедления сменилось бы хозяйственно-административными преобразованиями. Хорошо понимая это, наместник в первую очередь взялся за проведение крестьянской реформы, ибо война не позволила в те же сроки, что и в остальной России, перейти к ликвидации в регионе крепостного права. К концу 1865 г. высочайший указ освободил от крепостной зависимости селян Тифлисской и Кутаисской губерний, Мингрелии и Сухумского уезда.

Среди прочих мер, осуществленных на Кавказе под руководством Михаила Николаевича, историки называют судебную реформу, развитие просвещения, железнодорожное строительство, введение военно-окружной системы и другие. Главное, что все они напрямую затрагивали не только русское население, но горцев, приобщая их к индустриальной цивилизации.

Новые, мирные условия требовали изменений и в самой Кавказской армии, десятилетиями привыкшей жить по законам войны с вытекающей отсюда вольницей, которую историк деликатно назвал «совершенно своеобразными нормами внутреннего устройства и организации». Забегая вперед, можно утверждать: разразившаяся через десяток лет война с Турцией показала, что великому князю удалось и вольницу усмирить, и традиции, дорогие войскам, не нарушить, и боеспособность армии сохранить.

Как известно, в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. боевые действия шли на двух театрах – Балканском и Кавказском, и в качестве главнокомандующих русскими войсками выступали братья великие князья: соответственно Николай Николаевич и Михаил Николаевич. Наместник Кавказа верил в подчиненных, не случайно на смотре войск военного округа он заявил командирам частей: «Господа, если мы с этими войсками не победим, то будут виноваты не они, а я с вами».

По плану войны с Турцией, основные положения которого были разработаны начальником Военно-ученого комитета Главного штаба генерал-лейтенантом Н.Н. Обручевым, Кавказский театр играл самостоятельную роль. Армия должна была, во-первых, сковывать турецкие силы с тем, чтобы исключить их переброску на Балканский театр, и, во-вторых, овладеть Батумом, Ардаганом, Карсом и Эрзерумом. Для

выполнения этих задач было собрано 125 тысяч человек пехоты и кавалерии при 456 орудиях. Правда, непосредственно в боевых действиях в начале войны участвовало лишь около 50 тысяч. Кавказской армии противостояли две турецкие армии: Анатолийская (60 тысяч человек) и Сирийская – 40 тысяч.

Первой крупной победой стало взятие 5 мая 1877 г. крепости Ардаган Ахалцихским отрядом, усиленным колонной генерал-лейтенанта В.А. Геймана. Потери турок составили около 2 тысяч человек, русских – 420. Особенно удачно действовала артиллерия, о чем командующий армией доносил в Петербург: «Ардаган пал преимущественно от блистательных действий нашей славной артиллерии». Удачно действовал и Эриванский отряд генерала А.А. Тергукасова, без боя занявший крепость Баязет.

Следующим был Карс. Крепость окружили и даже начали осадные работы. Однако в конце июня осаду пришлось снять, поскольку подошедшая 35-тысячная армия Мухтар-паши сумела нанести несколько чувствительных ударов, особенно под Зивином. Ни генерал А.Т. Лорис-Меликов, до этого момента осуществлявший непосредственное руководство войсками, ни великий князь, в конце августа взявший на себя функции главнокомандующего, не считали возможным переходить к активным действиям до получения подкреплений.

По инициативе Д.А. Милютина в помощь Михаилу Николаевичу Главная квартира направила генерала Н.Н. Обручева. Он предложил изолировать полевую армию Мухтар-паши (численностью в 38 тысяч человек), занявшую позицию у Аладжа-Авлияра, а затем нанести удар по ее центру и правому флангу. Силы, действовавшие на этом направлении, были доведены до 50 тысяч человек при 200 орудиях.

К 23 сентября русские войска овладели передовыми позициями противника, после чего Обручев предложил меры по окружению армии Мухтар-паши. С этой целью армия была разделена на главные силы под командованием генерала Лорис-Меликова, в задачу которых входили действия с фронта, и обходную группу генерала И.Д. Лазарева. В ночь на 3 октября Лазарев сообщил о выходе в тыл турок.

Наступление началось в 12 часов того же дня. Русские штурмом овладели горой Авлияр и затем отрезали противнику все пути отхода. Турецкая армия капитулировала, потеряв около 16 тысяч человек убитыми и ранеными, 8,5 тысячи пленными. Потери русских составили 1,5 тысячи убитыми и ранеными [97] . Сам Мухтар-паша бежал в Карс.

В сражении был продемонстрирован отличный маневр, успех

которого обеспечило взаимодействие войск. Одновременная атака стала возможной благодаря применению телеграфа. Русские войска показали умение вести бой в стрелковых цепях. Их действия умело сочетались с огнем горной артиллерии.

Михаил Николаевич телеграфировал государю об успехе, в ответ 9 октября последовал рескрипт о награждении главнокомандующего Кавказской армией орденом Св. Георгия 1-й степени. «Тифлис встретил великого князя звоном колоколов и пушечной пальбой, овациям не было конца», – пишет придворный историк. Однако война продолжалась.

Разгром армии Мухтар-паши предрешил участь Карса. Блокировав крепость, командир осадного корпуса генерал-лейтенант Лазарев в конце октября предложил коменданту сдать крепость, но получил отказ. В ночь с 5 на 6 ноября 1877 г. начался штурм. По оценке военного историка Л.Г. Бескровного, он был проведен блестяще. По цитадели выпущено небывалое число снарядов – 25 тысяч штук. Турецкий гарнизон потерял 7 тысяч человек убитыми и почти 18 тысяч пленными, было захвачено более 300 орудий. Потери русских составили 2270 человек убитыми и ранеными.

На Эрзерумском направлении недостаточно активные действия генерала Геймана привели к необходимости установить блокаду Эрзерума, поскольку попытки взять крепость с ходу не удались. Отряд Геймана, выкашиваемый голодом и тифом, перенес очень тяжелую зиму. Русские вошли в Эрзерум лишь после того, как по условиям перемирия крепость сдали сами турки.

Правда, в окружении великого князя об этом старались не вспоминать. В основном звучали фанфары победы. После подписания Сан-Стефанского мирного договора 19 февраля 1878 г. Михаил Николаевич был вызван в Санкт-Петербург. 16 апреля из рук императора Александра II он получил украшенный бриллиантами фельдмаршальский жезл.

Современники великого князя (это видно хотя бы по статье процитированного здесь А. Бартенева) предпочитали превосходные оценки его деятельности из понятного пиетета к царствующей фамилии. Но вот А.А. Керсновскому, трудившемуся над историей русской армии накануне Второй мировой войны, не было никакой необходимости прибегать к пустым комплиментам. И тем не менее он, сравнивая двух августейших братьев как военачальников, безоговорочно отдает предпочтение Михаилу Николаевичу. «В лице великого князя фельдцейхмейстера Кавказская армия имела авторитетного и волевого полководца, сумевшего объединить действия различных “отрядов”, направить

их к определенной цели – сокрушению неприятельской армии» [98] . По мнению военного историка, командующему сделать это было тем более сложно, что многие старшие начальники Кавказской армии (генералы Лорис-Меликов, Гейман) оказались «ниже посредственного», исключая лишь генерала Тергукасова.

Вплоть до трагической гибели Александра II великий князь оставался наместником на Кавказе. Новый император Александр III в июле 1881 г. отозвал его в столицу и назначил председателем Государственного совета. Он вошел также в состав Комитета министров и вновь вступил в управление артиллерийским ведомством. Одновременно генерал-фельдцейхмейстер был шефом пятнадцати воинских частей и числился в списках еще восьми.

Со временем Михаил Николаевич стал своего рода патриархом царствующего дома. В 1898 г. в связи с 50-летним пребыванием его в офицерских чинах Николай II повелел гвардейской артиллерии отдавать великому князю почести, положенные по уставу только императору. «Да послужит эта почесть видимым знаком беспредельного уважения моего к вашему высочеству, старейшему и горячо любимому члену императорского дома…», – говорилось в рескрипте Николая на имя двоюродного деда [99] . А в 1906 г. русская армия отметила 50-летнее пребывание Михаила Николаевича в должности генерал-фельдцейхмейстера.

В связи с преклонными годами он в 1905 г. был уволен с поста председателя Государственного совета с назначением почетным главой этого органа управления. Скончался Михаил Николаевич в декабре 1909 г. в Канне (Франция).

Граф Хельмут-Карл-Бернхард фон Мольтке Старший (1800–1891)

Хельмут фон Мольтке Старший – крупный немецкий военный теоретик, по праву считающийся автором теории «блицкрига» – внезапного нападения и молниеносного разгрома противника. И одновременно он, что бывает нечасто, отличный практик военного дела, удачливый военачальник.

Свой природный талант будущий граф и фельдмаршал подкрепил основательным профессиональным образованием, окончив кадетский корпус в Копенгагене и военную академию в Берлине. Службу начал в 19 лет в пехотном полку датской армии. В 1822 г. перебрался в Пруссию.

В 1828 г. Мольтке был причислен к Генеральному штабу, а ровно через 30 лет возглавил его. В промежутке между этими двумя датами был военным советником турецкого султана Махмуда II, выполнял обязанности начальника штаба армейского корпуса, в качестве первого адъютанта сопровождал принца Фридриха-Вильгельма (будущего императора Германии Фридриха III) в заграничных поездках, в том числе в Россию.

В 1858 г. Мольтке становится начальником прусского Генерального штаба. За неполные 15 лет он провел с прусской армией три победоносные войны.

В первой из них – прусско-австро-датской в 1864 г. Мольтке предводительствовал союзной прусско-австрийской армией. Война завершилась присоединением к Прусскому королевству принадлежавших Дании герцогств Шлезвиг и Лауэнбург. По существу здесь отрабатывалась модель последующего объединения многочисленных германских государств в единую империю под скипетром Пруссии.

На пути к этой цели стояла Австрия. В свое время ей удалось захватить ведущую роль в созданном на Венском конгрессе 1814–1815 гг. Германском союзе, состоявшем из 39 государств. Канцлер Пруссии О. Бисмарк и Мольтке Старший были едины в замысле окончательно перехватить у Вены инициативу и «железом и кровью» сколотить единое германское государство вокруг Берлина.

С этой целью уже через два года, в 1866 г., Пруссия открыла боевые действия против Австрии и ее союзников по Германскому союзу. Война продлилась всего семь недель. В противоборстве с армией, в которой начальником полевого штаба был Мольтке, австрийцы выстоять не смогли. Результатом победы стало присоединение к Пруссии Гольштейна, Ганновера, Кургессена, Нассау, Гессен-Гомбурга и Франкфурта-на-Майне. 21 государство, находившееся севернее реки Майн, объединилось в Северогерманский союз под эгидой Пруссии. Присоединению же четырех южногерманских государств (Бавария, Баден, Вюртемберг и Гессен-Дармштадт) препятствовала Франция.

Война с ней стала третьим и последним актом в процессе объединения Германии. Именно во франко-прусской войне 1870–1871 гг. Мольтке Старший прославился как лучший полководец своего времени.

При формальном руководстве со стороны короля Вильгельма I подлинным командующим был начальник Генштаба. Он же составил план военной кампании. Решающим для исхода войны стало сражение под Седаном 1–2 сентября 1870 г. У стен этой крепости французская армия М.Э. Мак-Магона (численностью

свыше 120 тысяч человек, около 400 орудий), совершавшая марш в целях деблокады крепости Мец, была окружена почти вдвое превосходящими по силам 3-й и 4-й германскими армиями под командованием Мольтке. Французы капитулировали, причем в плен попал даже император Наполеон III.

За одержанные победы Хельмут Мольтке Старший в 1871 г. был удостоен фельдмаршальского чина и графского титула.

Что вся Германия переживала в эти дни триумф, понятно. Тяжелее объяснить, почему эти чувства разделяли правящие круги России. Александр II наградил Мольтке за Седан орденом Св. Георгия 2-й степени, а в 1872 г. возвел его в чин генерал-фельдмаршала.

Российская корона фактически награждала своего самого опасного противника. Она не хотела замечать, что вновь созданная и бурно прогрессировавшая Германская империя все больше рассматривала Россию в качестве одного из основных конкурентов (*см. очерк о Д.А. Милютине*).

«Пруссакомания еще с гатчинских времен являлась незыблемой традицией наших руководящих кругов… – так пытался объяснить этот феномен А.А. Керсновский. – Период с 1863 по 1875 г. явился расцветом тесной русско-прусской дружбы, далеко выходившей за рамки простого дипломатического союза. С русской стороны дружба эта носила прямо задушевный характер… Победа Пруссии над Австрией в 1866 г. приветствовалась у нас и правительством, и обществом… Столь же радостно встретил придворный и официальный Петербург триумфальные победы пруссаков в 1870 г. Эти победы воспринимались как реванш за Альму и Инкерман (сражения периода Крымской войны, закончившиеся для русской армии поражениями. – *Ю.Р* .)» [100] .

Такая политика была недальновидной, тевтонский меч уже покидал ножны. Не случайно Мольтке до последнего дня своего пребывания на посту начальника Генерального штаба разрабатывал планы на случай войны против Петербурга и Парижа.

Реализовывать их на практике досталось уже другому Мольтке – Хельмуту фон Мольтке Младшему. Именно ему, племяннику и тезке, фельдмаршал сдал пост начальника имперского Генерального штаба. Но наследник не был столь даровит и удачлив. Он лишился должности уже в начале Первой мировой войны после поражения германской армии в битве на Марне в сентябре 1914 г.

Граф Валентин Платонович Мусин-Пушкин (1735–1804)

Когда сама императрица Екатерина II скептически отзывается о твоих военных способностях и называет «нерешимым мешком», кажется, не стоит рассчитывать на большие успехи и щедрые награды. Но если бы Валентин Платонович Мусин-Пушкин рассуждал таким вот образом, он, действительно, ничего бы не добился. Долгая же придворная жизнь научила его другой истине: главное – не комплексовать и в любой ситуации стараться заслужить расположение сильных мира сего. Поэтому стали явью и милость царская, и завидное положение в обществе, и высший военный чин.

Этот урок будущий генерал-фельдмаршал должен был усваивать с раннего детства. Поначалу все складывалось безоблачно. Положение отца – графа Платона Ивановича, сенатора, президента Коммерц-коллегии, позволяло рассчитывать на хорошее будущее. Но не минуло Валентину и пяти лет, как отец по доносу Бирона был схвачен, лишен всех чинов и графского достоинства и после пытки с отсечением языка сослан в Соловецкий монастырь.

Счастье, что уже через год после этих событий на престол была возведена Елизавета Петровна, и Платону Ивановичу было позволено возвратиться из ссылки. Жизненные перспективы открылись и перед его сыном. В 13-летнем возрасте Валентин был записан в гвардию, а через несколько лет поступил непосредственно на службу.

Он участвовал в Семилетней войне, не выделившись, впрочем, из общей массы. Екатерине II он стал лично известен участием в перевороте в ее пользу, за что был пожалован в камер-юнкеры. Через семь лет Валентин Платонович получил придворный чин действительного камергера. Он сумел стать полезным Екатерине, которая не раз говорила, что «персонально обязана» ему.

Придворная служба по традиции того времени перемежалась со службой в армейском строю. В ходе первой русско-турецкой войны Мусин-Пушкин принял участие в кампании 1771 г., заключавшейся в походе 2-й армии князя В.М. Долгорукого в Крым. Поход увенчался полным успехом. По его окончании тесть Мусина-Пушкина, каковым являлся сам командующий армией, получил орден Св. Георгия 1-й степени и почетную приставку к фамилии «Крымский», а на мундире Валентина Платоновича появились знаки орденов Св. Георгия 3-й степени и Св. Александра Невского, он также стал генерал-поручиком.

В 1783 г. он был пожалован в генерал-аншефы и генерал-адъютанты и назначен состоять при великом князе Павле Петровиче. Умение сориентироваться в хитросплетениях взаимоотношений «большого двора» императрицы и «малого двора» ее сына очень помогло Мусину-Пушкину (*см. очерк о Н.И. Салтыкове*). Несмотря на натянутые отношения между Екатериной и Павлом Петровичем, он сумел стать нужным обеим сторонам и завоевать их расположение. Все эти годы продолжался его карьерный рост. В 1786 г. граф получил назначение в Военную коллегию вице-президентом и был награжден орденом Св. Андрея Первозванного, а на следующий год вошел в состав Совета при императрице.

В войне со Швецией (1788–1790) ему, наконец, был вверен

самостоятельный участок служебной деятельности: Екатерина назначила его главнокомандующим русской армией. Трудно объяснить, чем она руководствовалась, прибегнув к услугам человека, о военных способностях которого сама открыто высказывала невысокое мнение. Причина, вероятнее всего, заключалась в том, что ее первоклассные полководцы были заняты в это время на театрах второй русско-турецкой войны 1787–1790 гг.

Отвечать на шведскую агрессию России пришлось в сложной политической обстановке, определявшейся войной с Турцией и угрозой войны со стороны Пруссии. Этим и попытался воспользоваться король Густав III, чтобы вернуть земли, утраченные Швецией по Ништадтскому 1721 г. и Абоскому 1743 г. мирным договорам. Шведы силой в 36 тысяч человек вторглись в русскую часть Финляндии и осадили Нейшлот.

Противопоставить им Петербург смог лишь 14-тысячную армию, наспех сформированную из подручных сил: гарнизонные войска, казачий полк из ямщиков и прочие слабо или вовсе необученные формирования. Но и этими силами В.П. Мусин-Пушкин сумел выстоять против безынициативных шведов. Стойко держался Нейшлот, так что противник был вынужден снять осаду и возвратиться на свою территорию.

В кампанию 1789 г. русская армия возросла до 20 тысяч человек, и Мусин-Пушкин перенес боевые действия на шведскую территорию. Захватить большую часть Финляндии удалось без больших сражений. Как и в году минувшем, основную роль взяли на себя моряки, предводительствуемые адмиралами В.Я. Чичаговым и принцем К.-Г. Нассау-Зигеном.

Своими действиями Мусин-Пушкин вызвал острую критику со стороны Екатерины II. В одном из ее писем князю Г.А. Потемкину говорилось: «Я весьма недовольна по случаю нерешительности его и слабости, он никаким авантажем не умел воспользоваться, между генералами его завелись такие кабалы, по слабости его, кои общему делу вредны; одним словом, ему и всему его генералитету смена неминуема предлежит» [101] . В 1790 г. Валентин Платонович был заменен генералом И.П. Салтыковым, который и завершил войну со Швецией.

Историки не всегда соглашаются с правителями. Например, по мнению А.А. Керсновского, эта война «является блестящей, хотя и слишком малоизвестной страницей ее военной истории» [102] . Русская армия, в два с лишним раза уступавшая шведам по численности и носившая к тому же полумилиционный характер, активно оборонялась и вышла из тяжелых испытаний с честью.

Есть основания думать, что и Екатерина II со временем стала

судить о своем военачальнике с большей объективностью. Так или иначе, по окончании войны Валентин Платонович был награжден щедро – золотой шпагой, орденом Св. Владимира 1-й степени и алмазами к звезде ордена Св. Андрея Первозванного, полученного ранее.

Взойдя на престол, Павел I не забыл, как еще в бытность великим князем нередко прибегал к услугам своего подданного. Мусин-Пушкин был назначен шефом Кавалергардского корпуса, а в апреле 1797 г. стал генерал-фельдмаршалом. Скончался он уже при новом императоре Александре I в 1804 г.

«Должен стоять в ряду более с искусными царедворцами, нежели с победоносными вождями, по нерешительности своего нрава», – такой «приговор» вынес Валентину Платоновичу историк Д.Н. Бантыш-Каменский [103] .

Король Черногории Николай I Негош (1841–1921)

Князь, король, военачальник, поэт и драматург, иностранный почетный член Петербургской Академии наук. Это все он – Николай I Петрович Негош.

В 19-летнем возрасте Никола унаследовал от дяди княжеский престол в Черногории. Наследство оказалось нелегким, что было связано, в первую очередь, с попытками Турции противодействовать движению в Черногории и Сербии за государственное объединение. В 1862 г. Негош возглавил восстание против Османской империи, закончившееся

поражением. Лишь благодаря поддержке России и некоторых других европейских держав Черногории удалось сохранить самостоятельность.

Чтобы достичь централизации югославских земель, Негош в конце 60-х годов XIX в. высказал даже готовность отречься от престола в пользу сербской династии Обреновичей. Но этим планам осуществиться не удалось. С распадом Балканского союза князь Черногории уже сам стал претендовать на ведущую роль в объединении югославских земель.

«Это была необыкновенно живописная фигура. Николай был прирожденным актером… Любимым занятием Николая была политика. Он ссорил дипломатов друг с другом, чтобы поочередно получать сведения об их коллегах», – так характеризовал князя секретарь русской миссии в Цетинье (административный центр Черногории) Ю.Я. Соловьев [104] .

В 1876 г. он встал во главе сербских и черногорских войск в новой войне с Турцией. Война завершилась неудачей, но Стамбулу в предвидении столкновения с Россией было не до окончательного решения проблем с малыми балканскими странами.

Н.Д. Дмитриев-Оренбургский. Переправа русской армии через Дунай у Зимницы 15 июня 1877 года. 1883

Несмотря на то, что Никола Негош уже не столь определенно придерживался пророссийского курса, как его предшественники, тем не менее, в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. он выступил союзником России. В ходе боевых действий на Балканском театре он лично командовал черногорскими войсками (*см. очерк о в.к. Николае Николаевиче*). Российская корона не осталась в долгу: «за отличную храбрость и мужество, оказанные в войне с турками», князь был удостоен орденов Св. Георгия 2-й и 3-й степени.

Согласно мирному договору в Сан-Стефано Черногория получила полную независимость, это положение было

подтверждено и на Берлинском конгрессе 1878 г. Почувствовав, что его власть значительно укрепилась, Никола Негош повел дело к установлению в Черногории абсолютной монархии и в 1910 г. провозгласил себя королем под именем Николай I. Это событие было отмечено и в Петербурге: Николай II пожаловал многолетнему союзнику чин российского генерал-фельдмаршала.

В своей внешней политике Негош ориентировался в основном на Россию. Этот курс он закрепил и династическими браками, выдав дочерей Стану и Милицу замуж за великих князей Николая Николаевича Младшего и Петра Николаевича.

С началом Первой мировой войны Черногория вместе с Сербией выступила на стороне Антанты. О ее незначительной роли говорит уже численность армии, которую удалось сформировать – около 30 тысяч человек. В январе 1916 г. территория страны была оккупирована австрийскими войсками, и 7 февраля Черногория подписала акт о капитуляции. Король Николай I бежал из страны, вернуться на родину ему уже не удалось. Забытый подданными, он умер в 1921 г. во Франции. Но еще до его кончины в декабре 1918 г. парламент – Великая скупщина объявил династию Негошей низложенной, и дал согласие на включение Черногории в Королевство сербов, хорватов и словенцев под эгидой сербской династии Карагеоргиевичей.

Великий князь Николай Николаевич Старший (1831–1891)

Царьград… Сколько поколений отечественных воителей, начиная со Святослава, великого князя Киевского, грезили прибить свой щит на его врата! Столица Византии, а затем Османской империи, вольно раскинувшаяся на берегах Босфора, неизменно влекла их взоры, ибо без свободы выхода в Средиземное море и далее в Атлантику могучая Россия была немыслима.

Наши предки не знали науки геополитики, но интересы страны, вытекавшие из ее местоположения, пространственного размаха, людского потенциала и экономических ресурсов,

ощущали остро. Тем более что столь же настойчиво недруги пытались запечатать Россию во внутреннем Черном море. И потому вновь и вновь сходились на Балканах, Северном Кавказе и в Закавказье православный крест и мусульманский полумесяц. За тысячу лет, минувших со времен Святослава, лишь Николаю Николаевичу Старшему (да еще Ивану Ивановичу Дибичу-Забалканскому за полвека до этого) удалось довести победоносные войска до самых стен Царьграда – Константинополя.

Рожденный 27 июля 1831 г., великий князь Николай был третьим сыном императора Николая I. Как и брата-погодка Михаила, его с первых дней готовили к военному поприщу (*см. очерк о в.к. Михаиле Николаевиче*). В 1840 г. Николай был принят в 1-й кадетский корпус. Царскому отпрыску поблажек не делалось ни в чем: как и его товарищи по корпусу, он изучал строевую, полевую и караульную службы, выезжал в полевой лагерь. «Именно здесь, – писал один из его биографов, – среди сверстников и при благотворном влиянии выдающихся воспитателей и наставников, в великом князе Николае Николаевиче выработалась та простота и сердечность отношений, которые отличали его до конца дней».

Через семь лет его выпустили из корпуса подпоручиком, а еще через три года назначили к августейшему родителю флигель-адъютантом. Все делалось для того, чтобы вселить в молодого великого князя сознание высокого предназначения той службы, которую он избрал на всю жизнь, – в рядах российской армии. Для принятия присяги, положенной Николаю по достижении совершеннолетия как члену императорской фамилии, специально был выбран особый для армии день: 26 ноября (по старому стилю) – день Святого Великомученика и Победоносца Георгия. Воинскую присягу Николай принес перед штандартом 1-го дивизиона лейб-гвардии Уланского полка, шефом которого состоял со дня рождения.

Характерно, что и во время учебы в кадетском корпусе, и даже после поступления великого князя на действительную службу в ноябре 1851 г. (он стал командиром дивизиона в лейб-гвардии Конном полку) его воспитание и обучение генералом А.И. Философовым продолжалось. Только в 1852 г. высочайшим рескриптом было объявлено о завершении воспитания. Николай Николаевич сразу же получил ряд ответственных назначений. Отец-император поставил его во главе военно-инженерного дела с одновременным производством в генерал-майоры и зачислением в свою свиту. Его высочество был также назначен командиром бригады в 1-й легкой гвардейской кавалерийской дивизии.

Понюхать порохового дыма Николаю и его брату Михаилу довелось с началом Крымской войны 1853–1856 гг. «Ежели опасность есть, то не моим детям удаляться от нее, а собой подавать пример», – писал Николай I главнокомандующему Южной армией князю А.С. Меншикову, направляя к нему сыновей [105] .

Николай Николаевич вместе с братом участвовал в Инкерманском сражении 24 октября 1854 г., когда русские войска неожиданно для англичан, изготовившихся к генеральному штурму Севастополя, сами перешли в атаку. Потери наших войск из-за слабого вооружения, устаревшей тактики и неумелых действий некоторых генералов оказались почти в два раза большими, чем у противника. И тем не менее англо-французское командование вынуждено было надолго отложить штурм города. «Инкерманское сражение, – писал дореволюционный историк Н.Ф. Дубровин, – лучше всего указывает, на какие подвиги способен русский солдат, как велика его стойкость, мужество и храбрость…» По ходатайству главнокомандующего, увидевшего такие же качества и у великих князей, Николай Николаевич и Михаил Николаевич были пожалованы орденами Св. Георгия 4-й степени.

Августейшие братья оставались в Севастополе до февраля 1855 г., покинув его лишь в связи с кончиной отца-императора. Но до того великий князь Николай успел принять деятельное участие в инженерном укреплении Северной стороны от Константиновской батареи до Макензиевых гор включительно, проявив при этом немалое мужество. Поверит ли в это иной читатель старшего поколения, долгие десятилетия приучавшийся видеть за похвалами в адрес августейших особ банальные преувеличения современников, дежурные комплименты подданных?

Г.Ф. Шукаев. Бой на Малаховом кургане в Севастополе в 1855 году. 1856

Настроенных совсем уж скептически отошлем к свидетельству человека, прославившегося не похождениями при дворе, а делами на полях, точнее бастионах брани – генерала Э.И. Тотлебена. Ему, крупнейшему военному инженеру, герою Севастопольской обороны, ни к чему было лукавить. Так вот Тотлебен отмечал в молодом великом князе глубокое знание военно-инженерного дела, выдающийся практический ум и неутомимое рвение. А когда, получив весть о кончине своего отца, Николай и Михаил поспешили в Санкт-Петербург, генерал написал жене в частном письме, не предназначенном для чужих глаз, а значит, откровенном и искреннем: «…Их человеколюбие расположило к ним все сердца».

По восшествии на престол старшего брата Александра II Николай Николаевич стал членом Государственного совета и Комитета министров. Он также вступил в исполнение обязанностей генерал-инспектора по инженерной части, стал почетным президентом Николаевской инженерной академии.

Фон, на котором началась активная деятельность великого князя, не назовешь благоприятным: Крымская война закончилась тяжелым поражением России. Согласно Парижскому мирному договору, Петербург отказывался от покровительства балканским славянам. Черное море объявлялось нейтральным, России отказывалось в праве иметь здесь военный флот.

Можно представить, с какими чувствами встретила страна обнародование 3 ноября 1870 г. декларации канцлера А.М.

Горчакова о расторжении 14-й статьи Парижского договора 1856 г., ограничивавшей права России на Черном море. Поэт Ф.И. Тютчев, выражая мнение российских патриотов, патетически обращался к «свободной стихии» моря:

Пятнадцать лет тебя держало
Насилье в западном плену;
Ты не сдавалась и роптала,
Но час пробил – насилье пало:
Оно пошло как ключ ко дну.
Опять зовет и к делу нудит
Родную Русь твоя волна,
И к распре той, что Бог рассудит,
Великий Севастополь будит
От заколдованного сна.
Да в сердце русского народа
Святиться будет этот день <…>

У нас нет сомнений, что эти чувства сполна разделял Николай Николаевич, и чем дальше, тем сильнее: ведь именно ему всего через несколько лет выпало стать во главе войск, которые от Черного моря и Дуная двинулись на помощь братьям-славянам Балканского полуострова.

Между тем его служебные обязанности со временем только наращивались: командующий гвардейским резервным кавалерийским корпусом, отдельным гвардейским корпусом, командующий войсками гвардии и Петербургского военного округа, генерал-инспектор кавалерии… Великий князь был шефом десяти воинских частей.

Кто станет оспаривать, что продвижение его высочества по службе своими темпами не могло идти ни в какое сравнение со служебным ростом его ровесников. Но ведь и то правда, что пик его деятельности пришелся на самое пореформенное время, когда армия, сотрясенная до основания поражением в Крымской войне, решительно избавлялась от старого наследия. Тут без глубокого знания дела, истинно государственного размаха, подлинного новаторства и высокое происхождение не выручило бы.

По оценке военных историков, Николай Николаевич проявил большую энергию и разумность в совершенствовании вооруженных сил. Не без его участия в армии вводились новые уставы, стали широко использоваться современные образцы вооружения. Войска учили тому, что нужно на войне: метко стрелять, умело маневрировать и слаженно действовать на поле боя всеми родами войск – пехотой, кавалерией и артиллерией, тогда как раньше на учениях главное внимание обращалось на красоту перестроений и четкость в исполнении ружейных

приемов. Тем самым закладывалась основа будущих побед русского оружия в войне с Турцией, разразившейся всего через десяток лет.

Война 1877–1878 гг. была вызвана подъемом национально-освободительного движения на Балканах. Ее начало ускорило восстание сербского населения Боснии и Герцеговины против владычества турок в 1875 г. На следующий год восстание перекинулось в Болгарию. Перед Россией встал вопрос: как помочь братским народам? Общественное мнение было настроено воинственно. Как вспоминал, по его собственным словам, «одержимый бесом братушколюбия» князь В.П. Мещерский, «я был готов в эти минуты объявить врагом всякого, кто не хотел, как я, и войны, и освобождения всех славян, и заодно взятия Константинополя».

Воздействие этой воинственной атмосферы ощущали на себе и власти, тем более что среди министров было немало сторонников войны. С августа 1876 г. в царском дворце в Ливадии начались совещания по балканскому вопросу с участием Александра II, военного министра Д.А. Милютина, канцлера А.М. Горчакова, наследника престола великого князя Александра Александровича.

11 октября 1876 г. в Ливадию был вызван и Николай Николаевич. Александр II объявил ему о решении приступить, наконец, к окончательному решению Восточного вопроса: вытеснить Оттоманскую Порту, подстрекаемую Англией, из Европы и освободить от тысячелетнего турецкого ига братские славянские народы Балканского полуострова. По мнению царя, высказанному им великому князю, «в политическом отношении представляется для нас выгодным начать военные действия как можно скорее», учитывая нейтралитет Германии и Австро-Венгрии.

Был отдан приказ начать мобилизацию войск Киевского, Харьковского и Одесского военных округов и сформировать на этой основе действующую (Дунайскую) армию. Во главе ее император поставил Николая Николаевича.

Задача была непростая. Несмотря на энергичные реформы в армии, выставленные Россией силы численно уступали туркам: около 160 тысяч человек против 180. «Хромала» и оснащенность оружием. Пехота, исключая гвардию, имела на вооружении винтовки старой системы. Артиллерия, особенно осадная, по своим боевым возможностям также уступала противнику. И тем не менее Санкт-Петербург решился на войну.

План русского командования, разработанный ближайшим сподвижником военного министра Милютина генералом Н.Н.

Обручевым, предполагал достижение двух целей: политическую – освобождение Болгарии и стратегическую – взятие Константинополя. Образно говоря, стремились к водружению святого креста на Ай-Софию – главную мечеть турецкой столицы.

Основные силы русских под началом самого главнокомандующего наступали на Тырново – древнюю столицу Болгарии, в их авангарде для занятия Тырнова и Балканских проходов шел отряд генерала И.В. Гурко, будущего генерал-фельдмаршала. Задача по взятию крепостей Плевна, Никополь и Видин была поставлена перед отрядом генерала Н.П. Криденера, а Рущука – перед отрядом наследника цесаревича будущего императора Александра III.

В ночь на 15 июня 1877 г. русская армия успешно форсировала Дунай. Обрадованный этим обстоятельством Александр II тут же пожаловал августейшему брату орден Св. Георгия 2-й степени.

Через 11 дней Николай Николаевич получил донесение о взятии кавалерией генерала Гурко города Тырнова. Этот быстрый успех воодушевил главнокомандующего, и он решился на более смелый, чем тот, что вынашивался ранее, план. Прикрывшись с левого фланга 12-м и 13-м корпусами, выдвинутыми в сторону Рущука, а с правого – 9-м корпусом (со стороны Плевны и Ловчи), великий князь двинулся во главе 8-го и 11-го корпусов на Тырново и далее за Балканы, имея в авангарде все тот же отряд Гурко. Таким образом русские намеревались принудить главные силы турок оставить оборонительную линию Рущук – Шумла – Варна и отступить за Балканы для защиты своей столицы.

Вначале успех сопутствовал русским. За две недели отряд Гурко захватил несколько перевалов через Балканский хребет и взял Хаинкиой, Шипку и Казанлык, а отряд генерала Криденера – Никополь. Однако 8 июля положение резко изменилось: один из наиболее даровитых турецких полководцев Осман-паша нанес поражение генералу Ю.И. Шильдеру-Шульднеру под Плевной. Эта крепость на долгие месяцы стала преградой на пути русской армии за Балканы.

Правда, Николай Николаевич попытался сразу же открыть этот «замок»: уже 18 июля был предпринят новый штурм Плевны, но опять неудачно. От немедленной третьей атаки предостерегло запрещение императора, приказавшего ждать подкреплений из России.

Между тем воодушевленные турки сами перешли в наступление на ранее захваченные русскими перевалы, прежде всего Шипкинский. 9 августа Сулейман-паша во главе 27-тысячной армии при 48 орудиях атаковал обосновавшийся там

отряд генерала Н.Г. Столетова, насчитывавший менее 7 тысяч человек (в том числе 2 тысячи болгар) при 28 орудиях. Бои, шедшие почти беспрерывно в течение шести дней, были горячими, кровопролитными. И все же Шипку удалось удержать. Охватив оборонявшихся полукольцом, турки осаждали русские позиции с августа до декабря.

«Русский солдат вынес все, – справедливо писал историк Л.Г. Бескровный, – и преступную нераспорядительность органов интендантства, и плохую организацию обороны». Войска жестоко страдали от непогоды, голодали. С огромной выразительностью показал это средствами живописи художник В.В. Верещагин, разделивший с воинами их тяготы. На картине «На Шипке все спокойно!», замерзая, солдат охраняет перевал в пургу и мороз…

Неудачи под Плевной, необходимость уйти в глухую оборону на Шипке вызвали в адрес главнокомандующего Дунайской армией острую критику. Очевидно, Николай Николаевич не мог не понимать справедливости многих замечаний в свой адрес, но виду старался не подавать. Как вспоминал его адъютант Д.А. Скалон, «надо удивляться, как великий князь равнодушно слушает нападки на себя и не принимает их близко к сердцу, а только смеется и удивляется… Что им движет – это любовь к своему призванию, к солдатам и к своему оружию – коннице» [106] .

В советской исторической литературе нередко указывали на полное отсутствие у Николая Николаевича полководческих способностей. Бои под Плевной свидетельствуют, что такого таланта ему и впрямь недоставало. Следует, однако, иметь в виду, что на театре военных действий находились в это время сам император, военный министр Милютин, неизбежно отодвигавшие главкома в тень.

Н.Д. Дмитриев-Оренбургский. Сдача Плевны ее комендантом Османом-пашой. 1887. Фрагмент

Так или иначе, но даже общими усилиями Плевну не удалось взять и при третьем штурме, предпринятом 30 августа. Русско-румынские войска численностью в 84,1 тысячи человек при 424 орудиях вступили в противоборство с 32,4 тысячами осажденных турок, располагавшими 70 орудиями (*см. очерк о Кароле I*). Предпринятый накануне четырехдневный артиллерийский обстрел не принес желаемых результатов: умело созданная под руководством Осман-паши система инженерных укреплений устояла. И, тем не менее, штурм начался. На правом фланге и в центре атаки союзных войск были отбиты. Успешнее действовал на левом фланге отряд очень популярного в России «белого генерала» М.Д. Скобелева. В кровопролитном бою ему удалось взять штурмом два редута, располагавшихся на юго-западной окраине Плевны. Казалось, дальнейший путь открыт. Но турецкие войска сумели быстро перегруппироваться и перейти в контратаку. Несмотря на отчаянную храбрость и мужество, русским пришлось отойти. Причем с очень большими жертвами: 43 тысячи русских и 3 тысячи румын против всего 3 тысяч турок.

«Третья Плевна, – считает Л.Г. Бескровный, – показала

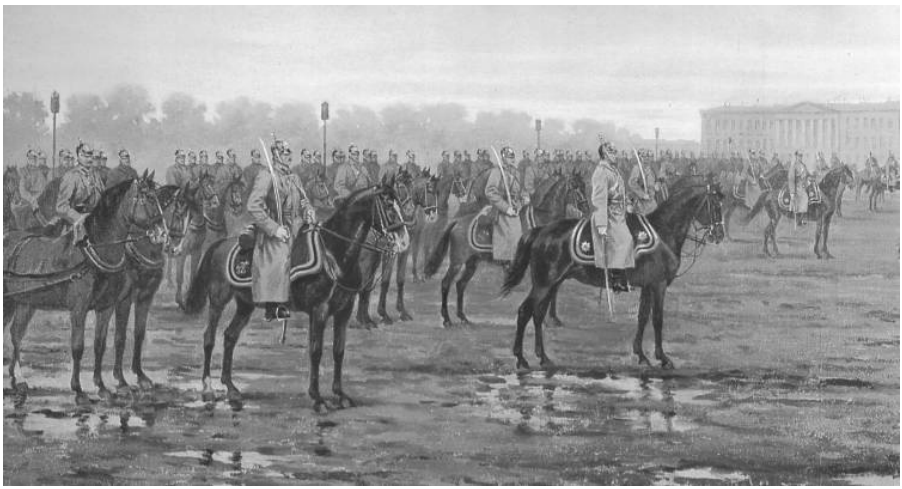
полную несостоятельность генералов, возглавлявших Главную квартиру. Ни Николай Николаевич, ни его начальник штаба Непокойчицкий… не могли обеспечить руководство сражением. Штаб не организовал разведку, план действий, повторял ошибки первых двух штурмов. Войска шли в бой на восточные и северные укрепления, хотя было известно, что Плевна слабо защищена с юга и вовсе не защищена с запада. Рутина и косность начальников были главной причиной поражения, которое, наконец, заставило произвести некоторые изменения в управлении войсками» [107] .

Заминка с Плевной встревожила высшие военные круги. Даже последовали предложения оставить позиции под Плевной и, ввиду приближения зимы, отступить в Румынию. Генерал Д.А. Милютин настоял перед Александром II на другом плане. Учитывая, что у русской армии недоставало крупнокалиберной артиллерии для разрушения крепостных сооружений, он предложил отказаться от штурма Плевны и перейти к ее планомерной осаде. С этой целью было укреплено командование: из столицы был вызван крупнейший специалист-фортификатор генерал Э.И. Тотлебен, всю кавалерию свели под начало генерала Гурко.

Иосиф Владимирович Гурко внес решающий вклад в успех дела, возглавив в октябре взятие опорных пунктов – Горного Дубняка, Телиша и Дальнего Дубняка, что позволило оттеснить спешившую на выручку к гарнизону Плевны армию турок за Главный Балканский хребет и замкнуть кольцо блокады. Осман-паша высказал Николаю Николаевичу желание сдать крепость на почетных условиях. Русский главнокомандующий деликатно, но твердо отказал. 28 ноября после упорного боя, начатого по инициативе вышедшего за крепостные сооружения гарнизона, Плевна была взята. Наградой великому князю стал орден Св. Георгия 1-й степени. К слову, Николай Николаевич стал 25-м и последним в русской военной истории кавалером этого ордена именно 1-й, высшей степени.

Стремясь закрепить достигнутый успех, русское командование в лице Милютина и Обручева, невзирая на возражения ряда генералов, решилось на зимний переход через Балканы. Такой переход в это время года традиционно считался невозможным. Однако план успешно осуществил Гурко, чей отряд был усилен 9-м корпусом и гвардейской пехотной дивизией (*см. очерк о И.В. Гурко*). Героический, без всяких преувеличений, переход в условиях жестоких морозов и снежных заносов позволил окончательно переломить ход событий. После проигранного трехдневного сражения под городом

Филиппополем 3–5 января 1878 г. турки запросили мира. «Ваше оружие победоносно, ваше честолюбие удовлетворено, зато Турция погибла. Мы принимаем все, что вы желаете», – заявил Николаю Николаевичу уполномоченный султанского правительства.



В.В. Мазуровский. Парад на Марсовом поле 23 ноября 1878 г. (5-я батарея гвардейской конно-артиллерийской бригады)

Правда, некоторое время спустя противная сторона, подстрекаемая Англией, заупрямилась. Тогда великий князь двинул войска ближе к Константинополю и занял его пригород Сан-Стефано, где 19 февраля был, в конце концов, заключен мирный договор.

Историк А.А. Керсновский не без основания сетовал на то, что Россия второй раз за полвека (первый раз в 1829 г.) остановилась буквально у порога османской столицы, добровольно отказавшись от возможности устранения своего традиционного противника с арены европейской политики, и называл эту «стоянку у ворот Царьграда» «самым тягостным периодом войны» [108] .

…Не старый, но очень утомленный, с каким-то потухшим, больным взором смотрит на нас с фотографии, сделанной в те дни, Николай Николаевич. И в самом деле, бремя командующего Дунайской армией оказалось для его физического и эмоционального здоровья чрезвычайно тяжелым. «Какой я служака? – говорил он в те дни своему окружению. – Куда я гожусь? Ни встать, ни двигаться, ни работать – ничего не могу». Великий князь запросился в отставку. В ответной телеграмме, полученной в апреле 1878 г. от императора, прочитал: «Увольняю тебя, согласно твоему желанию, от командования действующей армией, произвожу тебя в генерал-фельдмаршалы в воздаяние

столь славно оконченной кампании».

Николай Николаевич скончался весной 1891 г. В феврале 1913 г. ему был установлен памятник в Санкт-Петербурге в сквере перед Михайловским манежем. Скульптор П. Канонико представил Николая Николаевича сидящим на коне, в походной форме, опирающимся рукой на фельдмаршальский жезл. На пьедестале были установлены горельефы с изображениями соратников великого князя (цесаревича – будущего императора Александра III, его брата Владимира Александровича, будущего генерал-фельдмаршала И.В. Гурко, румынского короля Кароля I) и сцен боев. Памятник не простоял и пяти лет. Его художественные достоинства были поставлены под сомнение сразу же после его открытия. Но снять его решилась лишь Советская власть, правда, художественный и исторический интерес принимался во внимание в последнюю очередь, на первый же план выходила борьба с символами старого режима.

В северной столице в 30-е годы был стерт и еще один след памяти о великом князе. Речь идет о снесенном в 1933 г. соборе Введения во храм Пресвятой Богородицы лейб-гвардии Семеновского полка. Почти сто лет украшал площадь перед Витебским вокзалом белый пятикупольный храм, построенный по проекту К.А. Тона. В нем наряду с полковыми знаменами и досками с именами офицеров-семеновцев, павших в боях, хранился фельдмаршальский жезл Николая Николаевича.

Великий князь Николай Николаевич Старший оставил двух сыновей, одному из которых – полному тезке отца и двоюродному брату последнего российского императора Николая II – довелось также прославиться на военном поприще. С началом Первой мировой войны и до 1915 г. Николай Николаевич Младший был верховным главнокомандующим русской армией.

Князь Фабиан Вильгельмович Остен-Сакен (1752–1837)

Князю Ф.В. Остен-Сакену за свои долгие, даже по сегодняшним меркам, 84 года, довелось жить при шести императорах, воевать и с турками, и с поляками, и с французами, причем неоднократно.

Происходил он из древнего, но обедневшего германского рода, переселившегося в Прибалтийский край. Его отец, капитан Вильгельм-Фердинад фон Сакен пострадал за своего начальника: он был адъютантом Б.Х. Миниха и после опалы фельдмаршала в 1741 г. оказался в Ревельском гарнизоне, где после тринадцати лет службы в одном и том же чине умер. Фабиан, потерявший

отца в двухлетнем возрасте, не мог рассчитывать ни на кого, кроме как на самого себя. Из-за бедности он получил лишь скудное образование и, как только выпала возможность, поступил на военную службу подпрапорщиком в Копорский мушкетерский полк. Исполнилось ему тогда всего 14 лет. А через два года юноша отправился на войну с турками (1768–1774), где заслужил первый офицерский чин.

Медленно и сложно поднимался он по служебной лестнице. Суровая судьба улыбнулась ему, позволив не раз воевать под непосредственным командованием А.В. Суворова. Проходить полководческую школу русского военного гения он начал в 1771–1773 гг. в войне с польскими конфедератами. Находясь в Варшаве, Остен-Сакен поступил в ординарцы к русскому послу графу О.М. фон Штакельбергу. Общение с дипломатом и чтение позволили молодому офицеру развить ум и основательно пополнить знания.

С 1777 г. Фабиан Вильгельмович служил в Углицком мушкетерском полку, а в 1785 г., будучи толковым и деятельным офицером, отлично знающим порядок службы, продолжил карьеру в Кадетском корпусе.

Подполковником Московского гренадерского полка он вступил в русско-турецкую войну 1787–1791 гг. И вновь судьба свела его с Суворовым. Не беда, что по служебному положению они находились далеко друг от друга, главное, что Остен-Сакен усваивал, как и его сослуживцы, победный дух суворовской армии (*см. очерк о А.В. Суворове*). Не случайно его имя встречается в реляциях обо всех победах военных кампаний 1789–1790 гг. – при взятии Фокшан, Бендер, Измаила. Суворов особо обратил внимание на «мужество и благоразумие», которые во время измаильского штурма проявил офицер.

Вслед за Суворовым в 1794 г. Фабиан Вильгельмович в качестве командира Черниговского полка отправился на польскую кампанию, где заслужил чин полковника и – за взятие Вильны – золотую шпагу с надписью «За храбрость».

Император Павел I в 1797 г. произвел его в генерал-майоры, а в 1799 г. – в генерал-лейтенанты. В Швейцарском походе Остен-Сакена, действовавшего в составе корпуса генерал-лейтенанта А.М. Римского-Корсакова, подстерегала беда: в сражении при Цюрихе он был ранен и взят в плен. Историк Д.Н. Бантыш-Каменский приводит подробности ожесточенного боя и объясняет поражение малодушием Римского-Корсакова, Остен-Сакен же не только остался с Екатеринославским гренадерским полком на позиции, но и со знаменем в руках попытался повести солдат в контратаку. В этот момент он и получил ранение в голову.

Разгневанный Павел I заочно уволил его со службы. На родину генерал вернулся в 1801 г. и уже императором Александром I был не только восстановлен, но и назначен шефом Петербургского гренадерского полка. Начавшаяся вскоре война с Францией (1806–1807) преподнесла военачальнику новое нравственное испытание. Во главе дивизии он в составе армии Л.Л. Беннигсена принял участие в сражениях под Пултуском и Прейсиш-Эйлау. Раздраженный тем, что при Гутштадте маршалу Нею удалось отвести войска, Беннигсен обвинил подчиненного в умышленном опоздании к месту действия и отдал его под суд. Пять лет длилось следствие, в течение которых Остен-Сакен проживал в Петербурге в крайней нужде.

В предвидении войны с Наполеоном в 1812 г. по повелению Александра I следствие было прекращено, и бывший подследственный получил корпус в 3-й армии генерала от инфантерии А.П. Тормасова, с которым и вступил в Отечественную войну. В 1813 г. он был награжден орденом Св. Александра Невского.

В ходе заграничных походов корпус Остен-Сакена вошел в состав армии прусского фельдмаршала Г.Л. Блюхера и отличился при Кацбахе, Лейпциге и под Бриенном. Государь словно компенсировал прежнее недостаточное внимание власти к полководцу и наградил его за каждое из этих сражений: за первое возвел Фабиана Вильгельмовича в генералы от инфантерии, за второе удостоил ордена Св. Георгия 2-й степени, за третье – ордена Св. Андрея Первозванного. Причем в последнем случае император не удержался от выражения особой чести, возложив на главного виновника успеха свои личные орденские знаки.

Когда 19 марта 1814 г. союзники вступили во французскую столицу, именно барон Остен-Сакен был назначен ее генерал-губернатором.

В Париже росс! – где факел мщенья?
Поникни, Галлия, главой.
Но что я вижу? Росс с улыбкой примиренья
Грядет с оливою златой…

В этих строках А.С. Пушкин отразил бурю чувств, охвативших многих русских в мстительном желании заставить Париж разделить участь сожженной Наполеоном Москвы. Этому воспротивился в первую очередь Александр I, великодушием и милосердием желавший покончить с многолетней враждой народов, и генерал Остен-Сакен полностью разделял такие

устремления. Строго следя за общественным порядком в городе, пресекая недружественные проявления со стороны тех же прусаков, которые не были столь лояльны к французам, заботясь о госпиталях для раненых наполеоновских солдат и офицеров, Фабиан Вильгельмович приобрел невиданную любовь и признательность парижан. Должное внимание генерал-губернатор отдавал и красоте прекрасных француженок. «И этот славный г-н Сакен с его столь нежным сердцем», – так отзывался о нем поэт П. Беранже.

В те дни можно было наблюдать такую характерную картину: если русский генерал опаздывал к началу оперы, то после его появления в ложе публика требовала начать заново с увертюры, чтобы он мог насладиться представлением полностью.

Когда в июне 1814 г. пришла пора передать военную власть в Париже национальной гвардии, городское правление поднесло Остен-Сакену золотую шпагу в бриллиантах в благодарность за то, что он «водворил в Париже тишину и безопасность, избавил его от излишних расходов, покровительствовал присутственным и судебным местам, и что жители, благодаря бдительности его, могли предаваться обыкновенным своим занятиям и почитали себя не в военном положении, но пользовались всеми выгодами и ручательствами мирного времени» [109] . Позднее столь же восторженные чувства вызовет у парижан русский генерал Михаил Воронцов, командовавший российским оккупационным корпусом (*см. очерк о М.С. Воронцове*).

В 1815 г. Остен-Сакен участвовал в повторном походе во Францию. В 1818 г. он получил назначение главнокомандующим 1-й армии с главной квартирой сначала в Могилеве, а затем в Киеве. Военачальник пришел на эту должность закономерно: не было секретом, что со знанием военного дела, огромным боевым опытом и незаурядным умом он соединял строгость и взыскательность по службе.

Занятый им пост был важнейшим в военной иерархии александровского и особенно николаевского правления, поскольку армия прикрывала западные и юго-западные рубежи страны. Находясь на этом посту до самого момента упразднения штаба армии в 1835 г., Остен-Сакен вошел в высшую элиту Российской империи: стал членом Государственного совета (1818), генерал-фельдмаршалом (1826), был возведен в графское (1821) и княжеское достоинство (1832), получил орден Св. Владимира 1-й степени (1830). В 1826 г. Николай I также назначил Фабиана Вильгельмовича шефом Углицкого пехотного полка, в котором тот служил еще при Екатерине II, и повелел впредь именовать эту воинскую часть полком графа Остен-

Сакена.

Но даже это не уберегло старейшего полководца от интриг: киевский военный губернатор граф В.В. Левашов распространил слух, будто бы Николай I, упраздняя штаб 1-й армии, на самом деле желает избавиться от ее главнокомандующего. Узнав об этом, император немедленно уволил Левашова и пригласил Фабиана Вильгельмовича в Петербург в качестве, говоря современным языком, советника, консультанта. Такое предложение было не случайным. По отзыву генерала от инфантерии Н.Н. Муравьева-Карского, он даже в преклонном возрасте «при всей дряхлости своей, в дарованиях и правилах своих далеко превосходил всех первейших людей в государстве» [110] .

Сославшись на возраст, фельдмаршал учтиво отказался перебраться в столицу и остался жить в Киеве. Там он через два года скончался и был с почестями погребен в Киево-Печерской лавре.

Светлейший князь Варшавский, граф Иван Федорович Паскевич-Эриванский (1782–1856)

То, что произошло 5 октября 1850 г. на Уяздовском плацу в Варшаве, не могли припомнить даже седые ветераны частей, выстроившихся для торжественной церемонии в связи с 50-летием военной службы наместника в Царстве Польском генерал-фельдмаршала Паскевича. После того, как император Николай I перед строем вручил своему полководцу новый, богато украшенный образец фельдмаршальского жезла с надписью «За двадцатичетырехлетнее предводительство победоносными

российскими армиями в Персии, Турции, Польше и Венгрии», раздалась команда к церемониальному маршу. И – неслыханно: во главе войск чеканил шаг, отдавая воинскую честь фельдмаршалу, сам государь-император.

Да, что там ветераны! История русской армии не знала таких примеров, исключая, может, только время Петра I, который не боялся уронить своей монаршей чести, отмечая заслуги подданного. И вот его примеру последовал праправнук. Николай посчитал недостаточным отданное войскам еще за год до того повеление оказывать фельдмаршалу те почести, что положены были только самому императору.

Воистину: с времен Потемкина ни один военный деятель не был осыпан щедротами монарха в такой степени.

Были для этого субъективные причины. По окончании Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов И.Ф. Паскевичу была вверена 1-я гвардейская дивизия, в которой великие князья Николай Павлович и Михаил Павлович командовали бригадами, т. е. находились у него в подчинении. Став императором, Николай I до конца жизни с особым пиететом относился к Паскевичу, без малейшей иронии называл его «отцом-командиром», и мнение фельдмаршала было для царя истиной в последней инстанции.

Но, с другой стороны, никто не взялся бы утверждать, что император оказывал особые знаки внимания ничтожеству, ловкому, но недалекому фавориту. Нет, Паскевич был подлинно талантливым полководцем и крупной личностью.

Генерал в 29 лет, фельдмаршал – в 47. Удостоен исключительно лестных отзывов самого М.И. Кутузова. Полководец, громкие победы которого в войне с Турцией 1828–1829 гг., по отзывам его современника, «произвели в России громадное впечатление». Имя Паскевича в полном смысле слова не сходило с языка. Его донесения о военных действиях и приказы по войскам читались с восторгом и переходили из рук в руки. Популярность его была сродни суворовской.

Родился Иван Федорович в Полтаве. В 12 лет был определен в Пажеский корпус, где проявил блестящие способности к наукам. В 1800 г. был выпущен поручиком в лейб-гвардии Преображенский полк, при этом одновременно получил назначение флигель-адъютантом к императору Павлу I.

Боевое крещение получил в войне с Турцией 1806–1812 гг. (*см. очерк о М.И. Голенищеве-Кутузове*). В бою был тяжело ранен в голову. За отличия получил чин генерал-майора и ордена Св. Георгия 3-й и 4-й степеней. О том, на каком счету Иван Федорович был у командования, говорит отзыв, данный П.И.

Багратионом после сражения при Силистрии: «Мужественно защищался и не только не оставил трофей в руках турок, но, отражая множество их атак с большой для них потерею, подавал всем пример отличной распорядительности и неустрашимости».

Начавшаяся в 1812 г. война с Наполеоном застала его в должности начальника 26-й пехотной дивизии из 7-го пехотного корпуса генерала Н.Н. Раевского (к слову, Иван Федорович был самым молодым дивизионным командиром в русской армии). Действуя в составе 2-й армии П.И. Багратиона, дивизия Паскевича отличилась в тяжелых оборонительных боях под Салтановкой и Смоленском. В Бородинском сражении она занимала ключевую высоту над рекой Колочь. Стойкость подчиненные Паскевича проявили беспримерную. Держались «с отчаянием», как отозвался историк, потеряв не менее 3 тысяч человек. Под командиром дивизии были убита одна лошадь, ранена вторая. Тем не менее его подчиненные не только отбили все вражеские атаки, но, как только на помощь подошла 12-я пехотная дивизия генерала И.В. Васильчикова, нанесли ответный удар.

Позднее именно Паскевичу заболевший Раевский доверил корпус, мотивировав выбор следующими словами: «С такими генералами в бою достигается невозможное, а в походах спокойно бывает».

С отступлением французов из разоренной русской столицы Иван Федорович воевал в составе отряда генерала М.И. Платова. В сражении под Красным (4–6 ноября) Паскевич энергично содействовал успеху стремительной атакой во главе Ладожского, Орловского и Полтавского пехотных полков против войск маршала Нея в тот момент, когда неприятелю совсем было уже удалось взять наши батареи. «Разбит неприятель в пух», – отозвался на эту победу Кутузов. На торжественном приеме в освобожденном Вильно по случаю дня рождения Александра I главнокомандующий с особым удовольствием представил царю Паскевича как одного из своих лучших генералов.

В ходе заграничного похода полководец особенно отличился в сражении под Лейпцигом, вошедшем в историю как «битва народов» (4–7 октября 1813 г.). Во главе 26-й пехотной дивизии он ворвался в предместья города и взял до 4000 пленных и более 30 орудий. На следующий же день 32-летний герой был произведен в генерал-лейтенанты.

В Париже, занятом союзными войсками, Паскевич был представлен великому князю Николаю Павловичу, брату Александра I и будущему императору. На последующие сорок лет их связала дружба, редкостная между монархом и его подданным. Но беспрецедентным служебным ростом полководец был в первую

очередь обязан не ей, а ратным делам.

В военное дело подчас вмешивалась и политика. Так, в 1825 г. Паскевич по повелению царя вошел в состав Верховного суда по делу декабристов. Сочувствия к тем, кто пытался пошатнуть престол, за ним не заметили.

Новая страница в ратной биографии Ивана Федоровича открылась с началом русско-иранской войны 1826–1828 гг. Он оказался на Кавказе еще накануне войны: Николай I, готовя отставку тамошнего наместника генерала А.П. Ермолова, к слову, симпатизировавшего декабристам, направил ему в качестве помощника именно Паскевича.

В сентябре 1826 г. отряд генерала В.Г. Мадатова повел наступление на город Елизаветполь, чтобы остановить движение иранских войск к Тифлису и освободить блокированный гарнизон Шуши. Разгромив иранский авангард, он успел занять город раньше наследного принца Аббас-Мирзы, командовавшего армией противника, и поступил под начало прибывшего туда Паскевича. К моменту решающего сражения 13 сентября русские имели 8,5 тысячи человек при 24 орудиях против 35 тысяч человек и 25 орудий у Аббас-Мирзы.

Паскевич построил войска в три линии. Подпустив противника на дистанцию прямого выстрела, русские открыли огонь в упор. Это привело наступающих в замешательство. Тогда два батальона русских и грузин ударили в штыки и прорвали центр противника. Разгром завершил удар драгун Нижегородского полка. На поле боя осталось несколько тысяч убитых и раненых да в плен попало около одной тысячи персов. Потери русских составили 46 убитых и 250 раненых. Иранская армия рассеялась, Шуша была избавлена от блокады. Наградной же «арсенал» Ивана Федоровича пополнился золотой шпагой, украшенной бриллиантами, с надписью «За поражение персиан при Елизаветполе». Обрадованный первой столь масштабной военной победой за время своего царствования, Николай I произвел его в генералы от инфантерии.

В марте 1827 г. Паскевич принял вместо Ермолова командование над отдельным Кавказским корпусом. Новая кампания началась занятием Эчмиадзинского монастыря и блокадой столицы Восточной Армении Эривани, считавшейся по тем временам одной из наиболее сильно укрепленных крепостей. Отсутствие у Паскевича осадной артиллерии заставило его в ожидании прибытия таковой из России перенести боевые действия в Нахичеванское ханство. 26 июня, взяв Нахичевань, русские обложили крепость Аббас-Аббад – опорную базу иранских войск. 2 июля начался обстрел крепости, а 5-го ей на помощь

подошел Аббас-Мирза во главе 16-тысячного корпуса.

Не теряя времени, Паскевич во главе сравнительно небольшого отряда двинулся ему навстречу и близ ручья Джеван-Булак нанес принцу настолько серьезное поражение, что защитники Аббас-Аббада, сознавая бесполезность дальнейшего сопротивления, через два дня сами открыли крепостные ворота.

Получив в начале сентября осадную артиллерию, Иван Федорович приступил к осаде Эривани. Под сильнейшим огнем произведя лично рекогносцировку крепости, он приказал вести главную атаку на юго-восточный угол. Трехдневная бомбардировка крепости попутно с усиленными фортификационными работами настолько угнетающе подействовала на защитников, что 1 октября гарнизон сложил оружие. В плен сдались 3 тысячи человек, было захвачено 45 орудий. Потери наступавших составили всего 52 человека.

«Знаменитая Эривань, – докладывал Паскевич в Петербург, – которой приобретение, как полагали, должно было стоить потоков крови, пала перед победоносным русским оружием, без великих пожертвований с нашей стороны…» [111] . Эта блистательная победа не осталась незамеченной. «За отличное мужество, твердость и искусство, оказанные генерал-адъютантом Паскевичем при… важном завоевании знаменитой в Азии крепости Эривани», как гласил высочайший рескрипт, ее покоритель был пожалован орденом Св. Георгия 2-й степени.

Вслед за тем Паскевич предпринял наступление на Тавриз. Город был хорошо укреплен, но ужас перед покорителем Эривани оказался настолько сильным, что после нескольких выстрелов ворота перед победоносными русскими войсками открылись, 6-тысячный же гарнизон, бросив 40 орудий, через тыловые ворота бежал в Тегеран.

Быстрые успехи императорских войск окончательно ошеломили персов. 10 февраля 1828 г. в деревне Туркманчай был подписан мир на весьма выгодных для Петербурга условиях: Персия уступала Эривань и Нахичевань и предоставила русским исключительное право плавания по Каспийскому морю. Сам Паскевич получил графское достоинство, присоединение к фамилии почетного наименования – Эриванский и денежное пожалование в 1 млн рублей.

Громкие победы генерала в Закавказье на этом не закончились. Уже в марте того же 1828 г. последовал разрыв дипломатических отношений с Турцией. Генерал-фельдмаршал П.Х. Витгенштейн, а затем генерал И.И. Дибич руководили военными действиями на Балканах, Паскевич же воевал в Закавказье. Он избрал наступательную тактику, нацелившись на

крепости Карс и Ахалцих.

Русские смогли выставить всего 14 тысяч человек при 70 орудиях, противник превосходил вдвое. И, тем не менее, главнокомандующий русской армией предпочел наступление. После четырех дней осады и обстрела 23 июня удалось взять Карс. Желая избежать лишних потерь, Паскевич послал коменданту крепости ультиматум: «Пощада невинным, смерть непокорным, час времени на размышление», и гарнизон положил оружие. Было захвачено 151 орудие, 33 знамени, 7 тысяч пудов пороха. Обезоруженный гарнизон получил право отступить.

23 июля пал Ахалкалаки, 15 августа – Ахалцих. В последнем случае силы русских составляли около 12 тысяч человек, на помощь же турецкому гарнизону в одну тысячу человек подошел 20-тысячный корпус Киос-Мехмет-паши.

На военном совете у Паскевича решили вначале атаковать корпус, что и было успешно осуществлено. Немалая часть турок отступила в крепость, которую осаждающие атаковали 15 августа.

«Упорная защита гарнизона… и значительный урон, нами понесенный, ожесточил солдат наших», – доносил Иван Федорович в Петербург. В результате боя было убито до 5 тысяч турок, более 6 тысяч сдались в плен. Русские потеряли около 700 человек убитыми и ранеными. Вслед за Ахалцихом пали крепости Ахцур и Ардаган, а вскоре и Баязет. Турки, таким образом, утратили власть и на левом берегу Евфрата почти до самого Эрзерума.

В Санкт-Петербурге внимательно следили за событиями в Закавказье и на достойную оценку командующего не поскупились: Паскевич был награжден орденом Св. Андрея Первозванного и назначен шефом Ширванского пехотного полка.

1829 г. принес русским войскам в Закавказье новые победы, но доставались они нелегко. В ходе кампании Иван Федорович предполагал овладеть Эрзерумом, а затем двигаться к побережью Черного моря, разрезая, таким образом, азиатские владения Турции надвое. Для наступления на Эрзерум генерал смог выделить не более 17 тысяч человек пехоты и кавалерии при 61 орудии. 19 июня у села Кайнлы русские попали в тяжелое положение: на фланге находился 20-тысячный корпус Гакхи-паши, а с фронта нажимал сильный корпус сераскира – главнокомандующего турецкими войсками.

Иван Федорович с присущей ему решительностью двинулся против сераскира, сказав: «Теперь корпус мой похож на корабль: я отрубил якорь и пускаюсь в море, не оставляя себе обратного пути». Он разбил войска сераскира, а самого главнокомандующего принудил спасаться поспешным бегством.

На следующий день без особого труда, скорее одним моральным воздействием на павшего духом Гакхи-пашу он разбил и последнего, завладев его лагерем. Трофеи были немалые: 28 орудий, 2 тысячи пленных, 19 знамен, множество артиллерийских и продовольственных запасов.

26 июня русские вышли к Эрзеруму, а уже на следующий день крепость капитулировала. Получив донесение об этом, Николай I удостоил Паскевича ордена Св. Георгия 1-й степени, а через два месяца с окончанием войны произвел его в генерал-фельдмаршалы.

В мае 1831 г. национальное восстание в Царстве Польском заставило Паскевича сменить закавказский театр военных действий на западный (*см. очерк о И.И. Дибиче*). Он был назначен главнокомандующим армией, действовавшей против польских повстанцев, вместо внезапно умершего генерал-фельдмаршала Дибича-Забалканского. Не передать той грусти, писал современник, с которой Кавказская армия прощалась со своим главнокомандующим, а Тифлис – с просвещенным и гуманным правителем края. Около 5 тысяч человек верст за восемь от города провожали Ивана Федоровича, высказывая пожелания, чтобы он возвратился на Кавказ.

В Польше с небольшими силами в 44 тысячи человек Паскевичу предстояло овладеть Варшавой, разгромив морально сильного и хорошо обеспеченного в материальном отношении противника. Перехитрив поляков, он форсировал Вислу и двинулся к Варшаве. Здесь, доведя армию до 73 тысяч человек, фельдмаршал предложил командованию повстанцев капитулировать без боя, но получил отказ.

27 августа после двухдневного артиллерийского обстрела и штурма Варшава была взята. При этом главнокомандующий, находившийся в боевых порядках, получил контузию.

Победа! сердцу сладкий час!
Россия! Встань и возвышайся!
Греми восторгов общий глас!..
Но тише, тише раздавайся
Вокруг одра, где он лежит,
Могучий мститель злых обид,
Кто покорил вершины Тавра,
Пред кем смирилась Эривань,
Кому суворовского лавра
Венок сплела тройная брань, —

так отозвался на взятие Варшавы А.С. Пушкин, обративший внимание соотечественников, что этот день совпал с годовщиной

Бородинского сражения, и увидевший в этом совпадении некий мистический смысл.

Из Бельведерского дворца, олицетворявшего идею польской независимости, Паскевич направил к государю в качестве курьера внука А.В. Суворова с лаконичным донесением, в духе аналогичного рапорта генералиссимуса Екатерине II: «Варшава у ног вашего императорского величества».

Ответом было возведение Ивана Федоровича в княжеское достоинство с титулом светлейшего и присоединение к его фамилии еще одного почетного наименования – Варшавский.

А еще через некоторое время, нанеся мятежникам решительный удар при Модлине, войска Паскевича заняли Краков, Модлин и Замостье и, таким образом, менее чем в 3,5 месяца окончательно ликвидировали восстание. Это было тем более важно, что ряд стран, надеясь на затяжной внутренний конфликт в России, пытались ослабить ее позиции в Европе.

Затем полководец получил назначение наместником Царства Польского. 25 лет управлял он этим мятежным краем, жестко пресекая все попытки вооруженного сопротивления.

В 1849 г. Паскевич возглавил поход по подавлению восстания венгров против австрийской короны. Николай I был пленником идеи монархической солидарности, высказал заинтересованность в сохранении целостности Австрийской империи и потому пошел на вооруженное вмешательство во внутренние процессы этой страны.

По прочно установившейся в исторической литературе традиции этот поход рисовался сплошь черной краской. Однако «нельзя изображать дело так, будто российская армия ворвалась в Трансильванию и под свист казачьей нагайки предала все огню и мечу», – считает современный историк. По свидетельству участников похода, в селах не с венгерским, а румынским населением, в городах, населенных по преимуществу немцами, «интервентов» встречали колокольным звоном и цветами. И не мудрено: ведь русский солдат нес национальным меньшинствам Трансильвании гарантию против продолжения массовой резни со стороны венгров. И потому «поход Паскевича, карательный по отношению к венгерской революции, предстает как спасительный для многочисленного румынского и немецкого населения края» .

Нельзя рисовать из русского командующего палача и реакционера. Фельдмаршалу, как и всему русскому офицерскому корпусу, претили кровавые расправы над восставшими. Он, в частности, обратился к императору Францу-Иосифу с просьбой о помиловании тех пленных венгерских генералов, которые были переданы австрийской стороне. А своему монарху Паскевич

писал: «Я не знаю ваших мыслей насчет Австрии, но если существование ее нужно для вашей политики, то амнистия нужна и прежняя конституция (т.е. отмененная в 1848 г. – *Ю.Р.*) нужна».

Паскевичу довелось участвовать еще и в Крымской, или Восточной войне 1853–1856 гг. Престарелому фельдмаршалу были вверены войска, сосредоточенные в Царстве Польском, западных губерниях, по Дунаю и побережью Черного моря до Буга. С возрастом полководец стал проявлять повышенную осторожность, он настаивал на уходе из занятых русскими войсками Молдавии и Валахии и отказе от взятия турецкой крепости Силистрия. Николай I такому предложению воспротивился, и Паскевич от руководства армией был отстранен.

Ему не довелось увидеть позора фактической капитуляции России в Крыму перед объединенными силами Англии, Франции и Турции: смерть наступила в начале 1856 г. 9-дневным трауром почтила русская армия кончину своего блестящего полководца. Беспрецедентно!

А вот еще один факт, характеризующий отношение, которое культивировалось в России к ее национальному герою. Еще в 1835 г. Николай I перевел сына Паскевича князя Федора Ивановича в лейб-гвардии Преображенский полк с оставлением в то же время в Эриванском полку, носившем имя его отца. Для того чтобы, как гласил рескрипт, «состоя, таким образом, и в старейшем из полков лейб-гвардии, и в храбром полку имени отца, приобрел он те знаменитые доблести, которые стяжали службе его родителя столь справедливое право на признательность государя, отечества и потомства».

Аналогии этому в современной военной истории нашего Отечества нет.

А.А. Керсновский называет Паскевича важнейшим военным деятелем царствования императора Николая I, который в продолжение четверти века являлся «полным хозяином российской вооруженной силы». Немало достоинств отметил историк у полководца – безусловное военное дарование, ум, честолюбие, заслуженную ратную славу, начиная со Смоленска в бытность командиром 26-й дивизии. Отмечены и недостатки – властолюбие, деспотическая манера обращения с подчиненными, стремление приписывать все успехи себе, а неудачи списывать на подчиненных.

Ей-ей, с трудно объяснимой предвзятостью судил Антон Антонович Керсновский о фельдмаршале. Просто приговором звучат следующие его оценки: «Паскевич ничего не дал армии, с его именем не связано ни одного положительного организационного мероприятия. Полководческой школы он

отнюдь не создал, влияние же его на подчиненных в конечном итоге было отрицательным, благодаря системе обезличивания» [112] .

Прав или не прав историк, пусть рассудит сам читатель, вернувшись к написанному выше.

Светлейший князь Григорий Александрович Потемкин–Таврический (1739–1791)

Пушкин А.С. оставил нам, ленивым и нелюбопытным, историю, в которой, как в капле воды, отразился характер екатерининского орла № 1. Своему любимому племяннику Н.Н. Раевскому Григорий Александрович Потемкин дал несколько наставлений, главными из которых были следующие: «Старайся испытать, не трус ли ты; если нет, то укрепляй врожденную смелость частым обхождением с неприятелем» [113] .

Раевский убедился в полезности рецепта на собственном опыте, став прославленным героем Отечественной войны 1812 г.,

генералом от кавалерии. Но прежде истинность наставлений была проверена самим светлейшим, никогда не уклонявшимся от испытаний, встречал ли он их на бранном поле или на вощеном дворцовом паркете.

Бросаешь взор на свершенное Потемкиным во славу Отечества за те неполные двадцать лет, которые он находился у власти, и удивление берет: по силам ли все это одному человеку? Осуществление военных реформ, присоединение Крыма, создание Черноморского флота, хозяйственное освоение Новороссии и Тавриды, строительство городов, участие в двух русско-турецких войнах, устройство судьбы Запорожской Сечи, разработка «греческого проекта»… По образному выражению Г.Р. Державина, своими неустанными делами светлейший князь сумел «взвесить (т. е. возвысить. – *Ю.Р* .) мощь русскую и дух Екатерины».

Григорий Александрович Потемкин – тип русского человека, «чисто русская натура со всеми ее недостатками, даже пороками, и в то же время со всеми ее светлыми, даже пленительными качествами. Трудолюбивый и выносливый, он работал без устали; умный от природы, он обогатил свой ум многосторонними познаниями, был одним из образованнейших людей своего времени и вместе с тем беспечный и ленивый, капризный и развратный, иногда самодур, но всегда добрый, отзывчивый, гуманный человек» [114] .

Родился Потемкин в центре России в 1739 г. в селе Чижово Смоленской губернии в семье мелкопоместного дворянина, отставного полковника. Вначале его готовили к духовной службе, но затем пытливого юношу отправили в Московский университет. С большим прилежанием слушал он лекции, желая, как убеждал окружающих, «быть непременно архиереем или министром». За успехи удостоился золотой медали, а в 1757 г. в числе других достойнейших студентов был представлен императрице Елизавете Петровне. Но в 1760 г. Григория исключили из университета за лень и пропуски занятий. Похоже на правду, учитывая, что приступы ничегонеделанья и прострации периодически посещали его всю жизнь. По иным сведениям причиной исключения из университета послужил сочиненный школяром едкий памфлет в стихах на немецкую профессуру.

Образно говоря, из кельи монастырской Потемкин перенесся в гвардейскую казарму. Он еще в 1755 г. был зачислен на военную службу, правда, до поры до времени пользовался отсрочкой, как посещавший университет. Теперь же вынужден был, отправившись в Петербург, в буквальном значении слова стать в строй в Конногвардейском полку. Рослый, хорошо сложенный, обладавший недюжинной силой, он быстро стал

своим среди конногвардейцев. Дворцовый переворот 28 июня 1762 г., возведший на престол Екатерину II, Григорий встретил вахмистром. Невысокий чин не должен вводить в заблуждение относительно его истинной роли. Дело в том, что Потемкин дружил с братьями Орловыми, по их поручению при подготовке переворота агитировал сослуживцев в пользу Екатерины, и об этом она хорошо знала.

Уже на следующий день ему были пожалованы 400 душ крестьян и чин гвардейского подпоручика. Он был принят в общество императрицы, время от времени встречался с ней. В 1768 г. Потемкин, произведенный в камергеры, был отчислен из полка для выполнения придворных обязанностей. Но он понимал, что к настоящему могуществу сможет прорваться, лишь совершив что-то выдающееся. Только в таком случае был шанс завладеть вниманием Екатерины. И потому уже в начале января следующего года он испросил высочайшее соизволение и отправился в действующую армию воевать с турками.

В ходе русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Григорий Александрович воевал под началом генерал-аншефа А.М. Голицына и генерал-фельдмаршала П.А. Румянцева. Отменная храбрость, боевой задор, риск были его визитной карточкой. Во главе кавалерийского отряда, действовавшего в авангарде русских войск, Потемкин участвовал в разгроме 20-тысячного турецкого корпуса, наступавшего на Каменец-Подольский. «За оказанную храбрость и опытность в военных делах» при взятии укреплений у Хотина в июле 1769 г. он получил чин генерал-майора.

М.М. Иванов. Князь Потемкин во главе кавалергардского отряда

В кампанию 1770 г. Григорий Александрович вступил командиром бригады (*см. очерк о П.А. Румянцеве*). Главнокомандующий граф Румянцев давал ему возможность проявить себя в деле. Уже в январе при Фокшанах бригада Потемкина совместно с отрядом генерал-майора И.М. Подгоричани разгромила 10-тысячный корпус Сулейман-паши.

Потемкин проявил себя надежным командиром и в летних сражениях, проведенных Румянцевым: умело преследовал неприятеля, обращенного в бегство 17 июня близ Рябой Могилы, участвовал в битвах при Ларге 7 июля и Кагуле 21 июля. В последней из них отличился особенно, отразив удар крымского хана с тыла. Наградой ему стал орден Св. Георгия 3-й степени. Кампанию Потемкин завершил деятельным участием во взятии Измаила войсками генерал-поручика Н.В. Репнина.

Высоко отзываясь о боевых качествах подчиненного, Румянцев писал Екатерине в сентябре 1770 г.: «Ваше величество видеть соизволили, сколько участвовал в действиях своими ревностными подвигами генерал-майор Потемкин. Не зная, что есть быть побуждаемому на дело, он сам искал от доброй своей воли везде употребиться» [115] .

Со своей стороны императрица внимательно следила за ростом бывшего вахмистра-конногвардейца. При встрече с ним во время его отпуска в конце 1770 г. Екатерина позволила генералу писать ей напрямую, без посредников.

Пир у князя Потемкина в Таврическом дворце. Гравюра на стали по рисунку А. Шарлеманя.

В кампании 1771 г. Потемкин командовал корпусом на берегах Дуная, действовал успешно, был произведен в генерал-поручики. С возобновлением военных действий в 1773 г. он участвовал в разгроме Осман-паши под Силистрией и овладении турецким лагерем. Оставшись без награды, Григорий Александрович заподозрил козни недоброжелателей, о чем и написал Екатерине напрямую. Нет, он не выпрашивал награду, но, винясь в опасении, что императрица отказала ему в благоволении, просил рассеять его – опасение – пожалованием его в генерал-адъютанты. «Сие не будет никому в обиду, – писал он, – а я приму за верх моего счастья, тем паче, что, находясь под особливым покровительством вашего императорского величества, удостоюсь принимать премудрые ваши повеления и, вникая в оные, сделаюсь вяще (т. е. – более. – *Ю.Р* .) способным к службе вашего императорского величества и Отечества».

В ответ он получил собственноручный рескрипт императрицы: «Господин генерал-поручик!.. Я просьбу вашу нашла столь умеренною в рассуждении заслуг ваших, мне и Отечеству учиненных, что я приказала изготовить указ о пожаловании вас генерал-адъютантом. Признаюсь, что и сие мне весьма приятно, что доверенность ваша ко мне была такова, что вы просьбу вашу адресовали прямо письмом ко мне, а не искали побочными дорогами. В прочем пребываю к вам доброжелательная Екатерина». Доверительный тон письма показывал, что Потемкин уже занимал в мыслях государыни свое особое место.

Как следствие, в конце 1773 г. генерал был вызван в Петербург. Дальнейшие события показали, что Екатерина пошла на сближение с Потемкиным не только из-за чисто женской страсти. В этом человеке она искала, конечно, и чувственные наслаждения, но, прежде всего, те достоинства, которыми не обладал ни один из ее прежних фаворитов, а именно – качества государственного деятеля, державника. Трон окружали многие люди, в том числе и бесконечно преданные Екатерине, например, Орловы, но бремя ответственности за империю лежало в основном на ней одной, и было оно слишком тяжело для женских плеч. Государыня искала того, кто мог бы это бремя разделить с ней на равных. Видит Бог, она не ошиблась в выборе.

На следующие полтора десятка лет Григорий Александрович стал фактическим соправителем Екатерины, послы иностранных государств доносили своим монархам о нем, как о самом влиятельном лице в России. Имеются достоверные сведения о тайном браке, заключенном Екатериной Великой с Потемкиным. Характерно, что и после случившейся между ними в 1776 г.

размолвки положение светлейшего князя при дворе не изменилось. Доверие к нему со стороны императрицы было настолько сильным, что она считала возможным писать ему даже о своих отношениях с новыми фаворитами. Это лишний раз доказывает, что Потемкин с самого начала был для Екатерины сердечным другом, но не в меньшей, если не в большей степени единомышленником и ближайшим сподвижником.

Как и следовало ожидать, на Григория Александровича пролился поток чинов, титулов и наград. Он был произведен в генерал-аншефы, стал подполковником лейб-гвардии Преображенского полка, получил назначение членом Государственного совета и вице-президентом Военной коллегии, удостоился орденов Св. Александра Невского и Св. Андрея Первозванного.

В 1775 г. в связи с завершением войны с Турцией он получил орден Св. Георгия 2-й степени, а после заключения Кючук-Кайнарджийского мирного договора «за споспешествование оному добрыми советами» императрица возвела своего фаворита в графское достоинство Российской империи, наградила «за храбрые и неутомимые труды» шпагой, осыпанной алмазами, «и в знак монаршего за то благоволения» своим портретом для ношения на мундире.

Думается, заслуги Григория Александровича не умаляет то, что, по мнению историков дипломатии, решающую роль в закладывании прочного фундамента Кючук-Кайнарджийского мира сыграл все же не он, а гораздо менее известный дипломат А.М. Обресков.

В 1776 г. Потемкин был удостоен австрийским императором Иосифом II титула светлейшего князя. Как ни удивительно, но Екатерина II позднее не подтвердила российским титулом княжеское достоинство Священной Римской империи ни у одного из своих фаворитов, бывших графами Российской империи (помимо Потемкина, это – Г.Г. Орлов и П.А. Зубов).

Однако «любимец счастья», каковым его называли завистники, не был коллекционером титулов и орденов, хотя и никогда от них не отказывался. Свое все крепнувшее положение при дворе он использовал в первую очередь в интересах страны и престола. До конца своих дней Потемкин результативно занимался государственной деятельностью таких масштабов, которые были не по плечу ни одному из его современников.

В 1774 г. он фактически возглавил Военную коллегию, став вице-президентом с правом председательствования, хотя формально кресло президента до 1777 г. занимал фельдмаршал З.Г. Чернышев. В 1784 г. Потемкин устранил приставку «вице»,

получив пост президента коллегии с одновременным производством в чин генерал-фельдмаршала. Тем самым он стал полновластным хозяином в армии.

«Влияние его на армию было благотворным. Здесь Потемкин явился продолжателем дела Румянцева, в школе которого многому научился, – считал А.А. Керсновский, но оговаривался: – Это был блестящий организатор, большой гуманист, но не военный в душе. Полководческих дарований ему не было дано» [116] .

Последнее утверждение, откровенно говоря, выглядит спорным. Забегая несколько вперед, напомним, что именно под руководством Потемкина была блестяще проведена победоносная война с Турцией 1787–1791 гг. Сражения выигрывали А.В. Суворов и Ф.Ф. Ушаков, а также другие генералы и адмиралы – Дерфельден, Гудович, Нассау-Зиген, Каменский, Кутузов, Репнин, Рибас. Однако замысел кампаний разрабатывался Потемкиным, группировка сил и направление ударов определялись им же, он и командовал операциями армии и флота от Кубани до Дуная.

Как представляется, ближе к истине был дореволюционный военный историк Д.Ф. Масловский, который писал: «Вторая турецкая война, конечно, должна быть названа “потемкинскою”». «Потемкин, – подчеркивал он, – имел вполне самостоятельный и верный взгляд на сущность самых сложных действий войск на полях сражений… Потемкин в эту войну является первым главнокомандующим нескольких армий, оперировавших на нескольких театрах» [117] .

А вот с мнением А.А. Керсновского о благотворном влиянии военачальника на армию не согласиться нельзя. Все его действия подчинялись одной цели – учить войска тому, что необходимо в бою и сражении, а не на плацу. Тем самым изгонялись последние элементы преклонения перед пруссачеством, перед внешними деталями (исполнение ружейных приемов, парадный шаг, косы, букли) в ущерб существу дела. В конце концов, это и повышало боеспособность войск, и облегчало службу солдат.

В пехоте Потемкин ввел единую штатную структуру частей. Егеря были сведены в отдельные батальоны, в армии увеличено число гренадеров, сформированы мушкетерские полки. Эти нововведения отражали принципы, положенные П.А. Румянцевым в основу организации пехоты как рода войск, в обучение ее способности к самостоятельным операциям, умению совершать длительные переходы, быстро и скрытно передвигаться, вести меткий одиночный огонь.

От новой организации и тактики действий внимание Григория Александровича логично переключалось на форму одежды. Узкие

мундиры и сапоги, напудренные прически, может быть, хорошо смотрелись на плацпарадах, но не в походах, не на поле брани. Избавленные от кос и муки прически, удобная и просторная форма одежды, введенная при Потемкине, не только облегчили быт армии, но и положительно отразились на выучке и здоровье солдат.

Неизвестный художник. Копия с акварели М.М. Иванова «Лагерь Г.А. Потемкина под Очаковым»

Со временем все больше времени, интеллектуальных и физических сил у Григория Александровича стала отнимать административная деятельность. В 1776 г. он получил назначение генерал-губернатором Новороссийской, Азовской и Астраханской губерний с властью царского наместника. Только человек с таким государственническим чутьем, с таким державным размахом мог поставить точку в мучительном «крымском вопросе». На протяжении скольких веков русским землям угрожала из Крыма смертельная опасность, скольких наших соотечественников уводили в плен и пополняли ими невольничьи рынки Востока! Крымский хан, оставаясь вассалом Турции, не позволял России выйти в Черное море, что наносило огромный ущерб экономическому развитию страны, ее связям с внешним миром.

О настоятельной необходимости решения проблемы путем присоединения Крыма к России Потемкин так писал императрице в 1782 г.: «Крым положением своим разрывает наши границы… Поверьте, что вы сим приобретением бессмертную славу получите, и таку, какой ни один государь в России еще не имел. Сия слава положит дорогу … в Черное море.., будет запирать ход туркам и кормить их или морить с голоду».

Григорий Александрович избрал благоприятный момент для присоединения полуострова, когда Турция не могла воспрепятствовать его планам, и торопил Екатерину. Его доводы возымели действие, и 2 февраля 1784 г. последовал именной указ Сенату об учреждении Таврической области: «…Полуостров Крым с землею, лежащею между Перекопа и границ Екатеринославского наместничества, и остров Таман, учреждая областью под именем Таврической… препоручаем оную в управление нашему генералу, Екатеринославскому и Таврическому генерал-губернатору князю Потемкину, которого подвигом и самое наше о всех сих землях предположение исполнено…» [118] .

Как только присоединение новых земель стало фактом, Потемкин со свойственной ему настойчивостью принялся за хозяйственное освоение полуострова и Северного Причерноморья. Под его руководством были заложены города Херсон, Николаев, Севастополь, Екатеринослав, создавались корабельные верфи, позволившие в кратчайший срок создать Черноморский флот, приглашались и расселялись колонисты, разводились сады и виноградники.

Через три года, в 1787 г., Потемкин пригласил Екатерину произвести осмотр ее южных владений. Российская самодержица не без умысла предложила сопровождать ее польского короля Станислава-Августа, австрийского императора Иосифа II, австрийского, французского и английского послов. В Кременчуге высокие гости стали свидетелями больших маневров, увидев которые французский посланник Сегюр не смог сдержать восторга: «Я редко видывал такое прекрасное и блестящее войско». В Херсоне гости присутствовали на церемонии спуска на воду нескольких кораблей. Но еще больший восторг вызвал вид быстро растущего Севастополя и демонстрация сил флота с выходом в море. Екатерина Алексеевна проехала также по берегу Крыма, пересекла все Северное Причерноморье и везде стала свидетелем громадных перемен в хозяйственном освоении земель, лишь недавно оказавшихся под ее скипетром. Таковы были те самые пресловутые «потемкинские деревни», слухи о которых злонамеренно распространяли по всей Европе недоброжелатели и враги князя.

Возвратившись в столицу, Екатерина повелела Правительствующему Сенату изготовить похвальную грамоту с перечислением дел и подвигов князя Потемкина и зафиксировать в ней прибавление к его фамилии почетной приставки – Таврический.

В 1787 г. Турция, поддерживаемая Англией и Францией, потребовала отмены Кючук-Кайнарджийского мирного договора и

возвращения ей Крыма и Кавказа. С целью давления на Петербург российский посланник Я.И. Булгаков был даже заключен в Семибашенный замок Стамбула. Получив отказ, Порта объявила об открытии боевых действий против России, выставив 200-тысячную армию.

В ответ Россия развернула две армии: Екатеринославскую армию (82 тысячи) под командованием Г.А. Потемкина и Украинскую (37 тысяч) во главе с П.А. Румянцевым. Армии Потемкина предписывалось «осадить Очаков и, овладев оным, распространив твердую ногу в земле между Буга и Днестра».
Войска светлейшего князя подошли к Очакову в конце июня 1788 г. и осадили его. Лишь 6 декабря был предпринят успешный штурм. Крепость выдержала, таким образом, пятимесячную осаду, что говорит о прочности ее обороны. Командующий лично составил диспозицию, которая предписывала «атаковать живо и не замыкаться перестрелкою, идти на штыках». Начальники должны были «наблюдать порядок, предупреждать замешательство и не допускать кидаться на добычу, а поступать с храбростью, свойственной русскому воинству».

Штурм Очакова 6 декабря 1788 г. Гравюра А. Берга по оригиналу Ф. Казановы. 1792

Крепость была взята штурмом. Фельдмаршал удостоился высшей воинской награды – ордена Св. Георгия 1-й степени и 100 тысяч рублей. Императрица лично вручила их Потемкину по прибытии последнего в Петербург, а с ними и фельдмаршальский жезл, украшенный бриллиантами и обвитый богатым лавровым венком.

В кампанию 1789 г. обе русские армии были сведены в одну и отданы под командование Григорию Александровичу. Он осадил Бендеры и в ноябре принудил крепость к сдаче. Как и в конце прошлой кампании, полководец уехал в Петербург, опасаясь падения своего влияния при дворе. Несмотря на то, что кампания 1790 г. была открыта лишь в конце октября, она завершилась блестящим успехом – взятием суворовскими войсками Измаила (*см. очерк о А.В. Суворове*). Потемкин лично благословил своего подчиненного на этот штурм, отлично сознавая, что никто другой не сможет выполнить этой задачи: «Моя надежда на Бога и на вашу храбрость. Поспеши, мой милостивый друг!.. Огляди все и распоряди, и, помоляся Богу, предпринимайте…»

Убежденные, что Александр Васильевич не был заметно награжден за эту грандиозную победу (хотя чин подполковника лейб-гвардии Преображенского полка – разве малая награда?), историки почти на протяжении двух веков объясняли это дурными качествами в натуре Потемкина, его ревностью к успехам подчиненного. Автор должен признаться, что и он находился в плену этой версии: довлел авторитет таких признанных биографов Суворова, как А.Ф. Петрушевский, Н.А. Полевой, О.Н. Михайлов… Тяжелый, но благородный труд развеять вымыслы об отношениях двух выдающихся людей екатерининской эпохи взял на себя современный историк В.С. Лопатин, и, считаем, преуспел в этом. Приведя огромное количество документальных свидетельств, он доказал, что именно при твердой поддержке Потемкина Суворов смог раскрыть свой талант, невзирая на сопротивление и интриги подлинных недругов полководца.

В феврале Григорий Александрович вновь выехал в Петербург: на западе обозначилась опасность войны с Пруссией, готовой выступить на стороне Османской Порты, и Англией. А внутри страны оживилась пятая колонна – пруссофилы, сгруппировавшиеся вокруг наследника престола. Неслыханное дело: в разгар войны с Турцией Павел Петрович тайно переписывался с прусским королем – врагом своей Родины, используя в том числе и масонские каналы *(см. очерк о Н.В. Репнине*). Партия наследника готовилась воспользоваться тяжелым положением воюющей России и заменить Екатерину на Павла. Но ее члены понимали, что, не разделавшись с главным противником – главой русской партии Потемкиным, поставленной цели они не достигнут. Своим орудием они избрали нового фаворита П.А. Зубова.

Вступившая в зрелый возраст императрица находилась под сильным влиянием юного «Платоши», но это, к счастью, не

помешало ей разгадать маневры пруссофилов. Обостренный инстинкт власти подсказал ей: отставив Потемкина, она сама себя лишит самой надежной поддержки. Григорий Александрович сохранил свои позиции при дворе, но, зная о кознях своих врагов, был вынужден постоянно курсировать между театром войны и столицей.

Весной 1791 г. в Петербурге он напряженно работал над планами защиты западных границ и балтийского побережья, где Англия, готовившаяся разорвать отношения с Россией, планировала высадить десант. Убывая в столицу, он, вероятно, под давлением стоявших за Зубовым пруссофилов, оставил армию не на А.В. Суворова, а на Н.В. Репнина.

В начале мая, когда стало ясно, что ни Пруссия, ни Англия на войну с Россией не решатся, Екатерина повелела Потемкину нанести чувствительные удары по туркам, чтобы как можно скорее закончить войну. Получивший ордер на активные действия Репнин 28 июня нанес туркам сокрушительное поражение при Мачине.

Узнав об этом, Потемкин заторопился на юг, но не для того, чтобы перехватить у Николая Васильевича лавры победителя (в литературе до сих пор бытует такая ошибочная версия). Требовалось извлечь максимальный выигрыш из разгрома Османской Порты, и спешка в завершении мирных переговоров, к которой проявил склонность проводивший переговоры Репнин, была вредной. Кроме того, Григорий Александрович, возможно, только сейчас в полной мере оценил, насколько опасно было оставлять действующую армию на Репнина – масона и фактического лидера сторонников наследника престола.

Потемкин не успел всего на несколько дней: 31 июля были подписаны прелиминарные пункты мирного договора, в соответствии с которыми устанавливалось восьмимесячное перемирие. Опоздав к подписанию предварительных условий, Григорий Александрович уже не упускал из рук хода подготовки окончательного текста мирного договора до самой смерти. Место переговоров он перенес из Ясс в местечко Гущу. За 80 лет до этого именно здесь, в Гуще, дипломаты Петра I вынуждены были подписать с представителями султана унизительный Прутский мир (*см. очерк о Б.П. Шереметеве*). И вот теперь великий продолжатель дела Петра смывал позор прутской катастрофы.

Мир с турками был подписан 29 декабря 1791 г., но к этому времени Потемкина уже не было в живых. Тяжелая болезнь прервала его жизнь 5 октября всего на 55-м году.

«Россия лишилась в нем великого мужа, а Отечество потеряло сына, бессмертного по заслугам своим», – так откликнулся на эту

горестную весть генерал-фельдмаршал П.А. Румянцев. Екатерина II, искренно оплакивая потерю, писала: «По моему мнению, князь Потемкин был великий человек, который не выполнил и половины того, что в состоянии был сделать».

Светлейший князь Потемкин был похоронен в херсонском Екатерининском соборе. Через 45 лет уже в царствование Николая I в центре Херсона ему был поставлен памятник работы скульптора И.П. Мартоса: трехметровая бронзовая фигура полководца в латах, правая рука держит фельдмаршальский жезл, а левая опирается на меч. В 1921 г. памятник, однако, не вписался у местных большевиков в программу поддержки монументального искусства и был разрушен.

Гораздо более долговечными, неподвластными суете идеологий и политических режимов оказались поэтические памятники Потемкину. Каким преклонением перед великой исторической личностью исполнены строки, оставленные нам Г.Р. Державиным в «Водопаде»:

Се ты, отважнейший из смертных!
Парящий замыслами ум!
Не шел ты средь путей известных,
Но проложил их сам – и шум
Оставил по себе в потомки;
Се ты, о чудный вождь Потемкин!

Князь Александр Александрович Прозоровский (1733–1809)

Хотя наше время и екатерининскую эпоху разделяют двести с лишним лет, еще и сегодня случаются приятные открытия в историческом источниковедении. Имеется в виду недавний выход в свет «Записок генерал-фельдмаршала князя А.А. Прозоровского (1756–1776)», с изданием которых стало возможным уточнить многие детали жизненного и боевого пути Александра Александровича, невольно искаженные даже такими знатоками прошлого, как Д.Н. Бантыш-Каменский.

Так, родился Прозоровский, представитель княжеского рода потомков Рюрика, не в 1732 г., как считалось до последнего

времени, а на год позже. Образование получил домашнее, хотя справочные издания ошибочно сообщали, что он окончил Шляхетский сухопутный корпус. И записан был в лейб-гвардию не в Преображенский, а в Семеновский полк.

Обращает на себя внимание, как много общего оказалось в судьбах А.А. Прозоровского и А.В. Суворова, начинавших в одном полку. В один год их определили на службу, одновременно выпустили сержантами, правда, в разные воинские части. В Семилетнюю войну одним указом Елизаветы Петровны они были произведены в капитаны.

Огнем противника Александр Александрович, подобно многим другим военачальникам екатерининской эпохи, впервые испытан в Семилетнюю войну. Он участвовал во всех основных сражениях – при Грос-Егерсдорфе, Цорндорфе, Пальциге и Кунерсдорфе, в осаде Кюстрина, в занятии Берлина, не раз был ранен (*см. очерки о С.Ф. Апраксине, П.А. Румянцеве, З.Г. Чернышеве*).

Выше говорилось о похожести военных судеб двух Александров – Прозоровского и Суворова – до достижения ими штаб-офицерских чинов. Оба они воевали и против пруссаков, и против польских конфедератов (1768–1772). А вот генералом раньше на целых четыре года (в 1765 г.) стал Прозоровский.

И Суворов на начальном этапе русско-турецкой войны 1768–1774 гг. находился у него в подчинении. Правда, дружеских чувств друг другу полководцы не испытывали: по мнению современников, сказывалась определенная ревность к служебному росту друг друга.

В кампании 1769 г. генерал-майор Прозоровский командовал авангардом в корпусе генерал-аншефа А.М. Голицына и был удостоен ордена Св. Александра Невского. Главное его деяние – участие 22 июля в разгроме 20-тысячной армии крымского хана близ Хотина (*см. очерк о А.М. Голицыне*). В составе войск генерал-поручика И.К. Эльмпта он также участвовал в занятии Ясс и покорении Молдавии.

В кампании 1770 г. князь воевал в составе 2-й армии графа П.И. Панина. Во главе отряда донских казаков Прозоровский в пух и прах разгромил трехтысячный турецкий отряд под Очаковом, противник потерял около 2 тысяч человек, остальные сдались в плен. За это сражение 30 сентября 1770 г. полководец был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени.

В 1771 г. он совершил поход на Крымское ханство в составе той же 2-й армии (38 тысяч человек), но уже под командованием генерал-аншефа В.М. Долгорукого, сменившего П.И. Панина. В июне русские овладели укрепленной линией у Перекопа, которую

защищали 50 тысяч татар и 7 тысяч турок. Двинувшись затем в глубь полуострова, Долгорукий с 27-тысячной армией одержал победу при Кафе над 95-тысячной армией противника. Крымский хан бежал в Константинополь. Завоевателю Крыма императрица пожаловала орден Св. Георгия 1-й степени, а Прозоровскому тот же орден, но – 3-й степени.

В последние два года войны Александр Александрович участвовал в победоносных сражениях под Шумлой, Рущуком и Козлуджей. В 1773 г. он был возведен в чин генерал-поручика, а 10 июля 1775 г. в день празднования мира с Турцией награжден золотой шпагой с алмазами за участие в покорении Крыма.

Оставшись вместо убывшего князя Долгорукого командовать войсками на полуострове, Александр Александрович в 1777 г. подавил мятеж против возведенного Россией хана Шахин-Гирея. Наградой ему стал орден Св. Георгия 2-й степени.

С 1780 г. Прозоровский был орловским и курским генерал-губернатором, получил чин генерал-аншефа и в декабре 1783 г. вышел в отставку. Пребывая в сельской глуши, он в феврале 1790 г. неожиданно получил рескрипт Екатерины II о назначении московским генерал-губернатором и главнокомандующим в Москве. Он стал также сенатором и через непродолжительное время был удостоен высшей награды империи – ордена Св. Андрея Первозванного. Незадолго до своей кончины Екатерина изменила своей доброжелательности к князю и отправила его в отставку. Следуя своему правилу не отталкивать от себя заслуженных людей, она наградила Александра Александровича орденом Св. Владимира 1-й степени (который был учрежден специально для награждения за статскую службу и уступал по значимости лишь Андреевскому ордену), установила ему годовую пенсию в 12 тысяч рублей и сделала шефом Московского гренадерского полка.

Павел I, вступив на престол, назначил Прозоровского командиром Смоленской дивизии, переименовав его из генерал-аншефов в генералы от инфантерии. Однако всего через полтора месяца по ничтожному поводу отправил его в отставку и выслал в фамильную деревню. На службу князь возвратился уже при Александре I в декабре 1805 г. Ему шел восьмой десяток, но императора это, как видно, не смутило.

В 1806 г. ввиду растущей опасности со стороны наполеоновской Франции в России вспомнили об ополчении. Став во главе одного из ополченческих формирований, Прозоровский 30 августа 1807 г. получил чин генерал-фельдмаршала. В следующем году последовало еще одно высокое назначение – главнокомандующим армией в Молдавии, действовавшей против

турок. Рассказывают, что, находясь в походе, 74-летний фельдмаршал любил вспоминать свои былые победы. Частенько, чтобы потешить самолюбие, он приводил слова, когда-то сказанные А.В. Суворовым: «От Суворова до Прозоровского». Генералиссимус действительно произнес их, посылая курьеров узнать, как обстоят дела на пространстве от Анапы, где была его ставка, до Перекопа, у которого находился с войсками Александр Александрович, т. е. «от Суворова до Прозоровского».

Слабеющей рукой князь еще некоторое время управлял вверенными войсками, одержав несколько частных побед. 9 августа 1809 г. он умер в своем лагере близ Мачина – такой кончиной мог бы гордиться любой военачальник, чувствовавший свое призвание. В знак признательности к его многолетней службе Александр I повелел армии три дня носить траур.

Смысл всего своего существования, как это громко ни прозвучит, князь Прозоровский видел в служении Отечеству на ратном поприще. В 1770 г. он писал П.А. Румянцеву: «Я, милостивый государь, в жизни моей одну только дорогу имел к счастию в своей службе, если я ее, ваше сиятельство, потеряю, так, конечно, несчастливым себя почитать буду» [119] .

Граф Радец-Йозеф фон Радецкий (1766–1858)

Йозеф фон Радецкий прожил на белом свете 92 года – прямо скажем, редкий случай для полководца. Своей славой он обязан двум главным противникам: наполеоновской Франции, которая не раз посягала на могущество Австрийской империи, и Северной Италии, стремившейся сбросить гнет австрийской короны. В войнах с ними Радецкий и стал тем, кем ему было суждено остаться в истории.

Начальный боевой опыт он получил в австро-турецкой войне 1788–1790 гг. А вот с французской армией познакомился в ходе войны 1798–1801 гг., приняв участие в сражениях при Марего и

Гогенлиндене.

Происходя из известного аристократического рода и обладая обширными знакомствами, Радецкий быстро продвигался по службе. В 1809–1812 гг. и 1814–1829 гг. в генеральском чине он занимал пост начальника штаба австрийской армии. В войне против Наполеона 1813–1814 гг. был начальником штаба главнокомандующего союзными войсками, в качестве которого выступал его соотечественник фельдмаршал К. Шварценберг (*см. очерк о П.Х. Витгенштейне*). Его участие в «Битве народов» у Лейпцига 4–7 октября 1813 г. было отмечено Александром I орденом Св. Георгия 3-й степени.

После победы антинаполеоновской коалиции генерал-лейтенант Радецкий недолго командовал кавалерийским соединением, был комендантом крепости Ольмюц, после чего вернулся на пост начальника штаба императорской армии. В 1813 г. он вошел в состав государственного военного совета Австрийской империи и принимал активное участие в реорганизации армии.

Вся последующая жизнь Радецкого была связана с Северной Италией. С 1831 г. он, несмотря на преклонный возраст, был главнокомандующим австрийской армией в Ломбардо-Венецианском королевстве и генерал-губернатором (1849–1857). В этой должности он стяжал двойную славу: и как крупный военачальник, стратег, и как жестокий реакционер.

Во время австро-итальянской войны и национальной революции 1848–1849 гг. войска под командованием Радецкого разбили сардинцев при Кустоцце и Новаре. Война в поле переросла в подавление революции. В августе 1848 г. австрийцы захватили Милан, а в марте следующего, 1849 г., вновь разбили противника при Новаре. Эта победа предрешила победное для Австрийской империи завершение войны.

За взятие Милана Радецкому из Санкт-Петербурга в августе 1848 г. был препровожден орден Св. Георгия 1-й степени [120] . Невзирая на то, что австрийский военачальник никогда на русской военной службе не состоял, Николай I пожаловал ему чин российского генерал-фельдмаршала, демонстрируя тем самым верность идеалам «Священного союза» (*см. очерк об эрцгерцоге Альбрехте*). К этому времени Радецкий имел такой же чин и от своего императора, полученный еще в 1836 г. в год 70-летия.

Будучи генерал-губернатором Ломбардо-Венецианского королевства, он жестоко подавлял малейшие попытки итальянцев хотя бы уменьшить австрийский гнет. Скончался он в столице Ломбардии Милане. На исторической родине в Праге в год

смерти Радецкого был установлен памятник, ему, представителю чешского аристократического рода, положившему долгую жизнь за торжество австрийской короны.

Граф Алексей Григорьевич Разумовский (1709–1771)

Прогрохотав по Покровке, у знаменитой на всю Москву усадьбы остановилась богато украшенная, с гайдуками на запятках карета. Жителей соседних домов трудно было удивить пышностью экипажа, ибо хозяин усадьбы граф Алексей Разумовский и сам отличался блестящими выездами, а после устраиваемых им балов и охот долго гудели обе столицы. Правда, в последние годы все это стало забываться. После кончины Елизаветы Петровны граф покинул Санкт-Петербург и теперь, в царствование Екатерины II, вел не в пример былым годам уединенную жизнь в Москве.

Вот уже лет двадцать по России ходили слухи о тайном браке Елизаветы Петровны, особы венценосной, с Разумовским, человеком из простонародья. Такой брак зовется морганатическим, с его заключением ни сам Разумовский, ни его потомки не входили в династический круг и не получали права на престолонаследие. В то же время этот брак был совершен, хотя и в тайне от двора, священником, по церковному канону, и считался законным. Супруги никогда, ни единым словом не проговорились о нем, и потому слухи так и оставались слухами…

Мажордом объявил о прибытии высокого гостя из Петербурга – самого генерал-прокурора Сената князя Александра Алексеевича Вяземского. Уединившись с хозяином дома в кабинете, генерал-прокурор извлек из портфеля манифест императрицы и передал его Разумовскому. Из документа следовало, что Екатерина II, исправляя несправедливость по отношению к законному супругу покойной Елизаветы Петровны, официально признавала факт их брака и жаловала графа титулом императорского высочества.

Алексей Григорьевич был достаточно искушенным человеком, чтобы понять: этот манифест да еще через руки одного из доверенных лиц императрицы прислан неспроста. Хотя он давно оставил свет, ему было известно о любовной связи Екатерины Алексеевны с Григорием Орловым, а также о том, что братья Орловы настойчиво склоняли ее к браку с фаворитом. Такой исход был не в интересах Екатерины. Граф Н.И. Панин, обер-гофмейстер и воспитатель великого князя Павла Петровича, даже заявил ей: «Императрица русская вольна делать, что ей хочется, но госпожа Орлова царствовать не будет». Однако предприимчивые братья настаивали, при этом ссылаясь, как на прецедент, на брак Елизаветы Петровны с Разумовским.

Зная это, граф сразу понял, что именно ждет от него императрица. Из потайного ларца он извлек брачные документы, прочитал их собеседнику, после чего бросил бумаги в разожженный камин. А высокому визитеру спокойно сказал: «Я не был ничем более, как верным рабом ее величества, покойной императрицы Елизаветы Петровны, осыпавшей меня благодеяниями превыше заслуг моих… Теперь вы видите, что у меня нет никаких документов».

Следует оговориться, что историки расходятся во мнении, кто из эмиссаров Екатерины и где именно встречался с А.Г. Разумовским. Некоторые считают, что к тайному мужу покойной Елизаветы Петровны приезжал не князь Вяземский, а канцлер граф М.И. Воронцов, и что свидание их состоялось не Москве, а в Петербурге, в Аничковом дворце, в свое время подаренном

императрицей. Но главное, что сам факт такой встречи никогда никем не оспаривался, и это позволяет относиться к нему как достоверному.

Признательность Екатерины II проницательному Разумовскому не знала границ. Своим отказом от чести войти в историю законным супругом царствующей особы он ликвидировал неприятный для нее прецедент и тем самым позволил ей избежать неподходящего для нее брака с Григорием Орловым.

Узнав о том, как Алексей Григорьевич распорядился брачными документами, она заметила: «Мы друг друга понимаем. Тайного брака не существовало… Шепот о сем всегда был для меня неприятен. Почтенный старик предупредил меня, но я ожидала этого…» [121]

Среди московской старины прошли последние годы жизни Разумовского. Но он отнюдь не был стариком, как назвала его Екатерина. В момент визита к нему генерал-прокурора Вяземского ему шел 54-й год, возраст не такой уж большой. Но с кончиной в 1761 г. Елизаветы Петровны все, увы, осталось позади. А как все начиналось…

Алексей Григорьевич Розум родился в селе Лемеши Черниговской губернии в семье малороссийского казака и своим возвышением обязан слепому случаю. Полковник Федор Вишневский, объезжая Украину в поисках добрых певчих для придворного хора и посетив церковь соседнего с Лемешами села Чемары, обратил внимание на паренька с чудным голосом. В придворной певческой Алексей очень скоро сформировался в ладного молодого человека. По отзывам современников, высокий, стройный, несколько смуглый, с черными глазами и черными дугообразными бровями, Разумовский мог считаться одним из первых красавцев своего времени. Его заметила великая княжна Елизавета Петровна и пленилась им. Молодые люди были одногодками, им едва минуло по 22 года, поэтому свежесть их чувств так понятна.

Алексей получает более подходящую для двора фамилию Разумовский, его назначают управляющим имениями великой княжны, а затем и ее двором, возводят в камер-юнкеры. С восшествием Елизаветы Петровны на престол его положение укрепляется, разумеется, как никогда.

В первые же дни нового царствования Алексей Григорьевич сделался действительным камергером и поручиком лейб-кампании (что в армии соответствовало чину генерал-лейтенанта). В 1742 г. он был уже обер-егермейстером и кавалером орденов Св. Андрея Первозванного и Св. Александра

Невского. Императрица пожаловала своему фавориту несколько вотчин и дворцов в Петербурге и Москве, в том числе Аничков дворец и дом на Покровке в старой столице. А в ноябре 1742 г., по некоторым сведениям, в селе Перово под Москвой она повенчалась с Разумовским.

Новые награды не заставили себя ждать. В 1744 г. в ознаменование заключения мирного договора со Швецией Алексею Григорьевичу (как и его родному брату Кириллу Григорьевичу) был пожалован графский титул. Он стал капитан-поручиком лейб-кампании (что соответствовало чину полного генерала) и подполковником лейб-гвардии Конного полка. С сентября 1756 г. он – в чине генерал-фельдмаршала, хотя на практической военной службе не состоял, войсками никогда не командовал.

При всем при том Разумовский, обладая неограниченными возможностями, никогда не претендовал на какую-либо роль в управлении государством, хотя использовать его в своих карьерных и иных целях стремились министры и генералы, иностранные послы и царедворцы. Получалось это у них плохо: фаворит никаких служебных дел, никакого покровительства, которое могло бы оказать влияние на политику государства, на себя не брал.

Современники отмечали в графе похвальное прямодушие и доброту: «Придворный лоск плохо к нему приставал: он был все тем же простым, наивным, несколько хитрым, насмешливым, но крайне добродушным хохлом, без памяти любившим и свою Украину, и своих родственников» [122] . С его легкой руки над дворцом витали запахи наваристого украинского борща с чесноком и пампушками, звучали звуки бандуры, а дворцовые залы сотрясались от гопака.

Пожалуй, единственным государственным решением, которое он, говоря современным языком, лоббировал перед императрицей, было восстановление гетманства на «рідной» Малороссии. Не сразу, лишь к 1750 г., но Елизавета пошла на этот важный шаг. Гетманом стал младший брат ее морганатического супруга – Кирилл (*см. очерк о К.Г. Разумовском*).

Алексей Григорьевич сумел сохранить свое положение при Елизавете Петровне до самой ее кончины, хотя у императрицы и появились новые фавориты. Как видно, с годами Елизавета стала все больше сознавать правоту поговорки: старый друг – лучше новых двух, и Разумовский по-прежнему оставался для нее наиболее доверенным человеком.

«…Секрет этой искренней, вызывающей зависть и ненависть

любви был не только в плотской страсти императрицы к статному красавцу, но и в несокрушимой надежности, верности и доброте, – считает современный историк Е.В. Анисимов. – В придворном мире, среди интриг и ненависти, Разумовский выделялся тем, что, обладая невероятными возможностями фаворита властительницы империи, никогда ни в чем не посягнул на власть государыни, не позволил заподозрить себя ни в каких интригах против нее. Всю свою благополучную – через край – жизнь он помнил, кто он, откуда и в чем секрет его счастья. Он знал людям и себе самому истинную цену и не раз, с присущим его народу мягким юмором, шутил над той волшебной историей, которая в январе 1731 г. началась в селе Чемары» [123] .

Их отношения заставляют вспомнить о другом дуэте – Екатерины и Потемкина с той лишь разницей, что Потемкин был не только любимый мужчина, надежный друг императрицы, но и крупнейший государственный деятель.

Разумовский пережил Елизавету Петровну на 10 лет, и все эти годы, удалившись от двора в Москву, благоговел перед памятью о своей венценосной супруге. А умер граф в Петербурге и погребен в Александро-Невской лавре.

Граф Кирилл Григорьевич Разумовский (1728–1803)

Своим бурным возвышением Кирилл Григорьевич обязан старшему брату Алексею Григорьевичу, фавориту и морганатическому супругу императрицы Елизаветы Петровны (*см. очерк о А.Г. Разумовском*). Ему было лишь 14 лет, когда после успешного дворцового переворота в пользу Елизаветы он вместе с матерью и сестрами был вызван из Малороссии в Петербург. Всесильный брат, который сам успел овладеть лишь грамотой, направил Кирилла для получения основательного образования за границу.

Два года учился молодой граф (оба брата были пожалованы

таким титулом в июне 1744 г.) в Кенигсберге, Берлине и Страсбурге. Он смог достичь заметных успехов, особенно преуспев в знании иностранных языков, истории и географии, а также придворного этикета. И кто бы взялся осуждать юного школяра, когда вернувшись в Россию, он с увлечением отдался развлечениям и многочисленным празднествам, устраиваемым при дворе. По воспоминаниям Екатерины II, «он был хорош собой, оригинального ума, очень приятен в обращении и умом несравненно превосходил своего брата, который также был красавец» [124] .

21 мая 1746 г. «в рассуждении усмотренной в нем особливой способности и приобретенного в науках искусства» 18-летний Кирилл Разумовский стал президентом Петербургской Академии наук. Он был произведен в камергеры и стал кавалером ордена Св. Александра Невского, а через два года – сенатором.

Дела в Академии наук, раздираемой распрями между академиками и профессорами, немцами и русскими, оставляли желать лучшего. Вероятно, в силу возраста и недостаточного жизненного опыта новому президенту не удалось добиться в ней кардинальных перемен. Да и тяга к светским удовольствиям часто преобладала. Тем не менее, отдадим ему справедливость: Разумовский, руководя академией, оказывал покровительство М.В. Ломоносову и в его лице национальному направлению в развитии научных исследований. Любопытно, что он просидел в кресле президента полвека и оказался совсем не худшим из руководителей российской науки.

В октябре того же 1746 г. Елизавета Петровна выдала за графа Кирилла Григорьевича свою троюродную сестру фрейлину Екатерину Ивановну Нарышкину. В приданое Разумовский получил больше 40 тысяч душ крестьян, подмосковные поместья Петровское-Семчино (ныне Петровско-Разумовский район Москвы) и Троицкое-Лыково, несколько домов в столице.

Его, в отличие от старшего брата, императрица стала привлекать и к административной деятельности по управлению отдельными территориями страны. В 1750 г. Разумовский-младший получил должность гетмана Малороссии и занимал ее до 1764 г. Историки считают, что его деятельность на этом поприще была небесполезной. Да, он любил пожить в Глухове и Батурине этаким царьком, но не стеснялся, например, демонстрировать своим не в меру кичливым сыновьям потрепанную свитку, в которой в юности пас волов.

В Малороссии он осуществил судебную, административную и военную реформы, добился для запорожских казаков прибавки жалованья, заботился о развитии образования и даже вынашивал

мечту устроить в Батурине университет. В начале 1752 г. Разумовский-младший получил орден Св. Андрея Первозванного, что свидетельствовало об удовлетворении императрицы от сделанного гетманом на его поприще.

Надо отдать должное Кириллу Григорьевичу: «он не обольщался своим чином и… считал себя гетманом марионеточным, а последним настоящим гетманом называл Ивана Степановича Мазепу» [125] . Но со временем его, что называется, занесло. За поддержку Екатерины II, оказанную в ходе переворота 28 июня 1762 г., он попросил сделать пост гетмана наследственным и передать их фамилии. К этому необдуманному шагу его подтолкнул Г.Н. Теплов, который был воспитателем юного Разумовского и сохранил влияние на воспитанника и в зрелости. Современники характеризовали его как человека двуличного, ловкого, который умело перехватил у Кирилла Григорьевича бразды правления и был лично заинтересован в преемственности гетманского достоинства. Когда же императрица дала понять, что не в восторге от этой идеи, Разумовский в ноябре 1764 г. подал прошение об отставке. Она была принята, а вскоре императрица и вовсе упразднила гетманство, передав власть на Украине П.А. Румянцеву (*см. очерк о П.А. Румянцеве*).

Натура графа, однако, осталась неизменной. Несмотря на воспитание и придворную жизнь, в своих привычках он, подобно старшему брату, до конца дней оставался «хохлом». По его собственному признанию, стоило ему услышать знакомые с детства звуки бандуры, как ноги сами просились в пляс.

Размолвка с Екатериной II носила временный характер. Да иначе и быть не могло: Кирилл Григорьевич сыграл активную роль в перевороте 1762 г., командуя Измайловским полком, и на всем протяжении ее долгого правления ревностно поддерживал императрицу. Была здесь и личная нотка: как вспоминала Екатерина, Разумовский в свое время был в нее влюблен. Их примирение было закреплено чином генерал-фельдмаршала, который был пожалован графу 10 ноября 1764 г. Увольнение же с поста гетмана сопровождалось ежегодной пенсией в 60 тысяч рублей.

Несколько лет Кирилл Григорьевич провел за границей. А когда в 1771 г. овдовел, то окончательно покинул Петербург и стал жить в Батурине. До конца его дней рядом с ним была его любимая племянница графиня С.О. Апраксина. В Батурине уже при императоре Александре I граф Разумовский и оставил этот мир.

О нем, как о всякой колоритной личности, сохранилось

немало историй, характеризующих его доброту и доступность, щедрость и грубоватую прямоту. В 1776 г. граф Григорий Орлов, давно переживший роман с Екатериной II, по страстной любви женился на своей двоюродной сестре Е.Н. Зиновьевой. Это было вопреки закону и традиции, запрещавшим брак между родственниками. «Дело» рассматривал совет императрицы, и поскольку бывший царский фаворит к тому времени лишился прежней монаршей милости, то пристрастные члены совета отнеслись к нему без снисхождения. Было решено супругов развести и обоих заключить в монастырь.

К.Г. Разумовский посчитал необходимым вмешаться:

– Для решения этого дела недостает выписки из постановления о кулачных боях, – с иронией заметил он.

Его собеседники изумились: при чем здесь кулачные бои?

– Там, – продолжал граф, – сказано, между прочим, лежачего не бить; а как подсудимый не имеет более прежней силы и власти, то стыдно нам нападать на него [126] .

В другом случае он «нестандартно» повел себя за обедом у Екатерины II. Когда она предложила тост за здоровье честных людей, все подобострастно поддержали императрицу. Все, кроме графа. На вопрос Екатерины, почему он так недоброжелателен к честным людям, Разумовский, знавший алчность и корыстолюбие многих из сидевших за столом, отвечал: «Боюсь, мор будет».

Граф Кирилл Григорьевич оставил большое потомство – одиннадцать детей и всем дал прекрасное образование. Двое из шести его сыновей стали гордостью российской науки: Григорий Кириллович – ученый-минералог и Алексей Кириллович – ботаник, прозванный русским Линнеем. Министр народного просвещения при Александре I, попечитель Московского университета, Алексей Кириллович лично участвовал в учреждении знаменитого Царскосельского лицея, в чем выразилась еще одна заслуга фамилии Разумовских перед Отечеством.

Князь Аникита Иванович Репнин (1668–1726)

Корволант русских войск настиг 16-тысячный корпус генерала Левенгаупта 28 сентября 1708 г. у деревни Лесной. Шведов оказалось больше, и Петр I был крайне озабочен. Когда он проходил вдоль воинского строя, осмелился подать голос – неслыханное дело – рядовой солдат:

– Государь, изволь дать повеление, чтобы находящиеся за регулярной пехотой казаки и калмыки кололи всех, кто станет пятиться.

– Товарищ, – как свидетельствует предание, отвечал на это царь, – я от тебя первого слышу такой совет и чувствую, что мы не

проиграем баталии.

И в самом деле: победа предпочла в тот день русских. От корпуса Левенгаупта осталось не более 6–7 тысяч деморализованных солдат. «Сия… победа, – радостно писал Петр, – может первая назваться, понеже над регулярным войском никогда такой не бывало…» Не забыл он и солдата, подавшего ему перед сражением мужественный совет. Тем более что был то не обычный солдат, а генерал Аникита Репнин, незадолго до этого разжалованный за поражение у села Головчина 3 июля.

Тогда под ударами неприятеля, двигавшегося в направлении Смоленска, дивизия Репнина отступила, оставив шведам десять пушек. Генерал был отдан под суд. Об этих событиях историк Д.Н. Бантыш-Каменский писал, что Репнин «пострадал в 1708 г. невинно, по оговору Меншикова, ибо при Головчине дивизия его, на которую внезапно напал Карл XII, была ослаблена разными откомандировками отрядов; Репнин не получил никакого подкрепления от своих и со всем тем, остановя бежавших, защищался отчаянно, нанес чувствительный вред шведам» [127] . Тем не менее, приговор, вынесенный опять-таки под председательством Меншикова, гласил: провинившийся «достоин быть жития лишен».

Личная храбрость, проявленная Аникитой Ивановичем на поле боя, побудила царя к снисхождению: казнь заменили разжалованием в солдаты и возмещением стоимости потерянных пушек и обозов из собственных средств. Вскоре отличившийся при Лесной (и не только своевременным советом) Репнин был восстановлен в чине и должности (*см. очерк о М.М. Голицыне*).

Историк Н.И. Павленко не без оснований называет Репнина военачальником второго эшелона. И в самом деле, за ним не числились такие громкие самостоятельные победы, какими могли похвастаться А.Д. Меншиков или Б.П. Шереметев. Человек лично храбрый, он на протяжении многих лет честно правил службу, став в строй еще в 1685 г. при учреждении молодым Петром I потешной роты. Потомок легендарного Рюрика, он был стольником и неразлучным товарищем царя. Уже в 1698 г. стал генералом. Ходил с Петром под Азов, воевал в Лифляндии, участвовал во взятии шведских крепостей Нотебург (1702) и Ниеншанц (1703).

Под Нарвой 8 июня 1704 г. при активном участии Репнина русские подтвердили великое значение военной хитрости. Узнав о приближении к крепости отряда Шлиппенбаха, они, переодев два полка в шведские мундиры, устроили между собой мнимое сражение. Отряд под предводительством Меншикова и Репнина напал на «противника», которым командовал сам Петр.

Комендант Нарвы Горн выслал на помощь «своим» немалые силы, чтобы они ударили по противнику с тыла. Выманенные из крепости шведы пали жертвой остроумной придумки русских. Через два месяца Нарва была взята.

Аникита Иванович в сражениях проявлял храбрость, настойчивость и разум, был «отважен без задору, но готовым, если надо для великого дела, и умереть, не пятясь».

Из-под Нарвы 10-тысячный корпус Репнина был отправлен царем к польской границе на помощь королю Августу II. Но чтобы не таскать для этого, не слишком надежного союзника, каштаны из огня в одиночку, полководцу предписывалось руководствоваться следующими указаниями: «Первое, чтобы не зело далеко зайтить, второе, что если захочет король дать генеральный бой со всем войском шведским, на то не поступай и скажи, что именно того делать тебе не велено».

В сентябре 1705 г. армия (25 тысяч русских, в основном пехотинцев, и 10 тысяч союзников – саксонцев, главным образом конница), переданная Петром под начало Августу II, расположилась на зимних квартирах в Гродно. А в декабре Карл XII выдвинул сюда 20 тысяч человек отборного войска. Он надеялся принудить русских выйти из лагеря и принять бой в чистом поле, что почти наверняка означало их поражение. В середине января шведы установили блокаду Гродно. Ситуацию резко обострил уход короля Августа, забравшего с собой не только всех саксонцев, но и четыре русских драгунских полка. Из-за отсутствия конницы невозможно было проводить фуражировок, гарнизон охватили жестокие лишения – голод, болезни, от которых за зиму погибли около 8 тысяч человек.

Формально командование армией было возложено на генерал-фельдмаршала-лейтенанта Г. Огильви, принятого на русскую службу. Но фактически его осуществлял генерал Репнин.

Тогда-то и проявились трезвый разум Аникиты Ивановича вкупе со стойкостью. Получив приказ Петра I любой ценой продержаться до весны, а после вскрытия Немана скрытно перейти на левый берег и отступить на Брест, он 75 дней готовил войска к спасительному маневру. Усыпив бдительность шведов, Репнин, пользуясь отдаленностью шведских линий, 30 марта организовал скрытную переправу войск через Неман, после чего сжег за собой мост. Быстрыми маршами русские отошли за болота к Бресту. При этом они эвакуировали не только всех раненых и больных, но и не оставили врагу ни артиллерии, ни обозов. Шведский король, не имея моста, смог переправиться через Неман лишь через три дня и догнать русских не смог.

А.А. Керсновский называл вывод армии из Гродно шедевром

военного искусства. Что касается Аникиты Ивановича, то, по мнению историка, «его заслуги не были оценены надлежащим образом, а между тем ему обязана русская армия своим спасением из гродненской мышеловки» [128] .

А потом произошло то злосчастное сражение при Головчине, когда дивизия Репнина была опрокинута шведами, что заставило отступить всю армию. При выяснении причин поражения генерал, в одночасье ставший рядовым солдатом, зная, как велик гнев Петра, тем не менее, не поступился честью и всю вину взял на себя. Ему претило искать «стрелочников» среди подчиненных.

После Головчина и Лесной боевой путь Аникиты Ивановича пролег через Полтавское сражение. Там он командовал центром армии из 12 пехотных полков, отличился мужеством и стойкостью. Историкам неизвестны подробности того, как конкретно действовал Репнин. Но сам за себя говорит факт его награждения по итогам Полтавской баталии высшим в России орденом Св. Андрея Первозванного. От Полтавы он был направлен во главе дивизии в Лифляндию, участвовал в блокаде Риги. 4 июля 1711 г. Аникита Иванович первым вошел в отбитый у шведов город, в ознаменование чего Петр I назначил его рижским генерал-губернатором.

Репнин участвовал в неудачном для россиян Прутском походе 1711 г. против турок, командуя авангардом. Когда русская армия попала в неприятельское кольцо, и военный совет обсуждал, что делать, он без колебаний присоединился к мнению о том, что лучше умереть, пробивая дорогу через кольцо турок штыками, нежели положить перед ними оружие.

Верную и самоотверженную службу Репнина умел оценить Петр Великий. В начале 1724 г. Аникита Иванович был назначен вместо А.Д. Меншикова президентом Военной коллегии и в том же году 7 мая, в день коронования Екатерины I, возведен в чин генерал-фельдмаршала.

После кончины Петра Великого он был в числе тех сановников, которые отстаивали право на занятие престола не вдовы покойного, а его внука и тезки – будущего императора Петра II (*см. очерк о А.Д. Меншикове*). Когда под окнами дворца, в котором придворные обсуждали вопрос о преемнике Петра I, зазвучали барабаны, а в зал заседания вошли гвардейские офицеры, Аникита Иванович возмущенно спросил: кто позволил привести полки? В ответ услышал от гвардейского подполковника: «Я велел им придти сюда по воле императрицы, которой всякий подданный должен повиноваться, не исключая тебя» – и не нашел, что возразить. Как, впрочем, и другие сторонники малолетнего Петра [129] .

Он чурался всякого рода придворных интриг, чему во многом способствовало его положение провинциального губернатора в Риге. Там он и скончался в 1726 г. на 58-м году жизни.

Фамилия Репнина на этом не перестала звучать в победных реляциях с полей сражений. Внук Аникиты Ивановича – Николай Васильевич, при Екатерине II был удостоен фельдмаршальского чина. С какой же ответственностью должны были хранить честь своей фамилии потомки двух российских фельдмаршалов – Аникиты Ивановича и Николая Васильевича!

Князь Николай Васильевич Репнин (1734–1801)

Николай Васильевич стал вторым генерал-фельдмаршалом в роду Репниных, приходясь внуком петровскому полководцу, герою Лесной и Полтавы Аниките Ивановичу Репнину (*см. очерк о А.И. Репнине*). Так случилось, что потомков по мужской линии у Н.В. Репнина к моменту его кончины не оказалось. Тогда Александр I принял весьма неординарное решение. «В ознаменование отличного нашего уважения к воинским и гражданским подвигам покойного генерал-фельдмаршала князя Репнина… и в свидетельство, что истинные заслуги никогда не умирают, но, живя в признательности всеобщей, переходят из

рода в род», император разрешил родному внуку Николая Васильевича, полковнику Николаю Волконскому, принять фамилию и титул деда и передать их потомству. Таким образом, «род князей Репниных, столь славно Отечеству послуживших, с кончиной последнего в оном не угаснет, но, обновясь, пребудет навсегда… в незабвенной памяти российского дворянства» [130] .

Князь Н.В. Репнин начал военную службу в лейб-гвардии Преображенском полку. Участвуя в Семилетней войне против Пруссии, отличился в сражении при Грос-Егерсдорфе, при занятии Кенигсберга. В 1760 г. в составе корпуса З.Г. Чернышева участвовал в занятии Берлина (*см. очерки о С.Ф. Апраксине и З.Г. Чернышеве*). По окончании войны с Пруссией Репнин получил чин генерал-майора. Было ему в это время всего 28 лет.

Так сложился его жизненный путь, что участие в войнах все время перемежалось с выполнением дипломатической миссии. Едва закончилась Семилетняя война, как император Петр III направил князя послом в Берлин, ко двору своего кумира Фридриха II. Вступившей на престол Екатерине II Репнин понадобился уже в качестве ее полномочного представителя в Польше. Чтобы не допустить возведения на польский престол курфюрста Саксонии – ставленника Австрии и Франции, Россия поддержала кандидатуру бывшего фаворита Екатерины II Станислава Понятовского. В 1767 г. он и стал королем благодаря русским штыкам. После этого Екатерина и прусский король Фридрих II потребовали от польского правительства заключения договора, который обеспечивал бы свободу вероисповедания и равные гражданские права и католическому, и православному населению Речи Посполитой. Шовинистически настроенный сейм выступил против. Тогда русский посол арестовал главарей оппозиции и выслал их в Калугу. Сейм вынужден был согласиться на договор, в соответствии с которым Польша принимала покровительство России; Петербург же гарантировал сохранение политического устройства, существующего в Речи Посполитой.

За успехи в польских делах императрица наградила Репнина орденом Св. Александра Невского и произвела в генерал-поручики.

Однако почти сразу же проблема обострилась вновь. Шовинистически настроенные аристократы ушли в оппозицию и в феврале 1768 г. в городе Бар (Подолия) образовали свой орган власти – конфедерацию. Последняя объявила сейм низложенным и подняла восстание «за веру и свободу», добиваясь низложения Понятовского и лишения диссидентов только что полученных ими прав. Король запросил военной помощи у Екатерины.

Понимая невозможность продолжать борьбу собственными

силами, конфедераты, в свою очередь, обратились за поддержкой к Франции. Ей было невыгодно возрастание роли России в Польше, поэтому Версаль уже осенью того же 1768 г. склонил к войне своего союзника – Османскую Порту.

Репнин был отозван в действующую армию. В составе 1-й армии он принял участие в блокаде и взятии Хотина (*см. очерк о А.М. Голицыне*). В 1769 г. генерал возглавил отдельный корпус в Молдавии и Валахии. Здесь он успешно воспрепятствовал переправе через Прут турецкой армии. Но особенно удачной стала для него кампания 1770 г., в которой он действовал под началом П.А. Румянцева. Весной ему пришлось взять на себя командование Молдавским корпусом, значительная часть которого погибла от чумы. Николай Васильевич собрал остатки корпуса и у Рябой Могилы на реке Прут стойко отбивал атаки татарской орды Каплан-Гирея. Главные силы русской армии подошли сюда к 17 июня, Румянцев отбросил татар на восток, в Бессарабию.

Хан занял сильную позицию на реке Ларга, вскоре к нему присоединились главные силы турецкого визиря. Репнин участвовал в сражении (7 июля), завершившемся разгромом турецко-татарского войска. Новое сражение у речки Кагул 21 июля завершилась еще более грандиозной победой русских (*см. очерк о П.А. Румянцеве*). «За пример мужества, служивший подчиненным к преодолению трудностей, к неустрашимости и одержанию победы» князь Репнин был награжден орденом Св. Георгия 2-й степени.

В кампанию 1771 г. главнокомандующий русской армией граф Румянцев поставил в вину Репнину, как командующему войсками, дислоцированными в Валахии, занятие турками крепости Журжа. Несмотря на возможность успешной обороны, ее без приказа сдал противнику комендант крепости. Обиженный военачальник с соизволения императрицы убыл из армии. На театре военных действий он появился вновь лишь в 1774 г. и участвовал во взятии Силистрии.

Николай Васильевич имел прямое отношение к заключению Кючук-Кайнарджийского мирного договора, венчавшего эту войну. Именно ему было доверено вести переговоры с уполномоченными султана. Дело завершилось за шесть дней. Но ради объективности следует сказать, что это объяснялось не столько личными способностями Репнина (хотя их никто и не умаляет), сколько успехами русского оружия и тем, что статьи договора были загодя проработаны и согласованы с другой договаривающейся стороной выдающимся екатерининским дипломатом А.М. Обресковым. Его П.А. Румянцев, хорошо

знавший обстановку, называл истинным «строителем русско-турецкого мира». По иронии судьбы Обресков из-за разлива Дуная опоздал с прибытием в Кючук-Кайнарджи на один день, и свою подпись под текстом договора 10 июля 1774 г. поставил Репнин [131] .

Россия получила выход в Черное море и средиземноморские проливы, к ней на территории Крыма перешли крепости Керчь и Еникале, запиравшие вход в Азовское море, и крепость Кинбурн в устье Днепра. Границы Российской империи раздвинулись на юго-восток до Кубани и на юго-запад до Южного Днестра. Крым стал политически независим от Османской империи, что приближало установление здесь российского владычества. Обязательство Порты обеспечить свободу вероисповедания христианской религии подданным Османской империи российское правительство толковало расширительно и добивалось для православных не только религиозного, но и политического покровительства. Учитывая, что православие исповедывали многие народы Балкан, тем самым создавались благоприятные условия для проникновения России на полуостров.

Правда, чтобы добиться выполнения этих условий, позднее потребовались еще одна русско-турецкая война 1787–1791 гг., усилия российской дипломатии, в том числе Н.В. Репнина, и Ясский мир.

Из Кючук-Кайнарджи в Петербург с известием об успешном окончании войны Румянцев послал Репнина и своего сына Михаила. Оба были награждены за добрые вести. Николай Васильевич стал генерал-аншефом и подполковником лейб-гвардии Измайловского полка. Он был назначен послом в Константинополь, а в 1776 г. – смоленским и орловским генерал-губернатором.

Но его гражданская служба длилась недолго. Уже через два года вновь был востребован его военный и дипломатический дар. Во главе 30-тысячного корпуса Репнин был направлен в Германию: Россия планировала вмешаться в войну за баварское наследство между Австрией, с одной стороны, и Пруссией с Саксонией – с другой. Репнину удалось склонить Австрию к Тешенскому миру, за что Екатерина II наградила его орденом Св. Андрея Первозванного.

Отказавшиеся выполнять положения Кючук-Кайнарджийского договора турки в 1787 г. пошли на новую войну с Россией. В ходе нее генерал-аншеф Репнин получил возможность возглавить все русские войска на театре военных действий вместо Г.А. Потемкина, который в феврале 1791 г. убыл в Санкт-Петербург.

Получив в мае ордер Потемкина о переходе к решительным

действиям, Репнин действовал безотлагательно. Узнав, что в районе Мачина сосредоточены до 30 тысяч турок, а еще 80 тысяч во главе с верховным визирем Юсуф-пашой движутся к ним на соединение от Гирсова, он смог упредить врага. Его армия переправилась через Дунай под Галацем (напротив Мачина) и 28 июня на рассвете атаковала турок. Русских было около 30 тысяч человек, турок – 80 тысяч (визирь к бою не поспел).

Несмотря на значительное преимущество, турецкая армия была разгромлена и обратились в паническое бегство к Гирсову. Урон неприятеля составил более 4 тысяч человек, многие попали в плен, включая двухбунчужного пашу. Русские потери не превышали 600 человек.

Победа была столь впечатляюща, что уже на следующий день к Репнину прибыли турецкие представители с предложениями о мире. 31 июля в Галаце были подписаны предварительные (прелиминарные) условия мира. Подтверждались условия Кючук-Кайнарджийского мирного договора, граница между государствами была определена по реке Днестр, земли, лежащие между Бугом и Днестром, закреплены за Россией.

Победу при Мачине Екатерина оценила по достоинству, удостоив Репнина ордена Св. Георгия 1-й степени. Это был всего девятый случай награждения высшим военным орденом Российской империи, причем Николай Васильевич стал последним из полководцев, пожалованных в XVIII в. высшей степенью ордена.

Но вот торопливостью военачальника при заключении прелиминарных условий договора императрица была недовольна, поскольку Россия не получила всего, на что могла рассчитывать. Стоило немного затянуть подписание, и османы сразу стали бы сговорчивее. Это зримо показала их реакция на результаты морского сражения у мыса Калиакрия, в котором 31 июля Ф.Ф. Ушаков разбил Капудан-пашу. После этого возникла непосредственная угроза Константинополю, в Османской Порте распространились панические слухи о том, что грозный Ушак-паша намерен штурмовать укрепления Босфора.

«Князь Репнин или по слабости своей, а более еще по незнанию прямых высочайших намерений столь странно вел сию негоциацию, что дал им (туркам. – *Ю.Р* .) повод во всяком пункте чего-нибудь для себя требовать», – писал будущий канцлер А.А. Безбородко, которому пришлось завершать переговоры, начатые новоиспеченным Георгиевским кавалером.

Торопливость Репнина осудил и прибывший в Галац Потемкин, запоздавший с возвращением из Петербурга всего на несколько дней (*см. очерк о Г.А. Потемкине*). Резкие упреки в

свой адрес Николай Васильевич посчитал несправедливыми и заявил главнокомандующему: «Я исполнил долг свой и готов дать ответ государыне и Отечеству».

Кое-кто из историков и по сей день готов видеть в действиях Потемкина корыстное и потому недостойное стремление присвоить себе славу, завоеванную его подчиненным при Мачине. Но, пожалуй, такое объяснение было бы слишком простым. Не все здесь так однозначно.

В.С. Лопатиным высказана заслуживающая серьезного внимания мысль о том, что за конфликтом двух военачальников стояла большая политика. Николай Васильевич был самым видным представителем партии наследника престола Павла Петровича. Активную связь поддерживал он с берлинскими масонами (недаром в своем кругу Потемкин называл его «маленьким доктором Мартином»).

В связи с этим спешность князя Репнина диктовалась стремлением не только побыстрее завершить войну, но и до возвращения на юг Потемкина приобрести лавры миротворца. Это был бы большой выигрыш и для его личной карьеры, и для успеха партии наследника престола. И – одновременно – проигрыш для Екатерины, что Потемкин понимал лучше многих других.

Что касается зависти к успехам других, то – из песни слова не выбросишь – она была скорее знакома самому Репнину. Так, став командующим войсками в Польше, в 1794 г. он всячески препятствовал назначению А.В. Суворова руководителем борьбы с польскими повстанцами. Причина: он боялся – и не без основания, – что покоритель Измаила прирастит здесь свою ратную славу.

До Суворова дошли слова, сказанные Репниным Потемкину в феврале 1771 г., когда Григорий Александрович отъезжал в Петербург и решал, на кого оставить армию: «Оставляете Суворова: поведет армию в Царьград или сгубит! Вы увидите». Тогда Потемкин предпочел не только послушать Репнина, но и оставить за себя его, а не будущего генералиссимуса, о чем позднее, как пить дать, пожалел.

По обоснованному мнению Александра Васильевича, Репнин и после кончины Потемкина своими интригами оттер его от командования армией на юге, которая была передана под начало генерал-аншефа М.В. Каховского.

«Крайне берегись Репнина, – наставлял Суворов одного из своих корреспондентов Д.И. Хвостова еще в феврале 1792 г. – Для Репнина должно быть в бессменном карауле… Только я ему истинное противостояние». А в письме от 1 июня того же года развивал характеристику «гугнивого фагота» (так Александр

Васильевич презрительно называл Репнина за его гнусавый голос): «Никто как сей последний, как я по страсти первым солдатом, не хочет быть первым министром. И ни у кого так на то талант всех: 1. стравить, 2. порицать, 3. унизить и стоптать. Тверд и долготерпив, не оставит плана до кончины, низок и высок в свое время, но отвратительно повелителен и без малейшей приятности» [132] .

Может, в Суворове говорила та же ревность? Может, он преувеличивал степень влияния своего недруга при дворе? Факты показывают, что нет, не преувеличивал. Как пишет В.С. Лопатин, «сама императрица опасалась Репнина – ведущей фигуры партии наследника престола. Она помнила заговор 1776 г. и не забывала об участии в нем Репнина – племянника братьев Паниных». Тогда группа аристократов во главе с братьями Н.П. и П.И. Паниными составила заговор с целью возвести на престол Павла, свергнув Екатерину II. План заговорщиков рассыпался из-за того, что императрице стало своевременно известно о нем. Опорой в сохранении ею власти, в первую очередь, стал Г.А. Потемкин, которого на посту фактического главы Военной коллегии Никита Панин планировал заменить на своего племянника Репнина. Спешно вызванный в Петербург, Николай Васильевич принужден был вернуться в Смоленск, где он был генерал-губернатором.

Но не только дела давно минувших дней, а и свежие события заставляли императрицу держать ухо востро. Осенью 1790 г. в обстановке острейшего политического кризиса, спровоцированного берлинским двором, в политике которого ведущую роль играли масоны, Екатерина обратила пристальное внимание на московский кружок масонов. Московские розенкрейцеры, руководимые Н.И. Новиковым (которого, к слову, советская историография рисовала лишь как просветителя, гонимого правящим режимом), были тесно связаны с берлинскими братьями, с наследником престола и тем самым своими действиями угрожали стабильности екатерининского режима.

Из доклада генерал-прокурора А.Н. Самойлова императрица узнала о принятии в масонский орден «князя Николая Репнина, полного генерала Российской службы», как он сам отрекомендовался в прошении «предстоятелям сего Ордена» (документ сохранился). Это свидетельствовало о влиятельности масонской сети в России, что заставило Екатерину начать следствие. Без достаточных улик она не могла тронуть влиятельных закулисных столпов московских розенкрейцеров, вроде Репнина, это означало бы публичное признание существования сильной оппозиции. Политически это было

невыгодно, поэтому аресту подвергся лишь Новиков. С более сановными масонами поступили либеральнее: кто-то покинул Москву и перебрался до лучших времен в собственные деревни, а Н.В. Репнин получил пост эстляндского и лифляндского генерал-губернатора. На этом посту князь встретил кончину Екатерины.

При Павле I вначале он был в фаворе, получив в ноябре 1796 г. чин генерал-фельдмаршала, но затем неожиданно впал в немилость. Опалу сносил, удалившись в Москву. А узнав о насильственном устранении императора с трона, с негодованием отозвался о перевороте.

В силу приведенных выше фактов мы критически воспринимаем восторги, которые источал по поводу своего героя Д.Н. Бантыш-Каменский: «Князь Николай Васильевич Репнин был одним из тех великих мужей, истинных героев, любителей высочайшей добродетели, которых деяния читают в истории с восторгом удивления и коих величию не понимающие совершенства добродетели, не имеют силы верить» [133] .

А что же внук Николая Васильевича, наследовавший титул и фамилию Репниных? Князь Николай Григорьевич Репнин-Волконский стал крупным сановником – членом Государственного совета, генерал-адъютантом, генерал-губернатором Малороссии. Имел сына и трех дочерей. То есть род Репниных продолжился.

Граф Петр Александрович Румянцев-Задунайский (1725–1796)

По преданию, он был внебрачным сыном Петра I. Царь, устроивший свадьбу своего денщика Александра Ивановича Румянцева, будущего генерал-аншефа, со своей же легкомысленной любовницей графиней Марией Андреевной Матвеевой, и после этого брака выказывал к ней большое расположение.

Так или иначе, но Петр Александрович и впрямь походил на первого русского императора как статью, так и многими личными качествами. Они оба отличались талантами правителя и полководца, личной храбростью и жаждой познания. Подобно

Петру, Румянцев, отдавая должное иноземному военному искусству, сумел внести в него много своего, незаемного. Очень похожи были они и страстью к кутежам и бесчинствам, оба отдаваясь им с молодецким пылом.

На забавы Румянцев был просто неистощим. Так, однажды вздумалось ему в костюме Адама обучать солдат перед домом одного ревнивого мужа. Другому, искусив его жену, молодой гуляка заплатил двойной штраф за причиненное оскорбление и в тот же день вновь вызвал даму на свидание, сказав рогоносцу, что тот не может жаловаться, ибо «получил уже вперед удовлетворение». Вести о проказах Румянцева дошли до императрицы. Но Елизавета Петровна не стала сама принимать меры, а из уважения к его отцу – графу Александру Ивановичу отправила виновного на расправу к нему.

К чести Петра Александровича, он и в полковничьем чине был покорен перед отцом, как малый ребенок. Правда, когда Румянцев-старший приказал слуге принести розги, сын попытался было напомнить о своем высоком чине. «Знаю, – отвечал отец, – и уважаю мундир твой, но ему ничего не сделается – а я буду наказывать не полковника». Петр Александрович повиновался. А потом, как сам рассказывал, когда его «порядочно припопонили, закричал: “Держите, держите, утекаю!”».

За подчас рискованными забавами и потехами умел Румянцев ума не терять. Служебный рост Петра шел стремительно. В полковники его произвели прямо из капитанов: очень уж была рада Елизавета Петровна привезенному им с театра военных действий сообщению о завершении войны со Швецией 1741–1743 гг.

Череда его побед, а с ними и широкая известность пришли в годы Семилетней войны. В сражении при Грос-Егерсдорфе (на территории Восточной Пруссии) 19 августа 1757 г. в наиболее напряженный момент пруссаки прорвали фронт обороны русских войск (*см. очерк о С.Ф. Апраксине*). Положение было выправлено внезапной контратакой бригады генерал-майора Румянцева. Без приказа главнокомандующего генерал-фельдмаршала С.Ф. Апраксина полки Петра Александровича пробились через лес, вышли в тыл прусской пехоте и нанесли ей такой сильный удар, что она «тотчас помешалась и по жестоком и кровавом сражении с достальным числом своих войск в наивящем беспорядке свое спасение бегством искать стала». Так пришла победа.

Отличился Петр Александрович и в знаменитом сражении под Кунерсдорфом 1 августа 1759 г. (*см. очерк о П.С. Салтыкове*). Возглавляемый им центр выдержал основной удар пруссаков и во многом обеспечил окончательный успех войск под

командованием П.С. Салтыкова.

А первой самостоятельной операцией Румянцева стала осада Кольберга в 1761 г. (*см. очерк о А.Б. Бутурлине*). 5 декабря во главе корпуса численностью 15 тысяч человек он заставил капитулировать одну из наиболее мощных в Европе военно-морских крепостей на Балтике. Накануне фельдмаршал А.Б. Бутурлин приказал Петру Александровичу отступить, не веря в успех из-за наступления глубокой осени. Но «любимец славы» ослушался и принудил противника к сдаче, что создало условия для овладения Померанией и Бранденбургом. Пруссия стояла на краю гибели.

Решая боевые задачи, полководец действовал новаторски, смело ломал отжившие каноны в военном деле. При Гросс-Егерсдорфе его полки скрытно, лесом и болотом, считавшимся непроходимым, вышли в тыл прусских войск и, дав только один залп, ударили в штыки. В сражении же под Кольбергом Румянцев впервые атаковал боевые позиции неприятеля в батальонных колоннах. Впереди колонн в рассыпном строю наступали стрелки (егеря), которые вели эффективный ружейный огонь. Кроме того, ему удалось успешно скоординировать действия сухопутных сил и флота (русской эскадры А.И. Полянского и шведских кораблей), кавалерии и пехоты.

«Новые начала, установленные им под Кольбергом, – писал о Румянцеве дореволюционный военный историк Д.Ф. Масловский, – были исходными для развития при Екатерине II основ русского военного искусства, установленных Петром Великим, в его же духе, – сообразуясь с развитием военного дела в Западной Европе, но соответственно установившимся особенностям русского военного искусства и сообразно с условиями русской жизни» [134] .

Так передовая военная мысль России отвечала на выявившийся в Семилетнюю войну кризис линейной тактики. Первые шаги Салтыкова по отказу от устаревших правил построения линейного боевого порядка были развиты в военном искусстве Румянцева. Зарождалась новая тактика действий пехоты в колоннах и рассыпном строе.

Румянцев был любимцем Петра III, который пожаловал его в генерал-аншефы, а также наградил орденами Св. Андрея Первозванного и Св. Анны. Во время дворцового переворота, возведшего на престол Екатерину II, полководец держал сторону законного императора. Но новая самодержица «бывший его фавер» в вину ему не ставила и приблизила к себе.

В 1764 г. она упразднила гетманство в Малороссии и для управления краем учредила Малороссийскую коллегию (*см.*

очерк о К.Г. Разумовском). Во главе нее был поставлен Румянцев, который оставался на этом посту на протяжении 30 лет!

Его административная деятельность была прервана начавшейся войной с Турцией 1768–1774 гг. На первые роли Румянцев выдвинулся после того, как в августе 1769 г. императрица назначила его главнокомандующим 1-й армией, действовавшей на главном, Днестровско-Бугском направлении. Полководец смело отказался от пассивной тактики своего предшественника фельдмаршала А.М. Голицына. Стратегия и тактика ведения войны была определена им самим в формуле, и через два с лишним столетия поражающей своей выразительностью и вещим характером: «Слава и достоинство наше не терпят, чтобы сносить присутствие неприятеля, стоящего на виду у нас, не наступая на него».

Отталкиваясь от опыта Семилетней войны, полководец смело переходил от линейной тактики действия пехоты к тактике колонн (дивизионные каре) и рассыпного строя. Расчленение боевого порядка позволило ему широко применять маневр на поле боя. Построенная в каре и колонны пехота перестала ощущать потребность в тесной локтевой связи всех частей армии, действовала смело и активно, проявляя полную самостоятельность в решении поставленных задач.

В сражениях 1770 г. у кургана Рябая Могила, на реках Ларга (7 июля) и Кагул (21 июля), завершившихся триумфально, Румянцев в полной мере использовал преимущество новой тактики. Под прикрытием огня передовых отрядов егерей – стрелков, действовавших в рассыпном строю, главные силы он выдвигал к району сражения несколькими колоннами. Это позволяло быстро развернуть их в боевой порядок и нанести внезапный удар по врагу. При Ларге и Кагуле противник попытался контратаковать в конном строю. Русские были готовы к этому: на углах дивизионного каре располагалась артиллерия, а внутри – конница. Пехота и артиллерия огнем отразили атаку турок, а затем из-за пехоты на простор вырвалась кавалерия. Оба сражения завершились преследованием панически бегущего врага.

Румянцев так описывал императрице первую из викторий: «В сей день, т. е. 7 июля, достигнувши неприятеля за речкою Ларгою на высотах, примыкающих к левому берегу Прута, одержала армия вашего Императорского Величества величайшую над ним победу. Было тут турков и татар премногочисленно… и так считалась вся их армия до 80 тысяч…

Хотя неприятель сильным огнем из своей артиллерии и мелкого ружья, продолжая более четырех часов, устремлялся

давать отпор, но ни одна сила орудий, ни персональная его храбрость, которой в сем случае надлежит отдать справедливость, не постояли против превосходного мужества наших солдат…» [135] . При этом потери русских – около 100 человек – были в 10 раз меньше, чем турок.

Переполняемая чувствами от одержанной победы, Екатерина удостоила Румянцева высшей военной награды Российской империи, лишь недавно учрежденного ордена Святого Георгия Победоносца. «Граф Петр Александрович!… – писала она полководцу. – Вы займете в моем веке несумненно превосходное место предводителя разумного, искусного и усердного. За долг почитаю вам отдать сию справедливость и, дабы всем известен сделался мой образ мысли об вас и мое удовольствие об успехах ваших, посылаю к вам орден Святого Георгия первого класса. При сем прилагаю реестр тех деревень, кои немедленно Сенату указом повелено будет вам отдать вечно и потомственно» [136] .

Любопытно, что Петр Александрович удостоился ордена сразу 1-й, т. е. высшей степени – такие нарушения установленного порядка впоследствии случались исключительно редко, и для них требовались очень веские основания. Впечатляющая победа над многократно превосходящим врагом и была таким основанием. Под предлогом того, что в Молдавии может не оказаться золотошвеи, а на самом деле в знак особой приязни императрица послала Румянцеву свою личную «кованную георгиевскую звезду, какую я сама ношу».

Еще более блистательным оказалось сражение при реке Кагул. 17 тысяч русских наголову разбили 150 тысяч турок, отразив одновременно 100 тысяч татар, угрожавших с тыла. Румянцев в своей реляции докладывал Екатерине: «Ни столько жестокой, ни так в малых силах не вела еще армия вашего императорского величества битвы с турками, какова в сей день происходила… Действием своей артиллерии и ружейным огнем, а наипаче дружным приемом храбрых наших солдат в штыки… ударили мы во всю мочь на меч и огонь турецкий и одержали над оным верх…» [137] .

«За оказанные ее величеству и отечеству верные и усердные услуги» императрица возвела Петра Александровича в чин генерал-фельдмаршала. Доверие «Северной Минервы» к новоиспеченному фельдмаршалу было настолько полным, что она дала Румянцеву право в случае необходимости действовать, не спрашивая предварительного согласия, от ее имени. Редкая, надо сказать, монаршая милость!

Заслуги Румянцева в развитии военного искусства бесспорны. «Есть многие отделы, в которых не видно следов влияния,

например, великого Суворова и Потемкина, но нет ни одного отдела, где не осталось бы следов Румянцева. В этом смысле он единственный наследник дела Петра I и самый видный после него деятель в истории военного искусства в России, не имеющий себе равного и до позднейшего времени», – в такой высокой оценке генерал-фельдмаршала как военного теоретика, администратора и полководца единодушны военные историки прошлого Д.Ф. Масловский и А.А. Керсновский [138] .

Петр Александрович олицетворял собой ту породу русских людей, которые, став опорой Екатерины II, подняли величие Отечества на небывалую высоту. Это о них, «екатерининских орлах», отзывался А.С. Пушкин в стихотворении «Воспоминания в Царском Селе»:

Бессмертны вы вовек, о росски исполины,
В боях воспитанны средь бранных непогод!
О вас, сподвижники, друзья Екатерины,
Пройдет молва из рода в род.
О, громкий век военных споров,
Свидетель славы россиян!
Ты видел, как Орлов, Румянцев и Суворов,
Потомки грозные славян,
Перуном Зевсовым победу похищали;
Их смелым подвигам страшась дивился мир.

В 1770 г. полководец, оправдывая репутацию крупнейшего полководца своего времени и реформатора военного искусства, подготовил «Обряд служб» – свод выработанных им принципов обучения и воспитания войск, построения боевого порядка и ведения наступательных действий. Решительное сражение с обязательным уничтожением живой силы противника – вот что, по мнению Румянцева, способно обеспечить победу. Но и наступление, сводящееся лишь к передвижению войск, он не рассматривал как самоцель. «Не обеспечивши надежно оставленное за собой пространство, большими шагами нельзя наступать вперед», – убежденно говорил он. «Обряд служб» на долгие годы стал фактически уставом всей русской армии.

У Петра Александровича есть еще одна принципиальной важности заслуга перед отечественным оружием: именно под его

крылом окреп полководческий гений Суворова. В кампаниях 1773–1774 гг., находясь именно в подчинении у Румянцева, будущий генералиссимус одержал первые громкие победы в противоборстве с турками – взял крепость Туртукай и силами 8-тысячной дивизии разгромил 40-тысячную армию противника у села Козлуджи (современная территория Болгарии) (*см. очерк о А.В. Суворове*).

По заключении Кючук-Кайнарджийского мира 10 июля 1774 г., который стал большим успехом для России, Румянцеву были возданы подобающие почести: он получил почетную приставку к фамилии – Задунайский, алмазами украшенные фельдмаршальский жезл и шпагу, бриллиантовые знаки ордена Св. Андрея Первозванного, алмазные лавровый венок и масличную ветвь «за победы и заключение мира».

«Этот мир знаменитейшая услуга перед нами и отечеством, – писала ему императрица. – Вам одолжена (т. е. обязана. – *Ю.Р.*) Россия за мир славный и выгодный, какого по известному упорству Порты Оттоманской конечно никто не ожидал, да и ожидать не мог…» [139] .

«В честь его и в пример потомству» была выбита медаль с изображением графа. Екатерина пожелала, чтобы Задунайский по примеру древнеримских полководцев въехал в столицу через триумфальные ворота на колеснице. Скромный герой, привыкший к лагерной жизни, отказался от таких почестей и тем еще более явил себя великим в глазах соотечественников.

Но и великим не избежать участи простых смертных. В русско-турецкую войну 1787–1791 гг. Румянцева не решались прямо обойти, но руководство армиями поручали ему только номинально. На первые роли Екатерина выдвигала светлейшего князя Г.А. Потемкина.

В мир иной Петр Александрович, переживший Екатерину всего на один месяц, ушел 8 декабря 1796 г. В память о его великих заслугах перед Отечеством Павел I объявил в армии трехдневный траур. Упокоился Румянцев в пределах церкви Успения Святой Богородицы в Киево-Печерской лавре.

В его честь в 1799 г. на Марсовом поле в Санкт-Петербурге был воздвигнут обелиск – явление уникальное, ибо до этого Россия не знала памятников некоронованным особам.

Его репутация великого полководца и военного реформатора была общепризнанна еще при жизни. Когда генерал Ф.В. Ростопчин в письме Суворову оценил его выше Задунайского, Александр Васильевич категорично возразил: «Нет… Суворов – ученик Румянцева!».

Замечательно выразил всеобщее мнение о полководце в

свойственной ему эпической манере Г.Р. Державин:

Блажен, когда стремясь за славой,
Он пользу общую хранил,
Был милосерд в войне кровавой
И самых жизнь врагов щадил;
Благословен средь поздних веков
Да будет друг сей человеков.

Граф Иван Петрович Салтыков (1730–1805)

Блестящей, хотя и слишком малоизвестной страницей военной истории России считал историк А.А. Керсновский русско-шведскую войну 1788–1790 гг. Велась она в чрезвычайно трудной политической обстановке (борьба с Турцией, угроза войны со стороны Пруссии), но «маленькая русская армия, в два с лишним раза уступавшая шведам в численности и носившая к тому же полумилиционный характер, с честью выдержала это испытание. Действия ее носят характер активной обороны и являют собой один из самых ярких примеров этого образа действий» [140] .

Честь и славу армии по праву разделил ее

главнокомандующий в финале войны – граф И.П. Салтыков.

Иного пути, нежели профессионального военного, Иван и представить себе не мог, будучи сыном будущего фельдмаршала и победителя Фридриха II в Кунерсдорфском сражении генерал-аншефа П.С. Салтыкова (*см. очерк о П.С. Салтыкове*). В пятнадцать лет он начал службу в гвардейском полку, однако по воле императрицы Елизаветы Петровны ему пришлось перейти на придворную службу. Но даже императрица не смогла устоять перед желанием молодого человека испробовать свои силы в начавшейся Семилетней войне. Попав в действующую армию, Иван Петрович отличился при взятии Кенигсберга и Эльбинга, в сражении при Цорндорфе (1758). К завершающим аккордам войны он уже носил генерал-майорский чин.

Активное участие генерал-поручик Салтыков принял в войне с Турцией 1768–1774 гг. Воевал он сначала под командованием А.М. Голицына, а затем П.А. Румянцева. С первым овладел Хотином (1769), а со вторым отличился в сражениях при Ларге и Кагуле (*см. очерки о А.М. Голицыне и П.А. Румянцеве*). Особую доблесть проявил в Кагульской битве (21 июля 1770 г.), в которой командовал тяжелой кавалерией, размещенной между дивизионными каре. Со своими карабинерами он врубился в толпы янычар, истребляя их в яростной сече, чем был предопределен полный разгром турок. Только убитыми противник оставил на поле сражения до 20 тысяч. Можно представить, какие чувства переполняли фельдмаршала П.С. Салтыкова, которому его бывший подчиненный П.А. Румянцев посчитал необходимым написать об «отличном мужестве» его сына, назвав Петра Семеновича «счастливым отцом» [141] . За ратные дела Салтыков-младший удостоился алмазных знаков ордена Св. Александра Невского, который он получил еще в день коронования Екатерины II в 1762 г.

В кампанию 1773 г. Иван Петрович в авангарде армии во главе двадцати полков пехоты и кавалерии первым форсировал Дунай и обложил Рущук, но взять его не смог. Прибывшему в его подчинение генерал-майору А.В. Суворову он приказал произвести поиск на турецкий укрепленный лагерь при Туртукае. Поиск 10 мая блестяще удался: был уничтожен 4-тысячный отряд османов, уничтожены их укрепления (*см. очерк о А.В. Суворове*). «Ваше сиятельство. Мы победили, – доложил подчиненный Салтыкову. – Слава Богу, слава Вам!» Это лаконичное донесение послужило поводом к широко известному анекдоту, впервые анонимно опубликованному в 1808 г. Якобы Суворов доложил даже не Салтыкову, а командующему армией Румянцеву, и не просто так, а в стихах:

Слава Богу, слава Вам.
Туртукай взят, и я там!

Позднее анекдот получил развитие в вышедшей в 1900 г. книге Е.Б. Фукса, который без тени шутки убеждал читателя, что Суворов взял Туртукай, не уведомив главнокомандующего и даже против воли, и тот отдал излишне ретивого подчиненного под суд. И, мол, только Екатерина II встала на защиту Суворова, начертав на докладе о происшедшем: «Победителя судить не должно».

Современный историк установил, что все рассказанное выше, действительно, анекдот: будущий генералиссимус действовал в рамках общей задачи, поставленной Румянцевым, и никто даже не помышлял об отдаче его под суд [142] .

А правда состоит в том, что И.П. Салтыков представил Суворова за Туртукай к ордену Св. Георгия 2-й степени и такая награда действительно была им получена.

Самому же Салтыкову взять Рущук не удалось из-за остановки боевых действий в связи с достижением мира. Но его вклад в разгром турок тоже не остался без оценки: в 1775 г. он был удостоен ордена Св. Георгия 2-й степени «за оказанное им неоднократное превозможение неприятеля в турецкую войну и переход за Дунай» и золотой шпаги с алмазами. К этому времени Салтыков уже носил чин генерал-аншефа.

С 1774 г. Иван Петрович командовал корпусом в приграничных с Польшей областях. В 1784 г. он получил звание генерал-адъютанта и был назначен владимирским и костромским генерал-губернатором.

В русско-турецкую войну 1787–1791 гг. генерал-аншеф Салтыков вступил командиром корпуса. Вместе с австрийской армией принца Саксен-Кобургского русские осадили Хотин и 8 сентября 1788 г. взяли его. Екатерина II отметила полководческую доблесть Салтыкова орденом Св. Владимира 1-й степени.

Об участии Ивана Петровича в войне со Швецией уже упоминалось выше. Он был назначен главнокомандующим в кампанию 1790 г., заключившую войну. Сухопутные силы в ходе нее крупных сражений не вели, решающий удар по противнику нанес Балтийский флот. Тем не менее, с заключением мира Салтыков был пожалован в подполковники лейб-гвардии Конного полка, награжден алмазными знаками ордена Св. Андрея Первозванного (сам орден он получил еще в 1782 г.) и шпагой, украшенной алмазами.

В 1795 г. граф из-за разногласий с командующим армией П.А.

Румянцевым-Задунайским вынужден был выйти в отставку. Однако Павел I, не доверявший многим екатерининским военачальникам и потому испытывавший недостаток в верных людях, возвратил его на военную службу и переименовал в генералы от кавалерии. Салтыков стал также шефом Кирасирского полка, инспектором кавалерии и киевским генерал-губернатором.

15 декабря 1796 г. последовал новый акт монаршей милости: Салтыков был произведен в генерал-фельдмаршалы с назначением генерал-инспектором всей кавалерии и подчинением ему Украинской армии до выздоровления командующего Румянцева. Через год Павел I назначил его военным губернатором в Москве (за 30 лет до этого ту же должность занимал его отец Петр Семенович).

И надо же такому случиться, что судьба послала сыну то же самое испытание, что отцу – эпидемию. Но если в 1770 г. Салтыков-старший растерялся, и занесенная с юга чума вдосталь погуляла в Москве, то Салтыков-младший проявил себя с самой лучшей стороны, осенью 1798 г. организовав надежные карантины, воспрепятствовавшие заносу холеры в старую столицу.

…15 сентября 1801 г. в Москве, «вотчине» графа Ивана Петровича, прошла торжественная церемония коронования Александра I. Новый император и позднее не раз публично демонстрировал свое уважение к старому солдату. Несмотря на преклонный возраст московского генерал-губернатора, государь не торопил его в отставку, и Салтыков служил еще два года. Скончался он в ноябре 1805 г., отдав военной и государственной службе 60 лет жизни.

Светлейший князь Николай Иванович Салтыков (1736–1816)

Многими успехами, достигнутыми за 80 лет жизни, мог похвалиться переживший шестерых монархов Н.И. Салтыков. Например, тем, что, будучи гофмейстером при малом дворе наследника престола Павла Петровича и воспитателем его сыновей великих князей Александра и Константина, он получил наград больше, чем имел за боевую деятельность А.В. Суворов. Кто-то, возможно, не увидит здесь ничего особенного: стоит ли упрекать человека, в конце концов, он же не сам себя награждал. Так-то оно так, но… А в чем «но» – читатель увидит ниже.

Его путь к генеральским эполетам был отмечен теми же

рубежами, что и у многих его ровесников, отпрысков знатных русских фамилий. Николай Иванович родился в семье генерал-аншефа И.А. Салтыкова и графини А.П. Толстой и еще ребенком был записан рядовым в лейб-гвардии Семеновский полк. Во время Семилетней войны Салтыков принимал участие во многих сражениях, в том числе при Кунерсдорфе (1 августа 1759 г.). Он был послан в Санкт-Петербург с донесением главнокомандующего о победе над Фридрихом II и произведен в полковники. В 1761 г. под командованием П.А. Румянцева сражался при взятии Кольберга *(см. очерки о П.С. Салтыкове и П.А. Румянцеве)*.

В 1763 г. он – уже генерал-майор, командующий войсками в Польше. Его участие в войне против Турции (1768–1774) завершилось участием в кампании 1769 г. Его вклад в осаду и взятие Хотина (10 сентября) Екатерина II оценила чином генерал-поручика и орденом Св. Александра Невского *(см. очерк о А.М. Голицыне)*. После этого Салтыков уехал на три года за границу для лечения.

Полководческими достоинствами Николай Иванович из генеральской среды особо не выделялся, тем более удивительны те милости, которые ожидали его по возвращении в 1773 г. в Россию. Салтыков был пожалован постом вице-президента Военной коллегии и чином генерал-аншефа. Кроме того, императрица выразила ему особое доверие, определив гофмейстером при дворе наследника престола великого князя Павла Петровича. Эта должность и обеспечила ему непреходящую милость всех современных ему российских монархов.

В ноябре 1782 г. Екатерина II наградила его орденом Св. Андрея Первозванного, затем произвела в генерал-адъютанты и подполковники лейб-гвардии Семеновского полка. Он также стал сенатором и членом Совета при императрице.

Как ни удивительно, но Салтыков сумел, сохранив расположение Екатерины II, войти в доверие и к ненавидевшему свою мать великому князю, человеку крайне мнительному и подозрительному. Когда самодержица через десять лет возложила на Салтыкова обязанность быть главным воспитателем великих князей Александра и Константина, Павел Петрович расставался со своим гофмейстером со слезами. Да и новые воспитанники навсегда сохранили к Николаю Ивановичу глубокое почтение.

В чем причина? Ведь, по отзыву современников, Салтыков был не способен к педагогике и воспитанию царских отпрысков, и на этом заработать авторитет не мог. Все дело в его характере. «Уклончивость, хитрость, умение жить и ладить с людьми были преобладающими качествами в характере и уме Салтыкова.

Эгоист и гибкий царедворец, Салтыков, по словам князя И.М. Долгорукого, близко его знавшего, «внутренне любил только себя и не способен был благодетельствовать, когда требовалась на то некоторая упругость в характере, настойчивость в поступках и твердость в правилах» [143] .

Когда он состоял при особе наследника престола Павла Петровича, то умело лавировал между императрицей и ее нелюбимым сыном, оказываясь нужным обеим сторонам. Будучи же воспитателем великих князей, Салтыков щедро делился с ними своей «наукой», приучая воспитанников к умению лавировать между противоречивыми требованиями отца, с одной стороны, и царственной бабки, с другой. И, как видим, преуспел в этом.

Все изощренное коварство Салтыкова ощутил на себе А.В. Суворов. Считавший князя своим соперником, Александр Васильевич, ослепленный после Измаила временной и необоснованной обидой на Г.А. Потемкина, неожиданно для самого себя оказался в числе возможных родственников Салтыкова. Узнав о желании Суворова выдать дочь Наташу («Суворочку») замуж, – дело было в 1791 г. – Николай Иванович предложил руку своего сына. А свел их князь Н.В. Репнин, еще один соперник будущего генералиссимуса.

Лишь позднее Суворов признался в том, что его бес попутал. Хотя и с запозданием он все же разобрался в истинных замыслах новых «друзей». Партия, стоявшая за наследником престола, плела интригу против Екатерины и ее надежной опоры – Потемкина (*см. очерк о Г.А. Потемкине*). В случае отставки Григория Александровича все ключевые посты в армии оказались бы в руках сторонников Павла Петровича: граф Н.И. Салтыков, который, как вице-президент Военной коллегии в отсутствие Потемкина в столице все более прибирал к рукам военное ведомство, фактически возглавил бы его, князь Н.В. Репнин стал бы главнокомандующим армией на юге, а граф И.П. Салтыков и без того уже возглавлял войска на западных границах. В Екатерину вселяли недоверие к Потемкину, и появление в этот момент в столице Суворова, который мог бы, по замыслам заговорщиков, обвинить главнокомандующего в том, что он присваивает победы подчиненных, было весьма кстати [144] .

Вот Александра Васильевича и стали обхаживать. Заговорщики даже свели его с Платоном Зубовым, через которого воздействовали на императрицу, и тот обещал полководцу чин генерал-адъютанта. Этого придворного чина Суворов добивался, чтобы получить возможность быть во дворце в любой момент и поддержать, когда необходимо, горячо любимую «Суворочку»: он

всегда был невысокого мнения о дворе и, как человек религиозный, считал, что дочь подвергается там всяким опасностям морального плана.

Но как только партия наследника престола поняла, что Суворов среди них – чужой, отношение к нему поменялось мгновенно. Стали распространяться слухи о том, что Александр Васильевич обирал личный состав Финляндской дивизии, хотя за недостатки в обмундировании солдат должен был нести предшественник Суворова по командованию дивизией – граф Иван Петрович Салтыков. Ставший после кончины Потемкина у руля Военной коллегии Николай Иванович Салтыков покрывал своего родственника и списывал все на Суворова. Готовились сметы, в соответствии с которыми Александр Васильевич должен был уплатить в казну огромную сумму в погашение якобы нанесенного им ущерба. Все это роняло авторитет полководца в глазах Екатерины II. Суворов – боевой генерал, в отличие от графа Салтыкова, так и не ставший своим при дворе, не понимал, что интриги – нормальное явление в окружении трона. В конце концов, выигрывал тот, кто оказывался в глазах императрицы более необходимым.

Граф Николай Иванович в любом случае не проиграл. В конце своего царствования Екатерина II возвела Салтыкова в графское достоинство и пожаловала ему 5 тысяч душ крестьян. За воспитание великих князей ему был подарен дом в Санкт-Петербурге, 100 тысяч рублей и установлен годовой пенсион в 25 тысяч рублей.

Плоды своих неустанных трудов граф пожинал и при новых правителях, благо все они были его воспитанниками. Павел I пожаловал своему бывшему гофмейстеру и другу генерал-фельдмаршальский чин (ноябрь 1796 г.) и назначил президентом Военной коллегии. В свою очередь Александр I в 1812 г. назначил Салтыкова председателем Государственного совета и Комитета министров, а в августе 1814 г. возвел в княжеское достоинство с титулом светлости. Следует добавить, что во время отсутствия императора в России в период заграничных походов 1813–1814 гг. Салтыков был по существу регентом государства.

Вот, оказывается, до каких немыслимых высот можно дойти при весьма скромных достоинствах!

Граф Петр Семенович Салтыков (1698–1773)

В 1770 г. на Москву обрушилась эпидемия чумы, сопровождавшаяся народными волнениями. Занимавший пост столичного генерал-губернатора Петр Семенович Салтыков то ли в силу преклонного возраста, то ли по каким иным причинам вместо того, чтобы принять карантинные меры, удалился в свою подмосковную деревню Марфино. Из-за этого Екатерина II заметно охладела к нему и спустя два года, когда эпидемия была побеждена, отправила его в отставку. Когда через несколько месяцев Салтыков умер, столичный градоначальник не сделал никаких распоряжений относительно похорон опального графа,

соответствовавших его заслугам. Победитель самого Фридриха II был забыт всеми, кроме родственников, тихо оплакивавших фельдмаршала.

Положение спас граф Петр Иванович Панин, находившийся в подчинении у Салтыкова в его звездный час при Кунерсдорфе 1 августа 1759 г., когда прусский король Фридрих, видя неизбежное поражение и не в силах пережить позор, в отчаянии восклицал под огнем русской артиллерии: «Неужели ни одно ядро не поразит меня?» Панин, войдя в траурную комнату в парадном мундире генерал-аншефа с лентами орденов Св. Андрея Первозванного и Св. Георгия, обнажил шпагу и, став на караул у гроба, твердо произнес:

– До тех пор буду стоять здесь на часах, пока не пришлют почетного караула для смены!

Он рисковал репутацией и карьерой, но не мог, как видно, не отдать должное своему бывшему главнокомандующему.

П.С. Салтыков был непосредственным предшественником «екатерининских орлов». Его деятельностью было положено начало складыванию нового национального направления в военном искусстве, которое нашло наиболее полное выражение в ратных деяниях П.А. Румянцева и А.В. Суворова.

Еще в молодые лета, будучи солдатом гвардии, Салтыков был отправлен Петром I за границу для обучения мореходству, но так и не приобрел тяги к морской службе. Вернулся в Россию он уже в царствование Анны Иоанновны. Отец Петра Семеновича генерал-аншеф Семен Андреевич Салтыков приходился ей родственником, к тому же оказал императрице важные услуги при ее вступлении на престол и потому пользовался особым расположением. Оно распространялось и на Салтыкова-младшего, которого Анна Иоанновна называла по-родственному – «мой кузен». Вскоре после ее воцарения сын, как и отец, получил графский титул, а в 1734 г. был произведен в генерал-майоры.

По вступлении на престол Елизаветы Петровны в 1741 г. положение Салтыкова несколько пошатнулось. Он принужден был покинуть столицу, участвовал в войне против Швеции (*см. очерк о П.П. Ласси*). Позднее в чине генерал-аншефа получил назначение на должность начальника украинских ландмилицейских полков. До Семилетней войны 1756–1763 гг. он, по словам историка Д.Н. Бантыш-Каменского, был известен «более между царедворцами, нежели генералами».

В ходе войны нерешительность и безынициативность генерал-аншефа В.В. Фермора заставила искать ему замену, как главнокомандующему русской армией. Выбор пал на 60-летнего Салтыкова. Это назначение было для многих неожиданным, но, к

чести Петра Семеновича, он сумел оказаться на высоте положения, выступив достойным соперником прусского короля Фридриха II – самого выдающегося полководца Европы середины XVIII в. Как писал современник, русские войска «ободрились и стали более на старичка, своего предводителя, надежды полагать, который уже с начала приезда своего солдатам полюбился».

Действовать приходилось так, чтобы и не вызвать недовольства в Санкт-Петербурге, и результата добиться. Дело в том, что Конференция – высший государственный орган при высочайшем дворе, окончательно подпав под влияние Австрии, выработала на 1759 г. такой план операций, в соответствии с которым русской армии отводилась вспомогательная роль по отношению к союзной ей армии австрийской.

В июне 1759 г. Фридрих, имея главные силы в Силезии и Саксонии, находился между русскими и австрийцами. Кроме того, отдельный прусский корпус оперировал против русских в Польше. Салтыков принял смелое решение: для соединения с союзниками наступать к Одеру. Путь преградил корпус генерала Веделя, который 12 июля по приказу Фридриха атаковал русских при деревне Пальциг. Армия, которую Салтыков заблаговременно развернул в боевой порядок, в упорном бою отразила атаки противника и нанесла ему тяжелое поражение. Путь к Одеру для соединения с австрийцами был расчищен.

Но те не торопились к воссоединению. Австрийский командующий фельдмаршал Даун, несмотря на двукратное превосходство, опасался вступать в сражение с Фридрихом и предпочитал подставлять под вражеский огонь русских. Он желал увлечь союзников в Силезию, но Салтыков уже «раскусил» коллегу. Выведя 17 июля армию к реке, он вновь решил действовать активно: идти вдоль Одера к Франкфурту и создать, таким образом, угрозу Берлину. 23 июля русские, заняв небольшим отрядом Франкфурт, основными силами расположились на высотах в районе деревни Кунерсдорф на правом берегу Одера.

До Берлина оставалось немногим более 80 км. Угроза столице вызвала немедленную реакцию противника. Фридрих с армией численностью около 48 тысяч человек принял решение атаковать.

Но и австрийцев выход русских войск в район Франкфурта побудил, наконец, присоединиться к ним: Даун хотел совместно пожать плоды возможной победы. После этого силы союзников достигли 59 тысяч человек (включая 7–8 тысяч иррегулярной конницы, считавшейся непригодной к использованию в сражении).

Салтыков, узнав о приближении Фридриха, занял на Кунерсдорфских высотах (на правом берегу Одера напротив Франкфурта) позицию и приступил к ее оборудованию. Расположив пехоту в две линии, русский генерал вместе с тем отступил от канонических правил построения линейного боевого порядка. За правым крылом он создал очень сильный резерв из части русской кавалерии и всего австрийского корпуса. Кроме того, предусмотрел возможность маневра резервом вдоль фронта, который потом и осуществил.

Прусский полководец переправился через Одер ниже Франкфурта и 1 августа атаковал позицию русско-австрийской армии. Свои войска он развернул под прямым углом к фронту союзников и после сильной артиллерийской подготовки атаковал их левое крыло. Салтыков не препятствовал маневру противника, он лишь стремился ограничить продвижение пруссаков на запад, к правому крылу своей позиции.

Между тем охватывающая атака левого крыла русских войск оказалась для пруссаков успешной: полки находившегося здесь обсервационного корпуса были опрокинуты. Фридрих продолжал атаку, рассчитывая продольным ударом «смотать», как нитку на катушку, боевой порядок русских. В ответ Салтыков перестроил войска центра, которыми командовал будущий фельдмаршал П.А. Румянцев. Последний, чтобы усилить сопротивление войск, расположил их в несколько линий, создав глубокий и упругий боевой порядок. Во многом благодаря этому удалось, невзирая на большие потери, удержать позиции. Фридрих сбил первые две линии, захватив при этом до 70 орудий, но дальнейшая атака захлебнулась. Несвоевременно ринувшаяся на нерасстроенную русскую пехоту прусская кавалерия была разгромлена.

Важнейшую роль в этой фазе сражения сыграла русская артиллерия. Огонь из орудий системы будущего фельдмаршала П.И. Шувалова сорвал маневр противника, попытавшегося обойти центр русско-австрийских войск. Русские пушкари успешно боролись и с прусской артиллерией, ведя огонь поверх боевых порядков своей пехоты (*см. очерк о П.И. Шувалове*).

В сражении наступал явный перелом. По инициативе командиров нескольких частей войска Салтыкова ударили в штыки. Последовавшая затем общая контратака обратила пехоту короля в паническое бегство. Совершенно доконала пруссаков кавалерия Румянцева. Правда, победа досталась большой ценой: союзники лишились 16 тысяч человек, из которых 13,5 тысячи пришлись на русскую армию.

По признанию Фридриха II, чуть не попавшего в плен, от его 48-тысячной армии не осталось и 3 тысяч. В отчаянии он писал в

Берлин одному из друзей детства: «Жестокое несчастье! Я его не переживу. Последствия дела будут еще хуже, чем оно само. У меня нет больше никаких средств и, сказать правду, считаю все потерянным» [145] . Это было наиболее тяжелое поражение, которое он потерпел за всю полководческую карьеру.

Славная победа при Кунерсдорфе получила в России большой резонанс. 18 августа 1759 г. указом Елизаветы Петровны Салтыков был пожалован чином генерал-фельдмаршала.

По мнению А.А. Керсновского, кампания 1759 г. могла решить участь Семилетней войны, а вместе с ней и участь Пруссии [146] . Но, к счастью для Фридриха, кроме русских, он имел в качестве противника еще и австрийцев. Последние даже не помогли организовать эффективное преследование пруссаков. Даун, снедаемый завистью к Салтыкову, лишь досаждал русскому главнокомандующему праздными «советами». Это позволило Фридриху II прийти в себя и восстановить боеспособность своей армии.

Что же касается Салтыкова, то ему достало гражданского мужества, предпочтя интересы России интересам Австрии, отвергнуть требование Конференции, которая настаивала на зимовке русской армии в Силезии совместно с союзниками и прикомандировании 20–30 тысяч пехотинцев к австрийскому корпусу. Но правда и то, что Петру Семеновичу изменила прежняя решительность. Моральная ответственность за армию сделала его медлительным и осторожным. Дошло до того, что Елизавета вынуждена была написать новоиспеченному фельдмаршалу: «Хотя и должно заботиться о сбережении нашей армии, однако худая та бережливость, когда приходится вести войну несколько лет вместо того, чтобы окончить ее в одну кампанию, одним ударом». По существу императрица с горечью признала, что военные и дипломатические результаты кунерсдорфской победы оказались растраченными попусту. А признав этот прискорбный факт, вынуждена была заменить Салтыкова на фельдмаршала А.Б. Бутурлина (*см. очерк о А.Б. Бутурлине*).

Петр III, вступивший на престол в 1761 г., благоволил к полководцу, несмотря на то, что Петр Семенович столь основательно «потрепал» его кумира Фридриха. А вот Екатерина II, вначале наградив шпагой с бриллиантами и назначив московским генерал-губернатором, затем отказала ему в доверии. О причинах этого читатель уже знает.

Слава достойного противника Фридриха II ничуть не изменила Салтыкова до самой смерти. По воспоминаниям одного из его младших современников литератора А.Т. Болотова,

«старичок, седенький, маленький, простой, в белом ландмилицейском кафтане, без всяких украшений и без всяких пышностей ходил он по улицам и не имел за собой более 2–3 человек. Привыкши к пышности и великолепию в командирах, чудно нам сие и удивительно казалось, и мы не понимали, как такому простому и, по всему видно, незначащему старику можно было быть главнокомандующим столь великой армией и предводительствовать ею против такого короля, который удивлял всю Европу своим мужеством, прозорливостью и знанием военного искусства. Он казался нам сущею курочкою, и никто и мыслить того не отважился, чтобы он мог учинить что-нибудь важное» [147] .

Внешность, как видим, оказалась обманчивой. Не молодецкой статью (как, например, и Суворов), но глубоким проникновением во все детали порученного ему дела, здравым смыслом и пренебрежением к рутине современного ему военного искусства, заботливостью о солдате выделялся Салтыков среди других полководцев. Он толково выбирал и использовал местность для сражения, придавал большое значение сочетанию огня пехоты и артиллерии, умело маневрировал войсками и резервами. И потому смог стяжать славу победителя Фридриха, навечно вписав свое имя в историю нашей страны.

Была у Петра Семеновича и еще одна заслуга: он вырастил для России достойного сына. Иван Петрович также стал генерал-фельдмаршалом, получив высший воинский чин в царствование Павла I (*см. очерк о И.П. Салтыкове*).

Граф Ян-Казимеж Сапега (?–1730)

«Имя его увеличило только число наших генерал-фельдмаршалов». Лучше и лаконичнее, чем это сделал Д.Н. Бантыш-Каменский, о Я. Сапеге, пожалуй, и не скажешь [148] . Не воинскими подвигами, не делами, полезными для России, но единственно придворными связями и покровительством «полудержавного властелина» А.Д. Меншикова обрел польский магнат высший воинский чин Российской империи.

Принадлежал он к знатному польско-литовскому роду, и его графский титул – не российского происхождения. Сапега на протяжении многих лет воевал против польского короля Августа II, союзника Петра I. В благодарность за это противником Августа королем Станиславом Лещинским был возведен в гетманы

Литовские. Поддерживая шведов, немало содействовал разорению своей исторической родины.

Сталкивался он и непосредственно с русскими. 13 мая 1709 г. при местечке Лудухов произошел бой отрядов Сапеги против русско-польских войск во главе с генерал-фельдмаршалом-лейтенантом Г. Гольцем, направленных для истребления сторонников Лещинского. Сапега понес ощутимый урон, потеряв только убитыми не менее 2,5 тысячи человек. Ему самому удалось избежать плена, хотя под ним даже была убита лошадь. Его неудачи на ратном поприще легко объяснимы: в военном искусстве он не разбирался, ума был самого обыкновенного.

После Полтавского сражения Сапега почувствовал изменение конъюнктуры и перешел на сторону Августа II, получив от него амнистию. Радушный прием был обеспечен ему и в Санкт-Петербурге. Главным ходатаем за интересы Сапеги в России стал Меншиков. Он задумал прирастить свое могущество богатством, знатностью и влиянием этого аристократа на дела Польского королевства. Еще при жизни Петра I он помолвил свою старшую дочь Марию с сыном Сапеги. Александр Данилович утроил свои симпатии к графу, получив его обещание оказать содействие в приобретении титула герцога курляндского (*см. очерк о А.Д. Меншикове*).

Подчас трудно бывает понять мотивы поступков людей прошлого. Петр Великий был потрясен изменой Мазепы, но Сапегу, человека столь же неверного, принял на русскую службу, хотя его неоднократные переходы на сторону противника не были ни для кого секретом.

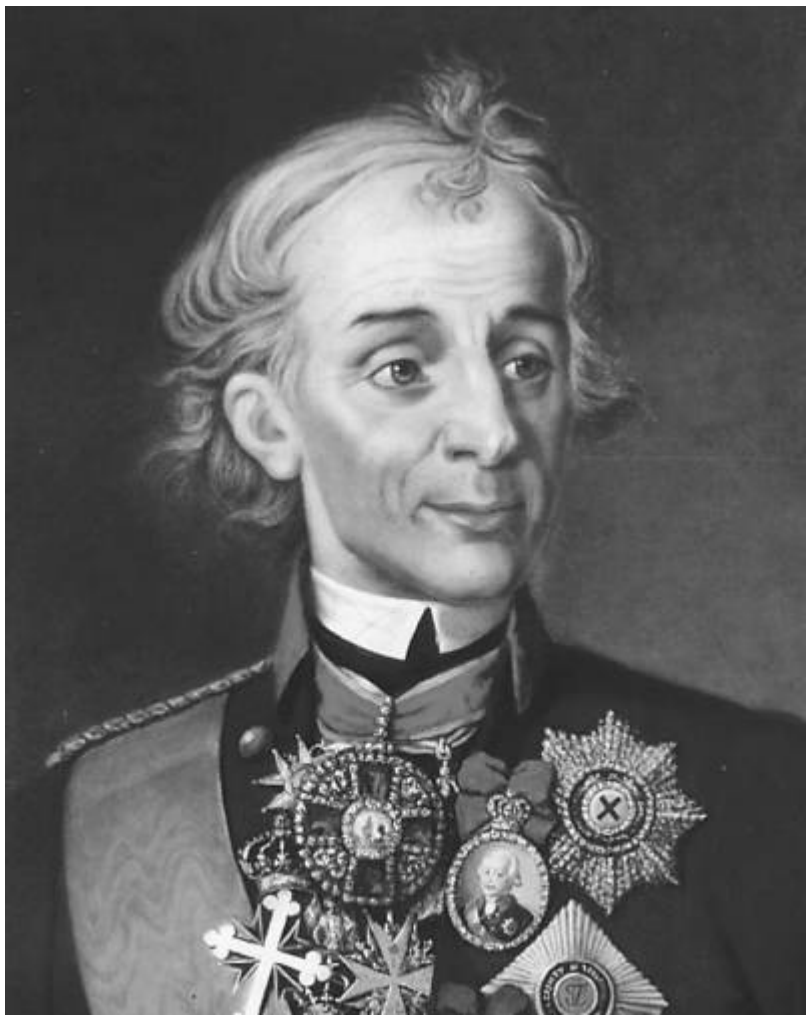
После смерти Петра на польского аристократа милости и награды и вовсе посыпались как из рога изобилия: в 1726 г. под нажимом Меншикова Екатерина I вручила ему фельдмаршальский жезл, а затем орден Св. Андрея Первозванного. Приближен ко двору и щедро награжден был и Сапега-младший.

После воцарения юного Петра II Меншиков, оказывавший решающее влияние на него, в своих мечтах воспарил еще выше. Он уже не желал быть тестем польского графа, но задумал породниться с самим царем. К тому же и планы насчет герцогства Курляндского остались нереализованными. Помолвка Марии с молодым Сапегой была расторгнута, и тот женился на родной племяннице покойной императрицы. А между Меншиковым и Сапегой, что называется, пробежала черная кошка.

Для польского аристократа это оказалось, как нельзя кстати, учитывая скорое падение «полудержавного властелина». Сапега переметнулся в лагерь противников Меншикова, и на

непродолжительное время в 1727 г. даже стал генерал-губернатором Санкт-Петербурга. Проку для России, однако, от этого лукавого царедворца не прибавилось. Вскоре необходимость в его услугах и вовсе отпала, и он вынужден был вернуться в свои родовые владения.

Князь Италийский, граф Александр Васильевич Суворов-Рымникский (1730–1800)



Попроси у нас назвать историческую фигуру, в наибольшей степени выражающую национальный характер, – и многие наверняка назовут имя Суворова. Он, без преувеличения, один из тех наших соотечественников, чье имя навсегда укоренено в народной памяти, как составляющее непреходящую гордость России.

С другой стороны, лучшей иллюстрации диалектического закона единства и борьбы противоположностей, чем натура Суворова, и придумать трудно. Хилый от рождения, в 70 лет он

наравне с двадцатилетними совершил переход через Альпы. Тщедушен телом – и гигант духа. Один из образованнейших людей своего времени, военный гений – и нередко шут. А еще – одновременно – религиозен, слезлив, совершенно равнодушен к бытовым удобствам, в речах афористичен, в бою смел, «аки лев», к поверженному врагу снисходителен. Князь – и обожаем солдатами. Воевал не за награды, но радовался им, как ребенок.

Перечислять можно, кажется, до бесконечности, но лучше, чем это сделано в «Надгробной эпитафии Суворову», сочиненной адмиралом, ученым и поэтом А.С. Шишковым, своеобразие натуры Суворова все равно не выразить:

Остановись, прохожий!
Здесь человек лежит, на смертных непохожий.
На крылосе в глуши с дьячком он басом пел,
И славою, как Петр шль Александр, гремел.
Ушатом на себя холодную лил воду,
И пламень храбрости вливал в сердца народу.
Не в латах, на конях, как греческий герой,
Не со щитом златым, украшенный всех паче,
С нагайкою в руках и на казацкой кляче,
В едино лето взял полдюжины он Трой.
Не в броню облечен, не на холму высоком,
Он брань кровавую спокойным мерил оком,
В рубахе, в шишаке, пред войсками верхом,
Как молния сверкал и поражал, как гром,
С полками там ходил, где чуть летают птицы.
Жил в хижинах простых, и покорял столицы,
Вставал по петухам, сражался

на штыках.

Чужой народ его носил на головах.

Одною пищею с солдатами питался.

Цари к нему в родство, не он к ним причитался,

Был двух империй вождь, Европу удивлял;

Сажал царей на трон, и на соломе спал.

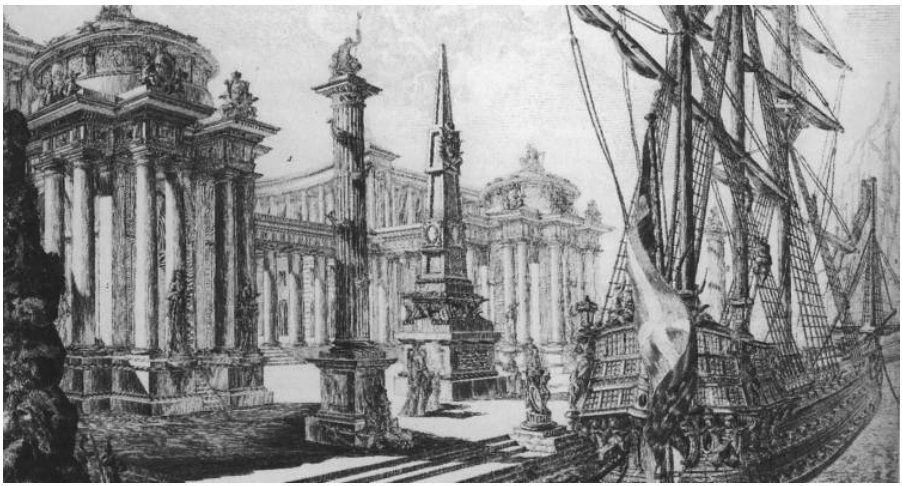
Прав был крупный военный деятель и историк XIX в. генерал-фельдмаршал Д.А. Милютин, говоря, что «Суворов по природе был, можно сказать, типом русского человека: в нем выразились самыми яркими красками все отличительные свойства нашей национальности…» [149] .

Суворов участвовал в шести крупных войнах, встречаясь с разнообразными противниками – польскими регулярными и иррегулярными войсками, с массовой армией турок, предельно вымуштрованными частями прусской армии и французскими республиканскими войсками. Богатая боевая практика способствовала всестороннему развитию военного мышления Александра Васильевича, чуждого косности и консерватизма. Он дал более 60 сражений и боев и все их выиграл.

Первые настоящие уроки боевых действий Суворов получил в ходе Семилетней войны в сражении при Кунерсдорфе (*см. очерк о П.С. Салтыкове*). Состоял он и в корпусе будущего фельдмаршала З.Г. Чернышева, когда в 1760 г. был предпринят набег на прусскую столицу – именно тогда русский солдат впервые прошел улицами Берлина. По-настоящему развернуться будущему генералиссимусу удалось, правда, лишь в войне 1768–1772 гг. с Барской конфедерацией – объединением польской шляхты, которая в союзе с Турцией вела борьбу за освобождение от российского протектората.

Европейски известным Суворов стал после сражения 12 сентября 1771 г. при Столовичах – местечке на пути между Минском и Брестом. Здесь базировалось 4-тысячное войско примкнувшего к конфедератам великого гетмана Литвы Огинского. В распоряжении генерал-майора Суворова находились 900 солдат, но разница в силах не испугала его. Неожиданной ночной атакой он наголову разбил противника, потеряв при этом только восемь нижних чинов. Гнездо конфедератов Краков удалось вообще склонить к капитуляции без боя. Генерал показал

себя мастером маневренной войны, быстрота и натиск все явственнее прорисовывались в его командном стиле. Он был щедро награжден сразу тремя орденами – Св. Александра Невского, Св. Георгия 3-й степени и Св. Анны.



Павильоны на Ходынке, построенные для празднования мира с Турцией. 1775

А главное – Екатерина наконец-то исполнила давнее желание Суворова, и в апреле 1773 г. он отбыл в распоряжение П.А. Румянцева на балканский театр военных действий (*см. очерк о П.А. Румянцеве*). Первым его боевым делом стала вылазка к турецкому укрепленному лагерю при Туртукае (*см. очерк о И.П. Салтыкове*). Соседом слева, у которого Суворов попросил содействия, оказался генерал-поручик Г.А. Потемкин. Именно здесь, в боевой обстановке, познакомились два крупнейших впоследствии деятеля екатерининской эпохи.

Их тесное сотрудничество станет фактом позднее, а пока две победы под Туртукаем, разгром турок, напавших на Гирсово, и в 1774 г. победа при Козлуджи – вот главные вехи в полководческой судьбе Александра Васильевича в русско-турецкую войну 1768–1774 гг. Последний успех оказал решающее влияние на ход всей кампании. Однако конфликт с командующим корпусом М.Ф. Каменским, которому военачальник был подчинен, привел к тому, что Суворов по достоинству оценен не был (*см. очерк о М.Ф. Каменском*).

Военное дело было единственным поприщем, которое увлекало этого человека без остатка. Когда случалось оставаться в стороне от горячки боя, Суворов тяготился, как ему казалось, бездельем. Простор для проявления крепнущего таланта дала ему вторая (1787–1791) русско-турецкая война. До конца кампании 1790 г. Суворов почти беспрерывно находился на ключевых

участках. Все крупные победы русских войск – при Кинбурне, Фокшанах, Рымнике и Измаиле были одержаны под его командованием.

Здесь ему и довелось воевать под непосредственным командованием Г.А. Потемкина. В высшей степени честолюбивые натуры этих двух неординарных людей накладывали на их взаимоотношения особый след (*см. очерк о Г.А. Потемкине*). Случались между ними и размолвки, но, по утверждению В.С. Лопатина, превалировало уважительное отношение друг к другу. В условиях, когда при дворе у Суворова было немало недругов и завистников, его полководческий талант, как убежден историк, без неизменной поддержки Григория Александровича раскрыться в полной мере не смог бы.

Рассказать обо всех сражениях, проведенных и выигранных Суворовым, не реально. Но есть среди них особые, знаковые, максимально раскрывшие профессиональные достоинства великого полководца. Одно из них – на реке Рымник (современная территория Румынии) 11 сентября 1789 г.

25-тысячному отряду русско-австрийских войск противостояла 100-тысячная армия османов. Военные историки тщательно анализировали это сражение, поскольку оно явилось крупным шагом вперед в области военного искусства. От линейной тактики в действиях русских войск не осталось и следа. Начав поиск новых тактических средств борьбы против турок еще в ходе предыдущей войны, Суворов здесь продолжил его. Он разделил вверенные ему войска на два самостоятельных отряда – отдельно из русских и австрийцев с тем, чтобы атаковать противника одновременно с обоих флангов. Войска наступали двумя линиями батальонных каре пехоты. За пехотой следовала конница, которая при штурме турецких полевых укреплений занимала промежутки между пехотными каре. Имея такой порядок, русско-австрийские войска могли маневрировать силами и средствами. Резервные каре позволяли Суворову наращивать силу удара. В ходе сражения он также широко использовал перекрестный огонь артиллерии, стрелявшей картечью, залповый огонь и штыковой удар пехоты.

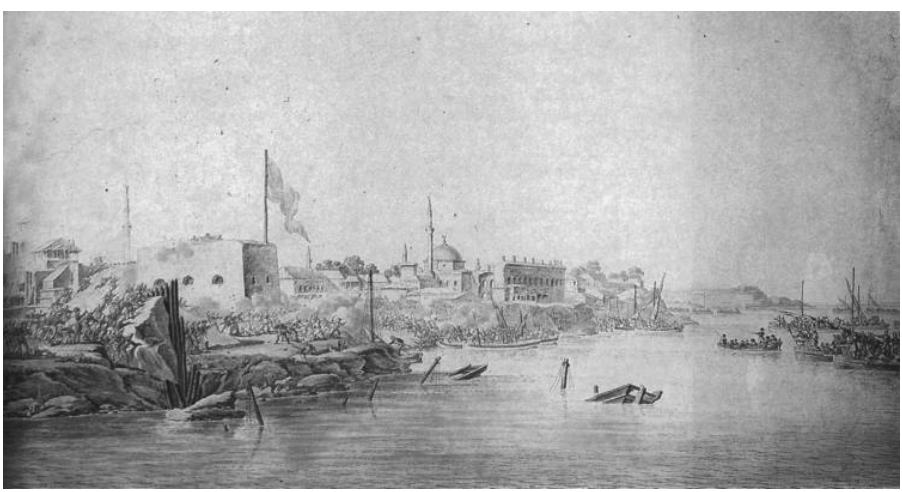
«Построясь ордером баталии, вмиг перешед Рымну, идти храбро, атаковать… Поспешность, терпение, строй, храбрость, сильная дальняя погоня» – эта программа, изложенная полководцем в диспозиции, была блестяще реализована союзными войсками. Об успехе говорит и соотношение потерь: 15–20 тысяч человек у турок и всего 700 – у союзников. И это, напомним, при четырехкратном преимуществе врага!

Екатерина II возвела Суворова в достоинство графа

Российской империи с именованием его впредь Рымникским и наградила бриллиантовыми знаками ордена Св. Андрея Первозванного и орденом Св. Георгия 1-й степени.

Знаменательным стал для Александра Васильевича и успешный штурм Измаила 11 декабря 1790 г. Штурмовать такую первоклассную крепость, расположенную в нижнем течении Дуная, мог взяться только действительно великий полководец. Это понял командующий армией Потемкин, написавший Суворову: «Моя надежда на Бога и на Вашу храбрость. Поспеши, мой милостивый друг!..» Что говорить: Александр Васильевич сам признавал, что «на такой штурм, как измаильский, можно пускаться один раз в жизни». Но он решился и победил, показав выдающийся образец ускоренной атаки крепости, согласованных действий сухопутных войск и речной флотилии.

В отличие от полевых сражений, где основную роль в победе русских войск над турецкими играло превосходство в тактике, вооружении и боевой подготовке, здесь на первый план выдвинулся моральный дух войск. Суворов хорошо представлял, кому он обязан победой: «Невозможно превознесть довольно похвалою мужество, твердость и храбрость всех чинов и всех войск, в сем деле подвизавшихся».



Взятие Измаила 11 декабря 1790 г.

Исследованиями последних лет доказано, что бытовавшая в литературе версия об остром конфликте, якобы случившемся после взятия крепости между Потемкиным и измаильским триумфатором, не выдерживает критики. Стычки двух полководцев в Яссах, описание которой уже две сотни лет переходит из одного сочинения в другое, просто не было. А вот весной 1791 г. зафиксированы их неоднократные дружеские встречи в Петербурге, в том числе на приемах у императрицы.

Да иначе и быть не могло: «Под начальством Потемкина прошли лучшие годы его (Суворова. – *Ю.Р.*) службы. По представлениям Потемкина он получил все высшие ордена России и другие награды. Никто не удостоился от Суворова такой оценки, как Потемкин: “Он честный человек, он добрый человек, он великий человек”. Да, Суворов был честолюбив и ревнив к успехам других. У него был вспыльчивый характер, критический склад ума и острый язык. В запальчивости он не щадил никого. Но лицемером он не был» [150] .

Правда, по мере пребывания Александра Васильевича в Петербурге противники Потемкина, стоявшие за наследником престола князь Н.В. Репнин, князь Н.И. Салтыков, граф И.П. Салтыков, смогли перевербовать его на свою сторону. Только тем, что Суворов редко бывал в столице, будучи полевым, а не придворным генералом, и плохо знал обстоятельства борьбы различных группировок, историк объясняет его временное «помрачение сознания» и нападки на Потемкина. Лишь после вскоре последовавшей неожиданной кончины Григория Александровича (5 октября 1791 г.) Александр Васильевич понял, что тайные и явные враги его старшего товарища и покровителя – это и его собственные недоброжелатели (*см. очерк о Н.И. Салтыкове*).

Не имея теперь возможности опереться на поддержку Потемкина, Суворов с большим трудом смог добиться направления в Польшу для борьбы с повстанческими войсками. В его конфиденциальной переписке то и дело встречаются имена тех, чьи козни не позволяли ему долгое время приступить к активной боевой деятельности. Имена все те же. В первую очередь, это – князь Репнин, давно интриговавший против своего бывшего сослуживца и еще в феврале 1791 г. отговоривший Потемкина от мысли передать Суворову командование армии на юге (*см. очерк о Н.В. Репнине*). Это – и оба Салтыковых.

Поддержку Александру Васильевичу смог оказать фельдмаршал П.А. Румянцев, который, несмотря на возраст, был поставлен во главе войск в южных губерниях. Нестор русской армии, как уважительно называл его Суворов, воспользовался разрешением продвинуть войска на польскую территорию и направил туда подчиненного во главе небольшого корпуса.

В 44 дня Суворову удалось справиться с восстанием. «С Польшей у нас войны нет, – заявлял Александр Васильевич, – я не министр, но военачальник: сокрушаю толпы мятежников». Пиком противоборства с конфедератами стал штурм предместья Варшавы – Праги 24 октября 1794 г. «Бить и гнать врага штыком, – требовал полководец, но, чуждый жестокости к

поверженному врагу, добавлял: – Неприятеля, просящего пощады, щадить; безоружных не убивать; с бабами не воевать; малолетков не трогать».

На краткое донесение Екатерине: «Ура! Варшава наша!» он получил не уступающий в лаконичности и выразительности ответ: «Ура! Фельдмаршал Суворов!».

Своеобразно отметил полководец получение фельдмаршальского жезла, судя по тем любопытным подробностям, которые приводит историк Д.Н. Бантыш-Каменский. Как же органично сочетались в Суворове серьезность и ироничность! Одетый в повседневный камзол полководец велел в походной церкви расставить стулья по числу генерал-аншефов, которых опередил при производстве в новый чин, и начал прыгать через эти стулья, называя в каждом случае имена обойденных: Н.И. и И.П. Салтыковых, Н.В. Репнина, Ю.В. Долгорукого, И.К. Эльмта и других. Только после столь нелегкого занятия – стульев было девять, а Суворову шел шестьдесят четвертый год – он надел фельдмаршальский мундир, все свои ордена, принял поднесенный ему жезл и велел служить благодарственный молебен.

Что заставляло его, немолодого и много повидавшего человека, шутить и насмешничать часто несообразно возрасту и занимаемому положению? На это как-то ответил сам полководец: «Меня хвалили цари, любили воины, друзья мне удивлялись, ненавистники меня поносили, при дворе надо мною смеялись. Я бывал при дворе, но не придворным, а Эзопом, Лафонтеном: шутками и звериным языком говорил правду. Подобно шуту Балакиреву, который был при Петре Первом и благодетельствовал России, кривлялся я и корчился. Я пел петухом, пробуждал сонливых, утомлял буйных врагов Отечества». Такое поведение, действительно, позволяло Суворову во многом избегать дворцовых интриг и козней своих высокопоставленных недругов и завистников. А их было, как видим, изрядно.

Делом, не красившим великого воителя, советские ученые считали его участие в подавлении крестьянской войны под предводительством Е.И. Пугачева. Между тем сам Суворов рассматривал борьбу со «злодеем-самозванцем Емелькой» (собственное выражение будущего генералиссимуса) как свой гражданский долг. Охранять целостность и спокойствие Отечества – неважно, от внешних или от внутренних опасностей – он полагал первейшей обязанностью.

Вот строки из собственноручно написанной в 1786 г. Суворовым биографии: «Из Царицына взял я себе разного войска

конвой на конях и обратился в обширность уральской степи за разбойником… Его уральцы, усмотря сближения наши, от страху его связали и бросились с ним… стремглав в Уральск, куда я в те же сутки прибыл… Немедленно принял я его в мои руки, пошел с ним через уральскую степь назад, при непрестанном во все то время беспокойствии от киргизцев, которые одного ближнего при мне убили и адъютанта ранили, и отдал его генералу графу Петру Ивановичу Панину в Симбирске».

Отличавшийся всегда исключительным милосердием к побежденному и уважением к достойному противнику, Александр Васильевич рядовых бунтовщиков жалел: «В следующее время моими политическими распоряжениями и военными маневрами буйства башкирцев и иных без кровопролития сокращены, но паче императорским милосердием». А вот сочувствием к пойманному Пугачеву полководец вовсе не проникся и в награду за его поимку рассчитывал на высший российский орден – Св. Андрея Первозванного. И если тогда не получил его, то не из-за каких-то симпатий к главарю восставших и его делу, а по причине все тех же интриг.

Немало претерпел полководец и от Павла I. Историки располагают сведениями, что, видя критичность, с какой Суворов относился к личности и нововведениям императора, его пытались подтолкнуть к участию в государственном перевороте. «Совесть мне воспрещает надеть военный пояс против герба России, которой я столько служил», – заявил на это фельдмаршал.

Мнительный Павел отправил старого служаку в ссылку в фамильную деревню Кончанское. Тот отреагировал на опалу в свойственном ему ироническом духе, сказав, что «ежели на Руси фельдмаршалы и играют в бабки, то это потому, что у ней их избыток, чего ради они и должны же по деревням что-нибудь делать».

Разумеется, в кончанском захолустье 70-летний полководец не только пел в церкви на клиросе и играл в бабки с крестьянскими детишками, но и внимательно следил за ходом войны в Европе, где, по собственным словам Александра Васильевича о Наполеоне, «далеко шагал мальчик», и обдумывал, как его «унять». Не случайно, получив в феврале 1799 г. рескрипт Павла I о вызове к армии, заметил: «Да я же здесь служил за дьячка и пел басом, а теперь буду петь Марсом».

Суворов был поставлен во главе союзных (России и Австрии) войск, которые действовали против французов в Северной Италии. Итальянский и Швейцарский походы 1799 г. – совершенно особая страница в его биографии, вершина полководческой деятельности. В сражении на реке Адда 16

апреля Суворов нанес поражение армии французского генерала Моро и за шесть недель занял почти всю Северную Италию. В июне французы (армии Макдональда и Моро) попытались окружить и уничтожить войска союзников, но в сражении на реке Треббия 6–8 июня русский гений нанес поражение Макдональду. Моро, опасаясь такой же участи, отступил. В августе русско-австрийские войска разгромили армию Жубера у города Нови.

Италия была освобождена от французского господства. Согласно новому плану войны Суворов должен был направиться в Швейцарию, изгнать оттуда армию Массены и начать наступление на Францию.

Австрийский кабинет вязал руки русскому полководцу, нередко диктуя совершенно неподходящие с точки зрения военного искусства ходы, недаром Суворов называл венское руководство «злодеями». Все время подводило и австрийское интендантство. В особенно тяжелое положение русские попали в Муотенской долине, пробившись сюда через знаменитый горный перевал Сен-Готард высотой более двух тысяч метров. К моменту их прибытия корпус генерала А.М. Римского-Корсакова оказался разгромленным (*см. очерк о Ф.В. Остен-Сакене*). Войска Суворова были до крайности утомлены, боеприпасы и продовольствие – на исходе. А полагаться можно было только на скудные собственные силы. О том, чтобы сдаться на милость французам, естественно, не было и мысли. Суворов решил пробиваться на север в австрийские владения.

23 сентября 1799 г. войска под прикрытием арьергарда двинулись к засыпанному глубоким снегом перевалу Паникс. Полководец был со своими солдатами. Как вспоминал один из участников этого похода, старик «посреди сих ужасов и посредь своего войска ехал на лошади… “Вперед – с нами Бог! Русское войско победоносно, ура!”. Сии слова героя, и все забыто». Войска были достойны своего вождя: через пять дней русские, преодолев горы, спустились в долину Переднего Рейна и соединились с австрийцами.

Даже не очень расположенный к Суворову Павел признал его беспримерные заслуги перед Отечеством и пожаловал чин генералиссимуса. «Ставя на высший степень, чести и геройству представленный, – объявлял он в императорском рескрипте, – уверен, что возвожу на оный знаменитейшего полководца сего и других веков».

Насколько искренен был при этом император, стало ясно очень скоро. Графу Рымникскому, князю Италийскому, генералиссимусу, живой славе России был сделан выговор за то, что во время похода он, вопреки уставу, имел дежурного

генерала. Этот удар по самолюбию полководца, захворавшего еще в пути с театра военных действий в Санкт-Петербург, оказался роковым.

В последний путь Суворова провожала вся столица. Настроение русских людей в тот момент эпически передал Г.Р. Державин в знаменитом «Снигире»:

Что ты заводишь песню военну
Флейте подобно, милый снигирь?
С кем мы пойдем войной на Гиену?
Кто теперь вождь наш? Кто богатырь?
Сильный где, храбрый, быстрый Суворов?
Северны громы в гробе лежат.
Кто перед ратью будет, пылая,
Ездить на кляче, есть сухари;
В стуже и в зное меч закаляя,
Спать на соломе, бдеть до зари;
Тысячи воинств, стен и затворов;
С горстью россиян всё побеждать?
Быть везде первым в мужестве строгом,
Шутками зависть, злобу штыком,
Рок низлагать молитвой и Богом,
Скиптры давая, зваться рабом,
Доблестей быв страдалец единых,
Жить для царей, себя изнурять?
Нет теперь мужа в свете столь славна:
Полно петь песню военну, снигирь!
Бранна музыка днесь не забавна,
Слышен отвсюду томный вой лир;
Львиного сердца, крыльев орлиных
Нет уже с нами! – что воевать?

Грустно, но и в этом проявилось нечто наше, национальное, когда пророк в Отечестве признается таковым чаще всего лишь посмертно.

Князь Иван Юрьевич Трубецкой (1667–1750)

Тяжкое испытание уготовила судьба князю Ивану Трубецкому – 18 лет в шведском плену. В первом сражении Северной войны под Нарвой он командовал дивизией, состоявшей из необстрелянных рекрутов, и ничем не смог помочь армии. Вместе с остальным командным составом во главе с герцогом де Крои вынужден был отдать шпагу победителям (*см. очерк о К.-Е. де Крои*).

Конечно, о плене тех лет да к тому же для боярина нельзя судить по представлениям о войнах XX в. Трубецкой пребывал в шведской столице, говоря современным языком, под домашним

арестом и имея вполне сносные бытовые условия, прижил там сына. Позднее к нему даже приехала законная супруга с дочерью. Но ограничение свободы не могло не тяготить. Год шел за годом, свершилась уже славная Полтавская баталия, в устье Невы выросла молодая российская столица, а князь все оставался в плену. Только в 1718 г. вместе с генералом Автономом Головиным, двоюродным братом генерал-фельдмаршала Ф.А. Головина, его обменяли на шведского фельдмаршала Реншильда, взятого в плен еще под Полтавой.

На родине Иван Юрьевич получил чин генерал-лейтенанта и пост губернатора в Киеве. В связи с победоносным завершением войны со Швецией стал генералом от инфантерии и вошел в состав Военной коллегии. Император Петр II в феврале 1728 г. возвел его в генерал-фельдмаршалы. Трубецкой, как видим, рос в воинских чинах, но последним полем сражения была для него скрытая дымкой прошлого Нарва 1700 г.

Его место в истории нашей страны попытался определить Д.Н. Бантыш-Каменский следующим образом: «Князь Иван Юрьевич Трубецкой хотя не должен занимать места между полководцами нашими, ибо не отличил себя на ратном поле, но верностью к престолу и любовью к правде заслуживает уважение потомства» [151] .

Что имеется в виду? Вероятно, то, что князь разделил позицию политических сил, выступивших против узкого олигархического круга из князей Долгоруких и Голицыных, которые попытались ограничить самодержавное правление Анны Иоанновны (*см. очерк о В.В. Долгоруком*). 24 февраля 1730 г. именно И.Ю. Трубецкой вручил императрице челобитную, подписанную почти 300 дворянами, с просьбой «всемилостивейше принять самодержавство таково, каково ваши славные и достохвальные предки имели». «Верховники» были повержены, а на сторонников неограниченного самодержавия посыпались награды. Граф Г.И. Головкин, оставаясь канцлером, стал сенатором и первым членом вновь учрежденного Кабинета министров, вице-канцлер А.И. Остерман – графом Российской империи, князь А.М. Черкасский получил чин действительного тайного советника и оба существовавших тогда российских ордена – Св. Андрея Первозванного и Св. Александра Невского. Что касается князя И.Ю. Трубецкого, то он также был удостоен обоих орденов и стал сенатором.

В мае 1739 г. князь был назначен московским генерал-губернатором, но преклонные годы заставили его уже в конце того же года просить об отставке.

И.Ю. Трубецкой – потомок великого князя Литовского

Гедимина. В «Истории родов русского дворянства» его называют последним русским боярином, ибо в этом качестве он находился еще в окружении молодого Петра I, а умер в 1750 г. 82-х лет от роду [152] . Отец двух дочерей, имел в зятьях молдавского господаря Дмитрия Кантемира и принца Людвига-Вильгельма Гессен-Гомбургского, генерал-фельдмаршала (*см. очерк о Л.-В. Гессен-Гомбургском*). Кем из потомков ему действительно можно было гордиться, так это побочным сыном И.И. Бецким. Иван Иванович – известный просветитель и педагог времен Екатерины II, учредитель и первый президент Академии художеств.

Князь Никита Юрьевич Трубецкой (1699–1767)

Эпоха дворцовых переворотов, кроме иных последствий, повреждала умы и характеры тех, кто попадал в ее водоворот. Люди вроде бы вполне нормальные, совестливые и богобоязненные, если не ломались, то вдруг становились оборотистыми ловкачами, умевшими, как говорят на Востоке, протащить верблюда сквозь игольное ушко. Придворные партии в борьбе за власть пожирали друг друга, и выжить в такой обстановке больший шанс имели беспринципные, циничные, жестокие царедворцы, умевшие заискивать перед временщиками. Не откажешь в точности историку князю М.М. Щербатову,

придумавшему особый термин для характеристики России того времени – «повреждение нравов».

Князь Никита Юрьевич Трубецкой – лучшая иллюстрация сказанного. Племянник генерал-фельдмаршала И.Ю. Трубецкого, он принадлежал к одному из старейших родов, происходившему из Литвы и Польши (*см. очерк о И.Ю. Трубецком*). Еще при Петре I отец, князь Юрий Юрьевич, направил его на учебу за границу. По возвращении из «немецкой земли» молодой князь был взят на службу в качестве царского денщика и в январе 1722 г. записан в сержанты лейб-гвардии Преображенского полка. В апреле того же года Никита Юрьевич женился на дочери канцлера Г.И. Головкина, Анастасии Гавриловне. О репутации, которую сумели завоевать молодые, говорит тот факт, что посаженными отцом и матерью у Трубецкого были Петр I и княгиня Д.М. Меншикова, а у невесты – А.Д. Меншиков и императрица Екатерина. Петр к тому же крестил двух сыновей князя.

Так уж сумел устроиться Никита Юрьевич, что ни один из правителей России, чьим современником он являлся, не отказывал князю в благоволении. Правда, цену за это приходилось платить изрядную. Современники свидетельствовали: чтобы не уйти в тень при Петре II, Трубецкому пришлось заискивать перед князем Иваном Долгоруким, любимцем императора. Ради этого Никита Юрьевич предпочитал «не замечать» все более настойчивых ухаживаний Долгорукого за Анастасией Гавриловной. Как писал М.М. Щербатов, ухаживания временщика не остались без успеха. Долгорукий нередко приезжал в дом Трубецких с компанией таких же повес, «пивал до крайности, бивал и ругивал» хозяина, а однажды «по исполнении над ним многих ругательств хотел, наконец, выкинуть его в окошко».

Потом, правда, Никита Юрьевич расквитался с ним руками другого временщика Э. Бирона: Иван Долгорукий, участвовавший в заговоре «верховников» против самодержавного правления Анны Иоанновны, окончил жизнь на плахе (*см. очерк о В.В. Долгоруком*).

Сам же Трубецкой, благодаря протекции родного дяди князя Ивана Юрьевича, вовремя ставшего в ряды тех дворян, которые призвали Анну Иоанновну «царствовать самодержавно по примеру прародителей», был пожалован в генерал-майоры и в подпоручики Кавалергардского корпуса, а с упразднением последнего стал майором лейб-гвардии Преображенского полка.

37-летним генералом он впервые в жизни попал на войну, в которой Россия сошлась с Турцией (1735–1739). Под пули и ятаганы Никита Юрьевич, однако, не спешил. Не торопил его и

главнокомандующий Б.-Х. Миних, питавший большое расположение ко второй жене подчиненного – княгине Анне Даниловне. Готовясь к походу в Крым, Миних возложил на Трубецкого заготовку провианта для армии. Но тот дело провалил, в результате от голода и болезней в 1736 г. в Крыму погибло не менее половины армии (*см. очерк о Б.-Х. Минихе*).

Главнокомандующий, желая выгородить себя, объяснял это «жарким климатом и дурной степной водою». Круговая порука связала его с нерадивым помощником: Трубецкой не только не был наказан, но наоборот – повышен в чине. А в январе 1738 г. князь именным указом был назначен генерал-кригс-комиссаром, т. е. главным интендантом русской армии, и пробыл в этой должности до окончания войны. Ох, как пожалел потом Миних о своей беспринципности!

Когда в 1741 г. императрицей стала Елизавета, над Б.-Х. Минихом, А.И. Остерманом и М.Г. Головкиным (вице-канцлер) был устроен суд. Указанных лиц обвинили в попытке (после смерти Анны Иоанновны) поставить Бирона в нарушении закона регентом. Главой следственной комиссии был Трубецкой, ставший еще апреле 1740 г. генерал-прокурором Сената и действительным тайным советником. Он опять извернулся, как библейский змий, хотя сам участвовал в подготовке духовного завещания Анны Иоанновны, в соответствии с которым Бирон становился фактическим правителем государства. И именно из его уст сразу после кончины императрицы прозвучал текст декларации о назначении герцога курляндского регентом Российской империи. Верно служил Трубецкой временщику и в период его кратковременного регентства. Генерал-прокурор отличался от подсудимых только тем, что вовремя изменил Анне Иоанновне, Бирону и Анне Леопольдовне.

Теперь же Никита Юрьевич словно забыл обо всем этом, и Миниха судил строго. «Забыл» он и о том, что не сам по себе, а благодаря обвиняемому занял место генерал-прокурора. Беззастенчивость князя настолько возмутила старого солдата, что тот публично, в присутствии других членов суда уличил Никиту Юрьевича в бесстыдстве. «Я в одном только внутренне себя укоряю, – бросил Миних ему в лицо, – зачем не повесил тебя, когда ты занимал должность генерал-кригс-комиссара во время турецкой войны и был обличен в похищении казенного достояния. Вот этого я себе не прощу до самой смерти». Он предложил Трубецкому не утруждать себя дальнейшим допросом и на все вопросы самому дать такие ответы, которые пожелает, а он, Миних, подпишет все это, не глядя [153] .

Негласно присутствовавшая на допросе Елизавета Петровна

стала свидетелем этого диалога, но давние услуги, оказанные ей князем, перевесили стремление к правде. Миних отправился в ссылку, а влияние генерал-прокурора Трубецкого стало как никогда значительным. Нет сомнений, что в этом выражалась плата благодарной императрицы за его участие в перевороте, вознесшем «дщерь Петрову» на престол. Трубецкой и его зять князь Черкасский заранее вступили в контакт с Елизаветой, когда она была еще цесаревной, и многое сделали для ее воцарения.

Князь без устали льстил новой императрице не без задней мысли. Склоняя ее к мысли править по «законам своего любезнейшего родителя», Трубецкой добился возрождения былого значения Сената, как верховного органа. Тем самым возвысился и он лично. Как писал историк, генерал-прокурор из «нуля между незначащими цифрами снова сделался царским оком».

При проведении церемонии коронации Елизаветы Петровны 25 апреля 1742 г. Н.Ю. Трубецкому была оказана особая честь – он исполнял обязанности верховного маршала. В этот день его мундир украсился Андреевской лентой.

Как генерал-прокурор, Трубецкой был причастен к рассмотрению многих дел, из которых самые известные – суды над А.И. Остерманом, Б.-Х. Минихом и М.Г. Головкиным в 1741 г., о чем читатель уже знает, и дело против его личного врага А.П. Бестужева-Рюмина в 1758 г. (*см. очерк о А.П. Бестужеве-Рюмине*).

В марте 1756 г. Никита Юрьевич был назначен членом вновь учрежденной Конференции при высочайшем дворе и в том же году пожалован в генерал-фельдмаршалы. Чтобы князь мог сосредоточиться на делах армии, Елизавета в 1760 г. сделала его сенатором и посадила в Военную коллегию президентом. Пост генерал-прокурора, правда, пришлось оставить.

При обряде похорон императрицы, почившей в декабре 1761 г., князь был главным распорядителем погребальной церемонии. А по вступлении на престол Петра III занял место в числе «возлюбленных придворных персон» императора. Тут дело и в тех услугах, которых Никита Юрьевич, как генерал-прокурор, оказал в свое время великому князю, и в его умении подлаживаться к личным вкусам Петра Федоровича. «Трудно было не улыбнуться, – писала княгиня Е.Р. Дашкова, – когда я увидела князя Трубецкого, вдруг принявшего воинственный вид и в первый раз в жизни затянутого в полный мундир, перевязанного галунами, подобно барабану, обутого в ботфорты со шпорами, как будто бы он сейчас готовился вступить в отчаянный бой» [154] .

9 июня 1761 г. Никита Юрьевич получил от Петра III чин полковника Преображенского полка – раньше его имели лишь

императоры России. Но через три недели старый куртизан (так называли придворных, цель которых заключалась исключительно в получении государевых милостей и связанных с этим власти и богатств) изменил благодетелю. При известии о начавшемся перевороте Петр III направил Трубецкого к своей жене, надеясь, что президент Военной коллегии сможет каким-либо образом остановить ее. Но Никита Юрьевич, обладавший редким политическим чутьем, предпочел, встретив Екатерину по дороге, благоговейно припасть к ее руке и присоединиться к свите.

В знак доверия к Трубецкому новая императрица назначила его главным распорядителем своей коронации, состоявшейся 6 июля 1762 г. Правда, ему пришлось уступить Екатерине Алексеевне чин полковника лейб-гвардии Преображенского полка, а самому переименоваться в подполковники: не могла же государыня, в самом деле, идти в подчинение к подданному.

Через год по слабости здоровья Никита Юрьевич был уволен от службы. Доживал он свой век в Москве, не ощущая материальных тягот, поскольку Екатерина назначила ему полное фельдмаршальское жалованье и приказала дополнительно выдать 50 тысяч рублей.

По отзывам современников, князя Н.Ю. Трубецкого отличали грубость, жестокость и полное отсутствие нравственных принципов. М.М. Щербатов называл его «пронырливым, злым и мстительным», княгиня Е.Р. Дашкова – куртизаном, в совершенстве владевшим искусством притворства. Рассказывали, тем не менее, что умер он в ужасных мучениях, терзаемый не только физическими страданиями, но и угрызениями совести. Перед смертью он покаялся перед вдовой одного из сосланных в Сибирь сановников графа М.Г. Головкина и умолял простить зло, причиненное его кознями.

Кронпринц Прусский Фридрих-Вильгельм (1831–1888)

Всего 99 дней правил он Германией под именем императора Фридриха III. Сын и наследник императора Вильгельма I Гогенцоллерна, Фридрих-Вильгельм был женат на принцессе Виктории-Адельгейде, старшей дочери британской королевы Виктории, что наложило отпечаток на его политические взгляды. Он исповедовал либеральные идеи и потому долго не мог ужиться с «железным канцлером» О. Бисмарком и прусской элитой.

А начинал он свой жизненный путь традиционно для представителя правящей династии. Как было заведено в мужской

линии Гогенцоллернов, стал профессиональным военным. Во время войн с Данией (1864), Австрией (1866) и Францией (1870–1871) занимал в армии высокие командные должности. Во франко-прусской войне Фридрих-Вильгельм в качестве командующего 3-й армией принимал участие в сражении при Седане, когда военная машина Франции получила смертельный удар.

Его отец Вильгельм I на протяжении всей жизни имел некоторое отношение к российской армии, хотя никогда в ней не служил. Он был шефом трех полков – 13-го драгунского Военного ордена, 5-го пехотного Калужского и Санкт-Петербургского гренадерского короля Фридриха-Вильгельма III, а в 1869 г. в связи со 100-летием учреждения ордена Св. Георгия был удостоен 1-й степени этого ордена [155] . Его сын также не состоял на российской военной службе. Но в 1872 г., еще будучи кронпринцем, Фридрих-Вильгельм в признание заслуг в войне с Францией был удостоен чина российского генерал-фельдмаршала. Можно лишь посетовать на недальновидность Александра II, который жаловал высшими российскими чинами и орденами потенциального противника, в отличие от Франции быстро наращивавшего мускулы у западных рубежей Российской империи (*см. очерк о Х. Мольтке*).

Потсдам. Дворец Сансуси.

Будучи, напомним, либералом, Фридрих-Вильгельм уже после объединения Германии поссорился с отцом и был оттеснен от политических дел, выполняя лишь представительские функции. Со временем разногласия с правящей элитой сгладились. Став императором в марте 1888 г., он заявил, что, управляя государством, будет следовать отцовской линии, и предложил О. Бисмарку остаться на постах рейхсканцлера

Германии и министра-президента Пруссии [156] . Весьма вероятно, что искать опору в лице «железного канцлера» новоиспеченного императора заставила смертельная болезнь и немалый возраст – 67 лет, в котором Фридрих III взошел на престол.

Граф Захар Григорьевич Чернышев (1722–1784)

«Военный министр и комнатный генерал» – такую характеристику заслужил З.Г. Чернышев от свояка графа Петра Ивановича Панина. Была она не по-родственному суровой, но, надо признать, объективной.

Захар Григорьевич приходился сыном генерал-аншефу Григорию Петровичу Чернышеву, пользовавшемуся большим авторитетом в глазах Петра I и Елизаветы Петровны, сенатора, графа, кавалера ордена Св. Андрея Первозванного. Отец наметил сыну военную карьеру и уже в тринадцать лет определил его на армейскую службу.

В начале царствования Елизаветы Захар Григорьевич получил чин капитана и на несколько лет был отправлен в российское посольство в Вену. Время даром не терял, осваивая тонкости дипломатической службы и совершенствуя знание иностранных языков. Его возвращение в 1744 г. в Россию совпало с бракосочетанием наследника престола Петра Федоровича с принцессой Ангальт-Цербстской, будущей императрицей Екатериной II. Поскольку матери Захара Григорьевича удалось определить сына в ближайшее окружение великого князя в качестве камер-юнкера, молодому человеку представилась возможность познакомиться и часто общаться с великой княгиней, явно превосходившей мужа умом и проницательностью. Позднее, с воцарением Екатерины Алексеевны это скажется на положении Чернышева.

А пока карьера складывалась неоднозначно. В 1748 г. императрица, недовольная ростом симпатий к Захару Григорьевичу со стороны великого князя и великой княгини, перевела его в армию в чине полковника. Чернышев участвовал в походе 30-тысячного российского корпуса на Рейн, предпринятом для помощи австрийской императрице Марии-Терезии, которой угрожала Пруссия, командовал Санкт-Петербургским пехотным полком. В 1750 г. стал генерал-майором. С началом Семилетней войны Захар Григорьевич был прикомандирован к австрийской армии, произведен в генерал-поручики и удостоен ордена Св. Александра Невского.

Наиболее яркой страницей в его ратной биографии, явно не изобиловавшей значительными событиями, стало участие в Цорндорфском сражении 14 августа 1758 г., в котором генерал-поручик Чернышев командовал гренадерами. Выпала на его, как военачальника, долю и редкая удача: именно руководимый им отдельный корпус впервые занял в сентябре 1760 г. Берлин (в истории такое случилось еще дважды – в 1813 г. и в 1945 г.). Налет на прусскую столицу был непродолжительным – всего четыре дня, но свою роль сыграл. Неприятель только пленными потерял четыре тысячи человек, в самом городе были разрушены монетный двор, цейхгаузы, оружейные заводы, взята большая контрибуция.

По иронии судьбы именно Чернышеву новый император Петр III, низкопоклонник перед Фридрихом II, вверил командование войсками, прикомандированными к прусской армии. Едва получив корону, Петр немедленно прекратил военные действия против Пруссии, вернул ей все завоеванные области (Восточная Пруссия уже четыре года, как находилась в русском подданстве) и повернул свою армию против бывших союзников. Всю весну 1762

г. корпус Чернышева совершал набеги на Богемию и исправно рубился с вчерашними союзниками-австрийцами.

А ведь в тот год участь традиционного противника России могла быть решена окончательно. От полного краха Фридриха Великого избавил Петр III, бережно культивировавший свой провинциальный голштинский кругозор. Проявляя полное непонимание государственных интересов империи, во главе которой он оказался, Петр всецело подчинял их интересам родного германского герцогства (*см. очерки о К.-Л. Голштейн-Бекском, П.-А. Голштейн-Бекском и Г.-Л. Шлезвиг-Голштинском*). И за эти антинациональные действия поплатился головой. Образно сказал об этом историк: «Герцог голштинский спас короля прусского – спас ценою жизни императора всероссийского» [157] .

Сменившая своего незадачливого супруга Екатерина II немедленно вернула Чернышева на родину, пожаловала ему чин генерал-аншефа и орден Св. Андрея Первозванного. В день ее коронования Захару Григорьевичу было доверено выступить верховным церемониймейстером, что, без сомнения, указывало на особую степень доверия генералу.

В 1763 г. Чернышев был назначен вице-президентом Военной коллегии. Полновластным главой ведомства – президентом коллегии он стал через десять лет, правда, ненадолго, ибо уже в 1784 г., формально оставаясь на своем посту, фактически сдал должность вошедшему в силу Г.А. Потемкину, ставшему в 1774 г. вице-президентом коллегии (*см. очерк о Г.А. Потемкине*). Еще в 1773 г. Захар Григорьевич получил чин генерал-фельдмаршала.

За годы пребывания во главе Военной коллегии Чернышев сделал немало: под его руководством в 1763 г. был издан новый полевой устав, введены новые штаты, положения и инструкции для полков, в войсках стало больше порядка с обеспечением и размещением. Но его деятельность лишний раз подтвердила правильность оценки, которую ему дал граф П.И. Панин: Захар Григорьевич был в первую очередь не полководец, не военный мыслитель, а администратор, управленец.

Взять упомянутый выше полевой устав. По оценке военного историка А.А. Керсновского, этот документ совершенно не учитывал опыт недавно прошедшей Семилетней войны ни в построении войск, ни в тактике их действий и представлял собой образец так и не изжитого преклонения перед «пруссачиной во всех видах и проявлениях». Лишь с возвращением к активной военной деятельности П.А. Румянцева «творчество доморощенных потсдамцев», к числу которых историк явно причислял и Чернышева, было сдано в архив.

Слабости графа как военного деятеля особенно на фоне таких блестящих полководцев, как Румянцев, Суворов, Потемкин постепенно открылись и Екатерине Великой, которая с годами все больше стала использовать его для гражданской деятельности. Чернышев был первым генерал-губернатором Белоруссии (с 1772 г.), через десять лет возглавил московское градоначальство, оставив добрый след в благоустройстве древней столицы. Слава мецената, покровительствовавшего ученым мужам и художникам, сопровождала его далеко за пределами Москвы.

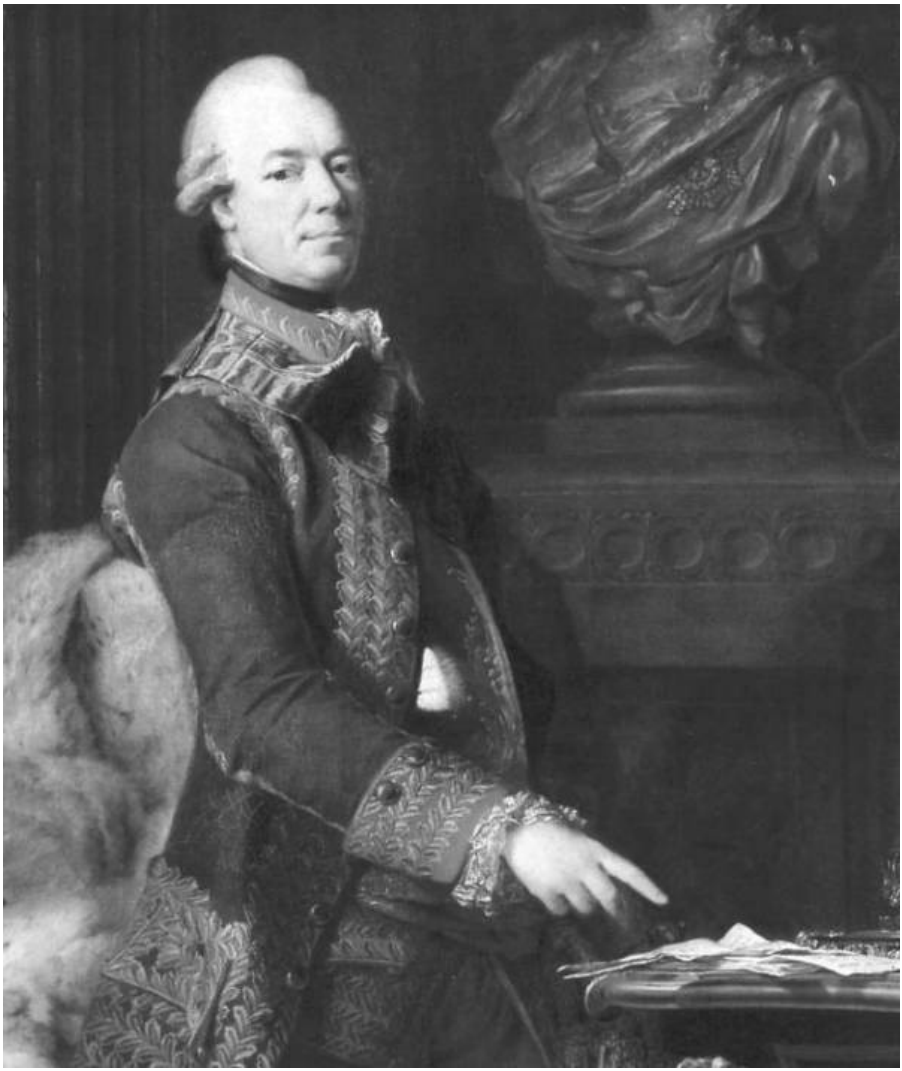
Д.Н. Бантыш-Каменский приводит историю, свидетельствующую о возвышенном характере Чернышева.

– Слышно, что Репнину дали Андреевский орден, – снисходительно сообщил ему знакомый вельможа, имея в виду князя Н.В. Репнина, в 1779 г. удостоенного высшей награды за то, что в борьбе за баварское наследство между Австрией, с одной стороны, и Пруссией и Саксонией, с другой, ему удалось склонить Австрию к выгодному для России миру.

– Что, значит, дали? – ответил Чернышев, высоко ценивший дипломатические способности князя. – Мне его дали и тебе могут дать, а Репнин сам его взял [158] .

Вероятно, Захар Григорьевич мог бы сделать для блага Отечества больше, если бы судьба оказалась к нему щедрее. А так он прожил неполных шестьдесят три года, скончавшись в августе 1784 г.

По отзыву князя Н.В. Репнина, Чернышев «пользовался отличным уважением и был разумным администратором по военной и гражданской части» [159] .



А. Рослен. Портрет генерал-фельдмаршала З.Г. Чернышева. Около 1776 г.

Граф Иван Григорьевич Чернышев (1726–1797)

Граф Иван Григорьевич приходился младшим братом генерал-фельдмаршалу З.Г. Чернышеву. Последнему, как известно, покровительствовала Екатерина II, что во многом предопределило судьбу и Ивана (*см. очерк о З.Г. Чернышеве)* .

Военной службой он, в отличие от многих ровесников, не бредил. Получив в домашних условиях начальное образование, 15-летний юноша отправился в Данию, где другой его брат Петр был чрезвычайным посланником. За границей Иван пробыл без малого полтора десятилетия: завершил образование, побывал в Пруссии и Англии, приобрел опыт дипломатической службы. По

возвращении в Россию получил камергерское звание.

С восшествием на престол Екатерины II граф Захар Григорьевич стал генерал-аншефом и получил в день ее коронования орден Св. Андрея Первозванного. Пожалования Ивана Григорьевича были поскромнее, но и на них не стоило обижаться: он приобрел чин генерал-поручика и орден Св. Анны.

Правда, дипломатическую службу ему пришлось сменить на военно-морскую. Трудно сказать, почему императрица решила использовать Ивана Григорьевича, ранее ступавшего на борт морского судна лишь в качестве пассажира, столь необычным образом. При всем при том он был назначен членом Адмиралтейств-коллегии (1763) и присутствующим в морской комиссии российских флотов, а через два года стал главным командиром Галерного порта.

В 1767 г. граф И.Г. Чернышев прервал деятельность на этом поприще и отправился в Лондон чрезвычайным и полномочным послом. Екатерина наращивала усилия по налаживанию с Англией таких отношений, которые позволили бы совместно противостоять Франции, поддерживавшей и антирусские настроения в Польше, и планы Турции по вытеснению России из Причерноморья. За год до этого между Россией и Англией был подписан торговый договор, Лондон при этом согласился с политикой русского правительства в польском вопросе. Но усилия в этом направлении необходимо было наращивать.

После начала войны с Турцией Чернышев вернулся в Россию и стал вице-президентом Адмиралтейств-коллегии. Назначение некомпетентного человека на столь ответственный пост обидело многих моряков. Например, старейший член Адмиралтейств-коллегии и председатель комиссии «для приведения флотов в безопасное и для чести империи сходственное положение» адмирал С.И. Мордвинов в знак несогласия даже подал в отставку [160] .

Тем не менее, граф перед трудностями не стушевался. Он начал с того, что из личных средств ссудил коллегии, испытывавшей острый недостаток в деньгах, 75 тысяч рублей. Свои усилия он сосредоточил на восстановлении потенциала российского военного флота. Спустя несколько лет Екатерина II писала Ивану Григорьевичу: «У меня в отменном попечении ныне флот, и я истинно его так употреблю, если Бог велит, как он еще не был».

В 1772 г. Чернышев испросил заграничный отпуск для лечения, по возвращении из которого 10 июля 1776 г. (день празднования мира с Турцией) «за многие труды его в приведении флота в доброе состояние» удостоился орденов Св.

Андрея Первозванного и Св. Александра Невского.

Граф Иван Григорьевич пользовался неизменным расположением Екатерины II вплоть до ее кончины, достаточно сказать, что он получил редкое право ежедневно разделять с ней трапезу. Когда в 1782 г. императрица учредила орден Св. Владимира, И.Г. Чернышев оказался в числе первых одиннадцати кавалеров этой награды (наряду с А.А. Безбородко, Г.Г. Орловым, Г.А. Потемкиным, П.А. Румянцевым и другими). Вместе с матушкой-государыней совершил поездки на север (когда в 1783 г. Екатерина во Фридрихсгаме встречалась со шведским королем) и на юг (при посещении ею в 1787 г. Крыма и Причерноморья) (*см. очерк о Г.А. Потемкине*).

8 сентября 1790 г. торжественно праздновалось заключение мира со Швецией (*см. очерк о И.П. Салтыкове*). Так как в завершившейся войне флот сыграл решающую роль, граф Иван Григорьевич получил алмазные знаки ордена Св. Андрея Первозванного и был введен в состав Совета при императрице.

При Павле I позиции И.Г. Чернышева еще более усилились. Новый император хорошо помнил, как еще в бытность его великим князем Иван Григорьевич больше всего любил рассказывать наследнику престола о знаменитых делах его прадеда императора Петра Великого. «Это истинно Бог был на земле во время отцов наших!», – со слезами на глазах восклицал Чернышев, наставляя Павла следовать его великому предку.

Граф стал президентом Адмиралтейств-коллегии и сенатором и 12 ноября 1796 г. был произведен в чин генерал-фельдмаршала с добавлением «по флоту». В таком необычном добавлении была своя логика: Павел, конечно, помнил о том, что Иван Григорьевич никогда не был плавающим морским начальником и не имел основания претендовать на высшее адмиральское звание, которое соответствовало статусу его должности президента коллегии – генерал-адмирала.

Однако потрудиться на новом посту, по сути, не пришлось: здоровье пошатнулось, и граф испросил разрешения уехать на лечение за границу. После кончины, последовавшей в феврале 1797 г., его останки были перевезены в Санкт-Петербург и похоронены в церкви Благовещения Александро-Невской лавры.

Как писал Д.Н. Бантыш-Каменский, «граф Иван Григорьевич Чернышев с умом образованным соединял любезность и, вместе, некоторое непостоянство в характере; в Советах был нерешителен, слишком осторожен; но в продолжительное пребывание свое вне Отечества остался русским во всем пространстве этого слова; отличался хлебосольством…» [161] .

Граф Борис Петрович Шереметев (1652–1719)

Русская и шведская армии сошлись у Полтавы 27 июня 1709 г. Одетый в мундир гвардейского полковника Петр I крестообразно осенил полки обнаженной шпагой и произнес, обращаясь к Шереметеву:

– Господин фельдмаршал! Поручаю вам армию мою и надеюсь, что в начальствовании поступите вы согласно предписанию, вам данному; а в случае непредвиденном, как искусный полководец. Моя же должность надзирать за всем вашим начальствованием и быть готовым на сикурс (т.е. помощь – *Ю.Р* .) во всех местах, где требовать будет опасность и нужда.

К счастью, «непредвиденного» случая, т. е. гибели Петра в сражении, не произошло. Шереметев поэтому лишь номинально командовал русской армией, фактически под его начало была отдана только пехота. Ей наряду с кавалерией А.Д. Меншикова и артиллерией Я.В. Брюса – еще двух «птенцов гнезда Петрова» – пришлось выдержать основной удар противника (*см. очерки о А.Д. Меншикове и Я.В. Брюсе*).

Шведы попытались прорвать центр русских войск, которым командовал генерал А.И. Репнин. Здесь, как загодя сообщил Карлу XII перебежчик, должны были находиться новобранцы. Но Петр своевременно заменил их обстрелянными солдатами Новгородского полка, и противник неожиданно для себя встретил серьезное сопротивление. Когда первый батальон все же подался назад, царь тут же подкрепил отступающих вторым батальоном, и положение было восстановлено. Русская пехота принялась активно теснить шведов с фронта, а кавалерия атаковала фланги.

Шереметев не щадил себя в битве, воодушевляя подчиненных. Охваченный боевой лихорадкой, он даже не заметил, как пуля пробила ему рубаху, выпроставшуюся из-под камзола.

После двух часов боя шведы были «весьма опровергнуты» и побежали. У Полтавы и через день в ходе неудавшейся переправы через Днепр при селении Переволочна они потеряли более 9 тысяч человек убитыми и почти 19 тысяч пленными. За Днепр вместе с Карлом XII смогли уйти не более 2 тысяч. Потери русских составили 1,3 тысячи убитыми и 3,2 тысячи ранеными. Победа была полной. Вместе с другими военачальниками ощущение триумфа переполняло и Шереметева.

По счету Борис Петрович был третьим российским генерал-фельдмаршалом. Но, по сути, первым, кто удостоился этого чина, исходя из несомненного военного дарования и громких побед.

К моменту единоличного утверждения Петра I на престоле в 1689 г. Шереметев был уже зрелым ратным бойцом и придворным, успев, например, принять участие в одном из крымских походов фаворита царевны Софьи князя В.В. Голицына. По своему мироощущению и привычкам он принадлежал к XVII в. Волей судьбы оказавшись в бурном потоке петровских преобразований, с трудом расставался с чертами патриархального воеводы и привычными представлениями о том военном искусстве, где приоритет отдавался числу, а не умению.

Известность он получил в 1695 г. после первого похода Петра к Азову, в котором, оттянув на себя часть сил врага, разорил его укрепления по Днестру и построил крепость на острове Тамань. Уже тогда заметно проявились определяющие черты его

полководческого стиля: медлительность, крайняя осторожность, рассудительность. Борис Петрович, по оценке историка Н.И. Павленко, остерегался неожиданных, необычных решений и был явно не из тех, кто готов предоставить судьбу вверенного ему войска воле случая. Вместе с тем Шереметев проявлял заметную робость перед царем, заискивал перед «нужными» людьми. Обладал он и «особым даром клянчить пожалования» [162] . Но все же, в конечном счете, не это определяло его полководческий облик.

Северная война России со Швецией за выход к Балтийскому морю началась, как известно, с неудачи русской армии под осажденной ею Нарвой (*см. очерк о К.-Е. де Крои*). Не на высоте оказался здесь и Шереметев. Еще накануне решающего сражения 19 ноября 1700 г. Борис Петрович, командовавший отрядом дворянской конницы, не смог удержать его от отступления, как только стало известно о приближении шведских войск. Возможно, по этой причине царь доверил командование всей армией не ему, а лишь недавно нанятому на русскую службу герцогу Кроа де Крои. Овчинка, правда, не стоила выделки: новый главнокомандующий не имел ни авторитета, ни влияния на войска. Шведы ударили по растянутым в одну линию русским полкам и овладели их укреплениями. В обстановке начавшейся паники упорно держались лишь гвардейские полки. Конница же Шереметева бежала с поля боя. Успешно действовавшая в боях с османами и крымцами, она не смогла устоять против регулярной армии Карла XII.

У Петра, потерявшего под Нарвой почти весь генеральский и офицерский корпус, выбора, однако, не осталось. К тому же он наверняка помнил, что никто иной, как Шереметев, советовал не концентрировать все войска у Нарвы, а с большей их частью выйти навстречу Карлу XII и, выбрав выгодную позицию, дать шведам сражение в поле. И что никто иной, как де Крои, раскритиковал это предложение. Поддержи Петр Шереметева – и кто знает, как сложилась бы схватка со шведами. Поэтому Борис Петрович вскоре возглавил армию, получив чин генерал-аншефа, а затем и – генерал-фельдмаршала.

Как и царь, он тяжело переживал нарвское поражение и постарался как можно быстрее реабилитироваться. «Сколько есть во мне ума и силы, с великою охотою хочу служить; а себя я не жалел и не жалею», – заверял он в одном из писем. На его долю, как писал военный историк А.А. Керсновский, выпала труднейшая из задач – ковка молодой армии путем перевоспитания «нарвских беглецов» и постепенного их закаливания под стенами ливонских замков [163] .

В конце 1701 г. отряд под командованием Шереметева, совершив из района Пскова поход в Лифляндию, нанес при мызе Эрестфер крупное поражение корпусу шведского генерала В.А. Шлиппенбаха. Это заметно подняло моральный дух русской армии, поскольку наконец-то была поколеблена легенда о непобедимости шведов. В высшей степени обрадованный царь удостоил Шереметева ордена Св. Андрея Первозванного. На взгляд Петра, настал благоприятный момент, чтобы «орешек достать», т. е. взять крепость Нотебург на острове Орехов у истоков Невы (*см. очерк о М.М. Голицыне*).

Создавая условия для успешной осады Нотебурга, Шереметев 17 июля 1702 г. вновь сразился со Шлиппенбахом и опять успешно. Не став ждать подхода неприятеля, он пошел ему навстречу, избрал подходящую позицию у мызы Гуммельсгоф и атаковал. Шведы, оставив на поле боя более 5,5 тысячи убитыми, в беспорядке отступили. Одновременно от шведских судов были очищены Псковское и Чудское озера. Лифляндия стала частью России. А еще через три месяца при активном участии войск Шереметева был взят и Нотебург.

1703 г. принес Шереметеву новые победы. Сначала его 16-тысячная армия вышла к устью Невы и 1 мая овладела крепостью Ниеншанц. Взятием Нотебурга и Ниеншанца русские отрезали шведские войска, действовавшие в Финляндии, от тех, которые находились в Эстляндии. В мае – июне были взяты крепости Ямбург и Копорье. Противник, таким образом, был изгнан по всему течению Невы от Ладожского озера до Финского залива.

После этого Петр сосредоточил внимание на Прибалтике. В 1704 г. войска под командованием Шереметева осадили крепость Дерпт (ныне город Тарту). По мнению царя, фельдмаршал действовал не совсем удачно, выбрав ошибочное направление атаки. Внеся необходимые коррективы, царь приказал штурмовать крепость. В ночь на 13 июля, «прорубя палисады», русские пошли на приступ. Когда они овладели крепостным валом, шведы выбросили белый флаг. А 9 августа наступил черед злосчастной Нарвы. Реванш оказался знатным: более 2,5 тысячи шведов были убиты, почти 2 тысячи взяты в плен (вместе с более чем 600 орудиями). Русские потеряли 400 человек убитыми и 1400 ранеными. Эти успехи имели стратегическое значение, они обеспечивали безопасность Петербурга с юго-запада.

Петр хорошо понимал, что война не может состоять только из побед. В случае неудачи главное не падать духом и извлекать из нее уроки. Когда в 1705 г. в Курляндии Шереметев допустил явный провал, отступив под ударом шведского генерала Левенгаупта и оставив противнику тринадцать пушек, царь

великодушно успокоил его: «Не извольте о бывшем несчастии печальны быть, понеже всегдашняя удача много людей ввела в пагубу, но забывать и паче людей ободрять».

А потом пришел черед Полтавы. «Европейские политики, – писал американский историк Р. Мэсси, – которые раньше уделяли делам царя немногим больше внимания, чем шаху Персии или моголу Индии, научились отныне тщательно учитывать русские интересы. Новый баланс сил, установленный тем утром пехотой Шереметева, конницей Меншикова и артиллерией Брюса, руководимых их двухметровым властелином, сохранится и разовьется в XVIII, XIX и XX вв.».

От стен Полтавы Шереметев привел свой корпус к Риге, занятой противником, и начал блокаду. «Гордость уже неприлична шведам, – убеждал он осажденных, – и неужели бедствия не вразумляют их, что время побед для них прошло безвозвратно?» Гарнизон, надеясь на помощь, все-таки смог продержаться до июля 1710 г., но капитуляция оказалась неминуемой. Это была девятая крепость, покоренная Борисом Петровичем за время службы. В ознаменование взятия Риги Петр I подарил ему ключи от городских ворот – из золота, весом в три фунта. Они потом как семейная реликвия хранились в роду Шереметевых.

Фельдмаршал сполна разделил с войсками и радость побед, и горечь поражений. В 1711 г. в ходе Прутского похода против Турции русская армия с находившимся вместе с ней царем была окружена втрое превосходящей по численности армией противника. Шереметев особенно остро переживал это, поскольку именно вследствие его медлительности, как главнокомандующего, не удалось воспрепятствовать переправе турок через Дунай у крепости Исакча. С возрастом Борис Петрович стал еще менее способен «поспешать», как того неустанно требовал Петр I. Царь даже приставил к нему специального офицера, чтобы заставить военачальника быть порасторопнее. Но и эта мера не помогла.

9 июля произошло сражение. Все атаки турецкой пехоты и конницы были отражены, более того от огня русской артиллерии турки понесли большие потери – около 7 тысяч человек. Тем не менее, армия продолжала оставаться в окружении, так что Петр приказал Шереметеву готовиться к штыковому бою, чтобы любой ценой проложить дорогу через кольцо неприятеля. Вероятнее всего, в этом случае в живых остались бы немногие. Тогда супруга Петра I Екатерина Алексеевна подала мысль путем подкупа и разумных уступок склонить противника к миру.

Пока ждали ответа от визиря, Шереметев на военном совете

зачитал написанную им бумагу, смысл которой сводился к следующему: капитуляция категорически отвергается, мир – только при условии возвращения на родину с оружием. Если соглашения достичь не удастся, то остается погибнуть в бою, но чести не уронить. Все присутствующие горячо поддержали предложение фельдмаршала. К счастью, прибегать к крайнему средству не пришлось: мир удалось заключить ценой возвращения туркам Азова и срытия еще нескольких крепостей.

Крупный отечественный военный историк начала века А.К. Баиов называл Шереметева (наряду с Меншиковым) наиболее заметным соратником Петра I в его военно-преобразовательской деятельности. В то же время он отмечал: «Шереметев и Меншиков были весьма даровитыми людьми, являясь крупными самородными талантами, но, к сожалению, оба они не обладали образованием и не имели научной подготовки. Вследствие этого… возвышаясь до замечательно вдумчивого определения положения данной минуты, они способны были вслед за тем впадать в крупнейшие погрешности».

Прервем здесь историка, чтобы заметить: на Руси нередко бывало так, что отсутствие глубокого специального образования, солидной подготовки военачальникам приходилось компенсировать природным талантом. Да, победу можно одержать и без военного знания, но лишь случайно и с огромными потерями. Метод проб и ошибок неизбежно сопряжен с поражениями. Но, с другой стороны, откуда было тому же Шереметеву заранее приобрести образование и опыт управления современной армией? Полководец рос, преодолевая наследие допетровской Руси, вместе со своим войском. Поэтому многие обидные, а подчас и нелепые поражения и потери, как верно писал Баиов, были «естественным последствием положения общекультурных условий русского общества того времени, и в этом еще раз сказывается влияние общих условий жизни государства на состояние в нем военного дела, военного искусства…» [164] .

Петр I долгое время питал заметное уважение к Шереметеву. Однако последние годы жизни полководца омрачились резко изменившимся в худшую сторону отношением царя: тот был убежден, что в его ссоре с сыном Алексеем старый фельдмаршал симпатизировал последнему. Подозрения усилились в связи с отказом Бориса Петровича прибыть в июне 1718 г. в столицу для суда над царевичем. Так до самой смерти, последовавшей в феврале 1719 г., ему и не удалось вернуть расположение государя.

Старое и новое переплеталось в Шереметеве самым

причудливым образом. И чтобы представить себе облик типичного деятеля переходного периода от полупатриархальной Московии к европеизированной Российской империи, более подходящей фигуры, чем он, пожалуй, не найти.

Б.П. Шереметев стал первым в России сановником, кого в 1706 г. Петр I возвел в графы Российского государства [165] . Правда, таким образом государь наградил своего давнего сподвижника не за подвиги на поле брани, а за «утишение» бунта в Астрахани.

От Бориса Петровича пошла графская ветвь Шереметевых. Принадлежали они к фамилии, родоначальником которой в XIV в. выступил легендарный боярин Андрей Иванович Кобыла (современник Дмитрия Донского). Иначе говоря, Шереметевы имели одного прародителя вместе с Романовыми (т. е. Борис Петрович приходился дальним родственником Петру I) и другими известными семействами – Колычевыми, Жеребцовыми, Кошкиными, Хлуденевыми, Дурново, Коновницыными, Неплюевыми, Боборыкиными.

Любопытно происхождение самой фамилии. Один из предков Бориса Петровича, вероятно, любивший жить на широкую ногу, получил прозвание Шереметя, или ширь-иметя (т. е. широкий простор). От него и пошла фамилия, особенно многолюдная с XVI в. Наиболее известными стали потомки Бориса Петровича по линии его среднего сына Петра Борисовича (родился в браке Б.П. Шереметева с Анной Петровной Салтыковой – вдовой Льва Кирилловича Нарышкина, дяди Петра I). Внук фельдмаршала граф Николай Петрович Шереметев прославился как большой любитель искусства и филантроп, основатель странноприимного дома в Москве. По большой любви он был женат на своей бывшей крепостной Прасковье Ивановне Ковалевской (Ковалевой-Жемчуговой – «крепостной актрисе»), которая подарила супругу сына – графа Дмитрия Николаевича, также прославившегося благотворительностью. Еще один внук и полный тезка фельдмаршала, Борис Петрович, разделял репутацию мецената и покровителя изящных искусств, он – основатель известной подмосковной усадьбы Кусково.

Очень выразителен девиз, помещенный на графский герб Шереметевых: «Deus conservat omnia» («Бог сохраняет все!»).

Граф Александр Иванович Шувалов (1710–1769)

Среди российских фельдмаршалов представлены два брата Шуваловых: Александр – старший, Петр – младший (*см. очерк о П.И. Шувалове*). Фамилия их не славилась древностью и выдвинулась, как сказано в «Истории родов русского дворянства», из «мелкой дворянской стати». Первым из безвестности вышел отец братьев Шуваловых – Иван Максимович, ставший при Петре I полковником и комендантом Выборга, а при Петре II – генерал-майором. «Сыновья его Александр и Петр состояли в числе молодых дворян при дворе цесаревны Елизаветы Петровны и в решительную для нее ночь на 25 ноября 1741 г. явились в числе

усерднейших и преданных ее сторонников» [166] .

В два часа ночи Елизавета в сопровождении своего «малого двора» – А.И. и П.И. Шуваловых, М.И. Воронцова и И. Лестока (француз, лейб-хирург) появилась в казармах лейб-гвардии Преображенского полка. Напомнив солдатам, что она – дочь Петра Великого и потому имеет полное право на престол, приказала им следовать за собой. Гвардейцы – особую роль сыграла гренадерская рота – с восторгом приветствовали «дщерь Петрову» и тут же по ее указанию арестовали и отправили в крепость правительницу Анну Леопольдовну, младенца-государя Ивана Антоновича, а также его отца принца Антона-Ульриха Брауншвейг-Люнебургского, А.И. Остермана, Б.-Х. Миниха. Победа была полной и бескровной. Низвергнутые ждали решения своей участи, а победители – наград, с которыми новая императрица не стала тянуть.

Оценивая время правления Елизаветы Петровны, ее современник крупный отечественный дипломат Н.И. Панин порицал государыню за то, что многое, если не все приносилось в жертву «хотениям припадочных людей» – так он презрительно называл лиц, особо приближенных к ее величеству, людей «в случае». Таковыми были и оба Шуваловых.

Гренадерская рота лейб-гвардии Преображенского полка была переименована в лейб-кампанию, служившие в ней офицеры пожалованы генеральским чином, сержанты и капралы стали штаб-офицерами и капитанами, а рядовые – дворянами. Сама императрица приняла на себя звание полковника всех гвардейских полков. Александр Шувалов (как и его брат) стал подпоручиком лейб-кампании, армейским генерал-майором и был возведен в действительные камергеры.

Когда 28 февраля 1742 г. состоялся торжественный въезд императрицы в Москву, прибывшей сюда для коронования, перед каретой ехали 40 кавалергардов под командой Александра Шувалова, а позади столько же кавалергардов во главе с его братом Петром. Честь явная, оказавшаяся недоступной для большинства других приближенных.

В течение последующих лет Шувалов-старший ощущал на себе непреходящую милость Елизаветы: вскоре стал поручиком лейб-кампании, графом Российской империи, генерал-адъютантом, кавалером орденов Св. Андрея Первозванного, Св. Александра Невского и других. Не неся никогда тягот военной службы, не участвуя ни в одной войне, уже к 1753 г. вырос в воинском чине до генерал-аншефа.

Его основным делом на протяжении всего царствования Елизаветы стало управление Тайной канцелярией (1742–1761).

Конечно, это было уже не то страшное заведение, каким его сделал предшественник Шувалова – зловещий А.И. Ушаков. Достаточно сказать, что за 20 лет правления Елизавета не подписала ни одного смертного приговора. Но истязания и жестокие расправы не были столь уж редкими, машина политического сыска работала исправно.

Екатерина II вспоминала о днях, когда еще носила титул великой княгини: «Александр Шувалов не сам по себе, а по должности, которую занимал, был грозою всего двора, города и всей империи, он был начальником инквизиционного суда, который звали тогда Тайной канцелярией. Его занятие вызывало, как говорили, у него род судорожного движения, которое делалось у него на всей правой стороне лица от глаза до подбородка всякий раз, как он был взволнован радостью, гневом, страхом или боязнью».

Наиболее громким делом, которым пришлось заниматься Шувалову, стал суд над канцлером А.П. Бестужевым-Рюминым, приговоренным к отсечению головы, но в последний момент помилованным императрицей. Проходивший по этому делу генерал-фельдмаршал С.Ф. Апраксин умер во время следствия (*см. очерки о А.П. Бестужеве-Рюмине и С.Ф. Апраксине*).

Начальнику Тайной канцелярии было также вменено в обязанность следить за содержанием в заключении отстраненного от власти брауншвейгского семейства, в первую очередь Ивана Антоновича. На протяжении 12 лет бывший император содержался в Холмогорах, а в 1756 г. был тайно перевезен в Шлиссельбургскую крепость. Составленная А.И. Шуваловым инструкция предписывала охране: «Если арестант станет чинить какие непорядки или вам противности или же станет говорить непристойное, то сажать тогда на цепь, доколе он усмирится, а буде и того не послушает, то бить по вашему рассмотрению палкой и плетью… буде, сверх нашего чаяния, кто бы отважился арестанта у вас отнять, в таком случае противиться сколь можно и арестанта живого в руки не давать».

В полном соответствии с этой инструкцией охрана и поступила, когда в июле 1764 г. подпоручик Смоленского полка Василий Мирович предпринял попытку освободить Ивана Антоновича из заключения…

Братья Шуваловы за государственной службой не забывали и себя. Е.В. Анисимов без обиняков называет их настоящими государственными преступниками, которые использовали казенную собственность для личного обогащения. «Шуваловы провели самую хищническую приватизацию казенной промышленности, в особенности ее самых выгодных секторов:

металлургии, горного дела, беспощадно разоряя своих конкурентов… Все боялись высокопоставленных разбойников братьев Шуваловых, а младшего больше всех: он ведал самым страшным заведением – Тайной канцелярией и любого своего противника мог отправить туда, куда Макар телят не гонял» [167] . Говоря современным языком, правоохранительные органы безосновательно вмешивались в спор хозяйствующих субъектов и не без корысти для себя…

Петр III в декабре 1761 г. произвел А.И. Шувалова в чин генерал-фельдмаршала, но лишил его привычной сферы деятельности, упразднив Тайную канцелярию. А от придворной службы графа уволила уже Екатерина II. Она признавалась, что еще при жизни Елизаветы не могла не смотреть на шефа тайной полиции «с чувством невольного отвращения».

По мнению современных историков, «старший из Шуваловых, Александр Иванович, не отличался умом и выдающимися способностями» [168] . Однако, добавим от себя, оказавшись «в случае», прожил жизнь безбедную и по-своему интересную.

Граф Петр Иванович Шувалов (1710–1762)

Петр Иванович – младший брат генерал-фельдмаршала А.И. Шувалова. С ранних лет он попал к царскому двору, так что имел благоприятную возможность изучить придворные нравы и научиться ставить их себе на службу. Вначале был пажом императрицы Екатерины I, а с 1731 г. состоял камер-юнкером у цесаревны Елизаветы Петровны. Благодаря женитьбе на М.Е. Шепелевой, любимице цесаревны, стал одним из ее доверенных лиц. Успешному продвижению Петра по карьерной лестнице способствовал и старший брат Александр, ближайший сотрудник

Елизаветы (*см. очерк о А.И. Шувалове*).

Лишь только совершился дворцовый переворот в пользу «дщери Петровой» (25 ноября 1741 г.), как на Петра Ивановича посыпались пожалования. 30 ноября он стал действительным камергером, был назначен подпоручиком лейб-кампании и удостоен ордена Св. Александра Невского. Через три года Шувалов-младший уже генерал-поручик и сенатор. А в 1746 г. императрица возвела братьев Шуваловых с нисходящим потомством в графское достоинство.

Елизавета Петровна на протяжении всего правления благоволила к Шуваловым. Их влияние при дворе еще более возросло с возведением в 1749 г. их двоюродного брата Ивана Ивановича Шувалова в камер-юнкеры. 22-летний красавец, став фаворитом императрицы, не забывал близких родственников.

5 сентября 1751 г. Петр Иванович был произведен в генерал-аншефы и назначен генерал-адъютантом императрицы, в 1753 г. стал кавалером ордена Св. Андрея Первозванного. Спустя три года, получив назначение конференц-министром, он стал фактическим руководителем правительства. Новое значительное назначение последовало и по военной линии – генерал-фельдцейхмейстером. С февраля 1758 г. по август 1760 г. Шувалов был вице-президентом Военной коллегии.

Надо отдать ему должное: от большинства деятелей елизаветинской эпохи он отличался неутомимостью и разносторонностью интересов, а поскольку обладал огромным влиянием, мог успешно продвигать свои планы в жизнь. В первую очередь это относится к военной сфере.

«Обладая универсальными способностями (при полном неумении их согласовать), – считает историк русской армии А.А. Керсновский, – Шувалов брался за все, напоминая в этом отношении Миниха». Действительно, он занимался реорганизацией армии, первенствовал в составлении воинского Устава 1755 г., совершенствовал систему рекрутских наборов, осуществлял подготовку резервов.

Большое внимание Шувалов обращал на организацию армии. По его представлению в 1748 г. она была увеличена на 50 батальонов. Полки приобрели трехбатальонный состав. В каждой части было увеличено число мушкетеров и гренадер. Позднее из них были сформированы четыре гренадерских полка.

Пристальное внимание Шувалов уделял и кадровому составу армии. «Реформа генералитета и штаб-офицеров по моему сочинению сделана, – докладывал он императрице, – чрез что не токмо негодные, но и не способные выключены, а способнейшие, от которых более успеху ожидать было можно, поступили на их

места; сии последние пользу сего с успехом и доказали» [169] .

Перу Петра Ивановича принадлежит новаторский проект создания первой в стране военной академии. Еще в 1753 г. он подал в Сенат записку, в которой доказывал, что военная наука нужна русской армии «как разумная душа телу», обосновывал необходимость создания высшего учебного заведения для развития и преподавания военной теории, разработал программу, включавшую вопросы стратегии, тактики, военной администрации, военной географии и топографии [170] . К сожалению, начавшаяся война, а затем кончина Елизаветы Петровны и самого Шувалова не позволили этому проекту осуществиться.

А вот многие идеи Петра Ивановича, отразившиеся в Уставе 1755 г., который заменил старый петровский Устав 1716 г., вряд ли возможно назвать полезными. Например, введение в ежедневный обиход громадного количества ненужных команд, приемов и построений. Так, от начала заряжания до момента выстрела подавалось и исполнялось 30 особых команд – «темпов». И горе было тому солдату, который не исполнял их, а тем более ронял патрон: его тут же перед строем нещадно били палками. Разумеется, с началом Семилетней войны 1756–1763 гг. на полях Пруссии было уже не до выстрелов «в тридцать темпов». Так что, по категорическому выводу А.А. Керсновского, «Уставу 1755 г. суждено было остаться мертвой буквой для большей части русской армии». А по окончании войны «вся эта плац-парадная премудрость сошла на нет в славное царствование Екатерины II».

Главный след граф Шувалов оставил все же в артиллерийском деле. В этой области он, как генерал-фельдцейхмейстер, а с 1757 г. – и начальник оружейной канцелярии, занимался буквально всем: тактикой применения артиллерии, ее организацией и комплектованием, подготовкой кадров, разработкой новых образцов артиллерийских орудий.

Будучи убежденным сторонником огневой тактики, Шувалов считал артиллерию главным родом войск, который должны обслуживать пехота и кавалерия. Это был, конечно, перегиб, но в ходе Семилетней войны роль артиллерии действительно возросла. Число орудий благодаря усилиям генерал-фельдцейхмейстера дошло до 6–7 и более на тысячу человек, такой показатель в других армиях был достигнут лишь к началу XIX в.

Но дело не только в количестве стволов. Шувалов организовал разработку новых образцов артиллерийских орудий, собрав вокруг себя выдающихся артиллеристов генералов И.Ф. Глебова, К.Б. Бороздина, конструкторов артиллерийского

вооружения М.В. Данилова, М.Г. Мартынова. В результате к началу Семилетней войны были созданы шуваловские гаубицы и единороги (такое название орудия получили от единорогов, изображенных на фамильном гербе Шувалова). Гаубицы оказались неудачными, а вот единороги – удлиненные гаубицы, сочетавшие свойства гаубиц и пушек – продемонстрировали высокие боевые качества. Они обладали большой дальностью настильного огня, позволяли вести огонь при больших углах возвышения, стрелять картечью, разрывными и зажигательными снарядами.

Кроме того, удалось решить важнейшую техническую задачу – значительно снизить вес орудий, что прямо сказывалось на тактике применения артиллерии. Если 12-фунтовая пушка 1734 г. имела вес ствола 112 пудов и перевозилась пятнадцатью лошадьми, то полупудовый единорог 1760 г., предназначавшийся для замены, имел ствол весом 30 пудов и перевозился пятью лошадьми [171] . Не случайно благодаря своим преимуществам единороги находились на вооружении в русской армии свыше 100 лет.

М.В. Ломоносов так отозвался на успехи отечественной артиллерии в Семилетней войне:

Итак, что вымыслом один изобретает,
С разумной храбростью другой употребляет,
Похвальны обоих в сем подвиге труды
Нам мира принесут желанные плоды.
<…>
С Елизаветой Бог и храбрость генералов,
Российска грудь, твои орудия, Шувалов.

Генерал-фельдцейхмейстер совершенствовал и организацию артиллерии. Полковая артиллерия была численно удвоена, а полевая сведена в два полка. Общая численность артиллерии действующей армии составила около 800 орудий.

Но в этой области Шувалов допустил и серьезный промах. Пользуясь ситуацией, при которой «своя рука – владыка», он для военных действий во время Семилетней войны сформировал особый Обсервационный корпус, насчитывавший 11 тысяч человек. По его замыслу, артиллерия должна была во время боя

прикрывать пехоту и тем самым оказывать решающее воздействие на исход сражения. Генерал-фельдцейхмейстер командовал корпусом, не покидая Петербурга, и каждый главнокомандующий должен был сноситься с всесильным тогда Шуваловым лично. «Корпус этот сборного состава, громоздкий и тяжеловесный на походе, неповоротливый в бою (несмотря на то, что число орудий в полках было убавлено наполовину – с 36 на 18), не имевший ни сколько-нибудь продуманной организации, ни полковых традиций – не выдержал боевого испытания, – писал военный историк, – он был наголову разгромлен под Цорндорфом…» [172] .

Не все ладно было в деятельности графа Шувалова и как члена Конференции при высочайшем дворе. Наравне с другими сановниками, входившими в состав Конференции, он несет ответственность за то, что этот высший орган военного руководства не только не развивал, но тормозил инициативу главнокомандующих действующей армией, мелочно опекал их, что отрицательно сказывалось на ходе боевых действий (*см. очерки о С.Ф. Апраксине и А.Б. Бутурлине*).

В конце царствования Елизаветы Шувалов из-за тяжелой болезни совершенно устранился от дел. Поговаривали, что наследник престола великий князь Петр Федорович не расположен к нему, однако, злые языки жестоко просчитались. В первые же дни своего царствования Петр III произвел Шувалова в генерал-фельдмаршалы.

Произошло это 28 декабря 1761 г., а уже 4 января следующего года болезнь свела Петра Ивановича в могилу. С подобающими почестями фельдмаршал был погребен в Александро-Невской лавре.

У современников он оставил неоднозначное впечатление. Не без основания отмечали, что «полезные стороны деятельности Шувалова остаются в тени по вине его отрицательных качеств. Ему много вредило его стремление все захватить в свои руки, его необыкновенные самоуверенность, властолюбие и сребролюбие. Заботясь о народном благе, он не забывал и себя; стараясь о соблюдении повсюду правосудия, первый нарушал законы» [173] .

Рассказывали, что, заискивая перед фаворитом императрицы Алексеем Разумовским, Шувалов терпеливо сносил его побои. Но, как любому выскочке, стоило ему покинуть апартаменты государыни, он становился грубым, властным, нетерпимым, злопамятным. Он никак не мог утолить жажду к богатству и почестям. Современник писал, что Петр Иванович «вместо того, чтобы скромно умерять блеск своего счастья, возбуждает зависть азиатской роскошью в дому и своем образе жизни: он всегда

покрыт бриллиантами как Могол и окружен свитой из конюхов, адъютантов и ординарцев» [174] .

Не судя и не оправдывая нашего героя, спросим себя: только ли во времена Елизаветы были такие люди при высочайшем дворе?

Граф Иван Карпович Эльмпт (1725–1802)

Мало кто из павловских служак решился бы без особого почтения отозваться о входившем в силу А.А. Аракчееве. Не таков оказался И.К. Эльмпт. Однажды ему стало известно о том, что прибывший в соседнюю дивизию инспектор – а им был как раз Аракчеев – подверг аресту полковника, георгиевского кавалера.

«Осмелился бы у меня инспектор поступить таким образом, – горячо отреагировал Эльмпт. – Я велел бы ему связать руки и ноги и отправил бы его прямо в Гатчину» [175] . Поскольку при разговоре присутствовал один из генерал-адъютантов, то его содержание стало известно при дворе. Там знали, что

фельдмаршал невоздержан на язык, но чтобы до такой степени? Так или иначе, в январе 1798 г. граф под предлогом преклонного возраста был уволен в отставку.

А начинал военную службу он, потомок германских баронов, во Франции. В 24-летнем возрасте стал капитаном российской армии, а еще через шесть лет он – уже полковник. Проявить себя ему позволила Семилетняя война. В 1762 г. Екатерина II пожаловала ему генерал-майорский чин, а позднее назначила его генерал-квартирмейстером.

Воевать Ивану Карповичу довелось много. В русско-турецкую войну 1768–1774 гг. он, уже будучи генерал-поручиком, во главе 10-тысячного корпуса, входившего в армию князя А.М. Голицына, отличился при взятии Хотина и Ясс (*см. очерк о А.М. Голицыне*). Екатерина II удостоила его ордена Св. Александра Невского.

В 1770 г. он – в Польше, сражается с конфедератами. В 1772 г. командует корпусом на границе со Швецией. Получив следующий чин – генерал-аншефа, Иван Карпович на несколько лет остался не у дел и коротал дни в деревне. Императрица недолюбливала графа за невоздержанный язык, да и особых военных талантов за ним не числилось.

К его услугам все же прибегли вновь с началом следующей русско-турецкой войны (1787–1791). В армии графа П.А. Румянцева-Задунайского Эльмпт командовал дивизией. Его боевой путь пролег там же, что и в предыдущую войну с турками (*см. очерк о П.А. Румянцеве*). Вверенные ему войска участвовали в осаде Хотина, оперировали в окрестностях Ясс. С 1795 г. Эльмпт командовал войсками в Риге, здесь его и застало известие о кончине Екатерины II.

Вступивший на престол Павел словно заглаживал вину перед военачальником, к которому с прохладцей относилась ненавистная ему мать. На Эльмпта обрушился поток наград и чинов. В том же 1796 г. он стал командиром Лифляндской дивизии и был пожалован в шефы Санкт-Петербургского гренадерского полка, который позднее стал носить его имя. В день своего коронования 5 апреля 1797 г. Павел I пожаловал Эльмпту чин генерал-фельдмаршала и орден Св. Андрея Первозванного. Формально те посты в армии, которые занимал военачальник, не давали права на получение столь высокого чина, но недаром говорится: своя рука – владыка.

А менее чем через год Ивана Карповича отправили на покой. Правда, острый на язык военачальник сумел пережить взбалмошного императора, так высоко вознесшего его, и скончался уже при новом царствовании.

Основные войны и военные конфликты, в которых участвовали российские генерал-фельдмаршалы (в хронологическом порядке)

Русско-турецкая война 1686–1700 гг. Была продолжением борьбы России против османской агрессии, за возвращение южнорусских земель и выход к Черному морю. Началась после присоединения России в 1686 г. к антитурецкой Священной лиге (Австрия, Речь Посполитая, Венеция). В ходе войны русской армией были осуществлены Крымские походы 1687 и 1689 гг. и Азовские походы 1695–1696 гг. В условиях подготовки России к войне со Швецией и заключения другими державами мира с Турцией русское правительство заключило с ней Константинопольский мирный договор 1700 г., по которому к России отошел Азов с частью побережья Азовского моря.

Северная война 1700–1721 гг. – война России против Швеции за возвращение захваченных Швецией земель и выход к Балтийскому морю. После поражения под Нарвой (1700) Петр I реорганизовал армию, создал Балтийский флот. В 1701–1704 гг. русские войска закрепились на побережье Финского залива, взяли Дерпт, Нарву и другие крепости. В 1703 г. основан Санкт-Петербург, ставший столицей Российского государства. В 1708 г. шведские войска, вторгшиеся на русскую территорию, потерпели поражение у Лесной и были окончательно разгромлены в Полтавском сражении 1709 г. В дальнейшем русские войска овладели многими городами Прибалтики (Рига, Ревель и другие), вытеснили противника из Финляндии. Балтийский флот одержал победы при Гангуте (1714), в Эзельском бою (1719), при Гренгаме (1720) и другие. Война завершилась Ништадтским миром 1721 г., по которому Швеция признала присоединение к России Лифляндии, Эстляндии, Ингерманландии (Ижорской земли), части Карелии, островов Эзель, Даго, Моон, других. Россия выплачивала денежную компенсацию за отходившие к ней территории и возвращала Швеции Финляндию.

Русско-турецкая война 1710–1713 гг. Проходила в период Северной войны со Швецией. Ее основным событием был неудачный Прутский поход 1711 г., в ходе которого русская армия, будучи окружена значительно превосходящим по численности противником, оказалась в критическом положении из-за отсутствия боеприпасов и продовольствия. Чтобы спасти

армию, Петр I был вынужден в июле 1711 г. подписать невыгодный для России Прутский мирный договор, по которому она возвращала Турции Азов и ликвидировала крепости на Азовском море. Состояние войны продолжалось до 1713 г. Андрианопольский мирный договор 1713 г. был заключен на условиях договора 1711 г.

Персидский поход 1722–1723 гг. – военная экспедиция армии и флота во главе с Петром I в Закавказье, в ходе которой Россия присоединила Дагестан и часть Азербайджана. В 30-е годы XVIII в. эти территории возвращены Ирану.

Война за польское наследство 1733–1735 гг. Ее вели Россия, Австрия, Саксония, с одной стороны, и Франция, с другой. Поводом к ней послужили выборы короля на польский престол после смерти Августа II (1733). Кандидаты – Станислав Лещинский (ставленник Франции), Август II Саксонский (ставленник союзников). Война завершилась победой союзников и подписанием в 1735 г. прелиминарного, а в 1738 г. окончательного Венского мирного договора. Франция признала польским королем Августа Саксонского.

Русско-турецкая война 1735–1739 гг. Велась Россией (в союзе с Австрией) за выход к Черному морю и для предотвращения набегов крымских татар. В ходе войны русская армия штурмом овладела Перекопом и Азовом, форсировала Сиваш и Чонгарские переправы и захватила столицу Крымского ханства Бахчисарай (1736), но из-за начавшейся эпидемии и недостатков в снабжении была вынуждена оставить Крым. В 1737 г. русские войска вошли в Крым через Арабатскую Стрелку, разгромили войско крымского хана, а в 1739 г. турецкую армию в Ставучанском сражении. Война закончилась Белградским мирным договором 1739 г.: Россия возвратила себе Азов, но обязалась не вооружать его, одновременно ей запрещалось иметь флот на Азовском и Черном морях. Договор потерял силу после заключения в 1774 г. Кючук-Кайнарджийского мирного договора.

Война за австрийское наследство 1740–1748 гг. Ее вели в коалиции европейских государств: Франция, Пруссия, Бавария, Испания, Саксония, Пьемонт и Неаполитанское королевство, с одной стороны, и Австрия, Англия, Чехия, Венгрия, Нидерланды, Силезия и Россия, с другой, за раздел австрийских владений (после смерти в 1740 г. императора Священной Римской империи Карла VI). Завершилась Ахенским мирным договором 1748 г., по которому некоторые территориальные владения получили Пруссия, Испания и Англия, а Франция, наоборот, вынуждена была отказаться от завоеваний в Голландии, Индии и в Америке. Договор не разрешил противоречий между европейскими

государствами.

Русско-шведская война 1741–1743 гг. Развязана Швецией с целью вернуть территории, потерянные в результате Северной войны 1700–1721 гг. Русские войска вынудили шведов к отступлению в Финляндию, овладели рядом крепостей, окружили шведов под Гельсингфорсом (Хельсинки) и заставили их капитулировать. В мае 1743 г. русская гребная флотилия нанесла поражение шведской флотилии у острова Корпо, а в августе русский десантный отряд подошел непосредственно к территории Швеции. Война закончилась Абоским мирным договором 1743 г., по которому не только подтверждался Ништадтский договор 1721 г., но и к России отходила часть Финляндии до реки Кюмене (Кюмийоки).

Семилетняя война 1756–1763 гг. – война между Австрией, Францией, Россией, Испанией, Саксонией и Швецией, с одной стороны, и Пруссией, Великобританией (в союзе с Ганновером) и Португалией, с другой. Вызвана обострением соперничества Великобритании и Франции из-за колоний в Северной Америке и Ост-Индии и столкновением агрессивной политики Пруссии с интересами Австрии и России. Война началась вторжением в 1756 г. войск прусского короля Фридриха II в Саксонию. Пользуясь несогласованностью действий стран антипрусской коалиции, он разгромил австрийскую и французскую армии. В 1757 г. русская армия под командованием С.Ф. Апраксина нанесла поражение прусской армии при Грос-Егерсдорфе, открыв путь в Восточную Пруссию, которая в следующем году была занята русскими войсками. В 1759 г. русская армия П.С. Салтыкова одержала победы при Пальциге и Кунерсдорфе. В 1760 г. русская армия вторглась в Померанию, а корпус З.Г. Чернышева занял Берлин. В 1761 г. корпусом П.А. Румянцева был взят Кольберг. Пруссия оказалась на грани катастрофы: она потеряла Померанию, Силезию, Саксонию. Однако вступивший на престол Петр III, ярый поклонник Фридриха II, прекратил войну, возвратил Пруссии все занятые русскими войсками территории, а в апреле 1762 г. заключил с ней союзный договор. Екатериной II договор был расторгнут, но война не возобновлена. Семилетняя война завершилась подписанием в 1763 г. двух мирных договоров: Парижского – между Францией и Великобританией, по которому к последней перешли Канада, Восточная Луизиана, Флорида и часть французских колоний в Индии; и Губертусбургского – между Пруссией, с одной стороны, и Австрией и Саксонией, с другой, который подтвердил прусское владение Силезией. Война упрочила положение в Европе Великобритании и Пруссии. Для России были созданы предпосылки роста ее политического

влияния, военного могущества и территориального расширения в последующие десятилетия.

Русско-турецкая война 1768–1774 гг. Начата Турцией при поддержке Франции и Австрии в целях ослабления влияния России в Польше. Победы русских войск под командованием П.А. Румянцева у Рябой Могилы, на реках Ларга и Кагул (1770), форсирование Дуная, победа А.В. Суворова и М.Ф. Каменского у Козлуджи в 1774 г., а также успешные действия русского флота в Средиземном и Эгейском морях и разгром турецкого флота в Чесменском сражении 1770 г. вынудили Турцию заключить Кючук-Кайнарджийский мирный договор 1774 г. Россия получила свободный выход в Черное море.

Русско-турецкая война 1787–1791 гг. Развязана Турцией в целях возвращения Крыма. Победы А.В. Суворова под Кинбурном, Фокшанами, на реке Рымник, под Измаилом и Ф.Ф. Ушакова в Керченском сражении и у острова Тендра в 1790 г. ослабили турецкие армию и флот. Поражение в Мачинском сражении и в морском сражении при Калиакрии в 1791 г. вынудили Турцию заключить Ясский мирный договор 1791 г. Договор подтвердил присоединение к России Крыма и Кубани, установил границу по рекам Днестр и Кубань, Турция отказывалась от претензий на Грузию.

Русско-шведская война 1788–1790 гг. Развязана Швецией с целью вернуть территории, утраченные в результате предшествующих войн с Россией. Агрессора поддержали Англия, Голландия и Пруссия. Война началась внезапным нападением Швеции, когда основные силы русской армии участвовали в войне с Турцией. Численно уступавшие русские войска отразили нападение, а флот нанес шведам ряд поражений на море, в том числе у острова Гогланд (1788). В 1789–1790 гг. активные военные действия происходили только на море. Война завершилась Верельским мирным договором 1790 г., подтвердившим сохранение довоенных границ.

Польское восстание 1794 г. – национально-освободительное восстание в Речи Посполитой в марте – ноябре под лозунгами восстановления независимости Польши, воссоединения польских земель, отторгнутых в 1772 и 1793 гг. в ходе разделов Речи Посполитой. Было направлено против действий реакционных магнатов, захвативших власть в результате мятежа Тарговицкой конфедерации в 1792 г., и интервенции России и Пруссии. 24 марта в Кракове был провозглашен Акт восстания, которое в качестве диктатора и главнокомандующего национальными вооруженными силами возглавил Т. Костюшко. Восставшие заняли Варшаву и Вильно. В июле – сентябре столицу безуспешно

осаждали прусские войска, в их тылу разгорелось народное восстание. Наступление с востока русских правительственных войск под командованием А.В. Суворова позволило за 44 дня подавить восстание. За поражением восстания последовал третий раздел Польши (1795) и окончательная ликвидация Польского государства.

Персидский поход 1796 г. – поход русских войск в азербайджанские провинции Ирана. Предпринят в ответ на вторжение иранских войск в Грузию в 1795 г. Несмотря на успехи, после вступления на престол Павла I поход прекращен, войска отозваны.

Итальянский и Швейцарский походы А.В. Суворова 1799 г. – боевые действия союзной русско-австрийской (апрель – август) и самостоятельной русской (сентябрь) армий против французских войск во время войны второй антифранцузской коалиции (Великобритания, Россия, Австрия, Турция и Королевство обеих Сицилий) с Францией (1798–1802). В ходе Итальянского похода союзные войска под командованием А.В. Суворова нанесли противнику ряд поражений на реках Адда, Треббия, у Нови и освободили Северную Италию от французского господства. Затем русские войска совершили героический переход из Северной Италии через Альпы в Швейцарию. Армия Суворова кратчайшим путем, захватив перевал Сен-Готард и перейдя через Чертов мост, двигалась для соединения с корпусом А.М. Римского-Корсакова, чтобы затем наступать во Францию. Однако к моменту выхода Суворова к Люцернскому озеру Римский-Корсаков был разбит. Прибывшие из Северной Италии войска были окружены втрое превосходящим противником. Преодолев с боями несколько горных перевалов, армия Суворова вышла на территорию Австрии, избежав разгрома.

Русско-иранская война 1804–1813 гг. – война, вызванная агрессивными устремлениями Ирана в отношении Грузии и других земель Закавказья, добровольно присоединившихся к России в начале XIX в. В результате успешных действий русских войск, Иран, несмотря на поддержку Англии и Франции, был вынужден заключить Гюлистанский мирный договор, по которому признал присоединение к России Грузии, Дагестана и Северного Азербайджана.

Русско-австро-французская война 1805 г. – война между 3-й коалицией европейских держав (Великобритания, Россия, Австрия, Швеция, Королевство обеих Сицилий) и наполеоновской Францией. Союзники ставили своей целью изгнать французские войска с захваченных ими территорий и восстановить дореволюционные порядки во Франции. В Аустерлицком

сражении 20 ноября (2 декабря) 1805 г. союзные войска потерпели поражение. Коалиция распалась: Австрия вышла из войны и подписала с Францией сепаратный мир, русские войска были отведены в Россию.

Русско-прусско-французская война 1806–1807 гг. — война между 4-й коалицией европейских держав (Великобритания, Россия, Пруссия, Саксония, Швеция) и Францией. Основные события – Йена-Ауэрштедтское и Пултусское сражения (1806), сражение под Прейсиш-Эйлау и Фридляндское сражение (1807). Война закончилась поражением коалиции и подписанием в 1807 г.

Тильзитского мира, по которому Россия соглашалась на создание у своих границ герцогства Варшавского – вассального государства наполеоновской империи и обязалась вывести свои войска из Дунайских княжеств. Одновременно она подписала трактат об оборонительном и наступательном союзе с Францией и присоединении к континентальной блокаде Англии. Тильзитский мир потерял силу с началом Отечественной войны 1812 г.

Русско-турецкая война 1806–1812 гг. Развязана Турцией при поддержке Наполеона I в целях реванша за поражение в предшествовавших войнах с Россией. В ходе войны русские войска нанесли туркам ряд поражений на Балканском и Кавказском театрах. Эскадра Д.Н. Сенявина одержала победы над турецким флотом в Дарданелльском и Афонском сражениях 1807 г. Исход войны был решен разгромом противника Дунайской армией М.И. Кутузова в Рущукском сражении 1811 г. и окружением и капитуляцией турок в районе Слободзеи. Война закончилась Бухарестским мирным договором 1812 г., в соответствии с которым Бесарабия с рядом крепостей, включая Хотин, Бендеры, Измаил, отходила к России. Часть Молдавии, Валахия возвращались к Турции. Последняя выходила из союза с Францией, что облегчило положение России в Отечественной войне 1812 г.

Русско-шведская война 1808–1809 гг. – война России в союзе с Данией против Швеции и Англии. Вызвана стремлением России установить полный контроль над Финским и Ботническим заливом в целях обеспечения безопасности Петербурга. В ходе войны русские войска разгромили шведскую армию, заняли Южную Финляндию и Аландские острова. По условиям Фридрихсгамского мирного договора 1809 г. Финляндия и Аландские острова отошли к России.

Отечественная война 1812 г. – освободительная война России против агрессии наполеоновской Франции. 12 июня

«Великая армия» перешла через р. Неман в районе Ковно (Каунас). Стоявшие на западной границе 1-я и 2-я российские армии с боями отступали на восток, уклоняясь от попыток Наполеона втянуть их в сражения и разбить поодиночке. 22 июля обе армии соединились у Смоленска. Были отбиты попытки противника развить наступление на Санкт-Петербург и Ригу. В ходе Смоленского сражения (4–6 августа) сорван план Наполеона по разгрому основных сил российских войск. 8 августа главнокомандующим всеми действующими российскими армиями назначен М.И. Кутузов. 26 августа произошло Бородинское сражение. 1 сентября на военном совете в Филях принято решение оставить Москву, Французские войска вступили в нее 2 сентября, в тот же день вспыхнул пожар, уничтоживший почти весь город. В сентябре – октябре Кутузов, осуществив Тарутинский марш-маневр, отвел войска в район села Тарутино, прикрыл дороги в южные губернии России, пополнил армию, снабдил ее вооружением и боеприпасами. Попытки Наполеона вступить в переговоры были отвергнуты. Остававшиеся в Москве французы терпели острый недостаток в продовольствии и снаряжении, отряды их фуражиров уничтожались партизанами и регулярными войсками. 6 октября Наполеон I оставил Москву и двинул армию в сторону Калуги, однако после сражения при Малоярославце (12 октября) был вынужден отступать по разоренной Старой Смоленской дороге, теснимый авангардом российской армии и подвергаясь постоянным ударам партизан и казаков с флангов. В сражении при Березине 14–16 ноября большая часть «Великой армии» была уничтожена или пленена. К середине декабря ее остатки были изгнаны из пределов России.

Заграничные походы русской армии 1813–1814 гг. – боевые действия в целях завершения разгрома армии Наполеона I и освобождения стран Западной Европы. В январе 1813 г. русская армия освободила от наполеоновских войск территорию Польши, к середине февраля достигла Одера и взяла Берлин, отбросив французские войска за Эльбу. Кампания 1813 г. завершилась Лейпцигским сражением, в котором войска России, Австрии и Пруссии разгромили французские войска. Походы завершились вступлением союзных войск в Париж (18 марта 1814 г.) и падением империи Наполеона I.

Кавказская война 1817–1864 гг. – военные действия, связанные с присоединением Чечни, горного Дагестана и Северо-Западного Кавказа к России. Одновременно Россия вела борьбу с проникновением в этот регион Турции и Ирана, поощряемых Англией, Францией и другими западными державами. После перехода в русское подданство Грузии (1801–1810) и

Азербайджана (1803–1813) их территории оказались отделенными от России землями Чечни, горного Дагестана и Северо-Западного Кавказа, населенными воинственными горскими народностями, которые совершали набеги на кавказские укрепленные линии, мешали связям с Закавказьем. На первом этапе Кавказская война совпала с русско-иранской (1826–1828) и русско-турецкой (1828–1829) войнами. Она расширилась из-за возникшего в Чечне и Дагестане движения горцев во главе с Гази-Магомедом, а с 1834 г. – Шамилем, шедшего под лозунгами газавата (войны с «неверными»). С взятием в 1859 г. аула Гуниб и пленением Шамиля сопротивление горцев пошло на спад. Война завершилась присоединением всего Кавказа к России, что избавило кавказские народы от порабощения отсталыми восточными деспотиями (Иран, Турция).

Русско-иранская война 1826–1828 гг. – война, ставшая следствием продолжавшихся захватнических притязаний Ирана, поощряемого Англией и Турцией и потребовавшего возвращения ранее отошедших к России территорий. В ходе войны русские войска нанесли ряд поражений иранской армии, вторгшейся в Закавказье. Это вынудило шаха Ирана заключить Туркманчайский договор 1828 г. К России отошли Эриванское и Нахичеванское ханства, народы Закавказья и Дагестана были избавлены от порабощения.

Русско-турецкая война 1828–1829 гг. Вызвана борьбой европейских держав за раздел владений распадающейся Османской империи. В ответ на выступление России и других стран в защиту автономии Греции Турция в декабре 1827 г. объявила России «священную войну». Русские войска форсировали Дунай и преодолели Балканы, на Кавказе они вышли к Трапезунду (Трабзон). Русский флот блокировал Босфор и Дарданеллы. Война закончилась Адрианопольским мирным договором 1829 г., в соответствии с которым к России отошли устье Дуная с островами, Кавказское побережье Черного моря от устья реки Кубань до северной границы Аджарии. Турция признала присоединение к России Грузии, Имеритии, Мингрелии и Гурии, Эриванского и Нахичеванского ханств, перешедших от Ирана; автономию Молдавии, Валахии, Сербии и Греции; обязалось предоставить русским и иностранным торговым судам право свободного прохода через проливы Босфор и Дарданеллы.

Польское восстание 1830–1831 гг. – национальное восстание в ноябре 1830 г. – октябре 1831 г. в Царстве Польском, а также на территории Литвы, Западной Белоруссии, Правобережной Украины. Подготовлено тайными польскими обществами. Восстание началось в ноябре 1830 г. выступлением

тайного шляхетского военного общества в школе подхорунжих в Варшаве. Восставших поддержали тысячи ремесленников и рабочих города, овладевших арсеналом. Вместе с присоединившимися польскими воинскими частями повстанцы овладели Варшавой. Русские войска покинули город, а в начале декабря и Царство Польское. В январе 1831 г. сейм провозгласил низложение Николая I с польского престола. Против восставших была направлена правительственная армия, После поражения 26 мая под Остроленкой командование повстанцев полностью утратило инициативу. Польское национальное правительство безуспешно пыталось получить помощь Австрии, Франции, Пруссии. В ночь с 7 на 8 сентября была подписана капитуляция столицы. Конституция Царства Польского была отменена, в Варшаву назначен наместник российского императора.

Крымская (Восточная) война 1853–1856 гг. – война между Россией и Турцией, с 1854 г. – коалицией государств в составе Великобритании, Франции, Турции, Сардинского королевства за господство на Ближнем Востоке. С началом войны русские войска вступили в Молдавию и Валахию, на Кавказе одержали победу при Башкадыкларе (восточнее Карса), флот под командованием П.С. Нахимова разгромил турецкий флот в Синопском сражении. В 1854 г. турецкие войска потерпели поражение при Кюрюк-Дара (восточнее Карса), союзники предприняли блокаду Балтийского моря, высадились в Крыму, нанесли поражение русской армии на реке Альма и осадили Севастополь. В 1855 г. Россия оказалась в дипломатической изоляции, русские войска взяли Каре, но оставили Севастополь, в конце года военные действия прекратились. По Парижскому мирному договору 1856 г., невыгодному для России, она возвращала Турции Каре в обмен на Севастополь и другие города в Крыму, захваченные союзниками, уступала Молдавскому княжеству устье Дуная и часть Южной Бессарабии. Черное море объявлялось нейтральным, Россия и Турция не могли держать там военный флот. В 1870 г. России удалось добиться отмены статей Парижского договора, которые ограничивали ее суверенные права на Черном море.

Польское восстание 1863–1864 гг. – национальное восстание в Царстве Польском, Литве, части Белоруссии, на Правобережной Украине. Подготовлено тайным польским Центральным национальным комитетом. Восстание началось в ночь с 22 на 23 января 1863 г. многочисленными нападениями на правительственные войска. ЦНК объявил себя Временным национальным правительством и издал манифест и аграрные декреты, провозгласившие крестьян собственниками их наделов при последующей компенсации помещиков за счет государства, а

также гарантировавшие безземельным участникам восстания небольшой земельный надел из национальных фондов. В события попытались вмешаться Франция, Великобритания и Австрия, которые, преследуя свои политические цели, предприняли несколько дипломатических демаршей, но императорское правительство отклонило предъявленные ему ноты. В военном отношении восстание достигло наивысшего подъема в феврале – августе 1863 г., когда оно распространялось в Литве, Белоруссии, на Правобережной Украине. В мае генерал-губернатором Литвы и Белоруссии был назначен М.Н. Муравьев, развернувший террор против повстанцев. Усилил террор и наместник в Царстве Польском Ф.Ф. Берг. К маю 1864 г. восстание было подавлено. Тем не менее правительство вынуждено было узаконить осуществленные восстанием социально-экономические преобразования путем проведения крестьянской реформы в 1864 г. в Царстве Польском и ускорить на более выгодных для крестьян условиях проведение реформы в Литве, Белоруссии, на Правобережной Украине.

Русско-турецкая война 1877–1878 гг. Начата Россией для укрепления своего влияния на Балканах в условиях обострения международных противоречий на Ближнем Востоке, со стороны России объективно была прогрессивной, поскольку способствовала национально-освободительному движению против турецкого владычества. С мая 1877 г. на стороне России выступила Румыния, а позже Сербия и Черногория. Война велась на Балканах и на Кавказе. На Балканском театре после переправы через Дунай у Зимницы русские войска овладели крепостями Ловча и Плевна и, заняв Шипкинский перевал, отразили контрнаступление турецкой армии. На Кавказе русские войска заняли крепости Баязет, Ардаган, в Авлияр-Аладжинском сражении 1877 г. нанесли поражение Анатолийской турецкой армии и овладели крепостью Карс. К 1878 г. соотношение сил на Балканах изменилось в пользу России, в войну вступила Сербия. Русская Дунайская армия при содействии болгарского населения и сербской армии нанесла поражение турецкой армии при переходе через Балканы зимой 1877–1878 гг. в сражениях у Шейново, Филиппополя и Адрианополя и в феврале 1878 г. вышла к Босфору и Константинополю (Стамбулу). На Кавказе русская армия овладела Батумом и блокировала Эрзурум. Война закончилась Сан-Стефанским договором, в соответствии с которым, в частности, к России отходили Южная Бесарабия, крепости Ардаган, Каре, Батум и Баязет. Условия Сан-Стефанского договора под давлением Англии и Австро-Венгрии пересмотрены Берлинским конгрессом 1878 г. в ущерб России и

славянским народам Балкан. За Россией сохранялись крепости Ардаган, Каре и Батум, Баязет с Алашкертской долиной возвращались Турции.

Первая мировая война 1914–1918 гг. – война между двумя коалициями капиталистических держав (Центральные державы – Германия, Австро-Венгрия, Турция и Болгария; Антанта – Великобритания, Франция, Россия, Бельгия, Сербия, США, Япония – всего 34 государства), вызванная обострением противоречий в ходе борьбы за передел мира, колоний, сфер влияния. Всего охватила 38 государств с населением свыше 1,5 млрд человек, общие потери составили около 10 млн убитых и 20 млн раненых. Война завершилась разгромом коалиции Центральных держав. Мирные договоры с побежденными государствами выработала Парижская мирная конференция 1919–1920 гг. Россия в ней не участвовала, поскольку после Октябрьского вооруженного переворота вышла из войны и в марте 1918 г. заключила сепаратный мир с Германией.

Словарь военно-исторических терминов, встречающихся в книге

Абордаж – способ ведения морского боя, заключающийся в сцеплении кораблей противников для рукопашной схватки.

Авангард – передовая часть войск.

Аванпосты – передовые посты или линии сторожевых постов.

Аксельбант – плетеное из шнуров, обвитых золотой или серебряной канителью, украшение на правом плече в виде двух петель и двух концов с заостренными металлическими наконечниками. Был отличительным знаком адъютантов. Присвоение офицерам и генералам придворно-военных званий – флигель-адъютанта и генерал-адъютанта – обязывало носить аксельбант и вензель на погонах.

Артикул – параграф или статья устава.

Бастион – выдающаяся часть крепостной ограды, укрепление.

Баталия – в XVIII – XIX вв. название сражений и битв в русской армии и на флоте.

Бивак (бивуак) – расположение войск на отдыхе.

Бригадир – военный чин, введенный в России в XVIII в., средний между полковником и генерал-майором.

Бунчук – хвост конский или индийского быка на украшенном древке, употреблявшийся в Турции как знак сана и власти пашей (двух-, трехбунчужные паши).

Вахтпарад – военный церемониал при смене караула.

Великий князь – титул, который в Российской империи носили особы императорского дома (сыновья, братья, внуки).

Визирь – чиновник высшего ранга в султанской Турции.

Галера – военное гребное судно.

Гаубица – артиллерийское орудие для навесного огня, среднее между пушкой и мортирой.

Генерал от артиллерии {инфантерии (пехоты), кавалерии} – т. н. полный генерал, воинское звание высшего офицерского состава ВС России в XIX – начале XX в., следовавшее после звания генерал-лейтенант и предшествовавшее званию генерал-фельдмаршал.

Генерал-адъютант – почетное звание высших военных чинов, зачисленных в свиту императора.

Генерал-аншеф – воинское звание генералов русской армии в 1716–1796 гг. Заменено званием т. н. полный генерал (генерал от артиллерии, инфантерии, кавалерии).

Генерал-губернатор – одна из высших правительственных

должностей в 1703–1917 гг. Обладал гражданской и военной властью, в ряде случае одновременно командовал войсками военного округа, с 1775 г. возглавлял генерал-губернаторство, в состав которого входили одна или несколько губерний. По своему положению приравнивался к рангу министра.

Генерал-инспектор – одна из высших военных должностей в русской армии в 1731–1917 гг.

Генерал-интендант – должность в полевом штабе русской армии 1812–1868 гг. Отвечал за продовольственное, финансовое, медицинское, ветеринарное и вещевое обеспечение армии. Впоследствии заменена должностью интендант армии.

Генерал-квартирмейстер – одна из высших штабных должностей, введенная в России в 1701 г. Занимавший ее – по существу предшественник начальника Генерального штаба, созданного в 1763 г. Ведал вопросами изучения местности, организацией расположения и передвижения войск, подготовкой карт, строительством укреплений.

Генерал-фельдцейхмейстер – звание и должность главного начальника артиллерии русской армии в 1699–1909 гг. С 1798 г. стало почетным, его носил один из членов императорской фамилии.

Генеральный штаб – главный орган управления вооруженными силами государства в мирное и военное время. Начало его созданию в России положило учреждение генерал-квартирмейстерской части в 1711 г., которая в 1763 г. была переименована в Генеральный штаб.

Герцог – представитель высшего разряда дворянства, следующего непосредственно за принцами королевской крови, с титулом сиятельства и светлости.

Главная квартира – место пребывания на театре военных действий главнокомандующего со свитой, позже – орган управления войсками.

Граф – одна из высших степеней дворянского достоинства, которую государь даровал дворянам за заслуги с титулом сиятельства.

Гренадеры – первоначально особый вид пехоты, вооруженной гранатами и предназначенной для усиления боевого порядка на флангах. Впоследствии – отборная часть пехоты. Имелись также конные гренадеры.

Гусары – легкая конница.

Дефиле – узкий проход, теснина.

Диван – тайный совет при дворе турецкого султана, куда входили министры – визири и другие высшие чиновники.

Диспозиция – план расположения войск, сил флота

относительно друг друга и противника для ведения боя, сражения. С началом XX в. заменено в русской армии терминами «боевой приказ», «директива».

Драгуны – вид кавалерии, предназначенной для действий в конном и пешем строю.

Егеря – вид легкой пехоты и легкой кавалерии, обученная меткой стрельбе и действиям в рассыпном строю. Конные егеря использовались для ведения разведки и рейдов в тыл противника.

Инфантерия – пехота.

Иррегулярные войска – войска, не имеющие единой, постоянной организации или отличающиеся от регулярных войск порядком комплектования, прохождения службы и т. п. (например, казачьи войска).

Камергер – первоначально придворный чин 6 класса «Табели о рангах», с начала XIX в. почетное придворное звание, не дававшее право на чин. С 1836 г. жаловалось гражданским чиновникам 3–5 классов. Его обладатель титуловался: «Ваше превосходительство».

Камер-юнкер – первоначально придворный чин 9 класса «Табели о рангах», с начала XIX в. почетное придворное звание, не дававшее право на чин. Жаловалось гражданским чиновникам и неслужащим представителям высшей аристократии с чином 5–9 классов. Его обладатель титуловался: «Ваше высокоблагородие».

Канцлер – гражданский чин 1 класса «Табели о рангах», присваивался главе ведомства иностранных дел.

Капрал – унтер-офицерский чин.

Карабинеры – кавалерийские и пехотные (аналогичные егерским) войска, вооруженные карабинами.

Каре – боевой порядок пехоты, представляющий собой квадрат (прямоугольник), каждую сторону которого составлял развернутый вовне строй или колонна. Предназначалось преимущественно для отражения ударов конницы.

Князь – высшая степень титулованного дворянства с титулом сиятельства.

Колонновожатый – офицер квартирмейстерской части (позднее – генерального штаба), в обязанности которого входило освещение (картографирование) местности и сопровождение войск на марше.

Корволант – легкий отряд (корпус), состоявший из конницы, перевозимой на лошадях пехоты и легкой артиллерии. Предназначался для действий в тылу противника, перехвата его коммуникаций и преследования.

Кригс-комиссар – должностное лицо, заведовавшее денежным и вещевым довольствием войск.

Кронпринц – титул наследника германского престола.

Курфюрст – князь, облеченный правом избираться на вакантный императорский престол в Священной Римской империи германской нации (Австрийской империи).

Ландграф – в Германии титул князей, по положению сходных с герцогами.

Ландмилиция – поселенные пограничные войска, существовавшие в России в 1713–1775 гг. и несшие военно-пограничную службу.

Лейб-гвардия – личная охрана монарха и почетное наименование отборных привилегированных частей. Частица «лейб» прибавлялась также к названиям частей, шефами которых были император или императрица.

Люнет – полевое открытое укрепление.

Маркграф – титул некоторых германских владетельных (и невладетельных) особ, по положению сходных с князьями.

Мортира – короткоствольное артиллерийское орудие для навесной стрельбы.

Мушкетеры – вид пехоты, вооруженной мушкетами (фитильными ружьями). В России в XVIII – начале XIX в. – название большей части пехоты.

Обер-гофмейстер – придворный чин 2 класса «Табели о рангах». Принадлежал к первым чинам Двора, титуловался: «Ваше высокопревосходительство». Ему подчинялась Придворная канцелярия.

Обер-егермейстер – придворный чин 2 класса «Табели о рангах». Принадлежал к первым чинам Двора, титуловался: «Ваше высокопревосходительство». Ему подчинялась Егермейстерская контора, т. е. царская охота.

Обер-квартирмейстер – начальник штаба.

Обер-офицеры – наименование группы младших офицерских чинов: прапорщик, подпоручик (в кавалерии – корнет, в казачьих войсках – хорунжий), поручик (сотник), штабс-капитан (подъесаул, штаб-ротмистр), капитан (ротмистр, есаул).

Обсервация – наблюдение.

Обсервационный корпус – соединение, развертывавшееся воюющим или готовящимся к войне государством на границе с соседним невоюющим государством в целях наблюдения за действиями его войск и отражения возможного нападения.

Палаш – прямая, длинная и широкая сабля.

Палисад – искусственное препятствие, состоящее из ряда столбов, вертикально врытых в землю и сверху заостренных.

Пикет – сторожевой пост.

Принц – титул, который носили не царствующие члены

королевского или вообще владетельного дома в Западной Европе.

Редуты – сомкнутые полевые укрепления прямоугольной или многоугольной формы, подготовленные к круговой обороне.

Реляция – письменное сообщение командованию о боевых действиях войск, а также описание подвигов воинов при представлении к награде.

Рескрипт – письмо монарха подданному с выражением благодарности, объявлением о награде и т. п.

Сераскир – главнокомандующий турецкими войсками в Османской империи.

Сержант – в российской армии старший унтер-офицерский чин.

Титулование – почетное название, добавлявшееся к имени титулованных особ: императоров и их жен – «Ваше Величество», великих князей – «Ваше Высочество», светлейших князей – «Ваша светлость», князей и графов – «Ваше сиятельство».

Фас – сторона в укреплении.

Фашина – связка хвороста для заполнения рвов при штурме и иных целей.

Флеши – полевые укрепления. Имели два фаса, образующих тупой угол, обращенный вершиной к противнику (на плане напоминал наконечник стрелы).

Цесаревич – титул наследника российского престола.

Шанец – окоп, общее название полевых временных укреплений.

Штаб-офицеры – наименование группы старших офицерских чинов: майор (в кавалерии – майор, с 1884 г. – ротмистр; в казачьих войсках – есаул), подполковник (подполковник, войсковой старшина), полковник. В отличие от обер-офицеров носили эполеты с бахромой.

Экзерциции – упражнения, учения войск.

Эполеты – наплечные знаки парадной генеральской и офицерской формы, существовавшие в русской армии с 1807 по 1914 г. Были введены как знаки различия для всего генеральского и офицерского составов. Генералитет и офицеры гвардии носили золотые и серебряные эполеты. Эполеты генералов по краю были украшены крупной бахромой из золотых или серебряных жгутиков. С 1854 г. на всех видах формы, кроме парадной, стали заменяться погонами.

Эрцгерцог – титул австрийских принцев и принцесс королевской крови.

Примечания

1

Керсновский А.А . История русской армии. В 4-х томах. М.,

1992. Т. 1. С. 9.
2
Полководцы, военачальники и военные деятели России в «Военной энциклопедии» Сытина. В 3 т. СПб., 1995–1998. Т. I. С. 297–298.
3
Русские мемуары. Избранные страницы. 1800–1825 гг. М., 1989. С. 100.
4
История родов русского дворянства. В двух книгах. Кн. 2. М., 1991. С. 86–87.
5
Бантыш-Каменский Дм . Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. В 4-х частях. Репринтное воспроизведение издания 1840 г. М., 1991.
6
1812 год в русской поэзии и воспоминаниях современников. М., 1987. С. 161.
7
Кавалеры ордена Святого Георгия Победоносца. М., 1994. С. 333.
8
Анисимов Е.В . Елизавета Петровна. М., 1999. С. 349.
9
Хрестоматия по русской военной истории. Сост. Л.Г. Бескровный. М., 1947. С. 171–172.
10
Керсновский А.А . Указ. соч. Т. 1. С. 99.
11
История родов русского дворянства. В 2 кн. М., 1991. Кн. 2. С. 13.
12
Цит. по: *Бескровный Л.Г* . Русское военное искусство XIX в. М., 1974. С. 87.
13
Бантыш-Каменский Дм . Указ. соч. Ч. 3. С. 182.
14
Пушкин А.С . Полн. собр. соч. в 10 т. Изд. третье. Т. VII. М., 1964. С. 484–485.
15
Бартенев А . Князь Александр Иванович Барятинский // Военно-исторический сборник, 1913, № 2. С. 11.
16
Кухарук А . Барятинский // Родина, 2000, № 1–2. С. 118.

17

Милютин Д . Гуниб. Пленение Шамиля (9–28 августа 1859) // Родина, 2000, № 1–2. С. 132.

18

Бартенев А . Граф Федор Федорович Берг // Военно-исторический сборник, 1913, № 2. С. 8.

19

Полководцы, военачальники и военные деятели России в «Военной энциклопедии» Сытина. Т. I. С. 185.

20

Гетманский А.Э. Политика России в польском вопросе (60-е годы XIX в.) // Вопросы истории, 2004. С. 43.

21

Цит. по: Российская дипломатия в портретах. М., 1992. С. 56.

22

Анисимов Е.В . Указ. соч. С. 169–170.

23

Российская дипломатия в портретах. С. 49, 56.

24

История родов русского дворянства. Кн. 2. С. 71–73.

25

Бантыш-Каменский Дм . Указ. соч. Ч. 2. С. 268.

26

Цит. по: *Бантыш-Каменский Дм* . Указ. соч. Ч. 1. С. 150–151.

27

Российская дипломатия в портретах. С. 46.

28

Цит. по: *Филимон А.Н* . Яков Брюс. М., 2003. С. 78.

29

Бантыш-Каменский Дм . Указ. соч. Ч. 1. С. 268.

30

Знаменитые россияне XVIII – XIX вв. Биографии и портреты. СПб., 1996. С. 138.

31

Анисимов Е.В . Указ. соч. С. 348.

32

Кавалеры ордена Святого Георгия Победоносца. С. 224.

33

Русская историческая поэма конца XVIII – начала XX в. М., 1984. С. 43.

34

Бантыш-Каменский Дм . Указ. соч. Ч. 4. С. 34–35.

35

Тарле Е.В . Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год. М.,

1992. С. 269.

36

Бартенев А . Светлейший князь Петр Михайлович Волконский // Военно-исторический сборник, 1913, № 2. С. 2.

37

Иминов В.Т . Зарождение и становление в России Генерального штаба // Военно-исторический журнал, 2003, № 1. С. 25.

38

Керсновский А.А . Указ. соч. Т. 2. С. 48.

39

Пушкин А.С . Полн. собр. соч. в 10 т. Т. II. С. 419.

40

Цит. по: Полководцы, военачальники и военные деятели России в «Военной энциклопедии» Сытина. Т. I. С. 283.

41

Жилин П.А . Гибель наполеоновской армии в России. Изд. 2. М., 1974. С. 332–333.

42

Родина, 2000, № 1–2. С. 113–114.

43

Толстой Л.Н . Собр. соч. в 12 т. Т. XII. М., 1987. С. 317.

44

Цит. по: Полководцы, военачальники и военные деятели России в «Военной энциклопедии» Сытина. Т. II. С. 28–29.

45

Ключевский В.О . Сочинения. Т.4. М., 1958. С. 253.

46

Знаменитые россияне XVIII – XIX вв. С. 310.

47

Плугин В., Богданов А., Шеремет В . Разведка была всегда… М., 1998. С. 315.

48

Керсновский А.А . Указ. соч. Т. 1. С. 220.

49

Пушкин А.С . Полн. собр. соч. в 10 т. Т. VII. С. 483–484.

50

История родов русского дворянства. Кн. 1. С. 355.

51

Керсновский А.А . Указ. соч. Т. 1. С. 128.

52

История родов русского дворянства. Кн. 1. С. 354.

53

Керсновский А.А . Указ. соч. Т. 1. С. 57.

54

Цит. по: *Бантыш-Каменский Дм* . Указ. соч. Ч. 1. С. 138.

55

Цит. по: Полководцы, военачальники и военные деятели России в «Военной энциклопедии» Сытина. Т. II. С. 47.

56

История родов русского дворянства. Кн. 2. С. 81.

57

Российская дипломатия в портретах. С. 24.

58

Бантыш-Каменский Дм . Указ. соч. Ч. 1. С. 13.

59

История родов русского дворянства. Кн. 1. С. 27–28.

60

Бантыш-Каменский Дм . Указ. соч. Ч. 1. С. 311.

61

Полководцы, военачальники и военные деятели России в «Военной энциклопедии» Сытина. Т. III. С. 327–328.

62

Полководцы, военачальники и военные деятели России в «Военной энциклопедии» Сытина. Т. II. С. 79.

63

Керсновский А.А . Указ. соч. Т. 1. С. 153.

64

Бескровный Л.Г . Указ. соч. С. 342.

65

Полководцы, военачальники и военные деятели России в «Военной энциклопедии» Сытина. Т. II. С. 84.

66

Керсновский А.А . Указ. соч. Т. 2. С. 268.

67

Бартенев А. Иосиф Владимирович Гурко // Военно-исторический сборник, 1914, № 1. С. 16.

68

Бескровный Л.Г . Русское военное искусство XIX в. С. 203–204.

69

Керсновский А.А . Указ. соч. Т. 2. С. 64.

70

Бантыш-Каменский Дм . Указ. соч. Ч. 4. С. 152.

71

Керсновский А.А . Указ. соч. Т. 2. С. 51–52.

72

История родов русского дворянства. Кн. 1. С. 79.

73

Цит. по: *Бантыш-Каменский Дм* . Указ. соч. Ч. 1. С. 168.

74

Бантыш-Каменский Дм . Указ. соч. Ч. 2. С. 256.

75

Полководцы, военачальники и военные деятели России в «Военной энциклопедии» Сытина. Т. II. С. 241.

76

Бескровный Л.Г. Указ. соч. С. 319.

77

Цит. по: *Морозов Н.Н* . Гогенцоллерны в Румынии. // Новая и новейшая история, 1995, № 1. С. 166.

78

Толстой А.Н . Петр Первый. Собр. соч. в восьми томах. Т. VIII. М., 1972. С. 230, 239–240.

79

Бантыш-Каменский Дм . Указ. соч. Ч. 1. С. 31.

80

Павленко Н.И . Птенцы гнезда Петрова. М., 1984. С. 23–24.

81

Цит. по: Полководцы, военачальники и военные деятели России в «Военной энциклопедии» Сытина. Т. III. С. 99.

82

Бантыш-Каменский Дм . Указ. соч. Ч. 1. С. 214.

83

Керсновский А.А . Указ. соч. Т. 1. С. 84.

84

Павленко Н.И . Полудержавный властелин. М., 1991. С. 215.

85

Керсновский А.А. Указ. соч. Т. 1. С. 55.

86

История родов русского дворянства. Кн. 2. С. 7, 9, 35.

87

Зайончковский П.А . Д.А. Милютин. Биографический очерк // Милютин Д.А. Дневник. Т. 1. М., 1947. С. 8.

88

Милютин Д.А . Дневник. Т. 1. С. 42.

89

Захарова Л.Г . Дмитрий Алексеевич Милютин, его время и его мемуары // Милютин Д.А. Воспоминания. 1816–1843. М., 1997. С. 8, 9.

90

Милютин Д.А . Дневник. Т. 1. С. 72.

91

Цит. по: *Захарова Л.Г* . Указ. соч. С. 13.

92

Российская дипломатия в портретах. С. 233.

93

Полководцы, военачальники и военные деятели России в «Военной энциклопедии» Сытина. Т. III. С. 193.

94

Баиов А . К . Заметки по истории русского военного искусства // История русской армии. Российский военный сборник. Вып. 4. М., 1994. С. 128.

95

Керсновский А.А . Указ. соч. Т. 1. С. 84.

96

Бартенев А . Его Императорское Высочество Великий Князь Михаил Николаевич // Военно-исторический сборник, 1914, № 2. С. 5.

97

Бескровный Л.Г . Указ. соч. С. 340.

98

Керсновский А.А . Указ. соч. Т. 2. С. 268.

99

Бартенев А . Его Императорское Высочество Великий Князь Михаил Николаевич. С. 15.

100

Керсновский А.А . Указ. соч. Т. 2. С. 173.

101

Цит. по: Полководцы, военачальники и военные деятели России в «Военной энциклопедии» Сытина. Т. III. С. 216.

102

Керсновский А.А . Указ. соч. Т. 1. С. 157–158.

103

Бантыш-Каменский Дм . Указ. соч. Ч. 2. С. 254.

104

Монархи Европы. Судьбы династий. М., 1997. С. 556.

105

Бартенев А . Его Императорское Высочество Великий Князь Николай Николаевич (Старший) // Военно-исторический сборник, 1913, № 4. С. 4.

106

Бартенев А . Его Императорское Высочество Великий Князь Николай Николаевич (Старший). С. 12–13.

107

Бескровный Л.Г . Русское военное искусство XIX в. С. 335.

108

Керсновский А.А . Указ. соч. Т. 2. С. 65.

109

Бантыш-Каменский Дм . Указ. соч. Ч. 4. С. 110.

110

Знаменитые россияне XVIII – XIX вв. С. 556.

111

Бескровный Л.Г . Указ. соч. С. 171–172.

112

Керсновский А.А . Указ. соч. Т. 2. С. 49–51.

113

Пушкин А.С . Т. VIII. С. 102.

114

Сборник биографий кавалергардов. Т. 2. СПб., 1904. С. 98.

115

Цит. по: *Заичкин И.А., Почкаев И.Н* . Екатерининские орлы. М., 1996. С. 76.

116

Керсновский А.А . Указ. соч. Т. 1. С. 142.

117

Цит. по: *Лопатин В.С* . Суворов и Потемкин. М., 1992. С. 118.

118

Россия, Крым и город русской славы Севастополь. Документы и материалы 1783–1996 гг. М., 1996. С. 23.

119

Записки генерал-фельдмаршала князя А.А. Прозоровского (1756–1776). М., 2004. С. 9.

120

Кавалеры ордена Святого Георгия Победоносца. С. 291.

121

Цит. по: *Заичкин И.А., Почкаев И.Н* . Екатерининские орлы. С. 144.

122

Знаменитые россияне XVIII – XIX вв. С. 108.

123

Анисимов Е.В . Указ. соч. С. 197.

124

Знаменитые россияне XVIII – XIX вв. С. 110.

125

Анисимов Е.В . Указ. соч. С. 208.

126

Бантыш-Каменский Дм . Указ. соч. Ч. 1. С. 244.

127

Бантыш-Каменский Дм . Указ. соч. Ч. 1. С. 131.

128

Керсновский А.А . Указ. соч. Т. 1. С. 54–55.

129

Заичкин И.А., Почкаев И.Н . Русская история: популярный очерк. IX – середина XVIII в. М., 1992. С. 680–681.

130

Цит. по: История родов русского дворянства. Кн. 1. С. 70.

131

Российская дипломатия в портретах. С. 90.

132

Лопатин В.С . Указ. соч. С. 237, 252–253.

133

Бантыш-Каменский Дм . Указ. соч. Ч. 2. С. 231.

134

Масловский Д.Ф . Записки по истории военного искусства в России. Вып. II. Ч. 1. СПб., 1894. С. 1.

135

Румянцев П.А . Документы. В трех томах. Т. II. М., 1953. С. 48.

136

Цит. по: *Заичкин И.А., Почкаев И.Н* . Екатерининские орлы. С. 113.

137

Румянцев П.А . Документы. Т. II. С. 347.

138

Керсновский А.А . Указ. соч. Т. 1. С. 120.

139

Российская дипломатия в портретах. С. 91.

140

Керсновский А.А . Указ. соч. Т. 1. С. 157–158.

141

Бантыш-Каменский Дм . Указ. соч. Ч. 2. С. 241.

142

Лопатин В.С . Указ. соч. С. 14.

143

Знаменитые россияне XVIII – XIX вв. С. 452–453.

144

Лопатин В.С . Указ. соч. С. 226.

145

Цит. по: *Анисимов Е.В* . Указ. соч. С. 371.

146

Керсновский А.А . Указ. соч. Т. 1. С. 107.

147

Знаменитые россияне XVIII – XIX вв. С. 140.

148

Бантыш-Каменский Дм . Указ. соч. Ч. 1. С. 146.

149

Цит. по: *Заичкин И.А., Почкаев И.Н* . Екатерининские орлы. С. 71–72.

150

Лопатин В.С . Указ. соч. С. 208.

151

Бантыш-Каменский Дм . Указ. соч. Ч. 1. С. 175.

152

История родов русского дворянства. Кн. 1. С. 334.

153

Бантыш-Каменский Дм . Указ. соч. Ч. 1. С. 259.

154

Знаменитые россияне XVIII – XIX вв. С. 175.

155

Кавалеры ордена Святого Георгия Победоносца. С. 328.

156

Монархи Европы. С. 332.

157

Керсновский А.А . Указ. соч. Т. 1. С. 109.

158

Бантыш-Каменский Дм . Указ. соч. Ч. 2. С. 55.

159

Знаменитые россияне XVIII – XIX вв. С. 141.

160

Знаменитые россияне XVIII – XIX вв. С. 151.

161

Бантыш-Каменский Дм . Указ. соч. Ч. 2. С. 238.

162

Павленко Н.И . Птенцы гнезда Петрова. С. 103.

163

Керсновский А.А . Указ. соч. Т. 1. С. 55.

164

Цит. по: *Баиов А* . Указ. соч. С. 121.

165

История родов русского дворянства. Кн. 2. С. 57, 168–170.

166

История родов русского дворянства. Кн. 2. С. 172.

167

Анисимов Е.В . Указ. соч. С. 215.

168

Заичкин И.А., Почкаев И.Н . Русская история: популярный очерк. IX – середина XVIII в. С. 726.

169

Записка графа Петра Ивановича Шувалова о своей деятельности // Хрестоматия по русской военной истории. С. 191.

170

Баиов А . Заметки по истории русского военного искусства. С. 132.

171

См.: История отечественной артиллерии. Т. 1, кн. 2. М., 1960. С. 171, 192.

172

Керсновский А.А . Указ. соч. Т. 1. С. 90.

173

Знаменитые россияне XVIII – XIX вв. С. 124.

174

Цит. по: *Анисимов Е.В* . Указ. соч. С. 212.

175

Цит. по: *Бантыш-Каменский Дм* . Указ. соч. Ч. 2. С. 249.